

ТАЛЕРГОФСКІЙ АЛЬМАНАХЪ.

ПРОПАМЯТНАЯ КНИГА

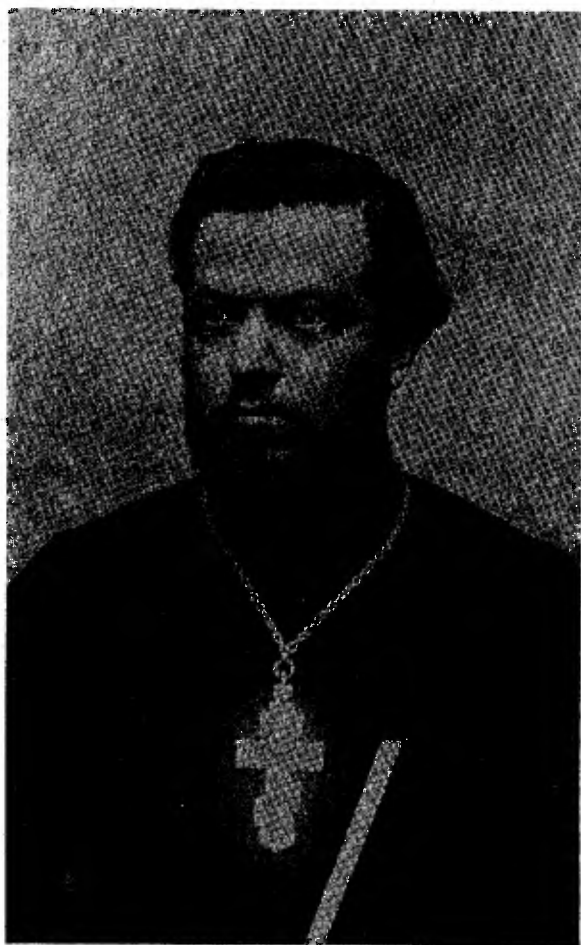
австрійскихъ жестокостей, изувѣрствъ и
насилій надъ карпато-русскимъ народомъ
во время всемірной войны 1914—1917 г. г.

Выпускъ четвертый ТАЛЕРГОФЪ

Часть вторая.

== ЛЬВОВЪ, 1932. ==

Изданіе „Талергофскаго Комитета“.

Свящ. И. Ф. Гудима.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ IV. ВЫПУСКУ

Согласно заявленію въ предисловіи къ III-му выпуску Талергофскаго Альманаха и подлежащій, четвертый выпускъ его — также подъ редакціей С. Ю. Бендасюка — весь отведенъ собственно Талергофу, т. е. започненъ исключительно матеріаломъ, относящимся къ страданіямъ, перенесеннымъ узниками изъ русскаго Прикарпатя въ талергофскомъ лагерѣ.

Большую первую половину выпуска занялъ Дневникъ о. І. Мапчака, вторую же записки о. Генриха Полянскаго и другихъ талергофцевъ, помѣщенный же въ концѣ книги текстъ распоряженія австрійскаго военно-охраннаго вѣдомства отъ 9-го ноября 1914 года является документальнымъ показателемъ-истолкователемъ отношенія высшихъ астр. властей къ талергофскимъ узникамъ, своимъ русскимъ подданнымъ вообще и всему тому, что въ талергофскомъ аду происходило и творилось.

Обиѣе полученнаго и входящагося теперь въ распоряженія матеріала, имѣющаго непосредственное отношеніе собственно къ самому Талергофу, заставило редакцію перейти на шрифтъ меньшій того, которымъ были напечатаны всѣ три предыдущихъ выпуска, болѣе убористый и емкій, изъ иллюстрацій помѣщать преимущественно портреты талергофцевъ, значить, фотографическіе снимки „визитнаго“ размѣра, отказаться отъ желательныхъ, быть можетъ, объясненій и ссылокъ, и вообще принять рядъ мѣръ и сокращеній, съ цѣлю уплотненія печатаемаго и помѣщенія возможно больше манускрипта. По этимъ же соображеніямъ отступлено отъ даннаго въ предъид. выпускѣ обѣщанія помѣстить полный списокъ талергофцевъ и отложено его печатанье къ послѣдней части „Талергофа“, что и практичнѣе, ибо тогда только онъ можетъ быть наиболѣе полнымъ и точнымъ. Все же исчерпать этого матеріала не удалось, въ виду чего слѣдующій (пятый) выпускъ явится дальнѣйшей частью „Талергофа“.

Талергофскій Комитетъ, возглавляемый нынѣшнимъ сеніоромъ Ставропигійскаго Института, Антономъ Осиповичемъ Гудлой, и оставшійся въ своемъ прежнемъ составѣ, указанномъ нами въ предъид. выпускѣ, продолжаетъ свою дѣятельность и исполненіе обязанностей и задачъ, возложенныхъ на него памятнымъ Талергофскимъ Стѣвдомъ 31-го октября 1928 года, хотя изъ-за общаго тяжелаго экономическаго кризиса, неимѣнія необходимыхъ матеріальныхъ средствъ и совпаденія др. крайне неблагоприятныхъ условій и обстоятельствъ, находится въ чрезвычайно трудномъ положеніи и по необходимости ограничить свою дѣятельность къ тому, что слѣдуетъ въ силахъ.

Состоявшееся 1-го ноября 1929 года заседание т. вою. расширенного Талергофского Комитета, съ участием свыше 60 лицъ, вынесъ рядъ постановлений и преподавъ указанія и порученія тѣснѣйшему Талергофскому Комитету, какъ исполнительному органу, по заданію уѣзковѣченія памяти русскихъ героев-мучениковъ вообще и ивданія талергофскихъ матеріаловъ въ частности. Этимъ же заседаніемъ единодушно вынесенъ рѣшительный протестъ противъ возмутительной напасти со стороны перемышльскаго епископа, рьянаго украиномана, Іосафата Коцшывекаго, который въ своей епархіи запретилъ духовенству участвовать въ поминальныхъ богослуженіяхъ по талергофцамъ и въ талергофскихъ торжествахъ.

Въ перемышльской епархіи, по поводу этого епископскаго запрещенія, въ другихъ же двухъ епархіяхъ (львовской и станиславской) по собственному рвенію, священники-украиноманы не разрѣшали служить въ церкзахъ панихиды по талергофцамъ (Куликовъ, Перемышль и др. м.), а подстрекаемая ими мазепинская толпа недопускала русскихъ къ устройству торжественныхъ шествій съ пропаяннымъ крестомъ на кладбище, насильственно, дикимъ нападеніемъ, разстраивала и разбивала такое шествіе, не давала возможности посвятить этотъ крестъ, а въ нѣкоторыхъ селахъ уже, было, вкопанный талергофскій крестъ, ночью ли, днемъ ли, откапывала, ломала и выбрасывала (Сяовичъ, у. Золочевъ, и др.) — словомъ — совершала „подвиги“, перенятые и живьемъ въ XX столѣтіе перенесенные изъ далекаго мрачнаго средневѣковья. Описанія ихъ сплошь и рядомъ встрѣчаются въ русской и чужой періодической печати.

Вообще приходится установить и записать прискорбный, трагическій фактъ, что наши мазепинцы преслѣдуютъ своей дикой и слѣпой ненавистью русскихъ талергофцевъ и въ могилахъ. Злодѣйски и страшно ивмѣнивъ и родинѣ и родному народу, сами они почему-то, точнѣе сказать, именно потому, не могутъ ни простить, ни забыть этимъ невиннымъ жертвамъ своего, мазепинскаго, доносительства, ихъ вѣрности родинѣ-Руси и родному народу, ихъ величія, геройства и непобѣдимости въ мученіяхъ и смерти, до конца, до послѣдняго вадоха. Чуютъ въ нихъ себѣ осудительный приговоръ и мстятъ имъ за это даже за гробомъ, тревожатъ ихъ вѣчный покой, кощунственно посягаютъ на ихъ священную память.

Тѣмъ дороже эти жертвы намъ, русскимъ. Тѣмъ скорѣе, охотнѣе, щедрѣе и дружнѣе должны мы откликаться на всѣ привывы къ сооруженію имъ всенароднаго памятника, достойнаго и ихъ испукительныхъ страданій, правдиваго героизма и праведной кончины и нашего къ нимъ шетива.

Львовъ, ноябрь м., 1931 г.

Дневникъ о. Іоанна Мащака

(изъ Липицы дольной, у. Рогатинъ)

(Черновыя записи химическимъ карандашомъ въ 4 тетрадахъ въ 16^о л., карточки нумерованы).

Декабрь 1914 г.

3. дек. — Морозъ. Вчерашнія предположенія относительно пушечныхъ выстрѣловъ оправдались: Бѣлградъ палъ.

4. дек. — Легкій морозъ. Узнали, что прусская армія подлѣ Г. понесла большой уронъ. В-рѣ сказалъ, что до сихъ поръ еще не было такого страшнаго погрома.

По баракамъ разносятъ и продаютъ: водку, чай, сахаръ, папиросы, иглы, нитки, бумагу и пр. Курятъ и въ баракѣ.

Говорятъ, что 14. дек. выселятъ всѣхъ васъ изъ талергоф. бараковъ и переведутъ куда-то въ другія мѣста.

Явилась коммиссія. Есть г. Вейсъ, г. Смулка, нашъ полковникъ и др. и адвокатъ Ганкевичъ изъ Коломыи, какъ мужъ довѣрія. Допрашиваютъ прежде всего мазепинцевъ, затѣмъ вообще стариковъ и др. Образованы разныя коммиссіи по исполненію работъ. Какой-то ротмистръ и др. созывали Zimmer-комендантовъ и офицеровъ, обратились къ намъ: „Мы къ вамъ имѣемъ дѣло — ваши люди должны помочь намъ сдѣлать причы (нары) и новые бараки; мы хотимъ устроить такъ, чтобы вамъ здѣсь было лучше жить и спать. Помогаящіе при работѣ получаютъ 1/2 хлѣба больше“.

Характерно, что допрашиваемому о. Юркевичу изъ Роздоля, ваявили, что онъ еще 20 авг. освобожденъ и какъ же это вышло, что онъ еще до сихъ

поръ здѣсь сидитъ? Изумилась коммиссія и еще больше самъ о. Юркевичъ.

5. дек — Морозъ держитъ дальше. Днесъ коммиссіи нѣтъ уже за то явились аудиторы. Дождались и госпиталя. Въ другой серіи бараковъ выдѣленъ одинъ баракъ подлѣ госпиталя. Тамъ есть полъ и кровати. Больныхъ перевели туда, между прочими совѣтника Литынскаго, адвоката изъ Галича Копыстьянскаго, помѣщика Жаровскаго и др.

Въ 4 ч. дня стоящій на посту, внѣ барака, солдатъ выстрѣлилъ въ перелѣзавшаго черезъ заборъ крестьянина, но въ него не попалъ, но вмѣсто этого пуля черезъ стѣну барака попала въ другого, какъ разъ тогда молящагося крестьянина и, задѣвъ верхнюю часть легкаго, убила. Убитый называется Иванъ Попикъ изъ села Медыничъ, отецъ 7 дѣтей. Выстрѣлившій солдатъ называется Hauptmann. Стоявшій напротивъ другой солдатъ крикнулъ ему: не стрѣляй! (это былъ чехъ по національности) но напрасно.

Весьма скоро, ибо такъ вечеромъ того же дня, т. е. въ 2 часа послѣ убійства, убитаго крестьянина похоронили. Опасаясь демонстраціи, приказали, чтобы только 4 челоуѣка отнесли покойника на кладбище, но вопреки этому запрещенію, собралось на похороны счены много народа. Хоронилъ о. Владиміръ Венгриновичъ, съ хоромъ отслуживъ панихиду. Покойника перенесли

ближе къ рѣшеткѣ, о. Владиміръ прочиталъ Евангеліе отъ Матѳея... „гонимы будете имени моего ради и убиютъ вы“ и т. д. Эти слова Евангелія потрясающимъ образомъ подѣйствовали на слушателей. За рѣшетку выпущено только 4 людей нести гробъ дальше, но хоръ продолжалъ стоять у рѣшетки и пѣть: „со святыми упокой“...

Сообщили намъ отрадное извѣстіе, а именно, что, наконецъ, пришла конгруа (священническое жалованье). Мнѣ признано по 31. дек. 458*12 кронъ. Священники повеселѣли, такъ какъ въ виду слуховъ, что ихъ куданибудь переведутъ только подѣ надзоръ, надѣются, что у нихъ уже будутъ кое-какія средства къ жизни.

Съ депозитами дѣло неладно: отобрали деньги и не возвращаютъ ихъ, несмотря на многочисленныя настоящія письменныя и иные запросы и требованія.

Кто-то изъ здѣшнихъ сдѣлалъ на коменданта 4-го барака, о. Сѣлецкаго, доносъ прокурору. Вотъ подлостью. Даже здѣсь, въ тюрьмѣ, и то эти мерзавцы продолжаютъ заниматься своимъ отвратительнымъ ремесломъ.

6. дек. — Сегодня ровно 4 мѣсяца тому, какъ меня арестовали. Морозъ легкій. Воскресенье.

Въ 12 ч. „дзядзьо“, (о. Дольницкій) сообщилъ, что въ часъ 30 м. онъ уѣзжаетъ въ Грацъ. Всѣхъ насъ эта вѣсть обрадовала, а старикъ былъ взволнованъ. Въ часъ и 15 м. въ баракъ, мы съ нимъ распростились. Комендантъ, нотаріусъ Телесницкій, прощалъ его отъ имени находящихся въ баракъ, желая счастливаго возвращенія на родину, на закатѣ лѣтъ. Старикъ прослезился. Отъ духовенства я его прощалъ.

— Мы, младшіе, сказалъ я между прочимъ — особенно больно были поражены 31-го августа, когда увидѣли, что между нами находится арестованный также такой глубокой старикъ и все недоумѣвали, почему онъ здѣсь, но затѣмъ узнали, что и это по велѣнію Божію такъ вышло на то, чтобы мы, видя геройское терпѣніе и бодрый духъ старика, легче сами переносили тяготы узнища. Поистинѣ самый видъ Вашъ

вселялъ всегда упованіе и духовный подъемъ въ наши неразъ падающія сердца. Богъ да будетъ съ Вами, а Вы помните о насъ въ молитвахъ Вашихъ.

Затѣмъ сказалъ прощальное слово его старый знакомый о. Ник. Малинякъ. Отвѣтилъ „дзядзьо“ просто, сердечно, трогательно. Велѣлъ намъ въ ежедневныхъ молитвахъ уповать на помощь Пр. Богородицы и по крайней мѣрѣ вздохнуть въ трудную минуту испытанія призывомъ: Пресвятая Богородице, спаси насъ. Пропѣлъ даже краткую молитву ко Пр. Богородицѣ по итальянски, собой на досугъ сочиненную. Потомъ о. Кор. Сеникъ попрощалъ его отъ имени крестьянъ, которые привыкли всегда видѣть и слушать съ умиленіемъ старика-священника во время богослуженій.

Послѣ привѣтствій, мощный хоръ сталъ пѣть нашимъ галицко-русскимъ напѣвомъ: Многая лѣта! Безъ команды, какъ то сами собой многіе стали въ 2 ряда, вдале которыхъ старикъ сталъ медленно идти къ воротамъ, до 2000 человекъ сопровождали „дзядзьо“ до рѣшетки въ то время, какъ хоръ грянулъ свое громовое: „во здравіе, во спасеніе“. Свѣще тысячи шапокъ поднялись въ воздухъ и долго еще были въ движеніи, пока старикъ пропалъ изъ виду.

Явились 2 офицера, врачъ и солдатъ, у д-ра Вл. Могильническаго и спрашивали о подробностяхъ убійства солдатомъ Попика, а затѣмъ пошли на мѣсто искать пулю, но не нашли ея.

Узналъ изъ Лемковщины, вотъ что: Въ арестный домъ при окружномъ судѣ былъ заключенъ польскій ксендзъ изъ м. Дембсвицы возлѣ Ясла. Въ той же камерѣ сидѣли оо. В. Курылло, Качмарчикъ, Вл. Мохнацкій и др. Онъ разсказалъ, что купилъ себѣ пару голубей, которыхъ ему принесло двое мальчиковъ, и вдругъ кто то сдѣлалъ доносъ, что будто это почтовые голуби. Сейчасъ жандармы арестовали его и этихъ 2 мальчиковъ, какъ заподозрѣнныхъ въ шпіонствѣ. Онъ разсказывалъ, что по прибытіи русскихъ войскъ, русскіе офицеры въ Яслѣ вели себя въ полномъ смыслѣ слова по джентельменски. На

ратушѣ города сейчасъ былъ водруженъ русскій флагъ. За все, что получали, платили исправно, сейчасъ и сполна. Кушали въ ресторанахъ, платя золотомъ. Впослѣдствіи явились у городского головы съ просьбой, чтобы имъ выдалъ удостовѣреніе въ томъ, что ихъ поведение было корректно и всѣ дѣла въ порядкѣ. Гостили также у него, ксендза, и онъ не находить достаточно словъ, чтобы высказать самую высокую похвалу по адресу офицеровъ такого отличнаго воспитанія и поведенія.

7 дек. — Вечеромъ привели въ баракъ польскаго ксендза, русскаго подданнаго, нѣкоего Винкентія Замоискаго, члена келецкаго капитула(?), какъ говорятъ

Днесъ уходятъ 14 человекъ обою пола и разнаго возраста, почти всѣ — мазепишцы.

(Примѣчаніе) Въ Славскѣ о. Евстахій Качмарскій держалъ въ церкви, перель отъѣздомъ изъ своего прихода проповѣдь, съ характерной малорусской хитростью. Совѣтовалъ своимъ прихожанамъ поступать такъ: придутъ мадяре — вы скажете, що вы украинцы, придутъ москали — вы скажете что вы староруссы. „Я самъ такъ зробивъ бы — заключилъ твердо и убѣдительно — та боюсь тѣхъ старорусскихъ селянъ, чтобы мене не зрадили“. Характеръ!

Примѣч.: Въ Сосниці, у. Ярославъ, 12 окт. пришли мадяре и схватили 6 крестьянъ за то, что они, слушаясь казаконъ, перевели имъ изъ помѣщичьяго двора скотъ и перевезли сѣно. Схваченнымъ приказали вырыть себѣ могилы и тутъ же этихъ крестьянъ повѣсили и сейчасъ же ихъ, еще теплыхъ, въ этихъ могилахъ похоронили. Имена и фамиліи этихъ несчастныхъ: Иванъ Шусточка, Илько Якимецъ, Илько Яворскій, Николай Снѣгуровскій, Андрей Гордѣй, Иванъ Кошка

8 дек. — Легкій морозъ. По баракамъ раздаютъ причы (нары) Днесъ ходили къ рапорту всѣ, кто писали Majestätsgesuche (прошенія на высочайшее имя). Полковникъ принялъ ихъ очень вѣжливо и заявилъ, что прошенія не посланы командѣ потому, что много

требованій и такъ уже улажено, а тѣ, которыя еще не улажены, суть распоряженія, впрочемъ же прошенія должны идти по почтѣ, а не официальнымъ путемъ. Кто хочетъ, можетъ и теперь еще такое прошеніе послать по почтѣ. Сообщилъ, что тѣ, которые считаются пол тически неблагонадежными и кото-

Свящ. о Іоанигъ Мащакъ,

настоятель прихода Липица дольня, уѣздъ Рогатинъ, въ Галичинѣ, авторъ помѣщеннаго здѣсь дневника.

Снимокъ сдѣланъ въ Талергофѣ и, подобно дневнику, вѣрно свидѣтельствуетъ о тяжеломъ положеніи заключенныхъ въ Талергофѣ. Всякій, кто зналъ о Іоанна Мащака до войны, его полный, здоровый и бодрый видъ, жизнерадостное лицо, привѣтливый и скорѣе мечтательный глаза, пораженъ перемѣной запечатлѣнной на этомъ снимкѣ и происшедшей въ теченіе 2—3 мѣсяцевъ пребыванія въ Талергофѣ.

Родился въ 1861 г. Уже задолго до войны выдающийся галицко-русский общественный дѣятель, народный писатель и организатор. До войны долготѣлнй членъ верховной политической галицко-русской организаціи „Русскій Народный Совѣтъ“ и членъ правленія политич. О-ва „Русская Рада“ во Львовѣ, членъ всѣхъ центральныхъ гал.-рус. организацій и О-въ. Авторъ популярной иллюстрир. Библии, народныхъ разсказовъ и поучительныхъ и политическихъ статей въ гал.-рус. изданіяхъ. Талантливый проповѣдникъ и ораторъ на богослуженіяхъ и совѣщаніяхъ общихъ (генеральныхъ) собраній на родно-просвѣтительнаго О-ва им. М. Качковскаго во Львовѣ. Доблестный и неустрашимый борецъ за права родного народа подѣлителю австрійскимъ владычествомъ.

Редакция.

рыхъ какъ „руссофиловъ“ представили староства, останутся здѣсь до конца войны, дабы случайно не попали на театр военныхъ дѣйствій и не нанесли вреда своей родинѣ, „освобожденные“ же будутъ отпущены на свободу (не въ Галичину, разумѣется). Проф. д-ръ Николай Антонецъ жаловался полковнику на то, что все время, особенно вначалѣ, обращались съ нами, какъ съ обыкновенными преступниками и угрожали намъ разстрѣломъ. Полковникъ извинялся, заявляя, что онъ былъ такъ поинформированъ, и потому не виноватъ въ строгомъ обращеніи съ нами.

Примѣч.: Михаила Дублянскаго изъ Майдана липовецкаго (у. Перемышляны) одинъ солдатъ укололъ 6 сент. въ грудь штыкомъ на поляхъ Талергофа. Онъ ватѣмъ вылечился и самъ мнѣ это разсказывалъ.

Изъ Самбора, 6-го сент., ѣхалъ транспортъ арестованныхъ въ Угорщину. Въ Лавочномъ, на станціи, вошелъ въ вагонъ фенрихъ (прапорщикъ). Въ вагонѣ ѣхали: оо. Северъ Ясеницкій, Гр. Билинскій, Монастырскій, г. Гмытрикъ,

Куцѣй, студ. унив. Сковронъ¹⁾, крестьяне изъ окрестностей Борыслава, нар. Лютикъ и др.

Конвоирующій ихъ въ вагонѣ воинъ не хотѣлъ фенриха впустить. Но фенрихъ сказалъ, что онъ хочетъ только посмотреть, и какъ-то втиснулся внутрь и, не говоря ни слова, перваго о. Севера Ясеницкаго со всего размаха ударяетъ кнутомъ по головѣ. Шляпа съ священника слетѣла на землю, фенрихъ ударилъ еще разъ кнутомъ, а потомъ ударилъ рукой по лицу съ обѣихъ сторонъ. На это о. Северъ успѣлъ только сказать: Gott wird uns richten (Богъ намъ судья). Эти слова привели фенриха въ крайнее бѣшенство, онъ еще злобное сталъ бить, крича: Was, Gott, Gott, Gott! и ударяя при каждомъ словѣ кнутомъ. Только послѣ того, какъ о. Северъ сказалъ, что самъ служилъ нѣкогда въ арміи вольноопредѣляющимся, и былъ офицеромъ, фенрихъ пересталъ бить его, а бросился бить другихъ арестованныхъ. Фенрихъ очевидно не нѣмецъ (говорилъ хорошо по польски). Такія же истязанія арестованныхъ продолжались и въ Марошъ Ляборъ (въ Угорщинѣ). Поѣздъ остановился и заключенные выходили изъ вагона и подходили къ ужину и тогда ихъ били всѣхъ, даже женщинъ. Г-жу Стеранку, жену о. Севера Ясеницкаго и др., поочередно. Устроили это такъ, что оставили 4 солдатъ съ палками и солдаты били несчастныхъ, кгда они проходили. Тогда о. С. Ясеницкій выходилъ изъ вагона послѣднимъ. Солдатъ мадьяръ копнулъ (ударилъ ногою) его сапогомъ такъ сильно, что свалилъ наземь, затѣмъ схватилъ его за шиворотъ, вывелъ передъ находящуюся на вокзалѣ публику и представилъ, показывая пальцемъ: попп! попп! ударилъ

¹⁾ Какъ въ семъ случаѣ, такъ и въ др. нѣкоторыя фамиліи или же названія мѣстностей, могутъ оказаться неточными. Карандашный почеркъ подлинника кое-гдѣ неравнорѣчивъ, такъ, что несмотря на всѣ старанія при его рабборѣ и передачѣ, могутъ вкрасться неточности и ошибки, объ исправленіи которыхъ читателей просимъ.

Редакция.

его со всей силы въ зубы, потомъ билъ его въ спину. Одинъ солдатъ билъ о. Хомицкаго полѣномъ, а другою большимъ камнемъ, держимымъ въ рукѣ.

9. дек. — Морозецъ. Въ 9 ч. утра прибыли 160 русскихъ плѣнныхъ солдатъ. Приведенные своимъ подѣофицеромъ, выстроились передъ баракомъ, бойко и складно спѣли русскую пѣсню, затѣмъ на команду: шляпу долой! открыли головы и спѣли стройно и важно: Отче нашъ. Присутствующіе австрійскіе офицеры и солдаты также сняли шапки. Передъ завтракомъ (супомъ) спѣли речитативомъ. „Отче нашъ“. Все это производитъ на нашихъ крестьянъ чрезвычайно сильно впечатлѣніе. Они глубоко тронуты, говорятъ: вотъ видимъ теперь, чья вѣра твердша. Русскіе плѣнные — это мастера, (столяры, плотники и др.), командированные сюда строить новые бараки, дѣлать „причи“ въ баракахъ и т. п. У нихъ есть топоры, долота, пилы и др. снаряды.

Днесь многихъ допрашиваютъ аудиторы. Нѣкоторые пишутъ прошенія. Кое-кто отпущенъ на свободу. Мы снова собираемся составить Majestätsgesuch. Послѣ обѣда были мы, вдвоемъ съ о. Сеникомъ, у судебного слѣдователя Фиды. Заявилъ намъ, что приказано намъ отправиться въ Вѣну, въ гарнизонный арестный домъ, и тамъ будетъ разбираться „дѣло“ всѣхъ членовъ „Народнаго Совѣта во Львовѣ“. Это заявленіе обезпокоило меня и о. Сеника. Въ то время какъ другіе ждутъ скорого освобожденія, нѣкоторые же понемногу и въ самомъ дѣлѣ выходятъ (совѣтникъ суда Вл. Костецкій уѣхалъ вчера), мы идемъ на судъ! Черезъ 7—8 дней должны мы туда отправиться. Съ финансами у меня крайне круто: конгруи все еще не получилъ, денегъ нѣтъ. Разстанусь съ Янкомъ (*сынкомъ*) и не знаю, гдѣ потомъ найду его.

Господи, что же то насъ ждетъ еще впереди? Такъ безпокоюсь... Д-ръ Николай Павловичъ (Глѣбовицкій), какъ юристъ, успокаиваетъ меня всячески, дай ему Богъ здоровья, которое, къ со-

жалѣнію, въ послѣднее время у него что-то портится.

Вечеромъ плѣнные русскіе воины долго пѣли свои чудныя пѣсни стройно и мощно, но намъ прислушиваться съ близка уже нельзя: караульные гонятъ насъ не только отъ рѣшетки, но даже съ гофа (двора) въ бараки. Вотъ злоба!

10. дек. — Спалъ съ полуночи до утра плохо. Все кручина. Аппетитъ палъ совсѣмъ.

Распоряжено, что 10 нашихъ бараконъ должны дать 400 чел. на работы. Работникамъ обѣщано дать двойной столъ и 20 гел. въ день, но, хорошо зная, что это значитъ, наши крестьяне не хотѣли идти, потому посты стали выгонять ихъ всѣхъ изъ бараконъ на гофъ и тамъ сами стали изъ присутствующихъ выбирать подходящихъ. Постовой выгналъ и о. Скоморовича, еще больного отъ недавняго воспаленія легкихъ и не помогло то, что другіе за него заступались, ажъ когда узналъ объ этомъ вахкомендантъ, послалъ солдата, чтобы его воротили. Нѣкоторые караульные стали даже бить крестьянъ. За нихъ заступился о. Ст. Яворскій и сказалъ: „Такъ то выглядятъ тѣ льготы, которыя намъ обѣщаль г. полковникъ! А вѣдь онъ бить запрѣтилъ“. За произнесеніе этихъ словъ солдатъ тутъ же записалъ о. Ст. Яворскаго къ рапорту на завтра.

Днесь я босъ: далъ въ починку башмаки, подкинуть подметки. Ужасъ, какъ грабить насъ одинъ сапожникъ изъ Бучача: за само подшиваніе подметокъ беретъ по 4 кроны, съ меня, конечно, сорветъ больше, ибо мои башмаки шире.

Своятъ очень много строителейныхъ матеріаловъ и должны будто бы построить еще 30 бараконъ. Форменный городъ изъ бараконъ выростетъ въ Талергофѣ. Плѣнные русскіе солдаты работають какъ столяры и плотники, но намъ строго запрещено обмѣняться съ ними словечкомъ. Нашимъ работникамъ выплачено за день по 20 гелл., а плѣннымъ по 60 гелл. Они строятъ бараки по русскому образцу, вкапывая въ землю.

На жалобу о. Сѣлецкаго, что по-
стовые гонятъ священниковъ на тяже-
лыя физическія работы, капитанъ зая-
вилъ, что этого больше не будетъ и
что Wasche (стража) получить за это вы-
говоръ. Мы успокоились.

11. дек. — Всю ночь лилъ дождь.
Я немного успокоился относительно мо-
его переѣзда во Вѣну. Да будетъ воля
Твоя, Господи, я ни въ чемъ не вино-
вентъ.

Утромъ, кромѣ уже установленнаго
числа работниковъ, даваемыхъ нашимъ
баракомъ, требуютъ еще 10 работни-
ковъ добавочно. Все это да и обраще-
ніе съ этими работниками вообще —
одно издѣвательство. Вотъ и видимъ,
какъ помогло заявленіе капитана! Чего-
то опять бѣсятся. Мы замѣтили, что съ
поры какъ мы взяли нашъ Majestätsgesuch
обратно, съ нами обращаются ху-
же прежняго.

На дворѣ настала ужасная, непро-
лазная грязь, всѣ сидимъ въ баракахъ,
многіе недомагаютъ и лежатъ, воздухъ
спертый, скука, нудьга (тошнота).

Пришелъ Юсифъ и прочиталъ пись-
мо отъ сына Ивана: онъ въ Бѣльскѣ,
съ женою и ребенкомъ. Пишетъ, что
Борыничи разрушены, его домъ въ Хо-
дуровѣ ограбленъ, онъ безъ одежды,
недостатокъ средствъ къ существова-
нію и пр. под.

Въ 10 ч. тронулось похоронное
шествіе; подняты 3 гроба: свящ. о. Спры-
са, одного инженера и одного крестья-
нина. Печальный видъ! Хоръ пѣлъ, мед-
ленно двигаясь черезъ „гофъ“, маршъ
Бетговена. Моливленно трогательное на-
строение. Людей пошло немного, ибо
слякоть. Когда шествіе проходило ми-
мо плѣнниковъ, всѣ они снимали шап-
ки, стояли смиренно и чинно, почтитель-
но, не такъ, какъ это водится у воен-
ныхъ у насъ, что однажды австр. офи-
церъ привелъ солдатъ въ польскій ко-
стелъ, раввалился въ послѣдней скамей-
кѣ и все время за богослуженіемъ те-
ребилъ (щелкалъ) орѣхи. Знаменательно!
(*Особая зам.*): По 11. дек. 163 успо-
шихъ, 16 проколотыхъ, одинъ застрѣ-
ленъ.

Вечеромъ разошлась вѣсть, что въ
3-й серіи бараконъ нѣкоторые заболѣли
тифомъ и ихъ забрала въ госпиталь ба-
рака. Навѣрно и у Василя Мартынюка и
Франка Горянского и др. (*прихожане о.
Машка*) развинуется тифъ послѣ извѣст-
ной и незабвенной вшивой бани... вотъ
издѣваются надъ людьми!

12 дек. — Грязь и топъ и лужа и
слякоть. Всѣ сидимъ въ баракахъ, воз-
духъ спертый.

Вчера я внесъ дополненія къ мо-
имъ показаніямъ, на руки сов. суда Фи-
ды, передалъ официалу. Днесъ ожида-
ютъ явки комиссіи, освобождающей отъ
дѣльныхъ заключенныхъ, быть можетъ
явится и Фида, пойду къ нему и еще
разъ съ нимъ потолкую.

Быль у меня Антоній Б., подарилъ
ему пару чулокъ. Сказалъ, что у нихъ
тифа нѣтъ, что слухи, кажется, навѣр-
ны, хотя, правда, послѣ купанья дѣйстви-
тельно много людей заболѣло.

Днесъ допрашивала комиссія о. Ев-
генія Хиляка изъ Мервичъ. Комиссаръ
Смулка спросилъ, за что арестованъ.

— Не знаю, за что, — отвѣтилъ
о. Евгений.

- А какая читальня у васъ?
 - Общества им. Качковскаго.
 - А вы состоите ея членомъ?
 - Разумѣется.
 - Ну, вотъ за это и арестованъ!
- заключилъ комиссаръ рѣзко.

Всѣ священники вносятъ въ комис-
сію прошеніе, чтобы были допрошены
всѣ вмѣстѣ и въ одинъ день.

13. дек. — Всю ночь лилъ дождь.
Капало съ крыши на лица спящихъ,
ихъ берлогу и платье. Человѣкъ отъ
этихъ холодныхъ каплей просыпается и
еще больнѣе чувствуетъ всю беспомощ-
ность и безнадежность своего положенія.

Слышно, что „дзядзя“ (о. Дольниц-
каго) забрали въ Грацъ, въ монастырь.
Тамъ старичку-праведнику все таки бу-
детъ, думаю, сносно и уютно и покой-
но. По крайней мѣрѣ отдѣляется отъ
вшей и спать будетъ спокойно.

Нашъ Majestätsgesuch подписали
первыми: д-ръ Н. П. Глѣбовицкій, о. д-ръ

Н. Малинякъ и др. Днесъ долженъ быть
отправленъ по почтѣ.

Днесъ воскресенье. Люди не захо-
тели идти на работу. Вдругъ изобрѣ-
тательный капитанъ Шмидъ велѣлъ
призвать всѣхъ насъ, священниковъ, къ
воротамъ и воззвалъ насъ повліять на
народъ, чтобы шель на работу. Ска-
залъ, что вы молъ, многіе здѣсь тер-
пите невинно, подобно первымъ хрестіа-
намъ въ древнемъ Римѣ, терпите изъ-за
ложныхъ доносовъ разныхъ „Schuff-овъ
(негодяевъ) но потерпите еще, ибо что
подѣлаете? и т. п. Часть людей все же
пошла на работу.

Отправляющій здѣсь свою дол-
жность официалъ полиціи называется
Тымчукъ. Этотъ панъ пришелъ сюда
днесъ уладить дѣло Шепелюка и вы-
разился о заключенныхъ: „Mistvieh“
(скотъ), худоба“ и т. п.

Въ Перемышлѣ, идя черезъ рынокъ,
офицеръ вынулъ саблю и замахнулся
ударить идущаго подъ конвоемъ о. Ма-
кара. Конвоирующій жандармъ (русинъ),
заявилъ, что онъ теперь въ службѣ и
со словомъ „спрычьте саблю“, вытянулъ
протизъ офицера штыкъ.

14 дек. — Грязь ужасная. Снѣгъ
исчезъ, люди барахтаются въ болотѣ.
Въ баракахъ многіе составляютъ разныя
„поданья“ (прошенія) безъ малѣйшей
надежды на успѣхъ. Особенно усердно
секретарствуютъ о. Діонисій Кисѣлев-
скій, адвокатъ д-ръ Н. П. Глѣбовицкій.
Говорятъ, что нужно бы прссить объ
интернированіи во Вѣнѣ, ибо тамъ бу-
дутъ теперь квартира и столъ дешевле.
Мнѣ предстоитъ поѣздка во Вѣну. Я
приготовился, я не виновентъ ни въ чемъ.
Жизнь въ гарнизонномъ арестѣ, гово-
рятъ знатоки, въ сравненіи со здѣшнеею
теперешнею жизнью, куда лучше. А толь-
ко много хлопотъ и возни съ тѣмъ, какъ
мнѣ достать слѣдующую мнѣ конгруу,
захотятъ ли выплатить ее Янку замѣ-
сто меня. Надо таки гдѣнибудь что-то
занять, ибо крайняя бѣда.

Полеживаю — нездоровится. Возлѣ
меня лежитъ нотаріусъ Телесницкій. Все
думаю о своей близкой поѣздкѣ въ Вѣ-
ну Вернусь ли я еще въ Талергофъ? —

не знаю. А быть можетъ, тамъ, во Вѣ-
нѣ, придется и умереть.

Пишу эти записки и передамъ ихъ
нотаріусу Телесницкому, одну же часть
передамъ Нестору Цыбику на храненіе
У Телесницкаго есть, кромѣ записокъ,
списки Majestätsgesuch-a, прошеніе въ
нунціатуру, телеграмма кардиналу Пиф-
флю (во Вѣнѣ) и пр., и также 18 кар-
тинокъ изъ нашей талергофской жизни,
составленныхъ Іоанномъ Михайловичемъ
Вербицкимъ. Въ союзники по изданію
принялъ я д-ра Николая Глѣбовицкаго.
Если бы я умеръ, а онъ могъ разобрать-
ся въ моихъ запискахъ, прошу передать
ихъ ему, пусть онъ потрудится, сосре-
жетъ ихъ и перевезетъ на родину.¹⁾ Пи-
сать въ гарнизонной тюрьмѣ не будетъ
возможно. При входѣ туда отнимаютъ
у человѣка все — значитъ, уцѣлѣть мо-
жетъ только то, что здѣсь я записалъ.

Думаю, что Богданъ (*сынъ*) не при-
ѣхалъ въ Галичину, но остался въ М.
Bolešlav. Какъ ему тамъ жистется, да
дываюсь, навѣрно не весело. Денегъ у
него нѣтъ, бѣдствуетъ... Но Господь по-
можетъ ему перенести это лютое вре-
мя. Даль бы я не знаю что за вѣсточ-
ку изъ Липицы.²⁾ Что тамъ теперь про-
исходитъ? Здоровы ли и невредимы всѣ
мои дражайшіе? Моя жена, предобрая,
любая Антося, мои дѣти: Соня, Вѣра,
Николка, Дозикъ, мой дорогой, любый
и праведный зять Θεодосій (*adv. д-ръ
Θ. С. Залца*) и его дѣтки? Ахъ, кабы я
зналъ, что всѣ вы живы? Вѣсть эта
укрѣпила бы мой унывающій духъ.

Надѣется выѣхать туда нотаріусъ
Телесницкій изъ Делятина. Прошу его
увѣдомить ихъ въ Липицѣ о моемъ здо-
ровьи. Онъ надѣется поѣхать въ Румы-
нію и по пути побывать въ Делятинѣ.
Поддай ему, Господи, силъ и исполни
его желаніе. Онъ тоже отецъ и мужъ
и подобно мнѣ болѣетъ и страждетъ,
томясь неизвѣстностью относит. дѣ-

¹⁾ Судьба распорядилась иначе: авторъ за-
писокъ вернулся на родину и нынѣ живъ, хотя
и боленъ, а д-ръ Н. П. Глѣбовицкій умеръ въ
Талергофѣ. *Прим. ред.*

²⁾ Авторъ записокъ — настоятель пряхо-
да Лнаица дольная. *Прим. ред.*

тей и жены. Такихъ какъ онъ и я у насъ теперь сотни, тысячи... А что и говорить о 70-80-лѣтнихъ старикахъ? Не перенести имъ нынѣшней бури событий и тяготъ своей жизни, а все таки имъ хочется еще жить и хоть бы увидѣть, что дальше наступитъ. Не дай Богъ помереть здѣсь, на чужбинѣ! Ежедневно молось: „христіанскія кончины живота нашего, безболѣзненны, непостыдны, мирны“ (а мысленно добавляю: „дома, въ кругу родныхъ“) и т. д. Можетъ быть, Господь услышитъ мя грѣшнаго и въ добавку къ столь многимъ благодѣяніямъ, отъ Него многу полученныхъ, не откажетъ мнѣ и въ этой милости, дабы сугубо сердце мое было въ долгу предъ Нимъ, преисполненное благодаренія и любви..

Я сталъ много-много набожнѣе здѣсь, начиная съ 6-го августа 1914 г., того рокового дня. И хранила меня рука Господня до сихъ поръ и милость и благость Его почилъ на мнѣ. Изъ Рогатина во Львовѣ конвоировали меня 2 жандарма, добрые люди, обращались со мной хорошо. И въ тюрьмѣ во Львовѣ было мнѣ, какъ узнику, сносно. И даже въ страшный день 31-го августа, во время нашего шествія будто бы на Голгофу, никто не ударилъ меня. Перенесъ всѣ истязанія и издѣвательства, со стороны конвоирующихъ насъ солдатъ въ вагонѣ и „публики“, т. е. бѣснующейся черни, на станціяхъ, съ 31-го августа по 4-ое сентября, я пріѣхалъ въ Талергофъ благополучно. Тутъ, нечуя въ полѣ, подъ открытымъ небомъ, можно было не разъ простудиться. Можно было много разъ попасть подъ „кольбы“ (приклады ружей) солдатъ „вахи“ (стражи), которая съ перваго же дня брала лишь однихъ священниковъ на тяжелыя физическія работы: рубку дровъ, къ насосу, привозу воды и т. п. А меня все это миновало. Затѣмъ ходилъ и я, но мало, 2 — 3 раза всего. На всякомъ шагѣ благость Божія была на мнѣ. Порой не имѣлъ при себѣ ни геллера, и находились и тутъ добрые люди, которые давали мнѣ взаймы и, надѣюсь, дали бы и въ будущемъ. Могу сказать, что наши русскіе люди относятся ко мнѣ съ ува-

женіемъ и это уваженіе мнѣ всегда окъзываютъ. Не думалъ даже, что такимъ почетомъ пользоваться въ русской средѣ. Самые близкіе — это мои Schlafkammerden (товарищи по нарамъ): Богданъ Богдановичъ Дѣдицкий, о. Діонисій Кислевскій, г. Теофиль Костецкій, нотаріусъ Телесниціи и др. съ одной стороны, а съ другой: оо. Каленюкъ, Гр. Процькъ, Іоаннъ Винниціи и др. Шурья же: Вик. Красиціи обращается со мной холодно, а „Инцифоръ“ демонстративно холодно, а почему — не знаю. Даже малый Ярославъ Красиціи, какъ будто сторонится отъ меня. До сихъ поръ ни разу не заговорили мы о семейныхъ отношеніяхъ ни вообще о чемъ бы ни было, какъ если бы все было извѣстно и говорить не о чемъ. Охладѣли семейныя чувства, братъ, брату сталъ чуждъ. Такое время, такой міръ теперь — всякъ про себя.

Замѣчу еще одно: Записки составляю по малорусски, боясь ревизій (обыска), а то если бы я писалъ ихъ общерусскимъ языкомъ¹⁾ то читая это, сказали бы: вотъ, видите, какой „русофиль“! Слово это страшно звучитъ для нѣмецкаго уха и попадаютъ люди, которые въ испугѣ отрещиваются отъ всего „русофильства“, хотя это слово — одно курьезное недоразумѣніе, ибо какъ русскій человекъ можетъ не быть „русофиломъ“, да и вообще онъ не „русофиль“, а просто русскій, а „русофиломъ“ можетъ быть чехъ, полякъ и т. д. Чудно все это! Но не признавая русской націи у Карпатъ, приходятъ въ ужасъ отъ „русофильства“ ея представителей. И все же приходится серьезно толковать о „русофильствѣ“ и даже оправдываться. Будучи допрошенъ въ львовской тюрьмѣ, я на этотъ воп-

¹⁾ Вопреки этому постановленію и желанію на дѣлѣ авторъ составилъ свои записки не по малорусски, а по русски, т. е. русскимъ литер. языкомъ, съ такими лишь незначительными отступленіями; какъ то, что у него окончаніе неопред. наклон. — ти, оконч. прилагат. — ого, ѣи и т. п., т. е. съ тѣми же формами, которыми въ Галичинѣ, до войны, русскіе обходили запретъ австрійской администраціи писать и подавать властямъ что нибудь на чистомъ русскомъ литерат. языкѣ. *Прим. ред.*

рось отвѣтилъ, что у насъ не разбираются въ русской идеологии или въ этомъ самомъ — какъ кому-то называть угодно — руссофильствѣ. У насъ есть — сказалъ я — четверное руссофильство. И такъ:

1) *политическое*, которое только въ самое послѣднее время нашло себѣ представителей;

2) *религіозное*, которое вылилось въ послѣдніе 3 года въ переходѣ отдѣльныхъ нашихъ селъ въ православіе;

3) *національное* и

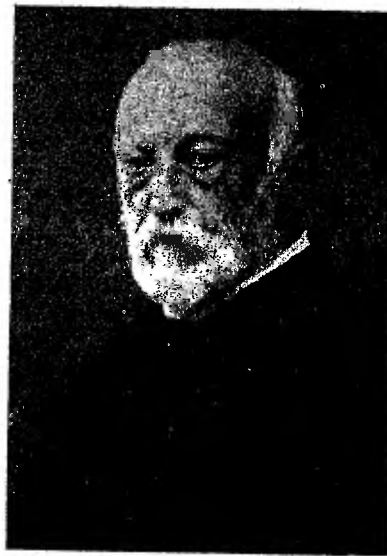
4) *культурное*.

Два послѣднихъ представлены у насъ издавна многочисленнѣйше и съ ними ничего не подѣлаешь. Это руссофильство явно выступаетъ съ 1848 г. оно было провозглашено бл. п. о. Іоанномъ Наумовичемъ въ 1866 г. въ львовскомъ сеймѣ. О немъ говоримъ мы на всѣхъ собраніяхъ и пишемъ во всѣхъ гаветахъ и книгахъ и никто насъ не обвинилъ, что мы ipso facto питаемъ также политическое и религіозное руссофильство. У насъ не разбираются въ этомъ, и разъ ктонибудь указалъ на меня, какъ руссофила, то меня считаютъ уже изъ-за этого и измѣнникомъ державы и церкви. А это не такъ. Такъ быть не должно, Судья выслушалъ меня внимательно и отмѣтилъ въ протоколѣ мою принадлежность, т. е. приверженность, вѣрность, національному и культурному руссофильству.

Послѣ обѣда развлекла меня немного полученная интересная вѣсть, именно Д-ру Собину написалъ изъ Новаго Тарга его меценатъ, между прочимъ, что „война клонится къ концу“. Далъ бы то Господь!

Совѣщалъ я днесъ съ о. Сенникомъ. Дѣло въ томъ, что мы не желали бы вѣять подъ штыками. Постановили просить капитана, чтобы соизволилъ самъ или же повліялъ на полковника выдать распоряженіе, чтобы насъ сопровождали безъ ружья воины-подъ-офицеры. Не знаемъ, удастся ли намъ добиться этой маленькой уступки. Попробуемъ. Тяжело вѣкать подъ штыками. Вдоволь до сихъ поръ, въ теченіи 4^{1/2} мѣсяцевъ на смотрѣлись мы на эти штыки, проти-

вѣло до крайности. Предполагаемъ мы также, что съ южнаго вокзала во Вѣнѣ нужно будетъ взять автомобиль, ибо разстояніе большое, а у меня нѣтъ теплаго платья и могу простудиться, а въ автомобиль пріѣдемъ въ гарнизонную тюрьму быстро и замерзнуть не хватитъ времени. Тамъ, въ гарнизонѣ, будетъ произведенъ у насъ строгій обыскъ и отнимутъ у насъ послѣдній клочокъ бумаги, такъ что тамъ продолжать своихъ записокъ не смогу. Беру съ собой лишь мое дорогое Св. Писаніе и моли-

Свящ. о. Исидоръ Дольницкій изъ Львова,

родился въ 1830 г., въ мѣстечкѣ Залозцахъ, у. Броды, въ Галичинѣ.

Талергофскій снимокъ.

Посѣщалъ гимназію въ Бродяхъ, но уже послѣ окончанія 2-го класса и на 12 г. жизни вывезенъ былъ въ Римъ и отдаанъ на воспитаніе и образованіе въ тамошнюю гр.-кат. духовную семинарію (т. н. Athanasianum), послѣ окончанія которой тамъ же поступилъ на высшій богословскій факультетъ.

Рукоположенный въ іереи, состоялъ священникомъ - сотрудникомъ при кафедральномъ храмѣ св. Георгія во Львовѣ въ теченіе 4 лѣтъ.

Вызванный въ Римъ снова сталъ въ той же гр.-кат. духовной семинаріи духовникомъ и учителемъ церковнаго устава и церк. пѣнія. Послѣ 30 лѣтъ былъ снова переведенъ во Львовъ и до самого начала войны былъ преподавателемъ церк. устава и пѣнія въ гр.-кат. дух. семинаріи. Какъ профессоръ считался лучшимъ знатокомъ церковнаго устава и пѣнія и церковно-славянскаго языка.

Лѣтомъ 1914 г. проводилъ канікулы въ монастырѣ СС. Василианокъ въ Словитѣ, уѣздъ Перемышляны, гдѣ и застала его война. Отступая передъ наступающими русскими войсками, австрійскія военныя власти внезапно арестовали его на полѣ какъ „шпіона“ и вѣстали его пѣшкомъ идти вмѣстѣ съ отступавшимъ авст. военнымъ отрядомъ. Когда послѣ продолжительнаго марша старикъ въ изнеможеніи падалъ на дорогѣ, его посадили солдаты на пушку и везли, строго приказавъ ему, какъ „шпіону“, чтобы смотрѣлъ все время на ослабительное (августовское) солнце и не смѣлъ разглядываться по сторонамъ. Привезли его во Львовъ, откуда съ транспортомъ въ 800 человекъ, другихъ арестованныхъ русскихъ, былъ онъ вывезенъ въ Талергофъ.

Послѣ 3-мѣс. заключенія былъ освобожденъ и поселенъ на нѣкоторое время въ Грацѣ, а затѣмъ во Вѣнѣ. По окончаніи войны, вернулся во Львовъ и жилъ въ духовной гр. кат. семинаріи, затѣмъ совсѣмъ немощнымъ старикомъ пробылъ послѣдніе годы въ монастырѣ СС. Василианокъ во Львовѣ, гдѣ и скончался въ 1924 г., на 94-омъ году жизни.

твოსловъ. Быть можетъ намъ тамъ позволяютъ чигать книги изъ гарнизонной бібліотеки. Надѣюсь, что пробуду тамъ 4 недѣли не болѣе и что къ процессу меня не привлекутъ, за мной вѣдь никакой вины нѣтъ.

На днесь, къ вечеру, нашъ баракъ (VIII) заказалъ себѣ хоръ съ концертомъ. Собрали для него 4 кр. 20 гел. на чай. Вотъ пропсютъ рядъ пѣсенъ и развеселятъ и ободрятъ насъ немножко.

Прогрессъ у насъ здѣсь. У насъ уже есть госпиталь. Да, и есть 2 сестры милосердія и вотъ какой случай днесь произошелъ: Приходить 70-лѣтній старикъ Алекс. Полянка и раздѣвшись, положилъ пальто на стулъ. Входитъ сестра милосердія, сбрасываетъ это пальто на землю и кричитъ: „что ты хотѣлъ бы мнѣ завшить комнату?“ — Другой случай: Пришелъ о. Дроботъ, желая посѣтить больного іеремонаха о. Козаркевича. Входитъ сестра милосердія и кричитъ о. Дроботу (въ ясѣ): „маршъ отсюда, что, ты не знаешь, когда назначено время для посѣщенія больныхъ?“ Вотъ это католическія сестры милосердія, монашенки! Къ гр.-католич. священникамъ, онѣ обращаются не иначе какъ чрезъ „Du“ (ты), грубо, гнѣвно и вызывающе. И это западная культура! На что-то подобное у насъ не осмѣлился бы и пьяный бродяга, а тутъ, кто? — женщина, нѣмка, сестра милосердія, монахиня. Бѣдныя тѣ больныя, за которыми ухаживаетъ такая „сестра милосердія“, лучше было бы имъ безъ нея.

Группѣ въ 51 чел., прочитали освобожденіе отсюда, именно однимъ полное освобожденіе, а другимъ частичное — будутъ конфинированы въ Леобенъ, въ числѣ послѣднихъ 3 судьи: Бачинскій, Чеснокъ и Дѣдицкій. Отпускаютъ уже кое-кого и изъ нашей партіи. Объяснили свободу и о. Свистуну; онъ въ первый моментъ обрадовался, но затѣмъ отказался отъ этого благодѣянія. Дѣло въ томъ, что его семья насчитываетъ 8 душъ и жить на собственный счетъ, не имѣя 2000 кронъ дохода невозможно, у него доходовъ нѣтъ, вотъ онъ и остался дальше въ Талергофѣ и сидитъ вмѣстѣ съ неосвобожденными.

Узналъ, что о. Сенникъ переговоривалъ съ поручикомъ Пехтолдомъ, прося его о томъ, чтобы насъ обоихъ конвоировали солдаты безъ штыковъ и чтобы намъ была выплачена вся конгруа.

Есть виды на то, что можно будетъ чего-то добиться.

Вечеромъ нашъ хоръ далъ намъ чудный концертъ. Пѣли славно, а когда запѣли: „На чужинѣ загибаю, марно житей иде, за родину въспоглядаю, ахъ, где жъ она где?“ а затѣмъ „Родимый край, село родимое“, полились слезы изъ многихъ глазъ, каждый мыслями, духомъ и сердцемъ полетѣлъ далеко-далеко на родину и позабылъ на мгновеніе о томъ, что находится въ баракѣ, въ Талергофѣ, на истертой вшивой соломѣ. Премило провели мы сей вечеръ, какъ будто бы тамъ, у себя.

15 дек. — Болото. Грязь непроходимая. А на „гофѣ“ работа кипитъ. Всю эту грязь стребуютъ лопатами и чѣмъ попало, телѣгами свозятъ щебень и утрамбовываютъ дорожки — движеніе большое. Пришелъ совѣтникъ суда Фида и я съ о. Сенникомъ были у него и результатомъ совѣщаній мы довольны. Говорилъ о. Сенникъ съ полковникомъ, прося, чтобы конвоировалъ насъ подъ офицеръ. Не обещалъ еще, но изъ его заявленія выносимъ впечатлѣніе, что готовъ отнестись благосклонно къ этой нашей просьбѣ. Дай Богъ, а то тяжело бѣжать подъ штыкомъ.

Возвратился изъ Граца, изъ разбирательства въ судѣ своего дѣла, о. Романъ Крушинскій. Сообщаетъ, что свящ. о. Бакевичъ сидитъ уже долгое время въ гарнизонной тюрьмѣ въ Грацѣ и съ испуга и мании преслѣдованія сошелъ съ ума. Обвиняютъ его въ томъ, что будто бы онъ во время св. исповѣди, склонялъ солдатъ, чтобы стрѣляли въ воздухъ. Вотъ до чего дошло доносительство!

Обнаружилась еще одна мерзость. Чиновникъ податного вѣдомства въ Перемышлѣ, нѣкій И—ичъ, состояшій на насъ услугахъ полиціи провокаторъ, оклеветалъ здѣсь своими доносами, между прочими (о. Сенника, д-ра Крушинскаго, Войтовича), совѣтника суда Литынскаго, а такъ какъ сов. Литынский боленъ и лежитъ въ нашемъ госпиталѣ, то аудиторъ былъ вынужденъ придти къ нему для вопроса и выслушать его и И—ича, который въ доносѣ заявилъ

свою готовность сыграть роль свидѣтеля. Но затѣмъ раздумалъ и убоился и сталъ притворяться больнымъ, желая такимъ образомъ избѣгнуть судебного слѣдствія. Такъ допросили сов. Литынскаго, а когда приступили къ допросу И—ича, то онъ отказался давать показанія подъ предлогомъ, что онъ тяжелоболенъ. Призвали къ нему врачей, которые установили, что онъ совершенно здоровъ. Послѣ этого сов. Литынскаго освободили, а И—ича обвинили въ клеветѣ, самъ аудиторъ. По крайней мѣрѣ этотъ попался. „Котюсъ по заслузѣ“.

Получилъ 158 кронъ 12 гел., а въ депозитѣ въ Грацѣ осталось 300 кронъ. Купилъ себѣ щетки и другія крайне необходимые въ гарнизонѣ вещи. Долги платить оставляю Янку, мнѣ нужны деньги тамъ. Записки передаю о. А. Юркевичу, онъ ихъ вывезетъ благополучно въ Вѣну, а оттуда въ Галичину. Купилъ себѣ на память изображеніе страстей Христовыхъ подъ стекломъ, заплатилъ 1 крону, хорошая вещь, многимъ понравилась. Эта памятка — замѣчательный трудъ и шедевръ нашего мужичка-художника.

16. дек. — Болото. Тепло. Работа въ болотѣ идетъ во всю. Прояснилось. Показалось солнышко. Привезли огромный котелъ для „русской бани“, которую строятъ русскіе военнопленные. Лошади не были въ состояніи дотащить этотъ котелъ и сотни людей изъ всѣхъ силъ подталкивали и помогали лошадямъ перевезти его отъ шоссе на мѣсто въ баракахъ.

Сильно болитъ меня въ поясницѣ да и почки даютъ о себѣ знать. Купилъ себѣ баночку меду. Ахъ, нѣтъ около меня моего ангела-хранителя, моей дорогой жены, моего настоящаго доктора. Тутъ же каждый больной и съ какой бы ни было болѣзью одинаково безпомощенъ и оставленъ на произволъ судьбы. И когда конецъ этому будетъ, Господи?

Объявляли о тифѣ, а оказалось, что 11 человекъ бѣдняжекъ просто заѣли вши.

На мѣстѣ, гдѣ были похоронены двое первыхъ мучениковъ Талергофской трагедіи, и гдѣ былъ поставленъ небольшой крестъ, теперь устроена яма на извѣсть, а этотъ крестикъ совершенно выброшенъ. Такъ теперь и затерялось мѣсто, гдѣ похоронены эти первыя двѣ жертвы вѣщнаго нашего заточенія и ни ихъ фамилій ни принадлежности никто не знаетъ.

Изъ 18 го барака должны были отойти 100 Flüchtling-озъ (бѣглецовъ), прочіе же завтра.

Всѣ мои записки (4 пакета) передалъ я о. Афанасію Юркевичу, который убѣждаетъ завтра. Говорятъ, что и насъ русскихъ разгонятъ отсюда, съ изъятіемъ меня, который переѣду на жительство въ гарнизонъ во Вѣну. Ахъ, если бы Господь милосердный, рѣшилъ иначе... да будетъ воля Его!

Былъ у портного, хочу дать ему укоротить мою блузу и ульстеръ, чтобы походили на штатское платье, ну, и надо ихъ починить, особенно блузу, такъ какъ въ гарнизонѣ неудобно будетъ, быть можетъ.

Если бы удалось, хотѣлъ бы въ Вѣнѣ купить новое платье, мое старое ужасно изношено.

17. дек. — Сегодня св. великомученицы Варвары. Примерзло. Сухо наконецъ. Пошелъ пройтись, затѣмъ отчиталъ правило. Выбыли отсюда наши люди днесъ въ 10 ч. (а вчера въ 9 тоже уѣхали крестьяне въ Каринтію какъ иссекипер—ы), между пр. о. А. Юркевичъ. Сегеновичъ, ученикъ изъ Болшовца, умеръ, у него была чахотка. Портной изъ Журавна починилъ мнѣ блузу и ульстеръ, буду похожъ на „цивиля“.

Лѣвая почка сильно меня донимаетъ, утромъ еле еле ходилъ. Ахъ кабы то домой поскорѣе! Свитаеетъ — надѣются люди. Подай, Господи, миръ всему міру!

Днесъ капитанъ Strick велѣлъ плѣнному подѣофицеру призвать всѣхъ русскихъ военноплѣнныхъ подъ ворота. На команду: „русскіе сюда къ воротамъ“! сбѣжались всѣ плѣнники, а за ними и наши галицко-русскіе работники съ лопатами.

— А вы русскіе? — послѣднихъ спросилъ капитанъ по чешски.

— А що жъ? — отвѣчаютъ они, — мы таки русины, ая!

Капитанъ посмотрѣлъ на нихъ съ удивленіемъ, а затѣмъ вынулъ изъ кармана нотную книжечку и что-то себѣ записалъ.

18. дек. — Морозно. Поясница болитъ, лѣвая почка очень даетъ себя чувствовать, еле хожу. Комиссія пріѣхала (3-й разъ съ поры какъ назначена). Многіе надѣются сегодня — завтра очутиться на свободѣ. Подвозили котлы, русская баня должна быть къ 1-му янв. готова.

Мнѣ говорятъ, что меня не позовутъ въ Вѣну, но я этому не вѣрю. Радъ бы я добиться хоть частичной свободы пожить сносно.

Комиссія выслушала 185 чел.

Канунъ праздника Св. О. Николая. Вечеромъ г. Телесницкій держалъ передъ собравшимися рѣчь. Помянулъ родной край, гдѣ какъ разъ теперь устраивались всегда по городамъ вечеринки для русскихъ дѣтей. Пожелалъ д-ру Малиняку, д-ру Глѣбовицкому и другимъ Николаямъ здоровья, бодрости и скорого освобожденія. Хоръ пропѣлъ во здравіе. Отъ имени всѣхъ Николаевъ поблагодарилъ за поздравленія и пожеланія и пѣние о. д-ръ Малинякъ, затѣмъ отслужилъ по нашей „панской“ улицѣ вечерню съ литією. Въ виду того что съ крыши каплетъ, былъ раскрытъ зонтикъ надъ лампою, что бы отъ воды стекло не лопнуло. Оригинальная картина, сама напращивающаяся на снимокъ!

19. дек. — Суббота, день Св. О. Николая. Я спалъ хорошо, хотя перерачиваться не могъ изъ-за сильной боли въ поясницѣ и днесъ лежу преимущественно. Утромъ выпилъ черный кофе, затѣмъ Янко принесъ мнѣ $\frac{1}{4}$ л. сливокъ и я выпилъ съ вечернимъ кофе. Въ 10 ч. о. Малинякъ отслужилъ литургію. Пѣлъ хоръ. Привѣтствовали много и изъ другихъ баракъ. Ромко за мной ухаживаетъ, принесъ мнѣ $\frac{1}{2}$ л. молока и 4 булки, а мою „менажу“ (казенную лицу) возьметъ себѣ.

Русскіе плѣнники празднуютъ, заявили, что, если бы ихъ и кололи, то днесъ не пойдутъ работать, а наши все таки вынуждены были пойти на работу.

Сильно распространяется тифъ. Не одного изъ насъ овладѣваетъ страхъ и радъ бы всякій вырваться на волю поскорѣе, пока еще не забодѣлъ. Я все думаю о гарнизонѣ и желалъ бы хоть этимъ путемъ разстаться съ Талергофомъ.

Врачъ запретилъ хожденія людей къ о. Макару, чтобы не разнесли тифъ.

Говорятъ, что П. (Перемышль) палъ. Отношусь сдержанно къ этому извѣстію, неразъ уже эти слухи распространялись, а не оправдывались.

Чудный человекъ этотъ нашъ врачъ д-ръ Вл. Могильницкій. Способный Эскулапъ, честенъ, трудолюбивъ, самоотверженъ, щепетилень. Истинный самаритянинъ. Съ утра до поздней ночи занятъ Стоитъ зайти въ амбулаторію и посмотреть на его работу и его выносливость и терпѣніе. А все таки и его оклеветали и хотѣли отъ насъ забрать, но это врагамъ не удалось.

Послѣ обѣда я поднялся и отслужилъ акафистъ Св. О. Николаю, а полудни вечерню, но скоро слегъ въ постель снова. Былъ у меня д-ръ Могильницкій, установилъ у меня ревматизмъ мускуловъ. Вечеромъ Ромко меня натеръ, принесъ одѣяло, укрыли меня на ночь хорошо, я принялъ порошокъ аспирина.

20 дек., воскресенье. — Лежу, но чувствую себя немного лучше.

Одинъ тифомъ зараженный баракъ уже приказали опорожнить, солону изъ него сожгли, а обитателей его съ вещами переводятъ въ другой. Но развѣ эта мѣра достаточна для устранения эпидеміи? Въ баракахъ налаживаютъ электрическое освѣщеніе, уже въ трехъ баракахъ есть электричество.

Въ Kleine Zeitung днесъ написано немножко иначе чѣмъ вчера. Повторяется слухъ, что Перем. палъ но я все еще не вѣрю. Отслужена у насъ обѣдница. Ромку удалось достать немного бульону и подогрѣть для меня. Я съѣлъ съ 2 булочками и настолько сытъ, что отъ „менажи“ отказался.

Узнали, что наши посты на войну уже не идутъ, а говорили все время, что вскорѣ пойдутъ. Но есть ли это предвѣстіе приближающагося мира? Ахъ, человечество никогда такъ не умѣло понять и оцѣнить всего глубокаго смысла этого великаго слова „миръ“, какъ въ настоящее время. „Слава въ выш-

Свящ. о. проф. д-ръ Михаилъ Людкевичъ изъ Перемышля,

родился въ 1846 году, умеръ въ 1914 году въ Талергофѣ. Докторъ богословія, ординарный профессоръ пастырскаго богословія въ греко-католич. духовной семинаріи и членъ епархіальной консисторіи въ Перемышлѣ, воспитатель дѣлаго ряда выпускъ гал.-рус. священниковъ, отзывчивый и дѣятельный членъ русскихъ организацій. Человекъ сильной воли и твердыхъ русскихъ національныхъ убѣждений, любимецъ молодежи.

нихъ Богу и на земли миръ“ возвѣщаетъ всему міру наша Церковь съ Рождествомъ Христовымъ.“ „О мирѣ всего

мира" молимся на литургии, такъ часто, а такъ мало вниманія обращаемъ на него, такъ трудно намъ уяснить себѣ всю возвышенность этой молитвы.

21. дек. — Ночью шелъ дождь, днемъ падаетъ снѣгъ, все сидимъ въ баракахъ. Слышимъ, что въ насъ будутъ впускать противотифозную сыворотку. Днесь пришелъ Василь, долго не видѣлъ его. Его баракъ былъ подѣ карантинномъ. Вѣсти съ поля боевъ неутѣшительны, не сулятъ скораго мира. Снилось мнѣ, что будто постановлено меня во Вѣну не переводить и что за меня заступился нѣкій Омскій и пр. под.

Вчера былъ у насъ генераль на ревизиі, о Сѣлецкій вручилъ ему отъ насъ 21 письменную жалобу. Днесь капитанъ Штрикъ заявилъ о Сѣлецкому, что жалобы составлены correct.

Мнѣ немножко полегчало и я всталъ на нѣкоторое время. Принялъ слабительное, со вчера Ромко все надобдаеть мнѣ что сварить мнѣ консервы и пшенный супъ. Я неохотно согласился. И удивительно, супъ оказался мнѣ полезнымъ и Ромко дозоденъ. Въ виду этого успѣха онъ общалъ сварить консервы, капустнякъ. Увижу, что будетъ. А для бѣдныхъ нашихъ людей эти консервы рѣдкая, великодняя (пасхальная) ѣда.

Полудни дали распоряженіе производить всеобщую прививку въ первой серіи бараконъ. До 6 ч. вечера сдѣлали прививку всѣмъ въ 9 баракахъ, лишь т. наз. „фамильный“ баракъ отложили на завтра. Я также не пошелъ, ибо не могъ пойти. Вечеромъ Янко и свать подограбли мнѣ кирпичъ и я приложилъ его къ поясничу. Ромко принесъ мнѣ супъ, но такъ какъ я не былъ голоденъ, то съѣлъ свать.

22. дек. — Тѣ, которымъ сдѣлана прививка, чувствуютъ себя всеячески: одни жалуются на боль въ той самой рукѣ, у другихъ уже жаръ, врачи же говорятъ, что жаръ будетъ продолжаться 3-6 дней, а прививка является предохранительнымъ средствомъ на 5 лѣтъ.

Я еще (до 11 ч. утра) не ходилъ къ прививкѣ. Еще ее днесь не дѣлаютъ да и говорятъ что вообще больше ее

дѣлать не будутъ. Увидимъ. Я ложился въ брюкахъ и башмакахъ, чтобы въ каждый моментъ быть готовымъ самому пойти къ прививкѣ. Были и такіе, которые не хотѣли къ ней пойти. Въ 11 ч. утра отслужена обѣдница.

Ogłoszenie: Wszystkie skargi o obrażenie czci i honoru będą odtąd sądownie ścigane. Obrażony mają robić doniesienie, naprowadzić świadków i mi przedłożyć (naturalnie w krótkich zarysach wszystkie okoliczności naprowadzić). Ludzie które nie są do raportu przeznaczone, mają zawsze o godzinie 9-tej rano przed bramą I-szą być zestawione (sic) to przez komendanta i zawsze mają być przytem oskarżony i świadkowie. 22 go grudnia 1914 r.

Такое объявление индаль officialъ Тимчукъ, который тутъ играетъ большую роль. Полицейскіе отбираютъ у насъ всѣ заявленія. Не лучше ли было бы намъ имѣть дѣло съ военными, чѣмъ съ такими Тимчуками?

Пошли и изъ другихъ бараконъ къ прививкѣ и я съ ними. Мнѣ почему то дважды втыкали шприцъ и рука стекла сейчасъ болѣтъ. Пошли также изъ „фамильного“ барака (около 100 женщинъ), а тутъ какъ разъ поднялась снѣжная туча и дождь, подѣ ногами грязь. Простояли очень долго передъ бараконъ, въ которомъ производилась прививка, замерзли, и толькo послѣ того, какъ заступились д-ръ Войтовичъ и др., военный врачъ (Маеръ) позволилъ женщинамъ войти внутрь барака. Вотъ и нѣмецкая галантность! Заставляютъ женщинъ изъ нашей интеллигенціи ждать долго предолго, стоять на снѣгу въ грязи, хотя баракъ просторенъ и пустъ. Иадѣвательство.

Вечеромъ засвѣтили электрическія лампочки, впервые стало въ баракѣ свѣтло. Ночью у меня былъ жаръ. Поясница все еще болитъ. Ромко сдѣлалъ мнѣ массажъ, а Янко доставилъ мнѣ жаркій кирпичъ.

23 дек. — Я лежу. Падаетъ мокрый снѣгъ и дождь въ перемежку. Всѣ сидятъ въ баракахъ. Говорятъ, что на 14 дней установятъ на нашъ баракъ карантинъ, что значить, что въ теченіе 14 дней никто не выйдетъ никуда отсюда

ни вообще изъ Талергофа. Но и такъ быть можетъ, что послѣ этихъ 2 недѣль продолжатъ карантинъ еще на недѣлю-двѣ. Много нашихъ людей больныхъ теперь, тифомъ будто бы. А болѣзни пошли отъ перваго незабвеннаго варварскаго купанья, повторяющагося впрочемъ и теперь съ незначительными измѣненіями: съ людей снимаютъ платье и бѣлье для дезинфекціи, а голые люди подолгу стоятъ на открытомъ мѣстѣ, на голдой, влажной и холодной землѣ, и мерзнутъ и выжидаютъ, пока смилосердятся и возвратятъ имъ ихъ бѣлье и платье. И каждый разъ послѣ этого заболѣваютъ все новые и новые, а нѣкоторые и умираютъ. Кромѣ того наши бараки всегда холодны не прикрыты какъ слѣдуетъ, крыши дыравы, каплетъ съ нихъ на наше платье и на насъ, каждому на лицо, вслѣдствіе чего ночью спать невозможно...

Я все лежу. Съ поясницей у меня бѣда. Что-же, подожду. На миръ — поскольку на грацкѣ газеты можно полагаются — надежды мало. Ахъ, Господи, спаси и помилуй!

24. дек. — Сегодня польская виіа. Ксендзь Зелинскій далъ своихъ 5 кронъ въ складчину на общую вечерю. Днесь грязь ужасная. Я лежу, спалъ эту ночь отлично, какъ рѣдко случается. Вчера меня Ромко массовалъ, а свать грѣлъ кирпичъ. Прививку перенесли у насъ благополучно. Меня рука болитъ. Померло 16 чел. кажется, на тифъ. В—въ написалъ прошеніе о выдачѣ депозита, общалъ придти и взять себѣ, но до сихъ поръ (10 ч. у.) еще его нѣтъ. Михась Ч. пошелъ въ больницу, и онъ боленъ тифомъ, кровь ему пускалась, еще готовъ минуться, жаль! Не погибъ на войнѣ, такъ придется въ Талергофѣ.

Вчера пришелъ о Сеникъ и принесъ купонъ почтоваго денежнаго перевода, съ припискою К—ва, уѣхавшаго недѣлю тому назадъ во Вѣну, что папскій нунцій заявилъ, что хлопочетъ о томъ, чтобы на я пустили въ Галичину, лишь бы министерства войны и внутреннихъ дѣлъ дали на это свое согласіе. Большое ликование! На обѣдъ получили мы днесь капустнякъ съ мясомъ —

невиданное диво на Талергофской долині. А какъ всѣмъ и мнѣ также былъ вкусенъ, несмотря на то что и въ 10-той долѣ не такъ изготвленъ, какъ въ Липицѣ готовила Вѣрочка. Организмъ жаждетъ кислага и вотъ, на польскую „вилію“ намъ слѣдали сюрпризъ. Только капуста было мало, а побольше юшки (жидкости), ну и всѣ заявили, что капуста не достаточно квасна. Ромку я далъ носки. Ходить бѣдняжка въ какихъ-то тряпкахъ, которыя называетъ чулками. Хлопотунъ такой, а держится бодро, выносливъ.

Пришелъ Янко и сказалъ, что, встрѣтившись, „Фенрихъ“ спрашивалъ его, здоровъ ли онъ. — Да, — отвѣтилъ Янко, — лишь немного ревматизмомъ страдаю. — Это ничего, — былъ отвѣтъ.

Янко боится, не позовутъ ли его на военную службу. Вотъ-те доля. Высиди 4 мѣсяца въ Талергофѣ, а затѣмъ иди на войну и перенеси всѣ превратности военной службы и судьбы! Да хранить его Господь.

Меня и о. Сеника какъ то во Вѣчу не вызываютъ. А теперь, разъ установленъ карантинъ, и подавно, быть можетъ, не поѣхали бы мы изъ-за санитарной предосторожности. Говорятъ, что можетъ быть, вообще не поѣду, что возможно, что слѣдователь пришелъ къ убѣжденію, что противъ меня не удастся составить обвинительнаго акта такъ и отступить заблаговременно отъ обвиненія. Дай такъ Господи! Съ другой стороны жизнь въ гарнизонѣ все таки легче нашей здѣшней. А впрочемъ, знаетъ ли человекъ, чего хочетъ и просить, и что ему выйдетъ въ пользу, а что во вредъ? Да будетъ воля Твоя, Господи!

25. дек. — Днесь я всталъ, но обути въ башмаки не былъ въ состояніи, призывалъ на помощь Ивана Гриба (крестьянина, которому часто даю свою „менажку“). Вышелъ, было, пройтись, но скоро былъ вынужденъ вернуться и лечь снова. На дворѣ грязь, валитъ мокрый снѣгъ, хотя пока что тепло. По нуждѣ всѣ сидятъ въ баракахъ. Былъ Василь и пошелъ, вечеромъ

заглянулъ Ромко и сдѣлалъ мнѣ мас-сажъ. Говорятъ о предстоящемъ нашемъ возвращеніи.

Въ грацкой газетѣ написано, что Римъ высылаетъ особое посольство къ христіанскимъ державамъ съ протестомъ противъ злоупотребленій Россіи при введеніи православія въ Галичинѣ въ отсутствіе тамъ нашего клира. Это сообщеніе находится въ связи съ тѣмъ, о чемъ говорилъ о. К.

Мы готовимъ проектъ по дѣлу еврея изъ Бродовъ Deutscher-a, общеизвѣстнаго мошенника и мерзавца, давно ему слѣдовало скругить голову за всѣ имъ причиненныя невиннымъ людямъ сграданія.

Вечеромъ у насъ возникла и обсуждалась мысль выслать телеграммы: въ кабинетную канцелярію, нунціатуру и министерство войны съ просьбой объ освобожденіи. Hilf, wer helfen kann! (спасай, кто можетъ).

Если бы Господь позволилъ намъ, священникамъ, поскорѣе вернуться на родину, такъ и нашимъ дьякамъ вмѣстѣ съ нами ровно же, а то безъ нихъ нечего и думать о совершеніи богослуженій.

Днесь о трупахъ какъ-то ничего не слышно. Въ нашемъ баракѣ всѣ держатся хорошо.

26. дек. — Мороза нѣтъ. Съ самаго утра составляютъ телеграммы императору, нунцію, министрамъ. Одну составилъ д-ръ О. Крушинскій, другую о. Діон. Кисѣлевскій и другіе инныя.

Узнаемъ, что и ночью сюда къ намъ привезли 19 поляковъ изъ-подъ Кракова. Говорятъ, что все пространство по Тарновъ — одно пепелище. Ходятъ слухи, что власти готовятся 1200 чел. отпустить на свободу.

Мнѣ днесь лучше, спалъ хорошо. Былъ Василь, вытрепалъ мою постель. Янко купилъ мнѣ меду и булку. Аппетитъ у меня есть. Пришелъ Илько Гепаль, сказалъ, что у его сына былъ жаръ до 40°, и занялъ у меня 1 крону на лимонадъ.

Жизнь въ баракѣ: Ulrich разноситъ то румъ, то сливовицу и продаетъ по 14—16 гел. за стаканчикъ. Народъ пьетъ

съ горя. Разносятъ и продаютъ и другіе товары: папиросы, спички, нитки, сахаръ, пуговицы и т. п. мелочи. Еврей Тауи торгуетъ галстухами, чулками и пр. Цѣлый хлѣбецъ продается по 16 гел. за штуку. Кто остро голодаетъ, отправляется на работы и получаетъ двойную порцію харча и 20 гел., но, конечно, тогда быстрѣй изнашивается и такъ убогое платье и рискуетъ стать голымъ совершенно.

Кто въ баракѣ хочетъ что-то написать, проситъ другого поддержать надъ нимъ зонтикъ, ибо иначе сверху каплетъ и испортитъ все написанное..

Говорятъ, что уже свирѣпствуетъ пятнистый тифъ въ другихъ баракахъ, это грозное извѣстіе подѣйствовало на всѣхъ крайне удручающе.

Въ 2 ч. явился д-ръ Маеръ съ уѣзднымъ физикомъ изъ Граца. Были въ баракѣ у одного больного, зашли и ко мнѣ (кто-то, не д-ръ ли В. Могильницкій? сказалъ имъ, что въ VIII баракѣ есть больной священникъ), посмотрѣли на прививку на моей рукѣ и — ушли. Я успѣлъ сказать имъ только, что боленъ ревматизмомъ мускуловъ (такъ опредѣлилъ мою болѣзнь д-ръ Могильницкій). Возможно, что переведутъ меня въ госпиталь. Тамъ несравненно лучше чѣмъ въ баракѣ.

Въ 3 ч. была у насъ отслужена вечерня.

Днесь умерло человекъкъ десять (точное число умершихъ обычно узнать трудно).

Вечеромъ шли у насъ совѣщанія о томъ, чтобы завтра пойти двоимъ или троимъ изъ насъ къ рапорту и высказать администраціи наши требованія.

Вечеромъ же возвратили намъ нашъ Majestätsgesuch (прошеніе къ императрице), посланное 12 с. декабря. Оно вовсе не было выслано по назначенію, но зато дерзнули вскрыть его и цензурировать, что на конвертѣ и отмѣчено: Zensurirt M. A. подпись ohne Anstand. Этотъ конвертъ теперь у меня. Офицеръ-почтмейстеръ указалъ, чтобы вложить прошеніе въ новый бѣлый конвертъ, ибо „при вскрытіи конвертъ былъ разорванъ и теперь такъ высылать нельзя“. Зая-

вилъ даже свою готовность принести только, послѣ столькихъ мытарствъ это- намъ завтра свой конвертъ. Мы, одна- му нашему прошенію, такъ и не удалось

ТАЛЕРГОФЪ.

Группа конфинированныхъ русскихъ галичанъ въ Passail возлѣ Граца. Сидятъ съ лѣва на право, I. рядъ: о. Евгеній Хилякъ, Мих. Ивасѣвка, о. Іоаннъ Долгій, Николай Алексѣевъ Гукевичъ, II. рядъ: о. Алексѣй Конст. Гукевичъ, проф. д-ръ Николай Ив. Антоневицъ, о. Панчакъ, стоятъ: о. Юліанъ Шихъ, г-жа О. Гичко, Иванъ Панчакъ, деканъ о. Voesnesch, г-жа Мардаровичъ и о. Ілія Мардаровичъ,

во, послѣ совѣщаній, вложили прошеніе въ новый, нами заадресованный конвертъ и отнесли на почту. И подумать дойти до императора. Очень возможно, что правда то, что говорятъ, что императоръ ничего не знаетъ о томъ, что

въ Галичинѣ арестовано такое огромное число русскихъ священниковъ, мірской интеллигенціи и интеллигентнаго крестьянства и мѣщанства и что военные круги это предъ нимъ скрываютъ.

27. дек. — Болото хоть утопись. Я спалъ хорошо и мнѣ значительно лучше. Утромъ былъ Василь. Я самъ, безъ посторонней помощи, смогъ у себя призвести все въ порядокъ. Намъ заявили, что почта въ теченіе 14 дней не будетъ намъ ничего выдавать ни ничего отъ насъ принимать, изъ-за карантина, видите-ли. Безголовье и мошенничество!

На письма наложили карантинъ! А изъ каждаго барака ежедневно люди ходятъ на работу и тамъ сходятся съ людьми изъ другихъ бараконъ, но это ничего, ибо тутъ дѣло въ томъ, чтобы даромъ, въ холодѣ и голодѣ работали. Даже нѣтъ распоряженія, чтобы по крайней мѣрѣ люди одной серіи(10) бараконъ не сходились съ людьми другой серіи. А развѣ этимъ господамъ важна наша жизнь, наше здоровье? Развѣ они не дали досель и не даютъ и днесъ своими распоряженіями, заявленіями и дѣйствіями, сотни примѣровъ и доказательствъ, на то, что они были бы довольны, если бы мы всѣ здѣсь до одного погибли? Вѣдь же скученность и антисанитарія бараконъ, тѣснота, холодъ, грязь и пустота внутри бараконъ, отсутствіе врачебной опеки и лѣкарствъ, невозможная пища и ея скудость, отсутствіе самыхъ необходимыхъ вещей въ помѣщеніяхъ, гдѣ содержатся сотни и тысячи человѣческихъ существъ въ заключеніи, — явно показываютъ, что все это расчитано на скорѣйшее истребленіе всѣхъ насъ. Вѣдь же въ бараконъ нарочно не изолируютъ больныхъ отъ здоровыхъ. Все это прямо бьетъ въ глаза. И мы совершенно безпомощны и беззащитны. Впрочемъ куда и къ кому апеллировать? Мы вѣдь перешли здѣсь собственно подъ власть намѣстничества въ Граци, а тутъ идетъ все по военному мошенничеству и безголовью!

Здѣшнимъ русскимъ плѣнникамъ австрійскіе офицеры раздають по мажепински напечатанныя: брошюры „Царі, попи і люди. Женева. Украинска друкарня,

1903“. Брошюры эти социалистическаго содержанія, запальчиво выступаютъ противъ русскихъ царей и поповъ за то, что они до сихъ поръ ничего не сдѣлали для народа, и зываютъ пролетаріатъ къ организаціи и бунту.

Только что пошелъ „свать“ за горячимъ супомъ, упалъ, какъ-то спотыкнувшись, опарилъ себѣ обѣ руки и теперь терпѣть. Сталько всякой бѣды — этого еще не доставало!

Мнѣ лучше, но я лежу, чтобы не ухудшилось. Пошелъ бы въ больницу, если бы взяли. Тамъ лучше, говорятъ.

Ажъ теперь мнѣ уже и Вѣна и гарнизонъ не страшны. Хотѣлъ бы даже попасть туда, чтобы только вырваться изъ проклятаго Талергофа, изъ этой зараженной эпидеміями долины. Въ каждый моментъ можно заразиться и погибнуть, а такъ хотѣлось бы еще жить, увидѣть свою семью. Все жду момента, когда отправятъ меня въ дорогу.

Пишутъ изъ Вѣны (о. П.), что, молъ, „мы на дняхъ ѣдемъ въ Галичину“. Кто это мы? Священники въ Вѣнѣ или же и всѣ мы здѣсь?

Говорятъ опять о мирѣ, что будто говорятъ о немъ во Вѣнѣ и — упованіе вступаетъ въ души наши. А тутъ приблизились наши праздники Рождества Христова и не одинъ надѣется, что на „свята“ поѣдетъ домой и радуется впередъ такъ, что врядъ ли кто изъ нихъ такъ рѣдовался, когда былъ мальчикомъ-школярикомъ и собирался поѣхать домой на „свята“. Такъ и вчера, вотъ, выслали мы нунцію телеграмму того содержанія, что, вотъ, идутъ наши Рождественскіе праздники и потому, если есть милость отпустить насъ, то подходящимъ было бы особенно и непременно передъ праздниками и т. п. А тутъ, смотри, карантинъ — и телеграммъ не выслали! Ахъ какъ жестоко, безчеловѣчно терзать и мучить насъ способны эти швабы! А мы, наивные, всегда ихъ ставили въ примѣръ, хвалили ихъ точность, корректность, добросовѣстность, порядочность, величали ихъ культуру!.. Днесъ только и то здѣсь открылись намъ очи и мы увидѣли ихъ настоящую физиономію.

Вернулись ходившіе къ рапорту делегаты. Полковникъ принялъ ихъ вѣжливо и заявилъ, что рѣшеніе многихъ нашихъ требованій будетъ зависеть отъ санитарной комиссіи изъ Вѣны, которая должна на-дняхъ сюда пріѣхать. Карантина еще нѣтъ и почта еще дѣйствуетъ. Что же касается Majestätsgesuch-a, выяснилось, что це-зурировали это наше прошеніе на высочайшее имя — официалъ Тимчукъ! Этого почти неграмотнаго и злостнаго „шпицель“ является цензоромъ прошеній къ императору и отъ него зависитъ, дойдутъ ли они къ императору или нѣтъ! Впрочемъ офицеры сами заявили, что во всякомъ случаѣ такой Majestätsgesuch въ руки императора не попадетъ, на-выше можетъ дойти развѣ до кабинетной канцеляріи. Почему-то боятся эти предрержащіе, чтобы императоръ не узналъ ничего о насъ ни о томъ, что творится въ Талергофѣ.

(Особ. прим.) Ходимъ въ кантину, гдѣ помѣщается подобіе ресторана. Тамъ за деньги можно получить кое что съѣсть, но никогда тамъ нашего человѣка не впускаютъ внутрь а только позволяютъ ему на дворѣ, безъ стола, стоя, съѣсть полученное. За свои деньги приходится нашимъ людямъ переносить и это униженіе. На каждомъ шагу, во всемъ и всегда оскорбленія.

По просьбѣ о. Вл. Венгриновича Телесниціи сталъ уговаривать, чтобы въ складчину что-то собрать для нашихъ больныхъ крестьянъ. Поддержалъ этотъ призывъ какъ разъ подошедшій д-ръ В. Могильницкій. Собрано между нами 105 кронъ и передано ихъ на руки д-ра Могильницкаго для больныхъ крестьянъ.

28. дек. — Болото. Я здоровъ. Боль въ поясницѣ ослабѣла. Слава Богу, я поднялся, ходилъ днесъ по всѣмъ баракамъ и осматривалъ тѣ изъ нихъ, которые будто бы для насъ назначены. Хотятъ насъ перевести въ баракъ № 22, а первую серію (нашу) бараконъ отдать работникамъ. Во всѣхъ тѣхъ бараконъ находятся двойныя нары и въ одномъ баракѣ помѣстятъ около 400 человѣкъ.

Послѣ обѣда полковникъ призвалъ тѣхъ, которые подписали Majestätsgesuch (о. Д. Кисѣлевскаго, о. Сѣлецкаго,

д-ра Н. П. Глѣбовицкаго, о. Гайдукевича д-ра О. Крушинскаго) для объясненій.

— Какъ вы могли писать къ императору — заявилъ онъ, — что всѣ 7000 человѣкъ невинны? Вѣдь же тѣ немногіе, которые освобождены отъ размотра ихъ дѣла въ военномъ судѣ, все таки останутъ передъ гражданскою судѣ. Прочіе содержатся и должны здѣсь оставаться по политическимъ соображеніямъ и мотивамъ. Или же какъ вы могли написать, что солома, выданная вамъ, не перемѣнялась уже 4 мѣсяца, — это неправда. Хорошо, я пошлю телеграмму, что это не отвѣчаетъ истинѣ.

Изъ этого можно бы заключать, что наши 6 телеграммъ пошли или пойдутъ. Повидимому, полковникъ недоволенъ тѣмъ, что мы посылаемъ телеграммы, и вѣроятно будутъ противъ насъ примѣнены разные обостренія. Противъ насъ интригуютъ фельдфебель Пиллеръ и официалъ полиціи Тимчукъ. Сдѣлалъ намъ полковникъ выговоръ также за то, что мы будто бы подговариваемъ народъ, что бы не ходилъ на работу. Все это ложь.

Ожидаемъ теперь прибытія изъ Вѣны сюда санитарной комиссіи, о которой сказаль намъ вчера полковникъ. Мы должны и ей представить наши требованія, ибо переносить все дальше, какъ теперь есть, нѣтъ ни силъ ни возможности.

Я днесъ почувствовалъ желаніе закурить и, встрѣтивъ Ромка, взявъ у него табаку, свернулъ папироску и закурилъ. Днесъ изъ-за болѣти и мрака такая хандра находить на человѣка, что можно и расписаться. И я пью водку изрѣдка, хотя не пилъ до сихъ поръ. Ни пиши сносною нѣтъ здѣсь, ни овощей, фруктовъ такъ долго не видѣлъ, ни ничего кислаго никогда не достанешь. Пошелъ и купилъ себѣ табаку за 32 гел.

(Особое прим.) Свящ. о. Драчинскаго арестовалъ жандармъ и когда шелъ съ нимъ мимо ц. к. староства (уѣзднаго начальства) въ Выжницѣ, о. Драчинскій сказаль: „Поступимъ въ староство на минутку, староста меня хорошо знаетъ и можетъ меня освободить“. Но жан-

дармъ на это отвѣтили: „Старостѣ теперь никакого дѣла ко мнѣ быть не можетъ, и ничего мнѣ не можетъ приказывать!“ Повидимому жандармъ предоставлена высшая власть чѣмъ начальственнымъ надъ ними старостамъ.

Карантинъ официально еще не установленъ. Что то крутятъ. Говорятъ, что строящіеся бараки должны быть готовы къ 1-му января 1915 года, но въ виду того, что времени осталось очень мало и не справятся, то придумали поднимать шумъ изъ-за карантинна и оправдываться тѣмъ, что, молъ, работников не возможно было брать на работу и дѣло затянулось. А то, вотъ, вечеромъ дѣлаютъ людямъ прививку, а на другой за тѣмъ день утромъ гонять тѣхъ же людей на работу, совершенно не обращая вниманія на то, что ихъ очень болитъ лѣвая рука и они работать не въ силахъ.

(Особ. злѣмч.) Въ Ланцутѣ судебный официалъ Стефанъ Скочилясъ разсказывалъ, что его жена родила. Присутствовавшій врачъ установилъ, что роды тяжелы и что предстоитъ операция. Вдругъ входитъ жандармъ и его (С. Скочиляса) арестуетъ. Арестуемый проситъ пощадить его и оставить, указываетъ на свое и жены тяжелое положеніе, врачъ также заступаетъ, но все это напрасно. Жандармъ съ арестованнымъ ушелъ, жена скончалась и на квартирѣ осталось ихъ двое дѣтей-сиротокъ, лишившихся разомъ и отца и матери.

29 дек. — Одинъ больной этой ночью вырвался и пошелъ къ воротамъ. Постовой трижды „гальтовалъ“ его, но видя, что идущій не обращаетъ на это вниманіе, выстрѣлилъ въ него и ранилъ его. Раненый попросилъ къ себѣ о. Вл. Венгриновича, чтобы исповѣдывалъ его.

Дождь. Грязь. Я чувствую себя совершенно здоровымъ.

Въ 10 ч. зашелъ къ намъ капитанъ Штрикъ по слѣдующему дѣлу: Онъ желаетъ узнать, что нужно православнымъ священникамъ для совершения ихъ богослуженій. Они ему сказали, что имъ запрещено служить на томъ же престолѣ и даже въ той же церкви, что и католикамъ. Въ отвѣтъ на это капитанъ за-

явилъ, что можетъ быть одинъ престолъ (собственно только скрыня) для греко-католиковъ, а другой для греко-оріентальныхъ (православныхъ). Относительно того, что нужно нашему клиру, кое-что у него въ тетрадкѣ уже было отмѣчено, навѣрно въ другихъ баракахъ ему уже сказали.

Вотъ и дождемся здѣсь наконецъ церкви и престола и возможности служить богослуженія, какъ полагается, исполнять наши душпастьрскія обязанности въ заключеніи. А наши церкви тамъ, въ родномъ краю, опустѣли. А наши престолы въ нихъ долго ждутъ нашего возвращенія, и сердце каждаго изъ насъ жаждетъ и ждетъ тоскливо того времени, когда мы сможемъ тамъ, въ своей церкви и передъ своимъ престоломъ, служа литургію, вознести руки и души горѣ.

Днесъ посѣтилъ я о. Сеника. Онъ лежитъ, страдая болью зубовъ и головы. Мы заговорили о предстоящей намъ поѣздкѣ и оба согласились въ томъ, что въ настоящій моментъ считали бы ее истиннымъ благодѣяніемъ, ибо наши власти здѣсь могутъ и дальше мучить насъ всячески, примѣняя самую строгія мѣры карантина (закрытіе кантинъ, прекращеніе почтовыхъ и телеграфныхъ сношеній, запрещеніе взаимныхъ посѣщеній обитателей отдѣльныхъ бараковъ и т. п.). Но вопросъ только выдадутъ ли насъ, когда насъ потребуютъ во Вѣну? Не отдѣлаются ли и въ этомъ случаѣ указаніемъ на карантинъ?

Ночью постовой прокололъ одного крестьянина.

30 дек. — Сверху солнце, внизу грязь. Д-ръ Могильницкій заявилъ, что крестьяне переносятъ брюшной тифъ въ общемъ легко, а пятнистаго нѣтъ. Хвалитъ Господа! Всѣмъ намъ полегчало, когда это узнали, и бодрость вселилась опять въ сердца наши.

Нѣкоторыя семьи переходятъ въ 30-ый баракъ и я хотѣлъ туда перейти съ Янкомъ и сватомъ. Ходилъ къ Коломыйцу, но его не засталъ, просилъ брата, неудалось бы и намъ получить одну каюту, но это кажется, не удастся. При-

дется ждать завершения постройки другого барька. Въ Вѣну не вызываютъ.

Въ первой серіи (десять бараковъ) состоялся врачебный осмотръ (ревизія). Побезпокоено и насъ. Всѣ вышли передъ баракъ и стали четверками. Весь этотъ осмотръ производится, повидимому, такъ, чтобы подорвать и подавить въ людяхъ всякое чувство стыда. У нѣкоторыхъ субъектовъ вздрапывали орубѣли нравы. Поведеніе нѣкоторыхъ (обоихъ пола) таково, что при ихъ видѣ невольно спрашиваешь, не интерно-

при обыскѣ у него было найдено много чужихъ вещей, денегъ и пр. Арестованы также и его сообщники или, какъ онъ самъ назвалъ ихъ, „золотыя канарейки“. Спасибо и признательность за это о. Гумецкому, который собралъ весь обвиняющій Deutscher а матеріалъ и свидетелей и въ старательно и вѣско обоснованной жалобѣ предложилъ его прежде всего капитану Штрику, съ тѣмъ, чтобы, съ нимъ ознакомившись, передалъ его полковнику, а, если бы это сдѣлать ему было неприятно, возвратилъ его ему

Internierten-Lager Thalerhof.

№ 1182

Name des Internierten:

Kumin'ska Poljanna

Baracke № (XXX) XII

ТАЛЕРГОФЪ.

Легитимация интернированныхъ въ Талергофѣ.

ваны ли они здѣсь съ той цѣлью, чтобы вносить разложеніе и деморализацію среди заключенныхъ, подобно какъ съ другой цѣлью доносчики и „шпицли“. Къ этому повидимому, ведутъ и на это рассчитаны и постоянныя униженія и оскорбленія, которымъ подвергаются узники, и ругательства, и тѣснота и скудность въ баракахъ и разрывъ семействъ, и общія отхожія мѣста для мужчинъ и женщинъ и мн. др.

31. дек. — Полковникъ приказалъ Deutscher-а замкнуть послѣ того, какъ

(о. Ю. Гумецкому). Но жалоба затѣмъ пошла правильнымъ путемъ и въ результатѣ Deutscher, настоящій палачъ и истязатель невинныхъ людей, попался. Его „канарейки“, въ ихъ числѣ студенты-мазепинцы, были комендантами преимущественно въ III серіи бараковъ и притѣсняли и преслѣдовали безнаказанно много невинныхъ людей долгое время и только теперь вмѣстѣ съ его пораженіемъ, спотыкнулись.

Говорятъ, что императоръ распорядился аблицію, т. е. прекращеніе уго-

ловнаго преслѣдованія интернованныхъ, но не знаемъ, вѣрно ли это. Если бы это было вѣрно, я не поѣхалъ бы въ Вѣну.

Тифозная эпидемія ослабѣваетъ, покойниковъ бываетъ ежедневно по 3—5 человекъ, заболѣваютъ простые люди и интеллигенты, но случаевъ смерти среди послѣднихъ бываетъ меньше.

Составилъ днесъ телеграмму въ Младый Болеславъ на адресъ фирмы слѣд. содержанія: Drahtet wo und ob gesund Bohdan. Maszczak (Телеграфуйте, где и здоровъ ли Богданъ). Отвѣтъ я уплатилъ. Телеграмма пойдетъ завтра. Очень хотѣлъ бы узнать, что съ Богданомъ.

Мошенничества Deutscher-а (румынского еврея): По уходѣ изъ гангара Вигошинскаго, какъ Zimmer-коменданта, занялъ его мѣсто Deutscher и сразу же начались его злодѣянія. Занялъ у о. Евгенія Хиляка 5 кронъ и взялся за операціи съ тютюномъ. Покупалъ табакъ и продавалъ его находящимся подъ его надзоромъ людямъ по 1 кронѣ. При выдачѣ пищи былъ щедрымъ по отношенію тѣхъ, которые дали ему взятку и обижалъ остальныхъ. При полученіи заключенными одежды, больше чѣмъ другіе получали тѣ, кто у Deutscher-а окупался. Онъ получалъ для раздачи крайне нуждающимся одѣяла и коцы, но имъ ихъ не передавалъ, а продавалъ. Составлялъ и представлялъ администраціи ложные списки нуждающихся. Непокорныхъ, протестующихъ и жалующихся на эги злоупотребленія и притѣсненія, билъ безъ милосердія. Послушными помощниками у него были такіе палочки, которые по его жесту бросались на человекъ и избивали до полусмерти. Бывали случаи, что эти его палочки поздней ночью кидались какъ звѣри на спящаго узника и били и душили (давили) его. Не одинъ изъ заключенныхъ отъ этихъ побѣвъ вскорѣ и умеръ. Приводилъ блудницъ, насаждающихъ деморализацію, особенно невозможно было поведение одной румынки. Съ таковой одной онъ самъ развратничалъ на глазахъ окружающей среды, нисколько не стѣсняясь тѣмъ, что съ одной стороны тутъ

же лежалъ и умиралъ больной, а съ другой также сблизка смотрѣли два мальчика (А. и К.). Если полковникъ давалъ заключеннымъ нѣкоторыя льготы, Deutscher опаздывалъ съ объявленіемъ объ этомъ. Такъ когда полковникъ позволилъ всѣмъ кто хочетъ, курить, то Deutscher объявилъ объ этомъ въ гангарѣ только недѣлю спустя, а за это время усиленно торговалъ. Впрочемъ перечислить всѣ его продѣлки нѣтъ никакой возможности, ибо тѣ, кто находился подъ его властью, сообщаютъ все новыя и новыя.

Январь 1915 г.

1. янв 1915 г. — Былъ ночью морозъ и мы имъ довольны — можемъ разъ наконецъ по-суху пройтись. Въ грацкихъ газетахъ тонъ бодрый, хотя замѣтно что слово „Friede“ (миръ) падаетъ все чаще.

Вчера приходилъ Иванъ Федиковъ и просилъ его днесъ исповѣдать. Очень осунулся старикъ и кажется, что сложить свои кости въ Талергофѣ. Я попросилъ о. Вл. Венгриновича принять его исповѣдь что онъ сегодня и сдѣлалъ. Узналъ я, что Василь заболѣлъ. Я попросилъ д-ра Могильницкаго ухаживать за нимъ и самъ уплачу. Настроеніе у всѣхъ насъ все болѣе и болѣе подавленное приближается сочельникъ и каждый изъ насъ чувствуетъ, что онъ долженъ бы быть отпразднованъ нами не здѣсь, а въ родномъ краю и въ своей семьѣ.

Днесъ узналъ я, что третьяго дня умеръ 14-лѣтній мальчикъ сынъ о. Юліана Барановскаго изъ Скоморохъ новыхъ. Онъ бѣдняга попалъ въ гангаръ и поздно перешелъ въ послѣдніе бараки. Лишенный теплой одежды и денежной поддержки — погибъ. Вотъ еще одна жертва своеволия нашей жандармеріи. Оторвали мальчика отъ родителей, лишили всякой опеки и убили. За что? — не знаю, по дикой прихоти. Даже ни разу никогда его не допрашивали, не навели никакихъ о немъ справокъ, не сказали ему, нездорѣваютъ ли его и въ чемъ.

2. января. — Легкій приморозъ, потомъ оттепель, а вечеромъ дождь. Вечеромъ о. Крушинскій, комендантъ VI барака, огласилъ фамиліи 46 лицъ, выпущенныхъ на свободу.

Померъ Иванъ Федиковъ. Надъ покойникомъ о. Венгриновичъ и я отслужили панихиду (онъ лежалъ еще на постели). Петро К. прислуживалъ дьякомъ. Возвращаясь съ панихиды, я поступилъ въ 17-ый баракъ, къ Василю Мартынову — онъ боленъ, весь въ жару. Я просилъ д-ра Могильницкаго присматривать за нимъ. Посѣтилъ его вчера и днесъ, хотя днесъ жаръ, кажется, чутьчуть ниже, но бол.ной горитъ, весь почервонѣлъ. Сказалъ ему, что буду у него и завтра, принесу лимонъ на лимонадъ.

3. янв. Всю ночь лилъ дождь. До обѣда опять прочли 58 фамилій освобожденныхъ крестьянъ.

Послѣ обѣда купилъ 4 лимона и сахару и отправился въ 17-ый баракъ. По пути встрѣтился съ д-ромъ Могильницкимъ. Онъ сказалъ, что Василь особенно тяжело страдаетъ, ибо у него кромѣ тифознаго жара и невралгія одной половины лица. Около больного Василя наодятся Франко Горянка, Павелъ Людкевичъ, Михаилъ Лотоцкій, Юрій Токаръ и Илія Гопаль. Я постоялъ у его постели нѣкоторое время, угѣшалъ какъ могъ и, поручивъ его опеку окружающимъ ушелъ.

Писалъ о. Юркевичъ, что былъ въ испанскомъ посольствѣ, передалъ наше письмо и просилъ чрезъ русское правительство увѣдомить наши семьи въ Галичинѣ о нашемъ мѣстопребываніи и здоровьи. Далъ бы то милостивый Господь, чтобы всѣ наши тамъ скоро узнали о насъ, а то они убиваются и скорбятъ, ничего не зная о нашей судьбѣ уже такъ долго.

Телеграмму въ Младый Болеславъ къ Лавр. и Клементъ можетъ быть завтра удастся выслать, спрашиваю въ ней, живъ ли и гдѣ Богданъ; отвѣтъ уплаченъ.

Вечеромъ прибылъ новый транспортъ узниковъ отъ Горлицъ на Лемковщинѣ. Говорятъ, что вся Лемковщина занята русскими войсками, что около

Граба 25.000 австр. солдатъ попало въ плѣнъ, а что и какъ есть на дѣлѣ, точно узнать невозможно.

4. янв. — И въ эту ночь лилъ дождь.

Днесъ въ 12 ч. внезапно скончался на ударъ сердца о. Сѣлецкій. Пошелъ вмѣстѣ съ Гисовскимъ въ кантину достать вина, такъ какъ врачъ позволилъ ему и прописалъ пить вино. Кантинерка не хотѣла ему продать и набросилась на него съ бранью, что „такимъ измѣнникамъ, которые посылаютъ жалобы, вино не продается!“ Слыша это, о. Сѣлецкій, впалъ въ такое волненіе, что покачнулся и палъ на землю мертвымъ. Впрочемъ, его уже вчера вечеромъ страшно потрясла роковая вѣсть, сообщенная новоприбывшими людьми съ транспортомъ отъ Горлицъ, что его приходъ до тла разорень и сожжень. Всю ночь не спалъ и былъ крайне разстроенъ. Мы ѣли обѣдъ, когда о. Олимпъ Полянскій пришелъ и извѣстилъ объ этомъ зятя покойнаго, о. Ст. Гайду. Вѣсть эта всѣхъ насъ больно поразила, ибо покойнаго всѣ уважали и любили. Вотъ и жизнь человѣческая!... Покой его доброй душѣ! Вѣчная ему память!

Вечеромъ изолювали VI баракъ, такъ какъ тамъ одинъ заболѣлъ тифомъ. Опять всѣ мы въ уныніи. Продлится карантинъ, прекратится почтовый обмѣнъ и движеніе, а тѣ, которымъ уже объявлено освобожденіе и даже выданы легитимации, будутъ вынуждены здѣсь дальше оставаться и ждать, ждать безъ конца.

Читалъ я свѣжія газеты (между прочими Zeit), узнаемъ, что въ Угорщинѣ хлѣба (жита и пшеницы) очень мало. Похоже на то, что воюющая противная сторона пригласитъ на помощь Японію. И какіе же тутъ виды на близкій конецъ войны?

5. янв. — Мороза нѣтъ. Болото, тяжело перейти. Просимъ Бога о хорошей погодѣ, тогда вѣроятно и болѣзни прекратились бы.

На похороны о. Сѣлецкаго пошли мы и хоръ. Съначала полковникъ распорядилъ, чтобы похороны о. Сѣлецкаго состоялись, какъ всякаго другого заключеннаго,

то значить безъ участія постороннихъ, а только въ присутствіи ближайшихъ родственниковъ и еще кое-кого. Но въ дѣло вмѣшался капитанъ Strick, который очень любилъ покойнаго, и по настоянію капитана, полковникъ разрѣшилъ участіе хора и другихъ заключенныхъ.

Общій карантинъ. „Вахи“ (стражу) отъ насъ забираютъ, кантины сносятъ и предпринять цѣлый рядъ другихъ мѣръ на подобіе тѣхъ, которыя принимаются во время холеры. Вотъ какковы намъ будутъ праздники Рождества Христова!

Но кажется, что карантинъ долго длиться не сможетъ. Дѣло въ томъ, что изъ-за него и офицерамъ нельзя отсюда ѣздить въ Граць и они будутъ весьма заинтересованы въ томъ, чтобы эта изоляція была отмѣнена.

Номеръ могилы о. Сѣлецкаго 264.

Изъ нашего барака освобождены три священника, оо. Черкавскій, В. Гургула и Коростенскій, съ отмѣткою на ихъ легитимацияхъ, что они должны находиться далеко отъ прифронтовой полосы.

6. янв. — Навечеріе Рождества Христова — нашъ Святъ Вечерь!

Морозъ. Ясно. И такъ, мы всѣ надѣялись, что на Рождественскіе праздники, мы не будемъ въ Талергофѣ, а вернемся въ Галичину. Ходили слухи, что насъ, священниковъ, отправятъ на родину, но все это — обманъ. Горько, жалко и тяжело на душѣ. Каждый думаетъ о домѣ, о родныхъ, каждый душой и сердцемъ въ той родной мѣстности, изъ которой вырванъ внезапно и насильственно. Каждый чувствуетъ и знаетъ, что тамъ у его родныхъ и близкихъ, также днесъ — печаль, скорбь и горечь. Тамъ теперь наши жены и дочери готовятъ, вѣроятно, кое-что на вечерю и — заливаются слезами, а другія, быть можетъ, и не въ своей хатѣ, а гдѣ-то у чужихъ слоняются и онѣ тоже плачутъ, оплакиваютъ свою горькую судьбу, вспоминая лучшее, счастливейшее прошлое, когда такъ уютно, тихо и покойно жилось въ своей семьѣ и такъ свѣтло и весело праздновался

Святъ-Вечерь... Га, что-жъ подѣлаешь? такъ, видно, Богу угодно было!

Что-же, мы убиваемся и терзаемся, а наши сыновья на поляхъ сражений гибнутъ отъ пуль, ранъ, мороза и голода. Кто все это увидитъ, прочувствуетъ, мысленно объемлетъ, разберетъ? А когда туда полетишь мыслями, и вообразишь себѣ, что находишься на ихъ мѣстѣ, купно съ ними страждешь, переносишь всѣ тягости, опасности и переживания, падаешь мгновенно подкошенный и въ невыносимыхъ страшныхъ мученьяхъ кончаешь свою жизнь въ такой какъ тамъ обстановкѣ, то вздохнешь и скажешь: все таки мнѣ здѣсь лучше!

Съ утра я ходилъ. Около 9 ч. Янко пошелъ въ кантину и принесъ селедку (за 30 гел.) и булку за 44 гел. — вотъ и все на наши праздники. Вчера я купилъ швейцарскаго сыра на 1 крону. Подѣлился съ Янкомъ. Ни яблокъ, ни ничего другого крайне необходимаго, не доставили намъ наши кантинары. Можетъ быть, всему помѣшалъ карантинъ.

Въ 11 ч. отслужили мы царскіе часы. Объявлено о выѣздѣ 100 человекъ на свободу (теперь ежедневно объявляютъ), завтра они получаютъ легитимацию.

На обѣдъ получили мы густые макароны, помазанные, конечно, не масломъ, а чѣмъ-то инымъ, кунероломъ, что ли.

Къ вечеру Телесницкій обратился къ собраннымъ со словомъ слѣд. содержания: Судьба рѣшила, что мы должны провести праздники Рождества Христова здѣсь, въ тюрьмѣ. Но вѣрность и служеніе великимъ идеямъ требуютъ и великихъ жертвъ. Со скорбью въ сердцѣ будемъ днесъ одни (священники) служить, другіе (міряне) слушать великое повечеріе съ литією, послѣ которыхъ каждый изъ насъ получитъ частицу поблагословеннаго хлѣба и пшеницы и, вкушая ихъ, вспомнитъ наши Рождественскіе праздники на родинѣ. Грустно здѣсь намъ и тамъ нашимъ роднымъ, оплакивающимъ, быть можетъ, насъ и считающимъ насъ погибшими. Въ нынѣшнихъ здѣшнихъ условіяхъ и обстоятельствахъ не могу сказать вамъ по обычаю, что желаю вамъ веселыхъ

праздниковъ, но я вамъ желаю здоровья, силъ, терпѣнія и мужества перенести пообдно всѣ выпавшія намъ испытанія и удары и дожидаться скорого освобожденія и возвращенія на родину.

Слова эти многихъ тронули до слезъ.

Купилъ за 70 гел. „струдель“ (родъ пирожнаго) — вотъ теперь и будетъ больше по праздничному!

А вѣсти получаютъ невеселыя. Выпущенный на свободу и проживающій

Рахмиструкъ (каедральный дьякъ изъ Черновець) лишился днесъ и сливовицы и рома и палъ духомъ совсѣмъ. Да и другимъ невесело. Чаю удалось намъ раздобыть да и то маленечко. Въ 4 ч. подали чай.

Въ 5 ч. 30 м. въ баракѣ поставили столецъ (низкій столикъ), положили на него немножко соломы (вмѣсто сѣна), прикрыли обрусомъ, поставили пару свѣчекъ, 5 хлѣбцевъ, миску сваренной пшеницы, чашку вина и баночку оливы и

ТАЛЕРГОФЪ. Дѣтскій баракъ.

теперь во Вѣнѣ о. Круликовскій пишетъ, что ему не выплатили всей конгруи за прошлые мѣсяцы, а выдали ему только нѣкоторый зачетъ, такъ что жить, все равно, не-начто. Вотъ-те перспектива! Могутъ такъ же и намъ не выплачивать конгруи и чѣмъ же намъ, если бы мы и были отсюда освобождены и только конфинированы, жить тогда? Мнѣ свою малость денегъ нужно беречь, чтобы на всякій случай имѣть при себѣ по крайней мѣрѣ на желѣзнодорожный билетъ.

передъ всѣмъ этимъ отслужены были великое повечеріе и литія. Послѣдовало „мированье“ (елеопомазаніе), совершенное о. Гелитовичемъ, при общей трапезѣ. По очереди каждый со своею ложкою, проходя около столика покушалъ пшеницы и вина и мировался. Хлѣбцы, съ печатками наверху, были мелко крошены и розданы всѣмъ въ баракѣ по кусочку. Все это, въ крайне убогой и высокаторжественной обстановкѣ, было весьма трогательно и умирительно.

Потомъ пошли взаимныя благопожеланія. Другъ друга обнимали и цѣловали, а изъ устъ слышались однѣ и тѣже пожеланія: Дай вамъ и намъ, Господи, скоро выйти на свободу и увидѣть родную змлю!

Затѣмъ пошелъ я къ Янку—онъ въ III Zug-ѣ (взводѣ) — на гечрю. Янко позаботился: капуста, сыра, „москаля“—селедку, медъ и булку (Milchbrot), яблоки поставилъ на столчикъ. Я принесъ свой „струдель“ съ яблоками. Такъ кушали мы и попили чаецъ. Посидѣли мы, поговорили о родинѣ и близкихъ, неразъ задрожалъ голосъ въ горлѣ, но каждый старался владѣть собой, чтобы не разстраивать другого. Въ 8 ч 30 м. я возвратился во свояси. Стали колядовать, а такъ какъ колядника (книжки съ колядами) нѣтъ, то такъ, по памяти, каждый съ коляды по 1 — 2 строфы.

(Отъ брата Иосифа получилъ я теплый коць, который стелю себѣ на сол-му, отчего мнѣ и теплѣй спать).

Вчера газета Volksblatt принесла передовицу п з. Die Stellung des Papstes in dem Weltkrieg (отношеніе папы къ всемірной войнѣ), въ которой говорится, что папа Бенедиктъ XV прилагаетъ старанія и усилія къ заключенію мира. Тронуло насъ это. Мы б дрѣ пропѣли: „Слава во вышнихъ Богу и на землѣ миръ, во человецѣхъ благоволеніе“ — и маленькая надежда на миръ, какъ святъ-вечерняя звѣздочка засіяла въ сердцахъ нашихъ.

7. янв.—Рождество Господа нашего Иисуса Христа. Морозъ. Всѣ ходятъ съ угра. И въ переулкахъ видно много людей, высказывающихъ благопожеланія и лобызавшихъ другъ друга. Наши 6 телеграммъ, которыхъ отправить администрація не хотѣла и возвратила, и изъ-за которыхъ полковникъ еще злился, что въ нихъ ложь подана—днесь отправлены. Солдатъ-чиновникъ самъ заявилъ намъ, что телеграммы днесь могутъ отойти. Мы обрадовались. Въ телеграммахъ мы просимъ, чтобы насъ пустили на свободу. Въ телеграммѣ къ императору заключается просьба, чтобы издалъ аболіцію для тѣхъ, которые обвинены. Слава

Тѣбѣ, Господи, день Рождества Христова для насъ по-истинѣ радостенъ!

Еще одно: Днесь по телефону спрашивалъ генераль Курьловичъ изъ Вѣны нашу команду, здоровъ ли здѣсь его братъ Никифоръ. Самъ полковникъ Штадлеръ прибѣжалъ въ 30-ый баракъ къ Никифору посмотрѣть, здоровъ ли онъ. Знаменательно въ этомъ случаѣ то, что генераль до сихъ поръ не желалъ признаваться къ родству и не помогъ Никифору, несмотря на его постоянныя мольбы, вырваться изъ Талергофа. Ажъ днесь все таки вспомнилъ.

Отслужили обѣдницу. Хоръ пѣлъ. Послѣ обѣда купилъ я 3 булки (Milchbrot) и апельсиновъ и пошелъ въ 17 ый баракъ, занести заключеннымъ тамъ моимъ прихожанамъ, „коляду“. Увы! тамъ караульный солдатъ встрѣтилъ меня своимъ громко рѣвкимъ: zu rück! (назадъ), ибо баракъ попалъ въ число изолированныхъ. Я булки принесъ и отнесъ 2 изъ нихъ Янку, одну же самъ съѣлъ съ кофе.

Д-ръ Могильницкій сказалъ мнѣ, что Василь въ жару — быть можетъ у него тифъ

Вечеромъ опять огласили фамиліи около 60 освобожденныхъ, преимущественно крестьянъ.

8. янв. — Соборъ Пресв. Богородицы, св. Иосифъ. Вчера вечеромъ высказали мы благожеланія нашимъ товарищамъ Иосифамъ. Днесь утромъ, послѣ „мированья“ я высказалъ пожеланія брату. Былъ легкой морозецъ, около полудня настала оттепель и грязь будетъ до вечера. Отслужили обѣдницу до полудня.

Говорятъ будто Владимира Курьловича пустили на свободу въ Вѣнѣ и что, быть можетъ, это обстоятельство вселило храбрость въ брата генерала спросить вчера по телефону о здоровьи Никифора. Если же Владимира освободили, то предполагаю, что меня не будутъ вызывать во Вѣну, вѣдь же онъ тоже былъ въ Совѣтѣ. Дай это, Господи! Велий-еси Господи и дивни суть дѣла Твоя и ни едино же слово довольно есть къ похваленію чудесъ Твоихъ.

Вечеромъ роздалъ о. Преличъ одежды. Всѣ записавшіеся получили — ни-о-

му не отказано. Вышли и куріезы, такъ какъ часто низкіе росомъ получили штаны большихъ размѣровъ, а высокіе, напротивъ, малыхъ.

9. янв. — Морозъ. Холодно. Въ нашемъ баракѣ строятъ печь изъ кирпича. Началъ объявили, что слѣдствіе противъ него по Anzeig-u (доносу) приостановлено, но интернированнымъ все таки остается! Люди страдаютъ все больше и больше ревматизмомъ. Мой ссѣдъ Феофиль Костецкій стонетъ. Принимаетъ отъ времени до времени аспиринъ, который ему временно помогаетъ. Выпилъ утромъ стаканъ сливокъ (20 гел).

Днесь помѣстили въ наши гангары 6 аэроплановъ для ремонта и издано распоряженіе, чтобы мы, во время ихъ полета, не выходили, а сидѣли въ баракахъ. Вечеромъ сыгралъ я партію преферанса.

10. янв. — Мороза нѣтъ, грязно. Отслужили обѣдницу. Померло 13 человекъ. Испугъ опять пошелъ по баракамъ Уныніе овладѣло всѣми, тѣмъ болѣе что на дворѣ грязь — неприятно. На театрѣ военныхъ дѣйствій безъ перемѣнъ

11. янв. — Морозъ, день ясный и приятный. Отъ днесь начинается дѣйствовать наша баня. Днесь должны идти купаться изъ VII барака, а завтра мы, лишь бы не простудиться!

Уже до полудня было свыше десятка покойниковъ. Ужасъ! Вымретъ здѣла, на чужинѣ, русский народъ весь, если Господъ надъ нимъ не смилосердится. Нечего и думать о легитимаци и объ освобожденіи.

Съ полудня настала оттепель, грязь, но холодно. Всякій бѣжитъ въ баракъ, а здѣсь тепло и мило, ибо здѣсь ставятъ печь изъ кирпичей. Замѣчательный способъ сооруженія печи безъ „Luft-овъ“ (отдушинъ), но у каждой печки труба. Въ печкѣ имѣется вставленный Blatt (плита), такъ что можно варить или пригрѣвать пищу. Послѣ обѣда народъ спитъ по баракамъ. Я сплю въ брюкахъ и теплой жилеткѣ, опасаясь ночной простуды и дѣйствія ревматизма.

Въ Грацѣ снова состоялось будто бы вѣче, на которомъ потребовали снесенія талергофскаго лагеря.

12. янв. — Д-ръ Н. Глѣбовицкій составилъ днесь телеграммы депутатамъ Гормузаки и Крамаржу съ просьбой, чтобы они ходатайствовали по дѣлу нашихъ телеграммъ, посланныхъ 7-го января императору, нунцію и четверемъ министрамъ. Неизвѣстно, будутъ ли эти наши телеграммы приняты

До полудня умерло 6 человекъ, одинъ ребенокъ. Шугатуриваніе печи днесь завершаютъ. Купанье всѣ хвалятъ. Съ нетерпѣніемъ выжидаемъ очереди.

До вечера умерли еще 5 чел. Телеграммы къ Крамаржу и бар. Гормузаки не приняты, но въ то же время телеграмма польскаго ксендза В. Замойскаго принята!

Въ газетахъ пишутъ, что будто „Русское Слово“ писало недавно, что Россія, Франція и Сербія могли бы уже заключить миръ, такъ какъ Англія ѣздитъ на Россіи, какъ ѣздокъ на скаковой лошади.

13. янв. — Морозъ. Утро хорошее, но холодное. Я всталъ въ полов. 7 ч.

Администраціей получена телеграмма изъ Вѣны, что с. д-ръ Масцохъ назначенъ настоятелемъ прихода въ Талергофскомъ лагерѣ. Догадались наконецъ сдѣлать это послѣ того, какъ на талергофскомъ кладбищѣ усыпаны уже 320 могилъ надъ тлѣнными останками тѣхъ нашихъ людей, которые умерли безъ исповѣди, такъ какъ не дано нашимъ священникамъ разрѣшенія на это. Кто же отвѣтитъ предъ Богомъ за души 320 покойниковъ, умершихъ безъ покаянія? А вѣдь же въ свое время, еще въ началѣ октября, обращался д-ръ с. Малинякъ къ грацкому архіепископу съ просьбой, чтобы далъ намъ, священникамъ, диспензу исповѣдывать и совершать надъ больными таинство елеосвященія. Но безъ результата. Никто не откликнулся на нашу просьбу, никто изъ высшей духовной іерархіи не пожелалъ посѣтить насъ здѣсь, выслушать наши пробы, поинтересоваться нашимъ положеніемъ. Никто! Вотъ какъ Римъ ве-

деть себя въ такихъ случаяхъ! Одно у него на словахъ, а совершенно другое на дѣлѣ! Испытали мы это на сѣмихъ себѣ здѣсь, въ Талергофѣ.

Ежедневно надъ нашими бараками летаютъ аэропланы.

Вчера передалъ я брату Юсифу на карточкѣ фамилии 6 лицъ, желающихъ получить въ новомъ баракѣ для себя отдѣльную кабину. Записаны тамъ: Я, Юсифъ, о. Діонисій Кисѣлевскій, о. Потерейко, судья Теофиль Костецкій (одна фамилія печет.).

Днесь заканчивается Старый Годъ. Послѣ обѣда служить вечерня.

Вчера надъ больнымъ о. Юсифомъ Черкавскимъ, священники (оо. Процыкъ, Плешкевичъ, Ст. Крушельницкій) совершили елеосвященіе. Онъ — 75-лѣтній старикъ.

Померло 20 чел.!

14. янв.—Новый Годъ. Пошли пожеланія: здоровья, освобожденія и мира. Морозъ и сухо, но и стужа порядочная.

Берхтольдъ вышелъ въ отставку. Такъ какъ его считаютъ газеты сторонникомъ и виновникомъ войны то съ его уходомъ надежды на миръ больше. Его мѣсто занялъ Буріанъ.

Вечеромъ скончался о. Юсифъ Черкавскій. Панихиду отслужилъ о. Малинякъ.

15. янв. — Морозъ Воздухъ приятный. Собралось насъ 15 чел., слѣжили по 50 гел. и удалось намъ пойти въ баню, не дожидаясь, когда придетъ очередь на нашъ баракъ. Купанье всѣмъ намъ было приятно: вымылись порядочно и стали и почувствовали себя болѣе здоровыми.

Покойниковъ было 7 чел.

16. янв. — Морозъ. Послѣ купанья спать отлично. Ходятъ слухи, что будутъ черезъ 2 — 3 недѣли насъ освободятъ. Одинъ священникъ получилъ письмо изъ Вѣны, въ которомъ сообщается, что всѣ священники въ преклонномъ возрастѣ будутъ освобождены.

Говорили мы съ полковникомъ объ устройствѣ водосвятия въ день Богоявленія. Полковникъ отказалъ вѣжливо въ разрѣшеніи, ссылаясь на то, что теперь въ баракахъ эпидемія.

17. янв. — Морозъ. Чудный день, ясный съ самаго утра. Я гуляю съ утра и пользуюсь свѣжимъ воздухомъ. Писалъ кто-то изъ Вѣны, что о. Филясъ поѣхалъ въ Римъ будто бы въ нашѣмъ дѣлѣ. Вотъ и обманываемъ самихъ себя всякими слухами, вѣстями взятыми — какъ о. Евгенийъ Хилиакъ говоритъ — aus der Bzdura (глупости) — Zeitung, редакция которой въ VI баракѣ, а ответственнымъ редакторомъ о. Крушинскій.

Покойниковъ 14 чел. Скоропостижно померла жена о. Лесчеты отъ разрыва сердца. Вотъ и еще одна наша матушка почіетъ на талергофскомъ кладбищѣ. Отслуженъ акаѳистъ къ Покрову Пресв. Богородицы.

Говорятъ, что въ теченіи 14 дней всѣхъ насъ распустятъ. Однихъ пустятъ на волю, часть же будетъ конфинována, именно въ Грацѣ тѣ, у которыхъ уже будетъ обвинительный актъ, а всѣ прочіе интернированные будутъ переведены въ иную мѣстность, куда-то 3 — 4 мили отъ Граца. Такую вѣсть получилъ судья Гисовскій отъ офицера. Вѣрно ли это? Ахъ, сколько уже подобныхъ слуховъ было!

18 янв. — Спать хорошо. Холодно. Всталъ рано. Канунъ Богоявленія. Въ 10 ч. отслужили царскіе часы, а за тѣмъ о. Гелитовичъ, въ сослуженіи оо. Юанна Мащака и Сенишина, водосвятіе. Вода была въ 3 сосудахъ. Наши люди сдѣлали изъ дерева 3 трикирія, въ которые водружены были свѣчки, какія удалось достать. Водосвятіе совершено было по требнику. Торжественно — многозначительно раздавались произносимыя священнодѣйствующими слова: „Велий еси Господи и чудни суть дѣла Твоя и ни едино же слово довольно есть къ восхваленію чудесъ Твоихъ“. Да, „чудныя дѣла“, это видимъ теперь!

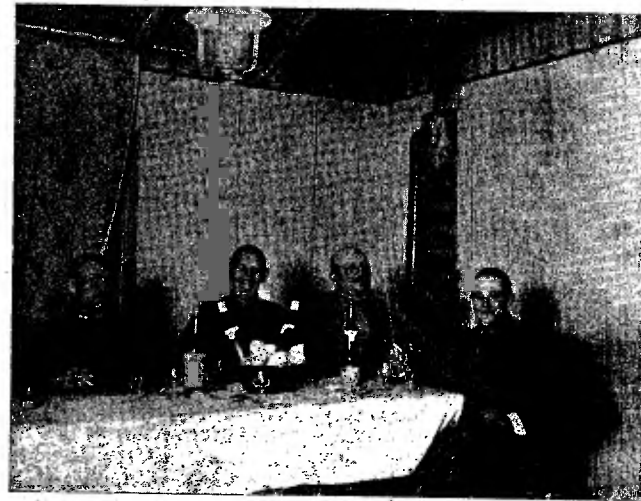
По водосвятии о. Гелитовичъ окропилъ баракъ и наши логовища, подавая каждому къ лобызанію крестикъ.

Вечеромъ отслужилъ катихитъ гимназіи въ Перемышлѣ, о. Савчинъ, поечеріе великое съ литією. Положены были просфоры (6, но меньшая чѣмъ на Рождество), вареная пшеница, вино и елей. Затѣмъ состоялось „мированіе“.

Покрошенная просфора была роздана всѣмъ въ баракѣ. Никакого самаго скромнаго подобія вечера устроено не было. Къ вечеру получили, какъ обыкновенно, кофе.

Чеснокъ дорогъ — головка по 20 гел., правда, довольно крупная, но уже пускающая побѣги. Я ѣмъ его охотно и ежедневно: питаюсь здѣсь постоянно одними и тѣми же кушаньями, организмъ требуетъ отъ времени до времени чего-

Д-ръ Поллякъ объявилъ, что завтра пойдемъ купаться и перейдемъ затѣмъ въ баракъ № 2 (тамъ на нарахъ свѣжая солома). Братъ Юсифъ выхлопоталъ то, что онъ, я, Янко и старый Потерейко, перейдемъ въ баракъ № 30, на мѣсто семьи Проскурницкихъ, которая завтра тоже должна перейти, выкупавшись, въ новый баракъ и затѣмъ отбывъ тамъ карантинъ, выйти на свободу.

ТАЛЕРГОФЪ.

Санитарные офицеры-врачи въ Талергофскомъ лагерѣ.

то болѣе остраго, да и какъ дезинфицирующее средство чеснокъ годится. Покойниковъ было человѣкъ 16.

Состоялось у насъ совѣщаніе о томъ, какъ намъ добиваться все таки измѣненія теперешняго нашего нестерпимаго положенія. Рѣшили, чтобы Гисовскій и о. В. Красицкій поговорили съ капитаномъ Шмидтомъ „Erlöser-омъ и эвентуально вручили ему письмо къ президенту министровъ съ просьбой, чтобы разъ уже наконецъ всѣхъ насъ разогнали изъ Талергофа.

Ничего не выйдетъ на завтра. Узнали, что въ банѣ что-то испортилось и завтра купаться нельзя будетъ.

19. янв. — Богоявленіе Господне. Выпалъ снѣжокъ и примерзь. Воздухъ чистъ. Капитанъ Шмидтъ уѣхалъ утромъ рано (такъ дѣло съ нашей депутатей не наладилось).

Узнаемъ, что вчера вечеромъ арестовали изъ русскихъ всенсплѣтшихъ одного вольноопредѣляющагося, весьма симпатичнаго юношу (нѣмцы говорятъ)

и нашего фельдфебеля, подозрѣвая ихъ въ шпіонствѣ.

Въ 11 ч. служить обѣдницу о. Ульванскій затѣмъ водосвятіе, какъ вчера.

Состоялось совѣщаніе у насъ о томъ, чтобы пойти къ полковнику по дѣлу нашего положенія, участвовали въ совѣщаніи: оо. Дыгдалевичъ, Сапрунъ, Кисѣлевскій, Процыкъ.

Покойниковъ — 22 чел. Изъ нихъ на тифъ умерли немногіе, громадное большинство ихъ умерло на воспаленіе легкихъ. Въ нашемъ баракѣ болень уже нѣсколько дней о. Ст. Крушельницкій. Боимся, чтобы д-ръ Поллякъ не замкнулъ нашего барака. Бани будутъ приведены въ порядокъ черезъ 4 дня.

20 янв. — Морозъ на 5° Ц. Воздухъ пріятенъ. Я гуляю по цѣлымъ днямъ. Коломыець сказалъ мнѣ, что я навѣрно пойду въ баракъ № 30. Выяснилось, что о. Ст. Крушельницкій болень пятистымъ тифомъ и что днесъ будетъ переведенъ въ госпиталь. Еще 3 заболѣли. Баракъ № 4 замкнуть на 3 недѣли.

Днесъ покойниковъ — 26 человекъ! Вчера д-ръ Поллякъ сдѣлалъ предложеніе нашимъ врачамъ (ихъ есть 6 здѣсь: Могильницкій, Галяревичъ, Войтовичъ, Должя, Гизанскій (?) и Дорикъ), чтобы они принялись за службу здѣсь. Они поставили слѣдующія условія: суточные 30 кронъ, столъ офицерскій, въ случаѣ смерти, пенсія женѣ, какъ чиновнику 8-го ранга.

Двое врачей: Гиляревичъ и Войтовичъ изъ VI барака выпущены на свободу (хотя баракъ замкнуть еще на 8 дней).

Курьезъ: Въ то время, какъ люди помираютъ десятками, у насъ нашихъ врачей держать взаперти въ баракахъ! Д-ра Могильницкаго толеруютъ (терпятъ), онъ все время какъ волъ работаетъ днемъ и ночью, но его предложеній не уважаютъ и не принимаютъ къ свѣдѣнію. Больной не получаетъ ни бульона ни вина и пр., пока лежитъ въ баракѣ, а лежать, т. е. оставаться въ немъ вынужденъ ибо въ госпиталь нѣтъ мѣста. Такъ и въ нашемъ баракѣ лежатъ больные оо. Ст. Крушельницкій и

Горчинскій и не переводятся въ госпиталь, ибо тамъ нѣтъ мѣста. Лежатъ и значить распространяютъ эпидемію.

21. янв. — Появился днесъ у насъ д-ръ Поллякъ, весь надушенный, съ тросточкою, но не вошелъ въ баракъ, а остановился на порогѣ и велѣлъ привести къ себѣ больного о. Горчинскаго, чтобы увидѣть пятна на его тѣлѣ и такимъ образомъ установить болень ли онъ пятнистымъ тифомъ. Въ то время были и окна отчинены въ баракѣ. Больной, конечно, не всталъ и не пошелъ, а врачъ — пошелъ себѣ дальше.

Способныхъ людей къ работѣ согнали днесъ изъ VI барака передъ баню. Тутъ держали ихъ на морозѣ (это было въ 8 ч. утра) долго партіями купали, а затѣмъ отводили въ новый баракъ. Утромъ же объявленъ былъ приказъ чтобы всѣ за исключеніемъ духовныхъ, судей и адвокатовъ выступили, и ихъ взяли на работы, а потомъ поселить ихъ въ особомъ баракѣ какъ работниковъ.

До сихъ поръ еще не догадались, что взятые изъ однихъ бараконъ работники, будучи въ общеніи съ другими работниками изъ другихъ бараконъ, распространяютъ эпидемію по всѣмъ баракамъ. Если бы всѣ работники находились въ одномъ отдѣльномъ баракѣ, этого бы не было.

Вечеромъ забрали изъ барака больныхъ о. Ст. Крушельницкаго, о. Горчинскаго и двухъ мѣщанъ.

Покойниковъ — 24 чел. Былъ у о. Коломыйца о. Ст. Макарь и видѣлъ у него ту книгу усопшихъ, которую ведетъ врачъ д-ръ Поллякъ. Противъ фамилии каждаго умершаго тамъ отмѣчены только двоякаго рода причины смерти: одна — это *marasmus senilis* (престарѣлость), другая — *Herzfehler* (болѣзнь сердца). И ни о одно го случая *Flecktyphus* (пятнистаго тифа)! А на дѣлѣ громадное большинство заключенныхъ гибнетъ отъ простуды и воспаленія легкихъ.

Вѣдь же мы — т. е. огромное насъ большинство, почти всѣ — проводимъ эту зиму только въ лѣтнемъ платьѣ, т. е. въ томъ самомъ, въ которомъ насъ внезапно и неожиданно арестовали жан-

дармы въ первыя дняхъ августа. Крайне мало у кого есть зимнее пальто, а только у нѣсколькихъ — на 7000 человекъ! — есть шуба! Какъ же не простудиться въ такомъ положеніи въ теченіе уже почти полугода!

Но „эпидемія“ — это звучитъ иначе! Немедленно вводится карантинъ: Мы, изолированные совершенно не докучаемъ начальству депешами, депутаціями и просьбами. Тогда нѣтъ и частной корреспонденціи, мы отрѣзаны отъ всего свѣта и даже одни бараки отъ другихъ. Всякій баракъ отдѣльно влачить тяжелую жизнь изодня на день.

Есть, однако и другая сторона медали: Мы отъ нихъ уже отпустили на свободу Уйдутъ, такъ сократятся доходы, штаты... А эпидемія, карантинъ — такъ всѣ они сидятъ здѣсь и счетъ идетъ полный, по прежнему. Ахъ, придется имъ отвѣгитъ предъ Господомъ за жизнь столько тысячъ людей!

Другіе дѣлаютъ интересы на поставкѣ сѣна, овса, хлѣба, одежды и т. д., а здѣсь устраиваютъ свои дѣлишки за счетъ жизни человеческой!

22. янв. Ночью выпалъ снѣжокъ. Купалось насъ днесъ 16 чел., но вещей не дезинфекцировали. Завтра надѣюсь перейти въ баракъ № 30.

Переведены сюда изъ гарнизона въ Грацъ о. Дуркотъ изъ Добрусина, съ 2 сыновьями. Онъ рассказываетъ, что власти арестуютъ итальянцевъ и уже ихъ 20 чел. заключили въ гарнизонъ. Описываетъ какъ грубо съ ними обращаются, бьютъ прикладами и т. д. и вообще третируютъ ихъ почти такъ само, какъ насъ, русскихъ галичанъ. Говорятъ, что будто Италия усиленно готовится къ войнѣ съ Австро-Венгріей. А мы — такъ выжидаемъ скорого мира! Образуми, Господи, всѣхъ воюющихъ и приведи къ примиренію.

Покойниковъ 24 чел. 23. янв. — Вчера упалъ снѣжокъ. Днесъ мягко и пріятно.

Мы съ утра стали переселяться въ баракъ № 30, а освобожжены изъ него Свистуны, Кор... (разобрать оконч. флімілі не возможно) и др и должны были послѣ купанья перенестись въ новые ба-

раки, т. з. *Freiheitsbaracken*. Но вотъ, когда уже были готовы купаться и разодѣтые выжидали своей очереди входа въ удобный моментъ въ баню, имъ было заявлено вдругъ, что они купаться не будутъ, ибо бараки для нихъ еще не готовы. Такъ они возвратились въ свой баракъ № 30, а мы (я, Янко, старый Потерейко, вмѣстѣ съ другими) были вынуждены уже со своими узлами вернуться во свояси. Явное издѣвательство! Придется, повидимому, еще поджидать 2—3 дня.

Въ газетахъ значитъ постоянно одно и то же: *Die Lage unverändert* (положеніе безъ переменъ).

Франку Горянскому далъ 2 кроны, а Василю Мартыноку 2 кроны переслалъ Николкой Костевымъ изъ Рыкова (онъ реконвалесцентъ въ 16 баракѣ).

Покойниковъ 21 чел. 24. янв. — Оттепель. Вчерашняя *Tagespost* звучитъ мирно: народы оживились, упованіе вступаетъ въ насъ. Начальство совѣтуетъ брить бороды и усы, но не приказываетъ. Баракъ № 5 предполагаютъ замкнуть, а 6-ой открыть.

Поксйниковъ 19 чел. Въ баракѣ № 15 одинъ крестьянинъ съ тоскѣ подрѣзался.

25. янв. — Мягко. Снѣгъ падаетъ все время. Днесъ получилъ нашъ гал. рус. аптекаръ Котлярчукъ лекарства, которыхъ дожидался полныхъ 10 дней!

Давали намъ днесъ капустнякъ, всѣмъ былъ очень вкусенъ и ѣли ажъ имъ уши тряслись. Ахъ и досольны были наши крестьяне! „Дали собѣ духа“.

Покойниковъ было (зачеркнуты поочередно цифры 24,30) всѣхъ 35 человекъ! Ужась!

26. янв. — Оттепель. Снѣгу улало довольно много. Предупредили насъ, что днесъ должны мы перейти въ 30-ый баракъ, вдругъ же утромъ говорятъ, что нѣтъ, нечѣмъ топить и огрѣвать бани, ибо нѣтъ угля. Теперь 9 ч., но еще не купаются. Вотъ безголовь!

У насъ заболѣлъ Непотъ тифомъ. Ночью онъ все время сутился, чрезъ сонъ брюзжалъ, меня разстроилъ и я спалъ плохо. И вотъ на умѣ все время болѣзнь, боязнь передъ нею. Не даѣ Го-

споди (молюсь Богу ежедневно) тутъ умирать!

Въ 11 ч. переселился въ баракъ № 30. Янко со своимъ отцомъ остался еще въ баракъ 8-омъ, потому что отецъ пойдетъ въ банку, гдѣ его вещи и часть моихъ будутъ дезинфицированы. Братъ Иосифъ есть тоже. Въ комнатѣ № 18 встрѣтилъ о. Д. Кисѣлевскаго, моего Schlafkamerad-а, и Дробота: Радуюсь, что перешелъ сюда. Есть здѣсь и нары съ сѣнникомъ и помостъ и столикъ, да и тепло. Есть и кувшинъ и умывальня и бадя. Другая жизнь. Настоящее Эльдорадо, въ сопоставленіи съ тѣмъ, что до сихъ поръ было. Не вижу уже больше истертой соломы, не чувствую, чтобы колело въ почкахъ, возможно, что здѣсь и ревматизмъ меня оставитъ. Бѣсть дають здѣсь лучше, чѣмъ тамъ давали. Совсѣмъ другая обстановка. Перешли семьи Гнатышаковъ, Качмарчиковъ, Венгриновичей, Гелитовичи, Глѣбовицкіе (отецъ и сынъ) и другіе.

По полудни забрали больного д-ра Могильническаго въ госпиталь № 11. Вечеромъ отслужили мы молебень ко Пресв. Богородицѣ о дарованіи здравія нашему больному, котораго искренне всѣ жалѣемъ. Онъ человѣкъ идейный, павшій жертвой своего званія. Ни дня ни ночи не было у него свободныхъ, его друзья — это больные.

Мы постелили нашу новую постель, и уложились такимъ образомъ: отъ стѣны Иосифъ, а затѣмъ я, Дроботъ, Кисѣлевскій, Янко, старый Потерейко. Приятное чувство. Стало очевиднымъ, какъ я послѣ 5-мѣсячнаго лежанія въ проклятой берлогѣ, отвыкъ отъ обстановки домашняго устройства.

Я получилъ насморкъ. Тутъ слишкомъ тепло. Спалось хорошо, лишь электрическая лампочка свѣтитъ надъ нашей кабиной.

Покойниковъ 6 чел.

27. янв. — Спаль хорошо, какъ если бы послѣ долгаго пугешествия. Чувствую, однако, какъ будто съ моихъ ногъ испаряется сырость, какъ будто высыхаютъ онѣ теперь, набравъ въ себя за время 5 мѣсяцевъ такъ много влаги.

Проснулся бодрымъ (вчера былъ я очень утомленъ — замѣтили это мои товарищи).

На обѣдъ дали намъ капустнякъ. Всеобщее ликование по этому поводу. Капустнякъ и — сравнительно довольно много мяса. Здѣсь дають бѣсть лучше и больше чѣмъ въ другихъ баракахъ.

Изъ серьезнаго источника о. Ст. Яворскій принесъ намъ вѣсть, что полковника Штадлера устранили, а замѣщаетъ его пока что капитанъ Strick. Вотъ пришла наконечъ и ему крышка. Господь благъ и милостивъ и не хотѣлъ больше нашихъ скорбей, мытарствъ и страданій, а убралъ отъ насъ человѣка, который отнюдь ничѣмъ не заслужилъ себѣ на нашу благодарность. Съ его именемъ связаны у насъ самыя тяжелыя воспоминанія. Мы не забудемъ его по нашему адресу часто выкрикиваемыя ругательства: verräterische Hunde, Gesindel и разныя др. под.

Къ вечеру настала снѣговица. Въ баракѣ гамъ и гулъ, люди колятъ дрова, женщины въ корридорѣ говорятъ громко, а все это здѣсь отражается сильнымъ эхомъ, не то что въ другихъ баракахъ. Надо къ этому привыкнуть.

Совѣщались мы, т. е. съ оо. Венгриновичемъ, Ст. Яворскимъ, Кисѣлевскимъ какъ бы намъ поговорить съ капитаномъ, не удалось ли бы какими-то способами и средствами отвернуть отъ нашего народа бѣдствіе, нужду и эпидемію. Постановлено отправить къ нему оо. В. Красицкаго, Гумецкаго и г-на Гисовскаго.

Со скуки вечеромъ мы (я, Янко, Иосифъ) играли въ преферансъ.

Покойниковъ было 21 чел.

28. янв. — Снѣгъ падалъ всю ночь. Мягко. Я спалъ лучше.

Сколько человѣкъ ежедневно умираетъ, теперь провѣрить мнѣ трудно, но говорятъ, что все же больше чѣмъ бывало по 20 е. Люди слоняются какъ сонныя мары (привидѣнія), отъ безсилія падаютъ въ снѣгъ... Никакой помощи, никакихъ лекарствъ, ни одежды, ни поддержки, а еще солдаты гонять на работу уже совсѣмъ изнемогающихъ.

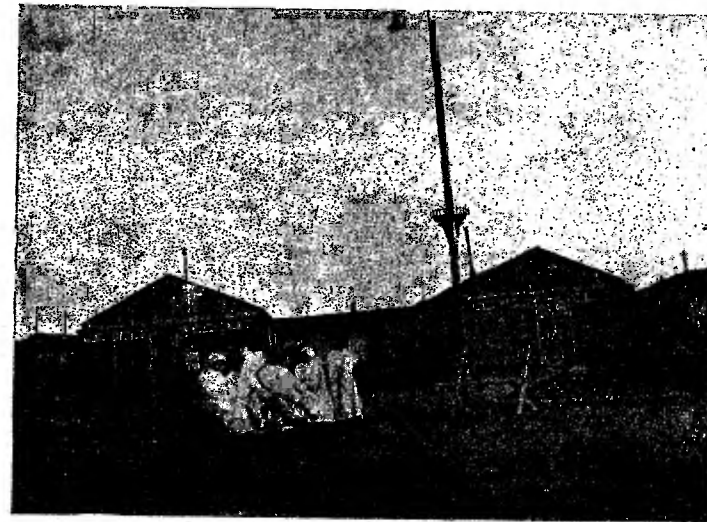
Вчера гналъ солдатъ полунагого крестьянина, чтобы несъ гробъ съ покойникомъ на кладбище. Крестьянинъ отказывался плачущимъ голосомъ, что ему распухли ноги и боленъ, но безъ успѣха.

Отчаянное положеніе: Талергофъ превращается въ одно сплошное кладбище. Уже есть свыше 500 могилъ!

Нашъ комендантъ о. Ковакъ собралъ днесъ отъ cadaго изъ насъ по 20 гел. на издержки для повара и прислуги. Такой сборъ производится ежедневно.

Отче духовный! отче духовный! Останавливаюъ и спрашиваю: Кто это? — Камѣнь уже померъ, — слышу въ отвѣтъ, — то я, Николай Быкъ. Ой, я хорый уже другій тыждень. Помогите мнѣ чѣмъ нибудь! — Я далъ ему 2 кроны и велѣлъ не студиться, а иди въ баракъ. Онъ въ жару и завернутый въ одѣяло стоитъ на морозѣ. У него также навѣрно уже тифъ.

Вѣсть о смерти бл. п. Каменя очень поразила меня и Янка. Ахъ, Господи, помоги выдержать это испытаніе и живымъ вернуться на родину!

ТАЛЕРГОФЪ. Санитарныя сестры у баракѣвъ.

Старый Потерейко сушитъ хлѣбъ, чтобы сохранить его на худшія времена. Пишутъ газеты о предстоящемъ голодѣ, а у насъ здѣсь хлѣба — о качествахъ его лучше не говорить — довольно много и народъ не хочетъ бѣсть. Много хлѣба испортилось и былъ сожженъ. Народъ такъ ослабъ, что теперь и бѣсть не хочетъ.

Покойниковъ 20 чел. (въ томъ числѣ и 3 на тифѣ).

Пошли мы всѣ трое: я, Янко и Иосифъ, въ баракъ-землянку. По пути слышу, кто-то умоляющимъ голосомъ про-

29. и 30 янв — Крѣпкій морозъ. Людей по баракамъ пронялъ онъ очень чувствительно. Намъ живется сравнительно хорошо. Новостей никакихъ.

Вечерня отслужена въ корридорѣ. Дръ Н. П. Глѣбовицкій сталъ преподавать русскій литературный языкъ и исторію русской литературы въ нашей кабинѣ.

Покойниковъ днесъ 20 чел.

31. янв. — Днесъ морозъ еще крѣпче вчерашняго. Люди трясутся и звать зубами отъ стужи. Въ баракѣ бы-

до всего + 4° С. Недостаток топлива. Въ 1-омъ карантинномъ баракѣ новые заболѣвшіе. Карантинъ для освобожденныхъ установленъ на 21 день.

На обѣдъ капустнякъ, чрезвычайно вкусный.

Покойниковъ 24 чел.

Февраль 1915 г.

1. февраля. — И днесь крѣпкій морозъ. Я пошелъ къ Красицкому и предложилъ ему переселиться въ баракъ № 30. О томъ же переговорилъ съ Телесницкимъ и часъ спустя онъ перешелъ къ намъ къ общему нашему удовольствию.

Покойниковъ 22 чел.

Съ 30-го января служимъ ежедневно въ баракѣ акафисты и молебны въ 6 ч. вечера.

Телесницкій переселился къ намъ и принесъ съ собой 1/2 литра вина. Пили мы чай съ виномъ. Играли въ преферансъ (ежедневно здѣсь играемъ).

Покойниковъ 19 чел.

2. февр. — Слабый морозъ. Комендантъ Коломыеецъ переведенъ въ карантинный баракъ, а его мѣсто занялъ Ник. Красицкій.

Конфинованы: о. Глѣбовицкій и его сынъ Николай Павловичъ.

Покойниковъ 16 чел.

Померъ нашъ гал.-рус. молодой врачъ, д-ръ Дорикъ. Событіе это сильно всѣхъ насъ поразило.

3. февр. — Самый сильный морозъ изъ всѣхъ доселѣ бывшихъ, кажется ок. 20° С., только, спустя нѣкоторое время, туманъ ослабляетъ его остроту.

Хотѣлъ бы добиться переведенія сюда Качалы, говорилъ объ этомъ съ Красицкимъ, онъ обѣщаль приложить усилій къ этому.

Топливо вышло совсѣмъ и не откуда достать его. У насъ еще топили въ печи, благодаря тому, что наши послугачи украли матеріала, но въ другихъ баракахъ, гдѣ голый народъ особенно въ теплѣ нуждается, не топлено, а морозъ въ 20° С. Вотъ порядки!

Въ баракѣ № 29 этой ночью замерло 6 чел.

Очень холодно. Я весь завернувшись въ кофъ, сижу на стулѣ и мерзну на постели сидить, скорчившись, Юсифъ. Кричимъ, чтобы топили въ печи.

Узнаемъ, что умеръ днесь ревизоръ кассъ г-нъ Павловскій изъ Галича. Жаль его — дѣльный русскій человекъ.

Днесь 6 людей замерзли.

До 9 ч. веч. было покойниковъ 21 чел.

Вечеромъ о. Діонисій принесъ намъ вѣсть, что будто Италия и Румынія послали Австро-Венгрии и Германіи ультиматумъ со срокомъ до 1-го марта с. г. чтобы заключили миръ, иначе объявятъ имъ войну также. Говорятъ объ этомъ и солдаты. Господи, умилосердись надъ бѣднымъ народомъ!

4. февр. — Мягкій морозъ, ночью и днемъ усиливается стужа. Пошелъ утромъ къ Ник. Красицкому. Явился къ нему и Пиллеръ, послѣдній говорилъ, что войнѣ не долго быть.

5. февр. — Легкій морозъ. Днесь годовщина моего рожденія. Утромъ, еще въ постели, спящій возлѣ меня Телесницкій пожалъ мнѣ руку и, не желая будить другихъ нашихъ спящихъ товарищей, тихонько высказалъ мнѣ благожеланія многихъ и благихъ лѣтъ.

Добряга Юсифъ ушелъ въ канину и принесъ мнѣ оттуда въ подарокъ „ementalera“ (т. е. эментальскій сыръ) и сигары. Первый былъ весьма кстати, такъ какъ я въ пятницу не ѣмъ мяса.

У насъ тутъ иногда устраиваютъ спиритистическіе сеансы. Вчера состоялся также въ кабинетѣ Качмар. Появился будто бы нѣкто Elazm Kusznicz, умершій въ 1913 г. Предсказалъ, что послѣ Пасхи уѣдемъ въ Галицію свободную, московскую, гдѣ благо намъ будетъ, что форты Перемышля разбиты, остался лишь „Ring“ съ городомъ, и недолго уже крѣпость продѣржится, что половина насъ вымереть и намъ предстоятъ еще многія страданія.

Нѣкто Кассіанъ Жаровскій, погибшій здѣсь въ сентябрѣ, въ гангарѣ, отъ штыка австрійскаго солдата, явился будто бы тоже, прося помолиться объ упокоеніи души его. Уходитъ къ своей матери, которая печалится о немъ (конеч-

но, она не знаетъ о его смерти). И днесь устроятъ такой сеансъ. Вечера Кулявчикъ былъ медумомъ.

Собираютъ списки для выдачи намъ крайне необходимаго платья. Я записался для полученія ботинокъ, штановъ и куртки. Дадутъ ли увидимъ.

Былъ вчера Красицкій и сообщилъ, что выхлопоталъ у врача карточку для Качалы, чтобы могъ переселиться въ нашъ баракъ № 30

Днесь вечеромъ былъ Ник. Красицкій и сообщилъ, что въ новомъ реестрѣ есть 366 фамилій тѣхъ, которые въ понедѣльникъ должны идти купаться (т. е. такихъ, кот. будутъ конфинованы — прим. ред.). Между ними есть много такихъ, на которыхъ есть Anzeig-ы (т. е. обвиненія). Между ними есть и о. Корн. Семерикъ. А меня нѣтъ — и это меня весьма удивляетъ, такъ какъ дѣло его — также мое, дѣло насъ обоихъ, одно и то же. Что это значитъ? Быть можетъ, меня вычеркнули (исключили) и мнѣ не предстоитъ никакого процесса во Вѣнѣ. Слава Богу, — скажу я — но вѣмъ ли, о чемъ прошу, будетъ ли это мнѣ въ пользу? Все лучше, что посылаетъ намъ все милостивый Господь.

Днесь по случаю годовщины моего рожденія мы (я, Юсифъ, Никола, Телесницкій) выпили 1/2 литра вина. Никола посидѣлъ со Славкомъ и въ 10 ч. 30 м ушелъ.

Мимо наше о барака перейдутъ въ 2 новыхъ барака, т. н. инквизиты, т. е. тѣ, у которыхъ есть Anzeig-ы (обвиненія). Люди безпокоятся.

Говорятъ, что также узники изъ Theresienstadta (Терезина), перейдутъ сюда, а именно тоже тѣ, у которыхъ есть Anzeig-ы.

Покойниковъ 21 чел.

6. февр. — Мягкій морозецъ. Василь Мартынюкъ пишетъ изъ барака № 25, что у него забрали платье совсѣмъ и онъ остался только въ сорочкѣ и подштанникахъ. Проситъ дать ему займы 10 кронъ. Такъ я далъ ему 5 кронъ, а другихъ 5 кронъ далъ Янку.

Днесь забрали въ госпиталь о. Вл. Венгриновича. Врачъ констатировалъ у него пятнистый тифъ. Господи, заступи,

спаси и помилуй! Заразился, ходя по баракамъ и исповѣдывая многихъ больныхъ тифомъ. На-дняхъ, именно 4-го с. февраля, онъ принялъ исповѣдь около 50 чел. больныхъ въ разныхъ баракахъ и заразился. Фактъ его внезапного заболѣнія всѣхъ насъ глубоко печалилъ. Его нечаянный уходъ отъ насъ въ госпиталь повергъ въ искренній всеобщій жаль всѣ бараки, ибо всѣ знали и видѣли всегда, что онъ — ревностный и безстрашный труженикъ Христовъ.

Въ общемъ хорошо было бы намъ жить въ баракѣ № 30, лишь бы эта ужасная эпидемія прекратилась. А то все еще ежедневно бываетъ по 20 чел. покойниковъ. Страшно подумать, что съ нами будетъ, если эго пойдетъ такъ дальше.

Покойниковъ 13 чел.

7. февр. — Воскресенье. Легкій морозъ. На обѣдъ вкусный капустнякъ. Въ нашемъ баракѣ его не хватало (нѣкоторые захватили двойную порцію), потому Zimmerkommandant о. Козакъ сдѣлалъ всѣмъ намъ выговоръ.

Вечеромъ пришелъ Красицкій съ вѣстью, что имѣется другой реестръ съ 219 фамиліями.

Днесь я отслужилъ параклисъ.

Покойниковъ 12 чел.

(На этомъ обрываются записки этой тетрадки, а въ 3-ей начинаются 10-тыя февралл 1915 г. — Ред.)

10. фев. 1915 г. — Несмотря на то, что боленъ, вынужденъ самъ себя обслуживать. Вообще на счетъ взаимнаго обслуживания пошли горячіе споры, въ результатѣ которыхъ поочередно стали ходить за „менажей“, по воду и т. д. Есть глубокіе и совсѣмъ немощные старики, которымъ даже такое обслуживаніе самого себя не подъ силу, также больные, но не взятые въ госпиталь, находятся въ такомъ же положеніи. Можетъ быть, всѣ эти распри улягутся какъ нибудъ.

Былъ Ник. Красицкій и сообщилъ, что онъ со Славкомъ находится въ реестрѣ конфинованныхъ (въ Моравіи), въ виду чего посоветовалъ намъ подумать объ избраніи подходящаго замѣстителя.

Так как эпидемия не прекращается, то должно быть будто бы постановлено, что впредь никого не пустят из Талергофа (ни даже тех, которые под карантин), пока эпидемия совсем не исчезнет. Таким образом могут здесь оставаться все, даже конфинированные и освобожденные, долго, возможно даже до окончания войны! Господи, подаждь крепость людям своим!

Днес покойников 18 чел. Померь советник суда в отставке из Станислава Корнилий Проскурницкий, который здесь интернован вместе со своей семьей. У него был артериосклероз, а умер от воспаления легких, схваченного непосредственно после купания в бане.

Так в один день у нас умерло 3 людей из нашей гал.-рус. интеллигенции. Тяжелый день!

11. февр. — Мокро, оттепель мороза не было. Воздух скверный, дымь. Все сидят в бараках.

Утром отбыл визит врача, в разившийся таким образом, что всякий к нему вызванный должен был подойти и показать язык. Говорят, что это — дело д-ра Добин, в отместку за Криницкую, по адресу Шорша, который передал вчера врачу, что Криницкая больна.

В 3 ч. пошли мы в часовню на похороны бл. п. Корнилия Проскурницкого. Бѣдняга, после купания простудился, получил воспаление легких и в госпиталь померь, в то время как, его жена и дети остались в карантинном бараке. На панихиду по нем разрешено явиться. Пѣль наш хорь Но никто не сопровождал покойника дальше ворот баракв. Нельзя, запрещено.

Вяслилось, что по днес умерло 856 чел.!

Днес было покойников 17 чел.

12. февр. — Праздник Трех Святителей и день моего тезоименія. Мои сожители поздравляли меня с днем моего ангела. Вот и праздник мой в тюрьме!

Утром я пошел в кантину, купил лимонов, апельсинов, сахару и тютюну. Скверный воздух, туманно и

облачно так, что будто сейчас дождь польется. Вездѣ грязь. Все сидят в бараках.

В бараке напротив нашего с ночи лежат четверо покойников, а перелчера (третьяго дня) было их 9 чел.! Люди живут на двойных нарах (около 30 шт.) и эти двойные нары и являются наибольшей причиной болезни. Швабы аж теперь в этом факте убѣдились и взяли эти двойные нары передѣлывать в одиночные. Сотни русских людей заплатили своей жизнью за этот примитивный опыт швабозы! У нас любой „сокирник“ сразу сказал бы, что такие нары ни к чему, а тут строят их специалисты, одобряют и принимают работу генералы, а в результате вот что!

Днес за ночь покойников 13 чел. Сны вносят их на носилках, так как снег растаял и везти гробов на санках невозможно.

Аэропланы не летают уже несколько дней, улетѣли навѣрно на театр военных действий.

Вчера в газете Tagespost сообщалось, что собралась Государственная Дума и в ней произносили речи: Горемыкин, Сазонов, Родзянко, Милкоков и др. Все чрезвычайно довольны успехами армии, заявили ей свою признательность. Сазонов особо отмѣтил и подчеркнул патриотическое поведение поляков и др. инородцев. Дальше сообщалось, что в Японии собрались 2 дивизии охотников желающих отправиться на помощь русской армии. Я думаю, что японцы желали бы присмотрѣться к технике европейских армий и чему-то научиться. Практически образованный народ!

Праздник Трех Святителей принес нам радостную вѣсть: Приходить д-р Осип Крушинский и сообщает, что будто в сегодняшней газете есть два депеша о том, что Угорщина выдает галицких пльнников и узников Австрии что экономическое О-во в Краковѣ, просило министра иностранных дел о оказании экономической поддержки. Министр совѣтовал всем интернованным исклепиег-ам подавать прошения русскому правительству через министер-

ство иностранных дел о разрешении на высылку всех их через Румынию в Россию и в Галичину. Известие это, хотя еще непотвержденное, вызвало у всех неописуемую радость. Все как будто вновь ожили. В совѣм было лавшая и отчаявшаяся души вновь вселилось твердое упование, почти уверенность в близком конце всех мы-

13. февр. — Дожди, мрак, болота. Из нашего барака померь в госпиталь молодой о. Нестор Олимп Полянскій. Вѣсть эта новым удручением явилась для всех нас. Больных же в бараке есть несколько лишь.

Днес забрели в госпиталь Ковальскую (матушку), студента университета Шушкевича и молодого Гнатюшка.

ТАЛЕРГОФЪ.

Группа заключенных у барака—с лѣва направо: 1. Петр Шушкевич 2. Владимир Ал. Гелитович 3. Ярослав Ал. Гелитович 4. Иоанна Феод. Дуркоть 5. Меланья Гмитрык 6. Д-р Емилиан Мих. Вальницкий 7. о. Пантелеймон Скормович 8. о. Роман Крушинский 9. о. Максимilian Дуркоть 10. о. Иоанн Христомъ Дуркоть.

тарство и страданій. Из тысяч сердец вознеслись ко Господу вздохи облегчения и горячія моления, чтобы скоро эти вѣсти и наши чаянія осуществились.

Вечером был у нас Ник. Крашикий и передал, что получен новый список освобожденных (около 70 чел.), в их числе значится также Качала. Мы угостили его кофеем и хлѣбом с маслом и апельсиномъ.

14. февр. — Иосиф пошел подписывать свою легитимацию, через несколько дней пойдет под карантин. На днес был приморозок. Коломыец тоже заболѣл тифомъ.

Д-р Войтович констатировал у о. Дробста брюшной тифъ. Коломыец из под карантина перешел в госпиталь. У него навѣрно тоже тифъ (очень высокая температура). Взяли в

госпиталь д-цу Куцѣй. У насъ заболѣваютъ часто. Первымъ былъ д-ръ Могильницкій, второй о. Вл. Венгриновичъ.

Вечеромъ ходили мы оба съ Янкомъ къ Красицкому. У него уютно, покойно, и все это напоминаетъ обстановку домашней жизни.

Ходить молва, будто изъ Угорщины присылаютъ сюда 9000 интернованныхъ галичанъ и потому здѣсь спѣшатъ съ постройкой новыхъ бараковъ. Если это правда, то у насъ есть виды на освобожденіе, такъ какъ придется имъ, насъ выпуская, приобрѣтать мѣста для новыхъ обитателей.

Красицкій со Славкомъ и... (нечет.) левичемъ переводятся въ мѣстность Мигаи въ Сиріи. Такихъ мѣстностей для размѣщенія насъ назначено много.

15. февр. — Срѣтеніе Господне. Всю ночь лилъ дождь, а днемъ до вольно приятно, даже какъ будто уже весной пахнетъ. Я утромъ прошелся вдоль барака, затѣмъ прочелъ Правило. Начался постъ. Мы просимъ чрезъ Красицкаго, чтобы намъ дали обѣдъ безъ мяса. Приходилъ поваръ и совѣтовался, что долженъ готовить. Стало на томъ, что будетъ супъ картофельный съ фасолью, но быть можетъ еще перемѣнять. Я хочу воздержаться днесъ и отъ набѣла (молочнаго). На завтракъ подали намъ кофе вмѣсто супа.

Одна цыбуля стоитъ 20 гел. Поваръ говоритъ, что у нихъ нѣтъ чая, ни картошки, и вообще съѣстные припасы скудны.

Хлѣбъ выдаютъ намъ уже двѣ недѣли такъ, что одинъ день выдаютъ половину, а другой четвертину бохонца (хлѣбца), а положеніе таково что можно предполагать, что будетъ еще хуже.

Газеты писали вчера, будто бы, что австрійскія войска заняли большую часть Буковины и Покутья (Косовъ, Куты, Делятинъ), что Румынія клонится на сторону Австро-Венгрии, что отступление русскихъ можно бы пояснить себѣ такимъ образомъ, что они не хотѣли бы потерять связи съ русской арміей въ Бессарабіи. Ой, не будетъ скорого мира, не будетъ!

Покойниковъ 15 чел.

Приказано вентилировать бараки и одежду.

16. февр. — Сію ночь Янку спалъ плохо и принималъ слабительное. Утромъ всталъ, натился чего-то и скоро опять ложился. Очень боюсь, чтобы это не было началомъ тифа, который у всѣхъ начинается медленно и развивается именно такимъ образомъ.

Власти призываютъ желѣзнодорожниковъ — видно въ нихъ очень нуждаются.

Газеты приносятъ извѣстія, что будто русскія войска отступили съ Карпатъ и оставили даже г. Коломыю на Покутьѣ. Догадываются, что это только маневръ военной тактики, произведенный съ цѣлью сохранения связи съ южнымъ крыломъ русской арміи въ Бессарабіи, о чемъ я уже упоминалъ вчера. Кобы лишь изъ-за этого „маглеванья“ (балансированья) военнаго фронта не пострадали отъ огня и меча наша Восточная Галичина.

Купилъ 2 коробочки чаю и надѣюсь достать также немного рому, что до сихъ поръ было внѣ сферы возможности.

Посѣтила насъ комиссія, въ составъ которой, кромѣ капитана Strick-a и нашихъ здѣшнихъ военныхъ врачей, входили какіе-то намъ неизвѣстные и невѣдѣнные люди. Между ними находится, какъ говорятъ, одинъ Oberstabsarzt (старшій врачъ генер. штаба) и другіе врачи штаба. Были въ нашемъ баракѣ, осматривали его поверхностно и спѣшно (какъ обыкновенно), были и около отхожихъ мѣстъ и ушли, не говоря ни съ кѣмъ изъ насъ ни словечка.

Днесъ кончается срокъ карантина надъ заключенными въ одномъ баракѣ тѣми, которые должны выйти на волю, но говорятъ, что этотъ карантинъ продлится еще на 7 дней! Чехарда! Слѣдовательно все такъ складывается, что нельзя будетъ вырваться изъ этихъ бараковъ, ибо можетъ быть и такъ, что въ промежутокъ этихъ 7 дней кто-нибудь заболѣетъ и умретъ и по этому поводу срокъ карантина еще будетъ продолженъ.

Видѣлъ я днесъ такую сцену: передъ дверьми барака стоитъ какъ мумія врачъ, съ простынею въ рукахъ, напротивъ него въ отстояніи 3 метровъ нашъ крестьянинъ и показываетъ ему языкъ, а затѣмъ открываетъ грудь, чтобы виднo было, нѣтъ ли на ней тифозныхъ пятенъ. Такимъ образомъ дѣлается врачебный осмотръ въ баракахъ.

Забрали въ госпиталь д-ра Добію и Криницкую.

Покойниковъ 11 чел.

17. февр. — Приморозокъ, затѣмъ отепель. Янку лучше. На ночь дѣлалъ себѣ компрессы. Утромъ всталъ и дѣлаетъ въ баракѣ порядкѣ, генеральную чистку. Вынесъ всѣ сѣнники и далъ на постель соломы. Поразвѣшивалъ простыни на заборѣ. „Хату“ замелъ старый Потерейко. Собираемся пойти завтра въ баню.

День пречудный, вполне теплый, можно сказать. Всѣ повыходили изъ бараковъ и гуляютъ по двору, мало кто остался въ баракѣ. Мы прекратили на шу игру въ преферансъ, продолжимъ ее вечеромъ. Прибылъ сюда врачъ изъ Галича, д-ръ Цинсъ (еврей) и взялся немножко энергичнѣе и прилежнѣе ухаживать за больными. Всѣ имъ довольны. Онъ приказалъ дѣлать больнымъ холодные компрессы, давать пить чорный кофе и пр. — всего этого до сихъ поръ не дѣлалось. При болѣе старательномъ уходѣ больные сами выздоравливаютъ въ большинствѣ случаевъ, тѣ именно, кто уже по природѣ крѣпче и выносливѣе.

Смертность понизилась. За послѣднюю ночь было всего 5 случаевъ смерти, а вчера 6 чел.

Согласно сообщеніямъ Extrablatt-a австрійскія войска вытѣснили русскую армію изъ Буковины, дошли до Надворной и Коломыи... Увидимъ, правда ли это.

Взяли въ госпиталь о. д-ра Малиняка.

18. февр. — День уже далеко не такой какъ вчера, — мрачно и холодно. До сихъ поръ есть еще такіе бараки, обитатели которыхъ еще ни разу не купались.

Узнаемъ, что когда Generalstabsarzt Dr. Palmerich, посѣщая бараки, спрашивалъ ихъ комендантовъ, нѣтъ ли въ нихъ вшей, то позади него стоящіе врачи и др. военные кивкомъ головы давали указанія, чтобы спрошенные давали отрицательный отвѣтъ, т. е. что нѣтъ. Спрашивавшій стоялъ на той точкѣ зрѣнія, что вши являются распространителями эпидеміи и что слѣдовательно, ихъ нужно прежде всего истреблять, послѣ чего эпидемія прекратится.

Почему до сихъ поръ не всѣ люди купались, остается загадкой, но, конечно это также покрываетъ ярко, каково отношеніе властей къ заключеннымъ.

Хотѣли мы днесъ пойти въ баню, но не удалось.

Въ понедѣльникъ и среду первой седмицы поста не ѣмъ мяса (лишь съ набѣломъ). Въ пятницу желалъ бы поститься совершенно. Увы все постное также весьма дорого. Селѣдка стоимости 8 гел. продается по 30 гел. Ужасно обираютъ бѣдный народъ. Совсѣмъ маленькая головка чеснока стоитъ 20 гел. (прежде по крайней мѣрѣ это были большія головки, а теперь мелочь). Никола принесъ рому.

19. февр. — Приморозокъ, но затѣмъ день хорошій.

По средамъ и пятницамъ очень много и здѣсь посятятся.

Узналъ, что сюда доставили вчера двухъ мѣщанъ изъ Болшовець. Любопытно узнать, на какомъ положеніи они, интернированныхъ, вѣроятнo. Постарюсь узнать, въ чемъ дѣло.

О моей поѣздкѣ ничего неслышно и неизвѣстно.

Говорятъ, что 23 с. февраля непременно уйдутъ тѣ, кто теперь подъ карантиномъ.

У Коломыйца днесъ жаръ 41° С., горитъ и бредитъ Бѣднякъ Юсифъ прибить.

Газета принесла извѣстіе, что австр. войска заняли уже Коломыю и Черновцы, но замѣчаетъ, что недалеко отъ Коломыи находится большая русская армія. Отъ такого новаго перемѣщенія фронта бѣдное населеніе опять страш-

но пострадаетъ, тамъ навѣрно.. голодъ, эпидемія и пр. — окончательныя послѣдствія всякой войны.

Днесь день хорошій, около полудня мы прогуливаемся въ легкихъ платьяхъ. Я гулялъ довольно долго.

Д-ръ о. Малинякъ умеръ. Продолжительныя, пузырьныя страданія осложнились у него острымъ воспаленіемъ легкихъ, которое быстро и dokonало его. Онъ оставилъ завѣщаніе въ рукахъ о. Феодосія Дуркота.

Мы ходили въ баню. Вечеромъ отслужили парастасъ объ упокоеніи души о. д-ра Малиняка.

20. февр. — Въ 7 ч. состоялись похороны о. д-ра Малиняка. Пѣлъ хоръ. Перевезли гробъ съ тѣломъ изъ барака № 11 въ часовню и тамъ оставили до вечера. Покойный завѣщаніемъ оставилъ имущества на 50.000 кронъ и библіотеку. Все это завѣщала имѣющей основаться общинѣ, цѣлью которой было бы содѣйствовать достиженію соединенія Церквей. Пока такая община возникнуть, все это имущество перейдетъ во временное управленіе О-ва Св. Іоанна Златоуста. Экзекуторами (исполнителями) завѣщанія назначены оо. Дуркоты (Феодосій и Хризостомъ) и о. Гна тышакъ.

Возвращаясь съ похоронъ, я зашелъ къ Красицкому, послѣ предварительнаго заявленія ему, что зайду къ нему вечеромъ поговорить съ нимъ по своимъ личнымъ дѣламъ. До сихъ поръ не было подходящаго мѣста для этого въ прежнихъ баракахъ.

Находящагося все еще подъ карантиномъ Никифора Курыловича, согласно слухамъ, еще придержать. Говорятъ что будто еще имѣютъ придержать его въ связи съ предстоящимъ процессомъ во Вѣнѣ или же изъ-за полученнаго новаго доноса мазепинцевъ.

Ходитъ слухъ (Шоршъ мнѣ передалъ это), что будто судебное слѣдствіе противъ о. Сеника приостановлено. Если бы это было вѣрно, такъ въ такомъ случаѣ и мое дѣло было бы приостановлено. Дальъ бы это милосердый Господь! Благодареніе Всевышнему и за эту радостную вѣсточку. А впрочемъ —

могу ли я быть увѣренъ, что то, о чемъ прошу, выйдетъ мнѣ въ пользу? Потому и молюсь только: да будетъ воля Твоя святая, Господи! Лишь Ты, Господи, вѣси, что мнѣ во благо, и вся яже воздашь мнѣ, приму съ благодарностью и смиреніемъ!..

Laiss сообщаетъ, что д-ръ Полякъ померъ.

Изъ депозита получилъ Янко 80 кронъ. Хорошо, что получилъ, а то мои средства совсѣмъ выходятъ. Сейчасъ отправили мы стараго Потерейка въ кантину, купилъ 2 копченыхъ селедки, сливъ, сахару и голсвку чесноку. Старый озлобленъ на кантину всякій разъ, потому что все дорого, за головку чеснока заплатилъ 20 гел.

Вышло какъ то такъ, что при похоронахъ бл. п. о. д-ра Малиняка очевиднымъ н-ромъ оказалась цифра разнѣ 1000.

Былъ у Николы, гдѣ встрѣтилъ судью Гуллу. Онъ принесъ изъ барака № 30 пирожки съ мясомъ. Николѣ далъ гуляшъ. Повечеряли мы и выпили 2 бутылки пива, котораго никто изъ насъ не пробовалъ уже 7 мѣсяцевъ, слѣдовательно, было великое пиршество, вполнѣ заслуживающее быть отмѣченнымъ въ запискахъ. Затѣмъ пришелъ и Янко и тоже выпилъ пива. Посидѣли и поговорили.

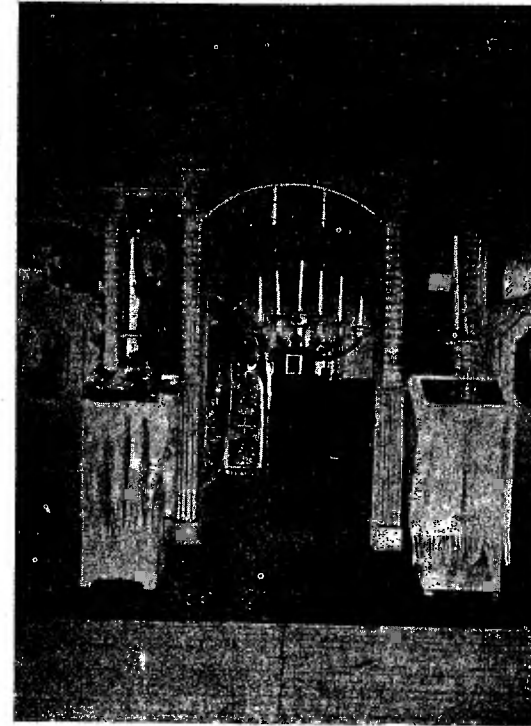
Вотъ еще одна изъ трагедій, имѣ же у насъ нѣсть числа: Въ Комарнѣ арестовали мужика Григорія Прухникаго, который за нѣсколько мѣсяцевъ до этого времени (въ маѣ) овдовѣлъ и остался только съ однимъ сынишкой, 8 лѣтнимъ мальчикомъ Михасемъ. Когда жандармъ псвелъ отца, мальчикъ не хотѣлъ съ нимъ разстаться, а все время, рыдая бѣжалъ съ нимъ рядомъ 8 клм. и жандармъ никакъ не смогъ отогнать его. Озлобленный этимъ жандармъ арестовалъ наконецъ и мальчика и такимъ образомъ отецъ и сынъ очутились вмѣстѣ въ Талергоффъ. Здѣсь, однако, на-дняхъ (15. февр. с. г.) померъ отецъ Григорій, а мальчикъ остался круглымъ сиротою. Взяла его здѣсь, поэтому, на свое попеченіе и съ собою въ госпиталь г-жа Кунинская, именно въ

баракъ № 12, а днесь (20. февр.) заболѣлъ и этотъ мальчикъ!

21. февр. — День съ утра облачный. Послѣ завтрака я пошелъ къ Николѣ, взялъ себѣ у него зонтикъ (за 5 кронъ 48 гел. — Gelegenheitskauf, т. е.

Крушинскій высказывается о немъ похвально. Увидимъ. Вечеромъ былъ у насъ Никола. Играли, какъ ежедневно, въ преферансъ.

22. февр. — Приморозокъ и хорошая погода. На одномъ только нашемъ

ТАЛЕРГОФЪ.

Православная часовня въ лагерѣ. Въ алтарѣ стоитъ интэрнир ванный православный священникъ о. Діонисій Кислевскій.

случайн я купля) и обсудилъ нѣкоторыя дѣла.

Говорятъ, что капитанъ Strick уходитъ. Онъ будто бы обидѣлся тѣмъ, что не произведенъ въ майоры. Добрый человекъ — дай Богъ, чтобы здѣсь остался и дальше. Сюда приходитъ комендантомъ будто бы полковникъ Streicher. Слушавшій подъ нимъ въ свое время д-ръ

„гоффъ“ за ночь уже есть 3 покойниковъ! Ахъ, Господи, помилуй насъ и сохрани!

Газеты пишутъ, что будто австрийцы русскихъ побили и выперли къ Станиславу, но это не предвѣщаетъ близкаго конца.

Янко получилъ днесь письмо изъ Вѣны отъ Кунды, въ которомъ сообщается, что единственный сынъ Сксин-

скаго убитъ подъ Варшавой, а жена Скшинскаго живетъ во Вѣнѣ.

Капитанъ извѣстиль имѣющихъ изъ карантинныхъ баракковъ выйти на свободу, что при ихъ выходѣ у нихъ будетъ произведенъ строжайшій обыскъ. Имъ запрещено брать отъ кого бы ни было изъ здѣсь остающихся какія либо частныя письма или просьбы, жалобы и т. п., съ угрозой, что за это останутся на 8 дней подъ арестомъ.

(*Особое примѣч.*). На „гофѣ“ въ I отдѣленіи Стадлеръ воздвигъ позорный столбъ съ желѣзнымъ кольцомъ. Къ этому столбу привязывали, подвѣшивая, виновныхъ, т. е. производили anbinden. Случилось, что кухарка велѣла одному мужику собрать у кухни картофельные отбросы и вынести. Онъ это сдѣлалъ, но, роясь въ нихъ, нашель 4 кроны и спряталъ себѣ въ карманъ, карманульные, однако, замѣтили это и донесли Стадлеру. Онъ приказалъ сейчасъ мужика подвѣсить на этомъ столбѣ.

Случайно проходилъ въ то время русской военнопленной, вольноопредѣляющийся, хорошаго вида и красивый юноша, и обратилъ вниманіе капитана Шмидта на страшныя страданія подвѣшеннаго на столбѣ крестьянина и не скрывалъ своего возмущенія.

— Но вѣдь же и у васъ въ Россіи примѣняются къ виновнымъ строгія казанія, — сказалъ капитанъ.

— Да, — отвѣтилъ солдатъ, — но не такія; ужъ лучше бы то бы ему сразу же пулю въ лобъ, чѣмъ такой позоръ. Что за варварство!

Слово это возымѣло свое дѣйствіе — этотъ столбъ вскорѣ потомъ убрали. Былъ вечеромъ у Никола — поговорили.

Покойниковъ 14 чел.

23. февр. — Всю ночь падали то дождь то снѣгъ, а настало болого.

Смутныя вѣсти доходятъ изъ Галичины. Говорятъ, что русскія войска собираются отступить къ Гродну, Ковлю и Брестъ-Литовску, а въ такомъ случаѣ, конечно, оставятъ и Галичину... А почему, непонятно. Впрочемъ, что и какъ тутъ знать?

Померъ о. Гмитрыкъ — молодой священникъ, находящійся здѣсь съ женою. Это событіе очень опечалило насъ. Вотъ и новая вдова по священникѣ.

Вечеромъ посидѣлъ у Никола, поговорили о будущемъ.

Покойниковъ 9 чел.

24. февр. — Похороны о. Гмитрыка въ 3 ч. пополудни. На мѣсто Никола придетъ Шоршъ изъ нашего барака.

Съ Коломыйцемъ въ госпиталѣ плохо. Бѣднякъ Юсифъ безпокоится, чтобы не померъ. Очень боленъ и д-ръ Добія. Днесъ мощный и морозный сѣверный вѣтеръ.

Вчера возвратился въ баракъ нашъ возлюбленный д-ръ Вл Могильницкій. Привѣтствовалъ его въ баракѣ Zimmerkommandant Козакъ, за что д-ръ Могильницкій поблагодарилъ сердечно. Онъ еще слабъ и повидимому долженъ еще въ баракѣ вылеживать нѣкоторое время, чтобы вполне оправиться, и только послѣ этого сможетъ снова взяться за работу — лечение нашихъ больныхъ.

Говорятъ, что во Вѣнѣ мука уже считается Luxusartikel-емъ. Скверно!

Вчера уѣхало много изъ подъ карантина освобожденныхъ и конфинованныхъ, но Курьловичъ почему то остался, его задержали, потому что будто противъ него выдвинуто какое то обвиненіе.

(*Особое примѣч.*). По госпиталямъ, въ которыхъ лежатъ наши больные крестьяне, показывается врачъ врядъ-ли развѣ въ недѣлю, да и то дѣлаетъ осмотръ только pro forma, почти нигдѣ, ни на минуту, не останавливаясь, больныхъ не прописываетъ. Больные лежатъ, оставленные совершенно на попеченіи Zimmerkommandant овъ. Если они чтонибудь получаютъ, то покупаютъ на это для больного молока, булокъ и т. п., если же нѣтъ, больной такъ и погибаетъ безъ всякой помощи. Единственное удобство развѣ въ томъ только, что съ больного снимаютъ вшивое платье и одѣваютъ въ чистое бѣлье. Есть много такихъ людей, которые и по днесъ еще ни разу не купались. Отъ долговремен-

ной грязи все тѣло какъ будто дегтемъ смазано, ажъ черно.

Въ 3 ч. отслужили надъ тѣломъ пок. о. Гмитрыка панихиду. Пѣлъ хоръ. Но „культурный“ нѣмецъ и въ этомъ случаѣ показалъ себя: во время панихиды на собранную около покойника молящуюся толпу нашей интеллигенціи, наѣхалъ большой тяжело нагруженный возъ съ запряженными къ нему волами, заставляя присутствующихъ на богослуженіи разступаться въ стороны, а затѣмъ капитанъ еще злился на нихъ за то, что богослуженіе по его мнѣнію, совершалось слишкомъ долго и мѣшало свокѣ телѣгами строительнаго матеріала и вообще работѣ.

Въ газетахъ съ фронта нѣтъ никакихъ извѣстій — это также показательно.

25. февр. — Приморозокъ. Съ самаго утра постоянно гудятъ надъ нами билланы. Съ ночи болитъ меня днесъ горло.

Автомобилемъ пріѣхалъ сюда 23 с. февраля д-ръ Кормошъ и забралъ Мельничуковъ и о. Ольшанскаго. Вчера же (24 с. февраля) пріѣхалъ извозчикомъ о. Ст. Макаръ и привезъ отъ „украинскаго“ комитета какую то „запомогу“ (вспомоществованіе), которую и роздалъ помежу нѣкоторыхъ. Говорилъ, что будто д-ръ Ганкевичъ и др. ходили къ намѣстнику въ Грацъ съ предложеніемъ, чтобы отсюда освободили всю интеллигенцію. Кобы даль это Господь и вѣнчалось все это успѣхомъ!

(*Особ. счет. зам.*):

Депозитъ — Конгруа 686'86
488'12 306'86
380'00

Дня 16/12 1914 — 158'12

» 25/2 1915 — 20'—

за январь и февраль

228'74 128'74
+686'86 306'86

Laiss сказалъ, что съ Коломыйцемъ очень плохо. Бѣдняга Юсифъ опечаленъ. Въ каждый моментъ можетъ наступить кончина.

Вчера собрали мы въ баракѣ для крестьянина Залужнаго почти 10 кронъ.

Онъ составляетъ хорошій эпосъ о нашемъ тяжеломъ пребываніи въ Талергофѣ. Особенно ярко вышли описанія казни въ Бригидкахъ крестьянина, а затѣмъ бл. п. о. Максима Сандовича. Выйдетъ хорошая книга, если Господь позволитъ вернуться на родину.

Вчера забрали въ госпиталь дѣвушку Левицкую, суженую студента унив. Пирога И съ о. Корниліемъ Литвиновичемъ, взятымъ изъ нашего (№ 30) барака, тоже плохо.

Замѣстителемъ Н. Красицкаго, назначенъ старшій учитель изъ Буковины Шоршъ, человекъ русскихъ убѣждений (но его сынъ мазепинецъ). Семья его живетъ съ ноября въ Вѣнѣ, но его здѣсь держать Онъ читаетъ газеты, а намъ лишь передаетъ ихъ содержаніе.

По днесъ померло всѣхъ 1'074 чел.!

Послѣ кофе пошелъ я къ Николѣ. Онъ вышелъ мнѣ навстрѣчу съ радостнымъ лицомъ и привѣтствовалъ меня словами: Servus, коллега, поздравляю!

— Ну, что же новаго? — удивился я.
— Сію минуту узналъ, что и ты конфинованъ.

Я обнялъ его и Славка и расцѣловалъ

Вѣсть эта первая прерадостная изъ всѣхъ радостныхъ въ Талергофѣ, сильно подѣйствовала на меня. Я такъ обрадовался какъ никогда прежде въ жизни, кажется, былъ въ особенно приподнятомъ расположеніи духа и не могъ никакъ скрыть этого своего неожиданнаго счастья. Даже окружающіе меня, которымъ я не выдалъ этой тайны, замѣтили у меня чрезвычайное оживленіе и юморъ и приписывали это тому обстоятельству, что у меня зубная боль прекратилась.

Что слышно, однако, съ Янкомъ и его отцомъ, еще не сообщилъ П., такъ я заблагодарсудилъ пока что скрывать предъ ними о сообщенной мнѣ и меня касающейся вѣсти, пока не узнаю и о нихъ, но надѣюсь на Господа что и они будутъ конфинованы.

Какъ благъ Господь, нѣтъ предъловъ милосердію и милостямъ Его! Трудно передать хоть приблизительно мои теперешнія мысли о благодати Божіей.

Вѣдь же мое дѣло: сложилось, было, совсѣмъ скверно: прежде всего по волю Божию, первая моя жалоба пропала въ Рогатинѣ затѣмъ вышло другое бѣдствіе — протоколъ со мною совѣтника Фиды. День 9/12. 1914 г. былъ тяжелъ для меня, тогда мнѣ и о. Сенику сообщили сов. Фиды, что приказано насъ обоимъ отправить въ Вѣну. Но Господь благъ и многомилостивъ и Пречистая Дѣва Марія выслушала мольбы мои... Я послалъ 11/12 1914 г. добавочное заявление въ Landwehrgericht во Вѣну и тамъ навѣрно слѣдователь заблагодарилъ прекратить противъ меня слѣдствіе. До самаго вчерашняго дня ждалъ я все время, что, вотъ, моль, не сегодня — такъ завтра, позовутъ меня подъ карантинъ, а затѣмъ отправятъ во Вѣну, и вдругъ — нечаянная радость: я буду конфинованъ!

Милостивый Господи, сколько разъ въ жизни своей испыталъ я на себѣ обиліе благодати Твоей! Милость и благость Твоя всегда были и на мнѣ и на семьѣ моей. Я крѣпко уповаю, я увѣренъ, что коли я здѣсь живъ, то и семья моя тамъ живетъ. Можетъ Господь всѣхъ насъ помиловать и дозволить вновь сойтись и вмѣстѣ до конца живота благодарить Его за всѣ безконечныя благодѣянія Его. Недостоинъ я этого, я грѣшный рабъ Твой, но помилуй и подай Господи.

Днесъ такъ весело мнѣ на душѣ... Вступила въ нее новая надежда, что, можетъ, вырвусь изъ этой недоли безпредѣльнаго человѣческаго горя и слезъ.

Узналъ я вчера, что и Николай Басъ померъ, а очень больны Павелъ Людкевичъ и Ник. Быкъ.

26. февр. — Морозъ. День хороший. Я спалъ, однако, не такъ хорошо, какъ бывало до сихъ поръ. Былъ взволнованъ, просыпался и не могъ уснуть.

Д-ръ Дзьоба померъ днесъ. Съ о. Коломыйцемъ, какъ будто немножко лучше.

Узналъ я днесъ, что Янко и его отецъ свободны отъ всякаго обвиненія, и слѣдовательно, можно надѣяться, будутъ или освобождены совѣршено или же конфинованы. Слава Богу! лишь бы

рѣшеніе властей скорѣе послѣдовало, чтобы не пришлось по нѣскольку недѣль ждть очереди, когда позовутъ подъ карантинъ.

27. февр. — Померъ о. Корнилий Литвиновичъ, т. е. очередной уже 12-ый священникъ, а первый изъ Станиславской епархіи. У него, говорятъ, была, кромѣ тифа, также болѣзнь почекъ.

Днесъ я сообщилъ Янку то, что узналъ.

Laiss сказалъ, что съ о. Коломыйцемъ очень плохо, если доживетъ до завтра, то можно надѣяться, что будетъ живъ. Юсифъ крайне удрученъ, но приготовленъ ко всему.

Я просилъ его спросить Laiss-а касательно моего конфинованья. Недовѣряю, вѣрна ли вѣсть, переданная мнѣ Красицкимъ. Боюсь, не обманули ли отъносительное лицо Красицкаго.

Въ 3 ч. похороны о. Литвиновича, идемъ отслужить панихиду въ часовнѣ. Я чувствую се'я бодрѣе, есть аппетитъ и сонъ былъ хорошъ.

Очередной н-ръ гроба-о. Литвиновича 1105.

Вечеромъ былъ отслуженъ у насъ парастасъ по покойникамъ о. Литвиновичъ и д-ръ Дзьобъ (онъ померъ вчера).

Захворалъ острой ипохондрией о. цъ Діонисій Кисѣлевскій. Призывалъ д-ра Войговича, этотъ ничего не нашель, днесъ совѣтовался д-ра Могильницкаго, самъ дѣлалъ себѣ натиранія, примочки, мѣрилъ температуру тѣла, наблюдалъ ударенія пульса и пр. Видя у него такое разстройство, д-ръ Могильницкій посоветовалъ ему перейти въ наблюдательный баракъ. Тамъ пробудеть 1—2 дня. Бѣдный человекъ. Передалъ мнѣ ключики отъ своего чемодана и деньги.

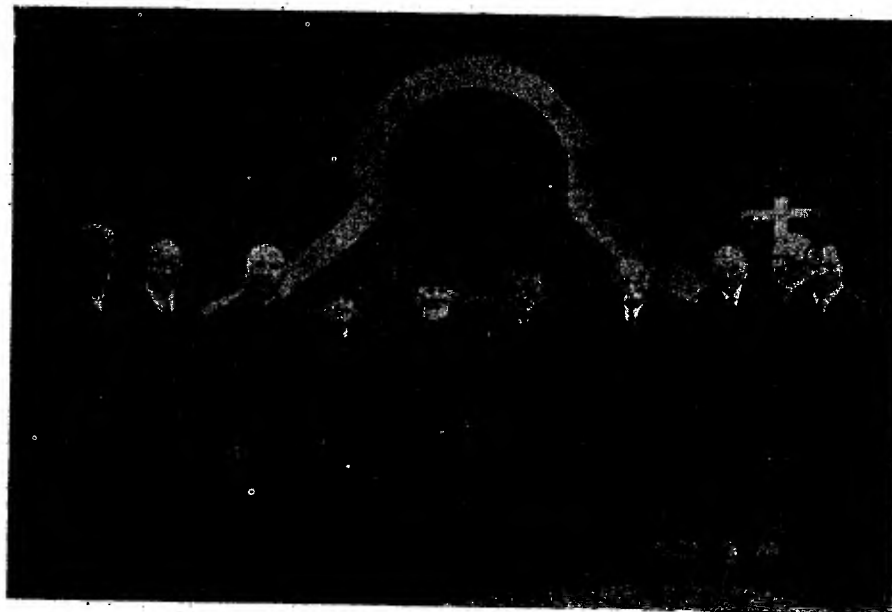
28. февр. — Морозъ. Я дѣлалъ себѣ компрессы на горло — помогло мало. По заявленію врачей днесъ критическій день для о. Коломыйца. Юсифъ встревоженъ.

Въ баракѣ № 25 помѣщены реконвалесценты, ихъ тамъ находится теперь 380 чел.! Какой тамъ воздухъ! И каково тамъ вообще положеніе этихъ выздоравливающихъ! Многие тамъ вновь заболѣваютъ. Тамъ и Василь находится.

Днесъ передалъ мнѣ о. Кисѣлевскій изъ своего барака, что у него bronchitis(?) и просилъ „передать ему нѣкоторыя вещи.

Теперь о. Сеникъ предлагаетъ составить еще разъ полный списокъ священниковъ, не получившихъ конгруи, и послать его въ Бялу, гдѣ теперь находится львовское намѣстничество. За составленіе такого списка съ отн. заявле-

Узналъ я, что Ант. Курка находится въ Бялой, куда эвентуально отправится намѣренъ и Юсифъ. Я передалъ ему письмо съ тѣмъ, чтобы Юсифъ отыскалъ Курку и похлопоталъ о моемъ и Янка освобожденіи и о выплатѣ конгруи за I четверть 1915 года. Господь вѣдаетъ, удадутся ли эти планы, но человекъ прилагаетъ всѣ старанія и усилія, чтобы добиться освобожденія. Ахъ,

ТАЛЕРГОФЪ. Группа талергофцевъ изъ Знесенья вольѣ Львова.

Съ лѣва на право: 1. Ома Семень. 2. Северинъ Билинкевичъ. 3. о. Вас. Лончина. 4. Емялія Билинкевичъ. 5. о. сов. А. Виланкевичъ. 6. Иванъ Гарнаевскій. 7. Вас. Наорлевичъ. 8. Григорій Кошулинскій. 9. Ив. Вацкв. 10. Лука Старикій. (Умершій въ 1916 г. талерговецъ изъ Знесенья Илья Петришинъ былъ перенесенъ въ эту гробницу 14. апр 1929 г.).

нѣмъ взымалась бы съ каждаго священника отдѣльно плата по 1. кронѣ. Говорятъ, что это слишкомъ дорого.

На обѣдъ подали днесъ капустякъ, мяса было довольно много.

Въ 6 ч. скончался о. Вл. Коломыецъ. Я приготовилъ къ этой печальной вѣсти Юсифа. Онъ завтра идетъ подъ карантинъ. Бѣдняга очень прибитъ горемъ. Пошелъ узнать, что съ его вещами (золотые часы и деньги).

золотая свобода! Никогда я не зналъ цѣны тебѣ, ажъ теперь!

Былъ я днесъ еще у Красицкаго. Онъ долженъ завтра, вмѣстѣ съ сыномъ, явиться у бани и перейти въ карантинный баракъ. Хочу еще завтра утромъ — если Господь допоможетъ — посѣтить его и проститься съ ними обоими.

Смерть бл. п. Владка станетъ народъ объяснять, какъ наказаніе Божіе за его плохое обращеніе съ людьми!

Мартъ 1915 г.

1. марта. — Тяжелый день! Старый Потерейко что-то недомогаетъ. Съ утра Иосифъ ушелъ заказывать гробъ, а Янко крестъ у Лаврыша (онъ изготовляетъ кресты для всѣхъ, а окончившій богословіе въ Черновцахъ, Гавриилъ Васильевичъ, вырѣзываетъ надписи). Гробъ хотѣлъ купить ему Иосифъ за 150 кронъ, но заявили, что въ нынѣшнихъ условіяхъ нельзя получить металлическаго гроба за такую сумму. Бехтольдъ приказалъ пооронить покойника въ особой могилѣ — это привилегія, всѣхъ вѣдь хоронятъ здѣсь вмѣстѣ въ одномъ глубокомъ рву.

Утромъ заявилъ намъ д-ръ Вл. Могильницкій, что у о. Кисѣлевскаго тифъ. Всѣхъ насъ поразила эта вѣсть. Мы никогда этого не предполагали, но, быть можетъ, онъ ошибается. Днесъ зайдемъ къ нему д-ръ Могильницкій и еще разъ пр-вѣритъ. Для нашего барака № (18) это душу и сердце леденящая вѣсть. Далось же намъ днесъ это 1-ое марта! Далось всѣмъ намъ, т. е. нашему кружку: я, Янко, отецъ, Иосифъ и Телесницікій.

Знаю уже положительное, что Антонъ Курка въ Бялой. Поручаю Иосифу, чтобы непременно сошелся съ нимъ и предпринялъ шаги и мѣры для нашего освобождения. Я увѣренъ, что онъ, добрякъ, все что только въ его силахъ, сдѣлаетъ. Лишь наусти и укрѣпи его Господи, и заступись за насъ Мать Пречистая!

Въ 3 ч. отслужилъ о. Гелитовичъ панихиду. Пѣлъ хоръ. Нѣкоторые, однако, демонстративно отказались и не участвовали въ хорѣ (о. Мошнацкій — бась, Гелитовичъ). Присутствовалъ Бехтольдъ и пр. изъ канцелярии. Гробъ металлическій, бѣлый, стоитъ 360 кронъ.

Красицікій рано утромъ пошелъ подъ карантинъ. Его мѣсто занялъ Шорщъ, но помощникъ ему и Уейскому уѣхалъ.

Эпидемія, повидимому, падаетъ, смертность уменьшается.

2. марта. — Иосифъ раненко пошелъ въ баню, а затѣмъ подъ карантинъ. Я далъ ему порученія къ Куркѣ.

Передъ самымъ его уходомъ Laiss принесъ ему отъ сына Ивана посылку, предназначенную для пок. Владка, коньякъ и вино. На прощаніе мы выпили полбутылки Maſag-и. Янко уложилъ его вещи и мы оба съ Янкомъ сопровождали его до бани. По пути Иосифъ забралъ еще оставшіяся по пок. Владкѣ вещи, чтобы ихъ дать дезинфицировать. Разставаясь съ нами, добрякъ Иосифъ подарилъ на память мнѣ перочинный ножикъ, а Янку кошелекъ на деньги.

Возвращаясь затѣмъ, мы спросили въ баракѣ № 17, какъ чувствуетъ себя о. Діонисій Кисѣлевскій. У него днесъ жаръ въ 39° С. Иосифъ оставилъ мнѣ 2 открытки изъ Karlstein.

Окончательно выяснилось, что у о. Діонисія таки тифъ. Можно быть почти увѣреннымъ, что онъ набрался его въ госпиталь, куда пошелъ якобы подъ обсервацію, а его дали въ тифозный. Все это насъ, обитавшихъ подъ № 18 весьма обезпокоило.

Ночью нѣкоторые въ нашемъ баракѣ попились коньякомъ и виномъ, оставшимися по только что ушедшимъ. Своимъ пьянымъ крикомъ С. разбудилъ всѣхъ насъ. Къ счастью „постъ“ ничего не слышалъ, иначе ворвался бы въ баракъ и вышло бы бѣдствие, скандалъ.

Сильный холодный вѣтеръ дулъ весь день и всю ночь. Въ баракѣ ужасно холодно. Мы такъ и зимой, кажется, не мерзли, какъ теперь.

3. марта. — И днесъ дуетъ вѣтеръ. Студено. Въ бараки сносятъ захваченныя доски и бревна и топятъ ими въ печакъ.

Явился нашъ врачъ: огласили намъ списокъ освобожденныхъ и конфинрованныхъ. Врачъ осмотрѣлъ всѣхъ ихъ, до отправки ихъ въ баню. Въ списокѣ значатся преимущественно крестьяне.

Черезъ нѣкоего Ивана Комчука во Вѣнѣ (III, Lerchenfeldstr. 141/1) о. Кокотайло получилъ письмо, извѣщающее его о благополучіи его семьи.

4. марта. — Мрачно. На дождь собирается.

Врачъ осматривалъ тѣхъ, которые завтра идутъ подъ карантинъ. Я поспѣтилъ Иосифа и Николу. Узналъ, что

между нашими людьми возникла мысль устроить сборъ пожертвованій на покупку подарка д-ру Вл. Могильницкому, но многіе сторонники этой мысли полагаютъ, что лучше и цѣлесообразнѣе было бы устроить это по возвращеніи на родину.

5 марта. — Съ утра переносилъ я вещи въ кабину № 10, а позже въ № 13, куда помѣщены только насъ четверо: я, Янко, отецъ и Телесницікій. Мы кабиной довольны.

Узналъ молодого поэта, гимназиста Нестерака, составившаго здѣсь, въ Талергофѣ, хорошія стихотворенія. Я поощрялъ его продолжать этотъ трудъ, такъ какъ въ самомъ дѣлѣ у него замѣчательный талантъ.

Передъ вчера (третьяго дня) передалъ я народному поэту, крестьянину Залужному, собранныя у насъ для него 10 кронъ. Онъ бѣдняжка совсѣмъ безъ средствъ, а пишетъ хорошія эпосы о страдальческой жизни узниковъ въ Талергофѣ.

6. марта. — Днесъ уже 7 мѣсяцевъ какъ меня арестовали! Печальная годовщина. Но самъ по себѣ день, можно сказать, даже радостный: отъ вчера 8 ч. вечера до 8 ч. утра днесъ былъ всего только одинъ случай смерти, а въ теченіе 2 послѣднихъ дней не было ни одного заболѣванія! Велия милость Твоя, Господи! Но съ о. Діонисіемъ, по мнѣнію д-ра Могильницкаго, не хорошо.

Чудный весенній день. Тепло, особенно до полудня. Всѣ высыпали изъ бараковъ и грѣются на солнцѣ. Неужели весна?

(Особое прим.). Въ гангарѣ: солдатъ нарочно бросилъ на-земъ бохонъ хлѣба. Максимъ Шумняцкій изъ Исай (Турка) жадно бросился и поднялъ брошенный хлѣбъ. За это тутъ же другой солдатъ прокололъ его въ ребра штыкомъ. Лечилъ 4 недѣли.

7. марта. — День по истинѣ прекрасный. Настоящая весна. Крестопоклонное воскресенье.

Съ о. Діонисіемъ плохо. Ахъ, какъ онъ боялся болѣзни, прямо чуть ли съ ума не сходилъ. Всѣмъ намъ дорогой человекъ. Можетъ, Господь помилуетъ и спасетъ его. Впрыскивали ему морфій,

съ языкомъ у него плохо, говорятъ, что лицомъ сильно измѣнился.

Нестеракъ былъ вчера у меня и оставилъ свои стихотворенія — надо ихъ списать.

Съѣстные припасы ужасно дорожатъ. Сушеныхъ сливъ 1 клгр. стоитъ 1 крона 60 гр., яблоки такъ же, 1 клгр краковской колбасы 6 кр., апельсинъ шт. 14 гел., маленькая черная булочка 4 гел., селедка копченая — 40 гел.

8. марта. — Падаетъ мокрый, на лету тающій снѣгъ. Грязь ужасная.

Днесъ раздавали намъ одежду: куртки, брюки и ботинки — все самаго дряннаго качества. Для меня не подошли ни одни брюки, ни одна куртка, взялъ только одни ботинки и Янко тоже. Дѣлается такъ все эго нарочно, чтобы досадить намъ.

На-дняхъ о. Ле въ Кордасевичъ получилъ письмо отъ дочери изъ Ляховичъ, сланное на почту еще 14-го января с. г. via Браиловъ. Дочь сообщаетъ, что здорова. Тѣмъ же путемъ о. Кордасевичъ намѣренъ отправить письмо и ей, но по тому что теперь карантинъ, писемъ отъ н.с. не принимаютъ къ отправкѣ, а только передаютъ намъ полученныя. Письмо помѣчено почтовымъ штемпелемъ 4-го с. марта, значить очень долго шло оно въ Браиловъ. Въ виду того, что изъ-за карантина переписываться не можемъ, о. Кордасевичъ попробуетъ выслать телеграмму, чѣмъ и я съ Янкомъ хотимъ воспользоваться и сообщить о себѣ. Надя сосѣдствуетъ съ Кордасевичами, такъ ее бы извѣстили, а она должна бы уже отъ себя сообщить въ Липицу обо мнѣ.

Съ о. Діонисіемъ плохо, но не безнадежно. Да хранитъ его Господь и подниметъ съ одра болѣзни!

По Талергофу расклеены плакаты съ надписью: Gott strafe England!

9. марта. — Три трупа. Съ о. Діонисіемъ лучше, слава Тебѣ Господи! На днесъ былъ приморозокъ. Хожу въ ботинкахъ, а куртку взялъ все таки, чтобы ее передать кому-то изъ нашихъ людей, Гепалямъ или Василу, брюки же совсѣмъ малы и тѣсны. Приобрѣлъ 1/2 литра сливовицы за 2 кр. 30 гел.

Въ 2 ч. похороны кафедрального дьяка изъ Черновецъ Рахмиструка.

Продажа м сла, какъ Lixussache, запрещена И въ Галергсфѣ (селѣ) нѣтъ больше масла.

10. марта. — Морозный вѣтеръ. Ужасная стужа. Топимъ въ печахъ насколько хватаетъ матеріала. Ночью особенно чувствительно пронимаетъ морозный вѣтеръ.

Что будетъ съ о. Діонисіемъ, все еще сказать трудно.

Днесъ возвратились изъ карантиннаго барака Кригичъ и молодой Стиранка. Такъ какъ сестра Кригича заболѣла, ее взяли въ госпиталь. Стиранка считается женихомъ д-цы Кригичъ.

Днесъ выплачиваютъ конгруу. Мнѣ признано за январь и февраль 228.74 кр., а выплачено только 128.74 кр., а остальное задержано въ депозитѣ Имѣя 100 кронъ въ банктюкѣ, можно въ Галергофѣ умереть отъ голода, такъ какъ здѣсь даже 10 кронъ не легко размѣнять. Я возвратилъ о. Яворскому занятія 10 кронъ и о. Качмарчику остальныя 7 кронъ.

12. марта. — Хорошая погода. Ясно, тепло, — хожу съ утра. Днесъ пятница. „Сватъ“ купилъ 2 литра молока и эменгальскаго сыра. Въ карантинномъ баракѣ заболѣлъ о. Черлюнчакевичъ.

Lais принялъ телеграмму въ Ляховичи via Brailof, — ахъ, Господи, можетъ удасться хотя этимъ далекимъ путемъ увѣдомить моихъ, что я живъ еще.

13. марта. — Супъ подаютъ съ каждымъ днемъ разное. Я и „старый“ встаетъ первые. Сплю хорошо. День погожий.

14. марта. — Воскресенье. День хороший. Ничего особеннаго. Посѣтилъ судью Ө. Костецкаго, возвратилъ ему 20 кронъ.

(Цитата по польски): J o k a j: „Po obiedzie, ogólnie biorąc, każdy jest innym człowiekiem, niż przed obiadem. Stół pokryty równa ludzi, pozycyue, wieki, różnice partyi“.

Detto: „Zem za mała do kochania,
Mówią mi czasami,
Lecz płytkości tego zdania
Nie pojmują sami.
Głupcy! o tem wszakże wiecie,
Ze i woda łatwo przecie
W małym wre garnuszku,

Więc niech w podziw was n'e
wprawia,
Ze się miłość łatwo zjawia
W małym kielichu serduszkul“.

15. марта. — День ясный, хороший. Въ газетѣ сгатыя п. з. Kostmangel (недостатокъ пищи) и о мѣрѣхъ предосторожности.

Читаю повѣсть Юкая въ польскомъ переводѣ: „Poruszumu z posad ziemie“. Такъ тепло, что весь народъ высыпалъ изъ бараконъ, люди гуляютъ въ лѣтнемъ платьѣ

„Plus valet favor in iudice quam lex in codice“ (больше значитъ хорошее расположение судьи чѣмъ законъ [статья] въ уложеніи).

(Слѣдуетъ длинная цитата на польскомъ языкѣ изъ соч. Юкаля объ отношеніи между кономъ и человекомъ, значеніи римскаго сдуса (книгъ), о свсв. Мартыни и Геср-ди, изображаемыхъ на конѣ и т. п.).

16. марта. — День не холодный, но пасмурный. Я и Янко ходили навѣстить Юсифа. Прекрасный русскій крестикъ я отнесъ г. Андрею Лакустѣ, чтобы вырѣзалъ на немъ подходящую надпись. Крестикъ сдѣлалъ мнѣ о. Ст. Яворскій. Въ Орестѣ Копыстьянскомъ позналъ я художника-ваятеля. Сдѣлалъ чудный ларчикъ д-ру Войтовичу и много другихъ вещей, настоящій художникъ.

Вчера Нестеракъ привелъ своего товарища Бандровскаго (оба — гимназисты VIII кл. новосандецкой гим-азіи). Бандровскій — живописецъ, общалъ принести намъ днесъ кое-что. Все, что досихъ поръ сдѣлалъ, роздалъ.

(Особое прим.): Полякъ Юсифъ Заславскій изъ Новаго Тарга былъ еще въ декабрѣ 1914 г. освобожденъ (freigelassen), но не зная ничего объ этомъ, сдѣлалъ по днесъ. По приглашенію Уейскаго, пришелъ въ канцелярію помогать ему привести въ порядокъ списокъ успшихъ и вдругъ, къ своему изумленію, попалъ въ немъ на статью, въ которой значитъ, что онъ, Юсифъ Заславскій, умеръ! Также образецъ бюрократическаго безголовья!

17. марта. — Опять у насъ, въ 30-омъ баракѣ, заболѣли двое: Куцѣй и о. Стягалевичъ. Врачъ заявилъ, что, если къ

субботѣ не будетъ новыхъ заболѣваній, въ нашемъ баракѣ будетъ произведена дезинфекція и что если окажутся нужнымъ, всѣхъ насъ переведутъ въ другой баракъ.

Характерно, что въ нашемъ баракѣ не погасъ тифъ. Это уже 21-ый случай. Но въ общемъ эпидемія падаетъ, больныхъ переносятъ въ другіе бараки. Случаевъ же смерти бываетъ по 3—5 въ сутки. Въ сравненіи съ прошлымъ, это очень мало.

Читаю повѣсть Юкая въ польск. перев. „Poruszumu z posad ziemie“. Хорошая повѣсть и потому бросилъ играть въ преферансъ. Все впрочемъ надоѣдаетъ. А видовъ на скорое окончаніе войны никакихъ.

Писаль молодой Телесницкій отцу, — днесъ письмо получено — что тамъ у него говорятъ, — онъ гдѣ то въ Чехіи окончилъ офицерскую школу — что пойдутъ на войну только въ маѣ. Вотъ те, хорошіе видны!

Днесъ караульные сообщили намъ, будто Италия объявила войну Франціи. Мало вѣроятное извѣстіе. А тѣ, кто читали газету, говорятъ, что ничего объ этомъ тамъ не сказано. Видно, это только одинъ изъ тысячи разныхъ слуховъ, къ какимъ мы уже здѣсь привыкли впрочемъ.

Пойду завтра къ Юсифу попросить, чтобы онъ, прѣхавъ въ Bielitz, написалъ черезъ бюро Тенгофа въ Бухарестъ письмо въ Липицу и сообщилъ имъ, что я и Янко здѣсь живы и здоровы. Ахъ, какъ бы я радовался, если бы это удалось, и мои дражайшіе на землѣ узнали обо мнѣ! А можетъ быть, и телеграмма via Brailow дойдетъ до Ляховичъ и этимъ путемъ они все таки скорѣе узнаютъ обо мнѣ?

Меня уже нѣсколько дней подрядъ очень сильно донимаетъ зубная боль, особенно и постоянно вечеромъ, иногда и ночью, не сплю...

Померъ о. Ал. Полянскій.

Вечеромъ опять принесли вѣсть печальную, — пришла будто бы телеграмма — что будто Румынія объявила войну Россіи. Такъ тогда война затянется надолго, повидимому, — намъ

такъ хотѣлось бы вернуться на родину, посмотреть на нее хотя бы и разрушенную! Вѣдь же она родная намъ, искони русская, своя дорогая земля! Да будетъ воля Твоя Господи!

По баракамъ, тамъ, гдѣ у кого то изъ нашихъ людей есть на рукахъ „Изборникъ“, служатъ днесъ „Поклоны“. У насъ же прочитали акафистъ къ страстямъ Христовымъ.

18. марта. — День пріятный. Врачъ заявилъ, что мы перейдемъ въ другой баракъ, кажется въ 23-ій, а нашъ будетъ подвергнутъ дезинфекціи. Днесъ забрали и судью Криницкаго въ госпиталь.

Вчерашнія вѣсти оказались ложными, какъ первая, переданная караульнымъ, такъ и вторая. За распространеніе ложныхъ вѣстей, караульное бюро получило здѣсь названіе „бюро Гиса“ (Гисовскаго).

На объѣдъ дали намъ постный „чиръ“ и говорятъ, что лишь дважды въ недѣлю будемъ получать мясо. Начнется голодовка. Бѣдняки крестьяне давно уже голодаютъ, просятъ насъ о подачѣ имъ хлѣба и пищи вообще, а у насъ нѣтъ. Прежде у насъ все таки оставалось еще немного хлѣба, такъ что мы могли имъ кое-что изъ него удѣлять, именно у насъ было много больныхъ и оставшіяся несѣданными ихъ порціи получали здоровые. Теперь эпидемія падаетъ, больныхъ становится все меньше, а выздоравливающіе, очень сильно хотятъ ѣсть и ѣдятъ жадно. Послѣ тифа всегда выздоравлившіе ѣдятъ много.

Съ самаго утра ужасно болитъ у меня зубъ.

По упокоившимся оо. Александрѣ Полянскомъ и его сынѣ Несторѣ отслуженъ парастасъ.

19. марта. — Пятница. Пасмурно. Съ утра заѣхали съ насосами и выкачиваютъ изъ отхожихъ мѣсть нечистоты и отравляютъ воздухъ зловоніемъ.

Собираюсь зайти къ Юсифу и попросить его, чтобы далъ портному сдѣлать для меня черные брюки и прислалъ сюда. Ужасно я обносился, хожу обрванымъ. Было время, когда я вынужденъ былъ неразъ ложиться спать, не

раздѣваясь, и это также ускорило процессъ распада моего тряпья, но благодаря этому обстоятельству быть можетъ, все таки не разболѣлся ревматизмомъ.

Съ 18 с. марта команду надъ нами обнялъ полковникъ Grimp.

Никто въ нашей кабинѣ не ѣсть по пятницамъ мяса. Поэтому утромъ беремъ обыкновенно фасольнаго супа два котелка больше, подогреваемъ его и приправляемъ, поелику это возможно, и особенно старый Потерейко дѣлаетъ себѣ изъ этого „объядение“. Но днесь вышло вотъ что: старый купилъ 2 литра сладкаго молока, еще не снятаго, а когда попробовали у насъ скипятить его, то оно внезапно створожилось. И удивительно, получилось изъ него много сыра, такъ Янко влилъ это молоко въ супъ и мы съѣли и нашли даже, что полученное кушанье оказалось довольно вкуснымъ.

Иосифъ и Красицкій уѣзжаютъ завтра послѣ обѣда.

Весна, весна! Здѣсь въ Талергофѣ копаютъ, пахутъ и сѣютъ, хотя кругомъ на горахъ еще бѣлѣютъ снѣга.

Уплатилъ днесь 20 кронъ о. Гизовичу. Такимъ образомъ мои счета выровнены.

(*Особ. замѣч.:*) Крестьянинъ изъ Глессо-Богданъ, уѣздъ Рагово, Василий Ретижникъ, въ жару всегда пѣлъ: „Исусе, Сыне Божій, помилуй мя“ и бѣсновался. Вязали его веревками. Позвали наконецъ караульных и они наложили на него кандалы. Утромъ пришелъ въ этотъ баракъ исповѣдывать о. Вл. Венгриновичъ и крестьянинъ, увидѣвъ его идущаго съ крестомъ въ рукахъ, подошелъ въ кандалахъ къ нему, еще разъ воскликнулъ: „Исусе, Сыне Божій, помилуй мя“ и поцѣловалъ крестъ. Священникъ покропилъ его священою водою и прочиталъ надъ нимъ молитву и крестьянинъ немного успокоился. Затѣмъ твердо заснулъ и когда затѣмъ проснулся, оказалось, что сталъ совершенно здоровымъ и здоровъ и по днесь.

Вечеромъ узнали мы отъ д-ра Вальничаго, что Янко освобожденъ. Писалъ объ этомъ Вл. Юркевичъ еще въ январѣ г-жѣ Кунинской, но это письмо

только днесь ей доставили! Вотъ какіе порядки! Но здѣсь еще находятся люди, освобожденные еще 3 мѣсяца тому назадъ, и все еще ждуть фактическаго освобожденія, нѣкоторые же изъ такихъ освобожденныхъ уже здѣсь умерли.

20. марта. — Всталъ рано. Днесь ухажать изъ подъ карантина Красицкій и Качала (онъ освобожденъ). Утромъ подавъ супъ неопредѣленнаго вкуса, пахнетъ тминомъ. Многие не кушали. Возвращаются прежнія, еще впрочемъ недавнія времена нашей голодовки въ Талергофѣ, лишь съ той разницей, что теперь питаніе насъ такимъ супомъ оправдывается скудостью съѣстныхъ припасовъ и приближающимся голодомъ.

Нашелъ случай поговорить съ Качалой. Поручилъ ему познакомиться съ Миллеромъ и попросить его о ходатайствѣ у барона Камерланда, чтобы насъ скорѣе освободили. Обѣщаль онъ это сдѣлать, такъ какъ намѣренъ задержать нѣсколько дней въ Грацѣ.

Янко же не оставитъ своего отца здѣсь, а желаетъ дожидаться и его освобожденія.

Что-то непонятное творится въ Талергофѣ. Кому-то какъ будто дѣло въ томъ, чтобы мы здѣсь оставались узниками возможно наидольше. Вотъ и днесь узнали мы, что о. Каленюкъ (онъ тоже днесь уѣзжаетъ) получилъ письмо еще съ января с. г., изъ котораго узналъ, что его братъ Романъ, военный капеланъ, попалъ въ плѣнъ. Вообще только вчера вручено много писемъ лицамъ, днесь уѣзжающимъ. Письма къ намъ навѣрно почиваютъ въ канцеляріи нашей Bewachungskommando и лишь уѣзжающимъ передаются. Въ этой тактикѣ тоже что-то подозрительное.

Такъ какъ Миллеръ лично Качалы не знаетъ, то я хочу предупредить Миллера телеграммой, что Качала у него явится.

Иосифу поручилъ я обязательно отыскать Курку, посоветоваться съ нимъ и выслать его въ Грацъ по нашему дѣлу. Издержки путешествія возвратимъ. Быть можетъ поѣдетъ и братаничъ Янко съ Куркою, а Курка могъ бы похлопотать у д-ра Ганкевича. Увидимъ, дастъ

ли все это какойнибудь результатъ, но пока что можемъ надѣяться на лучшее.

А тифъ все таки еще не погасъ. На дняхъ впалъ въ рецидивъ (возвратъ) о. Дроботъ и съ нимъ теперь очень плохо.

Построили теперь здѣсь новые госпитали и перевели уже туда больныхъ изъ барака № 14. Тамъ комнаты съ поломъ, опрятны, съ большими окнами, ясныя, чистое бѣлье и пр. Нельзя ничего большаго и лучшаго ожидать и требовать въ Талергофѣ!

Въ часъ дня 105 чел. выходцевъ отправились съ узлами. Каждому выдана легитимация, которую читаетъ получившій на сторонѣ, слѣдя за тѣмъ, не значится ли тамъ: sich fernhalten von dem Operationsterrain (находись подалеже отъ территории военныхъ дѣйствій), конфиденанымъ не поставлена такая замѣтка. Такъ съ трудомъ двинулись они къ станции Putingam, отдаленной 1 килом., а мы, оставшіеся, долго смотрѣли вслѣдъ за ушедшими и не одинъ изъ насъ спрашивалъ про себя со вздохомъ: когда уже разъ придетъ тотъ день, въ который и мнѣ доведется такъ уйти съ этого мѣста столь многихъ мученій, лишеній, болѣзней, тревоги — словомъ — ада.

Ожидаемъ оглашенія слѣдующаго новаго списка выѣзжающихъ, а я и Янко вѣстей около четверга изъ Граца отъ Качалы и др.

21. марта — Воскресенье.

22. марта. — Крѣпкій морозъ.

(*Особ. замѣч.:*) Разсказываетъ о. Гичко изъ Шандровецъ: Послѣ арестованія о. Гичка, мѣстный помѣщикъ еврей Ааронъ К., посовѣтовавшись съ войтомъ и солдатами полченцами, согналъ въ воскресенье послѣ обѣда все село на ланы для уборки съ нихъ хлѣбовъ ему, помѣщику еврею. Играя при этомъ роль австрійскаго патріота, велъ себя въ виду крестьянъ дерзко и вызывающе. Но нѣсколько дней спустя явился въ селѣ уже русскіе казаки. Помѣщикъ еврей ухитрился подвести и ихъ, пригласилъ ихъ къ себѣ и угостилъ великолюбно, нагрузивъ столы лучшими кушаньями и водкой. Казаки узнали, однако, отъ крестьянъ о недавнемъ подвигѣ

гѣ хитреца, наѣвшись и попивъ вдоволь, вмѣсто того, чтобы поблагодарить хозяина, растянули его на томъ же столѣ и всыпали ему 15 палокъ на то, — какъ сказали — чтобы на всю жизнь попомнилъ побывку и правосудіе казаковъ въ Шандровцахъ.

Съ утра гамъ и шумъ: молодая К—о творитъ безобразія, подражаетъ кошкѣ, передразниваетъ евреевъ, досаждастъ обитательницамъ въ женской кабинѣ напротивъ (тамъ вдова г-жа Г. и дѣвушка Л.). Онъ обѣ поютъ пѣсни, особенно по вечерамъ (у нихъ хорошій голосъ), но это мнѣ мѣшаетъ уснуть. Такъ я подумую о своей родинѣ, мечтаю немного кое-о чемъ и засыпаю. Въ баракѣ нѣкоторыхъ овладѣваетъ, ни съ сего ни съ того, порой неестественный ребяческій юморъ, порой же чернѣйшая безнадежность, меланхолія и подавленность до слезъ, до отчаянія. Все это объясняется нашимъ общимъ безотраднымъ и тяжелымъ положеніемъ. Слишкомъ ужъ долго сидимъ мы здѣсь. Тоска и скука одолаваютъ всѣхъ насъ.

Говорятъ (д-ръ Могильницкій), что здѣшніе санитары постановили подавить эпидемію и отмѣнить карантинъ въ теченіе 10 дней. Понимаемъ, что имъ хотѣлось бы поѣхать въ Грацъ (или вмѣстѣ съ офицерами) на праздники Пасхи. Но на бѣду, какъ разъ третьяго дня въ I дворѣ было нѣсколько новыхъ случаевъ заболѣванія.

Газ. Tagespost отъ 20 с. марта принесла замѣчательную передовую такого содержания: Несмотря на то, что Гинденбургъ — знаменитый полководецъ и одержалъ двѣ величайшія побѣды, несмотря на то, что войска дерутся храбро, высадить непріятеля изъ занятыхъ имъ днесь позицій мы считаемъ невозможнымъ и немисдимымъ, а мечтать о взятіи Варшавы было бы смѣшно. Въ статьѣ бросаются въ глаза тонкій и изящный по формѣ стиль и остроумная игра словъ.

Одна швейцарская газета помѣстила извѣстіе, что между Франціей и Россіей заключенъ договоръ, по которому Франція поможетъ Россіи взять Константинополь и Дарданеллы, а зато Рос-

ся отобьет у нѣмцевъ Эвассъ-Лотарингію для Франціи. Стало быть, нечего и думать о заключеніи мира до паденія Константинополя. А мы все лелѣемъ надежду на то, что все это въ теченіе 5 недѣль закончится, что мы къ концу мая м. вернемся на родину.

Есть еще здѣсь много такихъ людей, которые такъ и по днесь ходятъ безъ рубашекъ! Была вѣдь одна только у нихъ и та распалась, просто сгнивъ на гѣлѣ отъ пота, грязи и вшей.

Надняхъ (19. с. м.) получила госпожа Кунинская письмо, помѣченное 28. янв. с. г., отъ Вл. Юркевича, который сообщаетъ, что о. І. Потерейко освобожденъ еще въ ноябрѣ. Такихъ освобожденныхъ здѣсь много, но они объ этомъ ничего не знаютъ и сидятъ здѣсь дальше безконечно долго.

Если бы его и его отца выпустили на свободу, а меня конфиновали съ опредѣленіемъ мѣста моего пребыванія, оба они рѣшились бы жить вмѣстѣ со мною.

Жду полученія около субботы извѣстій отъ брата Юсифа или же отъ Янка, его сына, какъ удастся ему его миссія въ Грацѣ.

Вчера дали намъ на обѣдъ капустнякъ, но безъ мяса. Капуста же недоварена и жестка.

Согласно газетнымъ извѣстіямъ во Вѣнѣ выдаютъ карточки и на молоко, а не только на хлѣбъ и муку. Свыше 200 фирмъ, торгующихъ мукою, закрыто изъ за недостатка муки. Булки изъ пшеничной муки на дрожжахъ дозволено печь только дважды въ недѣлю, да и то изъ черной муки.

Масло до сихъ поръ удается намъ въ кантинѣ доставать, но предчувствуемъ, что вскорѣ его лишимся. Молока все меньше и меньше. Теперь продаютъ кислое по 32 гел. за литръ и народъ покупаетъ, но не мы.

Купилъ открытку изъ Талергофа за 70 гел. отъ о. Сеника. Говорятъ, что онъ купилъ 100 открытокъ по 40 гел. и въ мигъ распродалъ ихъ. Такъ люди торгуютъ, чѣмъ только могутъ. Гисовскій сидитъ въ трафикѣ и продаетъ табакъ. Изъ-за этой торговли и др. нев-

згодъ нашего здѣшняго положенія выходятъ иногда непрятныя и некрасивыя исторіи. У нѣкоторыхъ этика пошатнулась и пала. Кое-кому вѣроятно послѣ освобожденія будетъ даже стыдно возвращаться на родину.

Трудно, конечно, выяснитъ и установить, что именно сильнѣе и въ какой степени расшатало нравственные устои нѣкоторыхъ лицъ: одно ли только пребываніе здѣсь, или же, помимо него, вызванное войною общее паденіе нравовъ, а только фактъ на лицо — нѣкоторые люди этой нынѣшней огненной пробы не вынесли и пали. Они не боятся ни Бога, ни смерти. Не боятся теперь и здѣсь, когда всякій долженъ быть готовъ и ожидать, что, слезги въ госпитальную постель, больше съ ней не поднимется, внезапно переселится въ вѣчность. Видно ко всему человѣкъ постепенно привыкаетъ даже къ ледяному сердцу и душу зрѣлищу многихъ новыхъ гробовъ — а бывало ихъ иногда и по 40 штукъ въ день — и ничего уже его не трогаетъ, такъ какъ и со всѣмъ этимъ освоился уже и окаменѣлъ. Подобно какъ и на полѣ брани привыкаютъ къ виду ужасныхъ раненій, увѣчій, рѣзвъ, убою, отчаяннымъ стenanіямъ, воплямъ гибнущихъ и множества разлагающихся труповъ уже погибшихъ.

Въ баракѣ служимъ ежедневно молебенъ или акафистъ, чѣмъ огорчены молодые К—ки и Г—къ (поповичи), особенно К—ки ведутъ себя грубо и подрываютъ религіозныя чувства у другихъ. Вотъ, одна часть — правда, къ счастью ничтожная, — нашей молодежи, такой до сихъ поръ всегда благовоспитанной, дисциплинированной, благородной, патриотичной. На такихъ, уже надломленныхъ, не дѣйствуетъ уже увѣщательное слово о патриотизмѣ, даже о православіи, потому что они извѣрились во всемъ и отравлены ядомъ безвѣрія. А такъ какъ вообще плохо воспитаны, скорѣе же вовсе не воспитаны, то не желаютъ да и не умѣютъ показать себя культурными людьми, ни отнестись съ уваженіемъ къ религіознымъ чувствамъ другихъ, ни даже оставить въ покоѣ молящихся. Видъ молящагося ихъ озлоб-

ляетъ. Видно, они и дома не привыкли видѣть молящихся, а если это такъ, то въ ихъ поведеніи повинны и ихъ родители.

Но за то есть цѣлый рядъ священниковъ, которые именно здѣсь, въ это время и въ этихъ условіяхъ и обстоятельствахъ, проявляютъ чрезвычайное

I. ТАЛЕРГОФСКІЕ ТИПЫ.

Рисунки, сдѣланные тамъ же и тогда же карандашемъ талергофцемъ бл. п. д-ромъ Ярославомъ Гелитовичемъ, а послѣ выведенные тушью живописцемъ Ст. Томасевичемъ.

Увы, сильно здѣсь опустились и нѣкоторые священники: не заглядывая въ молитвословъ, не исполняютъ своихъ священныхъ обязанностей въ крайней мѣрѣ про себя и для себя.

душапастырское усердіе. На первомъ мѣстѣ въ этомъ отношеніи стоитъ здѣсь и свѣтитъ другимъ особенно яркимъ образомъ самопожертвованія и благочестія о. Вл. Венгровичъ. Выдаются же

и отличаются въ числѣ многихъ оо. Пантелеймонъ Скоморовичъ, Ст. Яворскій, Гелитовичъ, Дуркотъ, Гр. Процыкъ, Чекалюкъ, Ф. Ковальскій, Крушинскіе и др.

Благодаря стараніямъ Шорша будемъ отъ днесь получать ежедневно „Neue Freie Presse“ въ полную нашу собственность, за что будемъ платить по 30 кронъ въ мѣсяцъ. У насъ это большой прогрессъ. Доставляющій субъектъ зарабатываетъ въ мѣсяцъ 60 кронъ. Вечеромъ померъ о. Дроботъ.

Пѣвца Держка замкнули въ одиночное заключеніе на 6 часовъ и заковали его въ т. наз. перекрестные кандалы (Spangen).

(Особ. зам.) Даты отправленія нами личныхъ и общихъ писемъ разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ:

Apostolischer Nuntius, Wien, 21/X, 1914.
Cardinal Piffi, 30/XI, 1914.
Nuntius, 1/XII, 1914.
Cardinal Piffi, 12/XII, 1914.

23. марта. — Крѣпкій приморозокъ. Ночью болѣлъ у меня зубъ. Нестеракъ принесъ стихотвореніе, посвященное о. Вл. Венгриновичу. Хорошо оно написано — будетъ оно у насъ на память Бандровскій сдѣлалъ къ нему вишнетку.

Утромъ Ш. принесъ извѣстіе, что П. (срещишь) палъ. Говорятъ, что эта вѣсть вѣрна, такъ какъ и въ газетахъ приведена.

Всѣмъ обитателямъ нашего барака приказано вынести всѣ вещи во дворъ и въ баракъ произведена дезинфекція, опрыскивали всю посуду, постели, одежду, обувь, столы, полъ и т. д. такъ обильно, что даже отъ этого грязь подъ ногами сдѣлалась. Къ счастью, послѣ утренняго приморозка, днесь день хорошій и теплый. Говорятъ, что пополудни всѣ пойдемъ въ баню.

Къ 1-му апрѣля будетъ — говорятъ — карантинъ отмѣненъ. Быть можетъ, всѣ врачи и офицеры страстно желаютъ на Пасху выхажь въ Граць. Увидимъ.

Когда мы возвратились изъ бани, увидѣли, что во всемъ баракѣ ужасная грязь, сѣнники же наши до того мокры, что не знаешь даже, какъ на нихъ намъ

спать придется, лучше ужъ ихъ отставить, а завтра высушить.

Наша Postwache (караульная стража) днесь забавлялась и весела. Они говорятъ, что паденіе П. (срещишь) знаменуетъ, согласно ихъ пониманію и сердечному желанію, близкое окончаніе войны. И имъ, наконецъ, соскучилось и пріѣлось. Они — старые сполченцы, дома оставили свои семьи и сильно тоскуютъ. Вотъ, предвчера (третьяго дня) одинъ изъ нихъ получилъ изъ дому письмо съ извѣщеніемъ, что его жена и дѣти погибли съ голода, и затѣмъ пустилъ себѣ пулю въ лобъ.

Въ 3 ч. состоялась панихида по пок. православномъ священникѣ о. Дроботѣ въ часовнѣ, служили оо. Максевичъ и Тофанъ, пѣли нашъ хоръ. Всѣ жалуютъ о покойникѣ.

Спали мы на мокрыхъ сѣнникахъ. 24. марта. — Морозъ. Сѣнники и днесь еще сушимъ

Нашъ крестьянинъ-поэтъ принесъ собою написанное стихотвореніе, посвященное также о. Вл. Венгриновичу. Это — красивое стихотвореніе, написанное по галинко русски.

(На этомъ записи Дневника въ III тетрадь обрываются, осмальныхъ 8 карточекъ, т. е. 16 страницъ, заполнены списками оригинальныхъ стихотвореній Нестерака и др. названныхъ лицъ, — естъ на русскомъ литер. языкѣ)

(Четвертая тетр.) 24 марта. — Днесь начался нашъ трехнедѣльный карантинъ. Говорятъ, что по истеченіи этого срока насъ отсюда разгонять.

Д-ръ Могильницкій говоритъ, что въ настоящее время естъ всѣхъ больныхъ 1.030 чел., въ этомъ числѣ 90 чел. больныхъ тифомъ, прочіе же считаются выздоравливающими или страдающими иными разными болѣзнями. Ёсть нечего говоритъ д-ръ Могильницкій — и реконвалесцентамъ придется вѣроятно умереть съ голода. Теперь уже нѣтъ даже ячной каши ни „грисика“, а только еще немножко риса

Съ вчерашняго дня намъ подають утромъ кофей вмѣсто супа, крестьянамъ же подають подобіе супа, т. е. въ сущности воду помойнаго вида.

Вечеромъ у меня сильно разболѣлся зубъ и донималъ всю ночь — мало спалъ я.

25. марта. — Ходилъ въ амбулаторію, но никого тамъ не засталъ. Днесь латинскій праздникъ (Zwiasowanie — Благовѣщеніе) и быть можетъ, по той причинѣ врачи отсутствуютъ.

Вчера читали мы н рѣ „Neue Freie Presse“, съ описаніемъ о сдачѣ Перемышля. Тамъ стоилъ корецъ кафтошки 60 кронъ, одно яйцо 1'50 кр., головка капусты 6 кронъ. Идетъ ожесточенный бой на Ужоскомъ перевалѣ, исхода его можно ожидать днесь или завтра.

(Особая записъ): Послѣ арестованія о. Кокотайла и его жены въ с. Туринкѣ, жандармы произвели очень тщательный обыскъ въ его домѣ и на вышкѣ нашли маску чорта, которую употребляли, устраивая любительскіе спектакли во время Рождественскихъ праздниковъ любители-актеры. Маска была громадныхъ размѣровъ — цѣлая голова съ рогами. Жандармъ наткнулъ эту маску на штыкъ и какъ сорпус delicti представилъ старостѣ въ Жолквѣ. Получился такой спектакль: жандармъ везъ на телѣгѣ въ городъ закованныхъ въ кандалы нѣсколькихъ русскихъ крестьянъ-„измѣнниковъ“ и сидѣлъ между ними съ высоко поднятой маской чорта на штыку. Когда такъ проѣзжали улицами Жолквы, высыпавшая на улицу толпа не могла вдоволь нарадоваться этимъ зрѣлищемъ, она бѣжала за телѣгой и кричала: „смотри, смотри, нашли россійскаго чорта у священника въ Туринкѣ!“ Даже театральная маска стала поводомъ и уликой для арестованія русскихъ галичанъ.

Днесь двое крестьянъ при извѣстіи о паденіи Перемышля обнаружили въ присутствіи нѣсколькихъ лицъ свою радость по этому поводу, какой то полдень сейчасъ на нихъ сдѣлалъ доносъ и вскорѣ обоихъ несчастныхъ схватили и сдѣлали имъ Anbinden, т. е. подвѣсили ихъ на столбѣ.

Въ 3 ч. состоялись похороны о. Кузьмаки изъ Перемышльской епархіи. Пѣлъ хоръ.

Зубъ пересталъ меня болѣть — слава Тебѣ, Господи, — и я спалъ хорошо.

26. марта. — Пасмурно и вѣтренно. Ожидаю вѣсти отъ Юсифа или его сына Янка, если поѣхалъ въ Граць.

Говорятъ, что уже третій день лежить въ госпиталѣ сынъ гимназистъ д-ра Могильницкаго. Онъ всегда ходилъ безъ шляпы, чтобы этимъ „закалить“ себя, и возможно, что простудился.

Днесь возвратились изъ госпитала г. Сандовичъ и его сынъ. Оба здоровы.

Нѣкоторые изъ оставшихся здѣсь въ заключеніи дальше, воспользовавшись случаемъ, передали все таки частныя письма выходящимъ на свободу для отправки по адрессамъ. Вышедшіе же были столь неосторожны, что сдали ихъ на почту на ближайшей станціи Путингамъ, а почта вмѣсто того чтобы отправить ихъ по адресу, передала ихъ въ Zeitling-Thalerhof. Теперь вышли у насъ здѣсь изъ-за этого большія неприятности. Допрашиваютъ тѣхъ, кто писали эти письма. Дѣло въ томъ, что у насъ эпидемія, а эти письма не были дезинфекціонированы.

Днесь (пятница) подали намъ только кукурузный „чиръ“ (пюхлебку). Слышимъ также, что во Вѣнѣ пекутъ теперь лишь кукурузный хлѣбъ, но и такой будто очень дорогъ.

(Слѣдуетъ на 1¹/₂ стр. текста сочиненной повидимому кѣмъ-то изъ заключенныхъ патристической пьесы, начинающейся: „Эй, Русь Червоная...“ а на слѣд. стр. ноты къ первой ея строкѣ).

Ходятъ слухи, что будто во Вѣнѣ вспыхнули бунты изъ-за недостатка хлѣба. Власти призвали себѣ на помощь войско, которое будто бы стрѣляло въ толпу.

Мясо живого вѣса 1'80 во Вѣнѣ.

Намъ подають супъ почти безъ мяса, а крестьяне и вовсе его не видятъ. 27 марта. — Суббота. Узнаемъ, что въ Прагѣ и Вѣнѣ вспыхнули волненія голодныхъ массъ и что ожидаютъ такихъ же волнений и въ Будапештѣ, куда уже отправлены для ихъ подавленія, 6000 солдатъ изъ гарнизона въ Граць.

Пополудни получилъ я письмо отъ моего сына Богдана изъ Младого Болеслава. Я весь дрожалъ отъ волненія, когда читалъ адрессъ, написанный его

почеркомъ. Письмо помѣчено 24-мъ с. марта 1915 г., писано чужою рукою (не знаю почему), лишь подпись его Bohdan. Онъ сообщаетъ, что 26-го сент. былъ взятъ въ армію, 26-го окт. придѣленъ уже къ своему 55-му полку и былъ даже разъ уже „im Feldzug“, но заболѣлъ катаромъ кончинъ лѣвой половины легкихъ и ему дали отпускъ по 15-ое апрѣля 1915. Отъ директора своей фабрики узналъ, что я (кажется въ январѣ) спрашивалъ телеграммой, что съ нимъ случилось, и онъ тамъ узналъ о моемъ мѣстопробываніи и немедленно написалъ. Сообщаетъ, что живетъ „у одной хорошей семьи“. На какія средства?

Письмо это доставило мнѣ много радости. Я же неразъ думалъ, что онъ, быть можетъ, и не живетъ. Но благъ и милостивъ Господь. Молюсь я за себя и семью мою, молятся назѣрно и другіе за нее, и Господь внемлетъ нашимъ молитвамъ, и не хватаетъ словесъ и силъ достойно возблагодарить Его за всѣ оказываемыя намъ Его благодѣянія.

Богданъ долженъ 16 апр. явиться въ своемъ полку, расквартированномъ теперь въ мѣстечкѣ Voitsberg ad Graz. Онъ опять пойдетъ на войну, но я вѣрю и уповаю, что, если такъ съ нимъ будетъ, ему по волѣ Твоей, Господи, не приключится ничего худого, и что онъ живъ останется.

28-го марта — Цвѣтоносная недѣля. Ни одна ваія нигдѣ не замѣтна въ Талергофѣ, а только каждый мысленно и душевно пребываетъ между своими тамъ, на родинѣ, и чувствуетъ, что и имъ тѣмъ тяжело праздновать сегодняшній день, не видя насъ въ своей средѣ.

Никто, ни Качала, ни Иосифъ, не пишутъ мнѣ! Вотъ и довольны, что сами на свободѣ, и позабыли о насъ.

Я рѣшилъ завтра выслать Богдану по телеграфу 50 кронъ и сообщить, что я здоровъ. Онъ бѣдняжка спрашиваетъ про мамашу и сестеръ, но я самъ ничего не знаю, но предполагаю, въ сильномъ упованіи на милость Божію, что всѣ онъ здоровы.

Наличныхъ денегъ у меня нѣтъ, есть только депозитъ въ 380 кронъ, по-

тому мнѣ придется занять у о. Влад. Венгриновича.

Мы (четверо сожителей) выписали себѣ медъ (— 5 клгр.?) жестянка). Стоитъ 10 кронъ, а здѣсь, въ розничной продажѣ стоитъ 1 клгр. 6 кронъ.

Говорятъ, что 4-го апр. прекратится карантинъ и что многихъ выпустятъ или на свободу совсѣмъ или на конфинацію, хотя и эта „воля“ теперь даже не особенно заманчива въ виду ужасной дороговизны и голода. Здѣсь мы — разсуждаютъ нѣкоторые — все таки получаемъ какую-то пищу, хотя и скверную и въ скудномъ количествѣ, а „на свободѣ“ можемъ, даже имѣя деньги въ карманѣ, голодать.

Когда Господь умиосердится надъ людьми, отвернетъ свою карающую руку и подастъ миръ и покой страждущему человѣчеству?

Д-ръ Собинъ и Ярославъ Гелитовичъ попали въ Einzel-ки (одиночное заключеніе) на сутки за то, что передали письма чрезъ выходившихъ на свободу. Караульные очень бѣсятся, не знаемъ, изъ-за паденія ли Перемышля или же по какому-то другому, намъ еще неизвѣстному поводу. Вообще усилились злоупотребленія и досажденія... Собинъ является офицеромъ и ваявилъ это профосу, въ отвѣтъ получилъ: das macht nichts! (это ничего!) и повелъ ихъ обоихъ въ одиночное заключеніе.

(Особая записъ:) По сообщеніямъ и записямъ, составленнымъ участниками (обвиненными) въ процессѣ передъ военнопольнымъ судомъ въ Новомъ Санчѣ, 26-го сентября 1914 г.

Обвиненные въ государственной измѣнѣ:

1. Владиміръ Теофиловичъ Качмарчикъ, студентъ юридическаго факультета, род. 5-го іюля 1892 г. въ Бѣлцаревой;

2. Свящ. о. Петръ Васильевичъ Сандовичъ, настоятель прихода въ Брунарахъ выжнихъ, деканъ (благочинный) Мушинскій;

3. Антонъ Петровичъ Сандовичъ, студентъ философскаго факультета;

4. Свящ. о. Влад. Осип. Мохначикъ, завѣдующій приходомъ въ Чирной, род. 20-го марта 1870 г.;

7. Г-нъ Любоміръ Теофиловичъ Качмарчикъ, нотаріатскій кандидатъ, род. 15-го авг. 1878 г.

Обвинительный актъ гласиль:

II ТАЛЕРГОФСКІЕ ТИПЫ И СЦЕНЫ.

Рисунки карандашемъ д-ра Я. Гелитовича, репр. тушью Ст. Томасевича (см. выше рис. I.)

5. Свящ. о. Теофилъ Теофимъ Качмарчикъ, настоятель прихода въ Бѣлцаревой, род. 23-го окт. 1843 г.;

6. Свящ. о. Василій Степ. Курилло, настоятель прихода въ Флоринкѣ, род. 11-го авг. 1861 г.;

Es stehen hier die Angeklagten, lauter Russophilen, die Genossen dieser ver-rätherischen Partei, durch welche hunderte und tausende von unserer Mannschaft in Ost-Galizien zugrunde gegangen sind. Wie die Genossen dieser Angeklagten durch

die Agitation unter der ruthenischen Bevölkerung in Ost-Galizien Grund und Boden für den Ueberfall der Russen vorbereitet haben, so haben die Angeklagten dasselbe in west-galizischen Bezirken getan. Auf Grund dessen stelle ich den Antrag, diese Kreaturen standrechtlich zu behandeln... и т. д. (*Въ переводѣ*: Предстали здѣсь обвиненные, исключительно одни руссофилы, члены той измѣннической партіи изъ-за которой сотни и тысячи нашихъ воиновъ въ восточной Галичинѣ погибли. Какъ товарищи этихъ обвиненныхъ, своей агитаціей среди малорусскаго населения въ восточной Галичинѣ, подготовили почву для русскаго нападенія, такъ эти обвиненные сдѣлали то же въ западно-галицкихъ уѣздахъ. На основаніи этого ставлю предложеніе на осужденіе этихъ креатуръ военно-полевыхъ судомъ...)

Свидѣтели:

1. Свящ. о. Василій Смолинскій, настоятель прихода въ Ростокахъ вел.;
2. Свящ. о. Іоаннъ Гринчукъ, настоятель прихода въ Матіевой;
3. Гуцулякъ, нар. учитель изъ Избѣ;
4. Евгенія Димитчукъ, изъ Избѣ, родственница Гуцуляка;
5. Вознякевичъ, изъ Избѣ, родственникъ Гуцуляка;
6. Байстлей, изъ Избѣ;
7. Свящ. о. Михаилъ Дороцкій, изъ Злоцкаго;
8. Михаилъ Михальскій, изъ Тылица;
9. Антонъ Гусакъ, учитель изъ Мохначки;
10. Антонъ Юрчакъ, бурмистръ изъ Мушины;
11. Оома Фуртакъ, инспекторъ полиціи изъ Родалина возлѣ Тарнобржега;
12. Францъ Баусъ, эксъ-жандармъ изъ Тылица;
13. Ячовъ Харина, изъ Матіевой;
14. Димитрій Суличъ, изъ Складистаго;
15. Апполлинарій Нестеракъ, изъ Тылица;
16. Stein, изъ Снѣтницы;

17. Григорій Бацъ, вице-вахмистръ жандармеріи;

18. Гольдштейнъ, шинкаръ изъ Перунки.

Показанія свидѣтелей:

Свящ. о. Василій Смоликовскій заявляетъ, что знаетъ обвиненныхъ: священниковъ лично, а мірянъ по слухамъ. Всѣ они причисляются къ руссофильской партіи. Сыновья о. Качмарчика принимали дѣятельное участіе въ открытіи читаленъ и въ такомъ же торжествѣ въ Ростокахъ вел. Обнимая деканальный чинъ, о. Сандовичъ заявилъ въ своемъ окружномъ посланіи къ деканальному духовенству, что какимъ былъ до сихъ поръ, такимъ останется и въ будущемъ, и что будетъ трудиться въ пользу русскаго народа.

Аудиторъ: Почему вы такъ говорите?

Св. о. Смоликовскій: Ибо въ этомъ посланіи о. Сандовичъ написалъ, что будетъ трудиться въ пользу русскаго народа, а слово „русскаго“ написано тамъ чрезъ двойное с („сс“), значитъ, русскаго.

Тутъ о. Сандовичъ заявляетъ, что не помнитъ, написано ли тамъ слово „русскій“ чрезъ одно „с“ или двойное.

Для доказательства сказаннаго тутъ о. Смоликовскій представляетъ списокъ этого посланія.

Гуцулякъ: Всѣ обвиненные причисляются къ руссофильской партіи. Два священника, о. Качмарчикъ и о. Курилло, созвали въ Снѣтковой собраніе, но сами въ немъ не присутствовали, а сидѣли въ крестьянской хатѣ и тамъ агитировали между крестьянами и такъ ихъ подстрекнули, что крестьяне угрожаи, что меня убьютъ камнями, и потому я изъ собранія удралъ, за что я и постановилъ отомстить имъ обомъ или самолично или же чрезъ моихъ конфидентовъ. Мы слѣдили все время за ихъ руссофильской дѣятельностью, чтобы видѣть, какъ они будутъ отплачивать нашей монархіи, за хлѣбъ отъ нея получаемый. Итакъ узналъ я, что о. Качмарчикъ публично, въ церкви, приводилъ

народъ къ присягѣ на то, чтобы не стрѣлялъ въ „москалей“, а объ этомъ сказалъ мнѣ Юліанъ Ванько изъ Избѣ, слышавшій отъ людей изъ Бѣлцаревой. А о. Курилло подговаривалъ людей во время св. исповѣди и также ихъ „заприсягалъ“ публично, въ церкви, чтобы въ „москалей“ не стрѣляли. Объ этомъ говорили мнѣ крестьяне изъ Флоринки, везшіе меня.

Гольдштейнъ, шинкаръ, обвиняетъ о. Мохнацкаго въ томъ, что есть русскаго агитаторомъ, что собиралъ отъ прихожанъ деньги и посылалъ ихъ въ Россію на военныя цѣли и т. п.

Былъ вчера и другой примѣръ жестокости: За какіе-то мелкіе проступки вызвалъ профось 5 женщинъ и заявилъ имъ по очереди, что приговариваетъ ихъ къ Einzelarrest-у (одиночному заключенію), первую изъ нихъ на одни сутки, вторую на двое сутокъ и т. д., а пятую на 5 сутокъ. Услышавъ такой странный приговоръ, послѣдняя, т. е. пятая, улыбнулась. За это онъ еще особо и добавочно наказалъ ее подвѣшеніемъ (anbinden). Что за безчеловѣчность наказывать слабую женщину такой пыткой, которую примѣняютъ рѣдко даже къ солдатамъ въ арміи.

Еще одна новая перемѣна и къ худшему: Нашъ кап. S, котораго мы, было, считали при режимѣ Ш. все таки чело-вѣкомъ, теперь, повидимому, подражаетъ ему. Новый полковникъ, видно, нашими дѣлами не занимается, а оставилъ все кап. S. Говорятъ, что старикъ — любезный чело-вѣкъ.

29. марта. — Страстной понедѣльникъ. Снѣговая туча. Я не спалъ почти всю ночь, зубъ меня болѣлъ. Послѣ обѣда (ѣтъ конечно мяса, ибо нечего ѣсть) выслалъ телеграмму и 50 кронъ Б гдану.

(*Особля зпись — черновикъ телеграммы*: 29 — III. — Böhmen Jungbunzlau Bohdan Maszczak Rybnicnagasse 237. — Ich gesund vom Hause (*зачер.* der Familie) keine Nachricht telegraphisch 50 Kronen schreibe ab küsse dich — Johann).

Получилъ письмо отъ Янка Мащача. Пишетъ, что по нашему дѣлу былъ

во Вѣнѣ у о. Филяса и, взявъ у него письмо, поѣхалъ въ Грацъ къ дру Ганкевичу. Сообщаетъ адрессъ Курки, онъ въ Піотрковѣ, она съ дѣтьми во Вѣнѣ, былъ навѣрно у ней, такъ какъ сообщаетъ, что она обѣщала дать письмо къ мужу. Увидимъ, поможетъ ли все это хоть кое что.

Слышно, что карантинъ будто еще будетъ продолженъ по 14-ое апрѣля. Цѣлое несчастье! Невозможно никуда ничего писать. Изъ Галичины получаютъ письма, на конвертахъ которыхъ уже значится русская почтовая стампиль мѣстности отправленія и таковыя сюда доходятъ. Надняхъ получилъ о. Левъ Кордасевичъ такое письмо изъ Львова. Лишь мы одни сидимъ и сидимъ, совершенно не зная, извѣстилъ ли кто нашихъ о мѣстѣ нашего теперешняго пребыванія, или нѣтъ и живы ли они. Вотъ вопросъ для насъ самый животрепещущій. Недоумѣваю, какъ такъ они до сихъ поръ не могли намъ ничего написать. Предполагаю, что Дозьво во Львовѣ, а вѣдь же тамъ онъ могъ найти путь, которымъ удалось бы отправить намъ письмо. Разъ мы будемъ на свобо-дѣ, — если Господь позволитъ — такъ будемъ писать чрезъ международное бюро въ Румыніи или въ Копенгагенѣ.

Здѣсь о. Фелдосій Дуркотъ устроилъ чтеніе сочиненія Св. Іоанна Златоуста „О священствѣ“. До и послѣ обѣда собирается въ его кабинетъ нѣсколько священниковъ, чтобы это чтеніе послушать.

Стоящій у барака № 30 „постъ“ (караульный) получилъ письмо отъ жены, которая сообщаетъ ему, что она съ дѣтьми погибаетъ отъ голода. Заплакалъ бѣднякъ какъ ребенокъ. Мы имъ заинтересовались и одинъ (Шоршъ) пошелъ по бараку и собралъ для него 20 кронъ. Получивъ этотъ подарокъ, „постъ“ — онъ чехъ — поблагодарилъ сердечно и еще сильнѣе расплакался.

30. марта. — Спаль хорошо. Зубъ не болѣлъ благодаря лекарству, которое мнѣ Стиранка доставилъ.

Чистка бараконъ №№ 27, 28 и 29. Послѣ чистки эти бараки будутъ лизировать, а людей изъ нихъ отправятъ

въ баню. Бѣднякамъ приходится плохо. Днесь очень холодно и люди мерзнутъ, стоя и дрожа весь день на дворѣ. Замѣтить долженъ, что эти люди еще не были въ банѣ (я былъ уже 5 разъ).

Эпидемія повидимому гаснетъ. Бываютъ уже дни, въ которые нѣтъ ни одного мертвеца.

(*Особ. запись — черновики телеграммы*: 30/III — Joseph Johann Maszczak — Kamitz bei Bielitz — Hotel Werner — Danken herzlich für (*зачер.* günstige) Nachricht vergesse unser nicht beschleuniget wir gesund fröhliche Ostern — Johann senior et junior, т. е. адресъ и: благодаримъ сердечно за (благоприятное) известіе, не забывайте насъ, поспѣшите, мы здоровы, веселой Пасхи!)

Днесь прочли мы въ „Gratzer Tagblatt“, что власти съ величайшей спѣшностью будутъ строить еще много новыхъ бараковъ въ Талергофѣ и эта вѣсть толкуется теперь нами на всѣ лады.

Днесь занялъ я у о. Вл. Венгриновича 50 кронъ. Заявление подписалъ я и Янко. Быть можетъ еще до отъѣзда Богдана въ полкъ, я смогу еще ему кое-что послать. Ахъ, Господи, кобы онъ избавился отъ этого и не уѣхалъ! А впрочемъ, воля Божія...

Получилъ открытку отъ Н. Красицкаго изъ Turrach bei Predlitz, Obersteier, изъ которой видно, что тоскуетъ по родинѣ (Heimweh), платить по 70 кронъ въ мѣсяць и пр.

Laisс черезъ о. Еднакаго указалъ о. Ст. Яв. (*орскому*), на путь, какъ можно бы сообщить роднымъ о нашемъ здѣсь пребываніи. Довольный о. Ст. отправился за инструкціей къ о. Еднакому, хочемъ воспользоваться и написать. Дай Богъ, чтобы это увѣнчалось успѣхомъ.

31. марта. — Великая среда. Холодно. Снѣгъ налетаетъ.

Померъ о. Сѣнгалевиць, молодой человекъ, жившій въ нашемъ баракѣ.

Жалуются что теперь никто не ухаживаетъ за больными, съ уходомъ д-ра Zins-а все ухудшилось. Больнымъ не подаютъ лекарствъ. Плохо.

Днесь выслали мы оба съ о. Ст. Яворскимъ письмо на родину черезъ бю-

ро Петръ Тененгофъ въ Бухарестѣ. Вчера о. Стефанъ спросилъ Лайса и онъ указалъ путь. Хорошій человекъ. Въ видѣ гонорара, а также на издержки получилъ въ особомъ денежномъ конвертѣ 10 кронъ. Радуюсь, въ предположеніи, что письмо дойдетъ и что получу отвѣтъ. Какой радостный день это будетъ для меня!

Мяса днесь не ѣдимъ. Старый П. купилъ для насъ троихъ 2 л. молока и Бохонецъ кукурузнаго хлѣба за 44 гел., такъ и есть чѣмъ прокормиться. Медъ намъ вкусенъ и минуется быстро.

(*Особая запись набр. письма*): Wir wohnen mit Janko und seinem Vater in viere mit Notar Telesnicki zusammen im Internierten Lager im Thalerhof bei Graz und sind alle gesund. Wir (*зачер.* leben) bekommen Militärkost, ausserdem Kongrua-Gehalt. Bohdan (*зачер.* bei Militär) gesund in Jungbunzlau. Ich habe ihm 50 Kronen geschickt. Bruder Joseph, Kaczala und Nikolaus sind auch gesund. Benachrichtige Nadia soll sie (*зачер.* vom Inhalte dieses Briefes) an Janko schreiben. Antworte mir (*зачер.* Kurz deutsch..) mit Nadia und schreibe was zu Hause unter dem... *неразб.* geschieht... *неразб.* bez. legt eigenhändig eure Vornamen. Wasyl ist auch gesund. Ist Dosio noch in Lipica? Wer vertritt mich in der Pfarre? Antworte unter der Adresse: Peter Tenhof Spediteur Bucarest Strada Smardun (*не разб.*) 15 — Ich küsse Dich, Sonia, Wiera, Dosio und alle übrigen in der besten Hofnung Euch gesund zu sehen. 31./III. 1915, письмо въ Липицу).

Съ Великаго понедѣльника устраиваетъ о. Θεодосій Дуркотъ въ своей кабинѣ чтеніе твореній Св. о. Иоанна Златоуста. Въ теченіе 2 дней, читалъ о. Θεодосій „О священствѣ“, а теперь читаетъ „О покаяніи“. Участвуетъ и мирская интеллигенція.

Въ 8 ч. пришелъ Тимчакъ съ солдатомъ и забралъ адвоката д-ра О. Крушинскаго въ Einzelarrest, не сказавъ ни слова о причинѣ арестованія. Это вызвало изумленіе и догадки всякаго рода. Быть можетъ завтрашній день разъяснитъ намъ всю эту таинственность. Говорятъ, что Тим. сказалъ будто бы д-ру К.: wegen (*зачер.* polit..) russophilen Pro-

paganda! Говорятъ, что В. Б. слышалъ въ канцеляріи, какъ Т. телефонировалъ въ Грацъ и услыхалъ, что произнесена была фамилія адвоката.

Въ 3 ч. отслужена была панихида по пок. о. Сѣнгалевиць.

Апрѣль 1915 г.

1. апр. — Страстный четвергъ. Слава Богу, зубъ пересталъ болѣть. Спать хорошо. На дворѣ холодно пласты снѣга на крышахъ.

(въ золотѣ) какъ плату за Ausfuhr. Хорошій нейтралитетъ, — возмущается — грабительство! Того же самаго можно ожидать и со стороны Италіи. Тамъ тоже идетъ все время перфидная игра съ самого начала.

Относительно арестованія д-ра Крушинскаго ходитъ молва, что будто какіе-то крестьяне при допросѣ сослались на него, что они-де узнали это (но что?) отъ него и потому, молъ, его аресговали. Слѣдовательно не попусту

III. ТАЛЕРГОФСКАЯ СЦЕНА:

Подъ угрозами и побоями галицко-русскаго униатскаго (гр.-кат.) священника о. Г. П. везетъ на тачкѣ еврея въ еврейскій Судный день (затѣмъ еврей везетъ въ тачкѣ его.)

Въ злой памяти царствъ его архикатолическаго и „апостолическаго“ величества Франца Иосифа I., жестоко надѣвались надъ галицко-русскими священниками, хотя и униатами, т. е. догматически признаваемыми католиками, только за то и потому, что они русскіе, совершенно не считаясь и не стѣсняясь ихъ духовнымъ саномъ, а скорѣе напротивъ, тѣмъ паче, злобнѣе, грубѣе и безчеловѣчнѣе.

Изъ Галичины газетныя вѣсти таковы, что австрійская армія вытѣснила русскія войска, ажъ за Новоселицу, а въ Карпатахъ держится стойко и крѣпко, и вообще австро-нѣмецкія войска бодры. Но возмутительно поведение перфидной Румыніи! Австрія — какъ было сообщено въ „Gratzer Tagblatt“ отъ 30/III — купила въ Румыніи 200 вагоновъ кукурузы, но „нейтральная“ Румынія потребовала по 3.000 франковъ отъ вагона

люди сѣтовали на Тимчака.

Днесь получилъ письмо Express отъ Иосифа. Оно пространно. Онъ доволенъ, что наконецъ вырвался и находится въ средѣ своихъ дѣтей и играетъ со внукомъ Стефаномъ. Желаетъ намъ тоже скорого и благополучнаго освобожденія.

Вчера были заключены въ Einzelku 6 крестьянъ по чѣму-то доносу, что они пѣли русскія пѣсни. Это что-то не такъ. Вѣдь-же здѣсь можно пѣть и по-

ютъ пѣсни нѣмецкія, италянскія, польскія, чешскія и др. Дѣло вѣроятно не въ томъ, на какомъ языкѣ пѣсни пѣлись, а въ томъ, какъ и что въ доносѣ было сказано о ихъ содержаніи, а что было относительно этого что-то соврано, это видно.

(Особая записка — черновика телеграммы. 1/IV 1915. — Herrschaft Kurka, Wien VI, Marchetti(?) gasse 1 a, Tür 51. — Erwarten günstige Nachricht und wünschen fröhliche Ostern. — Maszczak Poterejko).

Франку Горянскому далъ взаймы 5 кронъ (вмѣстѣ съ прежними 10 кронъ)

Днесъ ѣли мы рисовый супъ, а мясо отдали голодающимъ людямъ. Трудно здѣсь голодающимъ изнурять себя еще постомъ.

Намъ заявлено, что завтра у насъ ожидается визитъ какой-то комиссіи. Поэтому приказано помыть полъ корридоръ, кабины и пр. Говорятъ, что отъ этой комиссіи зависитъ, будетъ ли отмѣненъ карантинъ караульныхъ солдатъ и будетъ ли разрѣшено нашей т. наз. Bewachungskommando выѣхать (конечно, не всѣмъ) къ роднымъ на Пасху. Вѣдь же у нихъ есть также семьи и они, бѣдняки, сидятъ здѣсь, оторванные отъ міра, уже свыше 3 мѣсяцевъ.

На дворѣ прояснилось, стало свѣтить и даже пригрѣвать солнышко — отраднѣе и на душѣ не одному изъ насъ.

Вечеромъ, въ 7 ч., отслужили мы „Страсти“. Двѣнадцать священниковъ по старшинству прочитали Евангелія. Началь о. Іоаннъ Могильницкій, я читалъ пятое Евангеліе, а закончилось богослуженіе въ 8 ч. 30 м.

2. апр. — Великая пятница. Ожидаемаго визита комиссіи не было.

Въ 10 ч. отслужили мы Царскіе часы. На обѣдъ полученъ кукурузный чиръ, смазанный цересомъ съ цыбулею. Мы ничего не ѣли до обѣда всѣ въ кабинетѣ (а кажется, что и нѣкоторые въ баракахъ). Въ 4 ч. отслужили вечерню. Предложили мнѣ отслужить, но у меня сильная хрипота.

Старый подѣлалъ въ кантинѣ „святочные“ (пасхальныя) покупки: масло

свѣжій сыръ, бохонецъ кукурузной паланички (за 44 гел.) и еще кое что.

Захворалъ вчера о. Феодосій Дуркотъ. Родъ болѣзни еще не опредѣленъ — кажется, воспаленіе легкихъ.

Вечеромъ ходилъ я съ другими посмотреть „Божіи гробы“ въ земляныхъ 1-мъ и 2-омъ баракахъ. Видъ этихъ „гробовъ“ весьма красивъ и производитъ на зрителя милое впечатлѣніе. Удивительно, какъ въ такой тяжелой обстановкѣ и крайне тягостныхъ условіяхъ все таки наши бѣдняки-крестьяне, по сколько только способны ихъ изобрѣтательность и фантазія, ухитрились все, что только возможно, сдѣлать, что бы дать достойное выраженіе своему религиозному чувству и подобающимъ образомъ почтить память страстей Христа Бога. Омаили мѣста зеленую елокъ, понаставляли много крестиковъ собственнаго издѣлія, позажигали много лампочекъ съ елеемъ и пр. Въ этихъ баракахъ священники отслужили вечерню и устроили что-то въ родѣ плащаницы, т. е. за нѣмнѣише ея, положили на ея мѣсто просто крестъ къ лобзанію.

Сильная вѣра нашего народа и здѣсь проявляется весьма ярко и дивно-трогательно. Здѣсь наши крестьяне понадѣлали искусно изъ дерева много крестиковъ то для себя, то для другихъ „на память“. Многіе у нихъ эти крестики покупаютъ, особенно священники, и такимъ образомъ также даютъ имъ возможность приобрести деньги за свой трудъ. Другой народъ въ такомъ положеніи, какъ мы здѣсь теперь, занимался бы выдѣлкой всякихъ иныхъ вещей и какихъ нибудь бездѣлушекъ, но русскій умѣетъ терпѣливо нести кресты и дѣлаетъ кресты. Нѣкоторые носятъ такіе самодѣльные крестики на груди.

Д-ръ Крушинскій все еще сидитъ въ Einzelarrest-ѣ. Вчера былъ при рапортѣ у полковника. Можно надѣяться, что это не будетъ безъ результатовъ — увидимъ.

3. апр. — Великая суббота. Крѣпкій приморозокъ и ясно.

Говорятъ, что отмнень вчера — и такъ оно есть — карантинъ надъ нашимъ гарнизономъ и старшіе карауль-

ные солдаты уѣхали на родину на Пасху, а ихъ мѣсто заняли молоденькіе рекруты, 18-лѣтніе парни.

Разошлась вѣсть, что будто Н. Красицкаго вызвали изъ Туррахъ въ Граць. Бѣдный Николушка! навѣрно кто-то оклеветалъ его. Есть здѣсь такіе, которые получаютъ жалованье изъ краковской полиціи. За что же имъ платятъ? Если бы это была правда, такъ Славко остался бы одинъ въ Туррахъ. Господи, доколѣ же намъ терпѣть, страдать? Призри на ны и помилуй!

На нашемъ дворѣ, стараніями отца Венгриновича, устроены „бары“ для гимнастическихъ упражненій. Подъ его руководствомъ ежедневно нѣкоторые упражняются въ шведской гимнастикѣ, чему съ любопытствомъ присматриваются крестьяне.

Голодъ близится. Днесъ роздали одинъ бохонецъ хлѣба для четверыхъ! Янко наставилъ варить 10 яицъ на завтра — продаются по 10 гел. Старый принесъ нѣсколько яблокъ (ужасно дороги) и апельсиновъ. Подъ вечеръ Янко купилъ еще 1/2 клгр. ветчины за 4 кроны 50 гел.

Отъ Телесницкаго получилъ хорошія сигары Mogaдо въ подарокъ на праздники. Жду письма отъ Богдана.

Нѣкоторые изъ нашего барака ходили въ баню, я нѣтъ.

Въ земляные бараки отправилось трое священниковъ служить „Воскресеніе“ съ вечера (оо. Скоморозичъ, Гекаленко(?) и Лысякъ). Народъ массою высыпалъ изъ бараковъ и устроилъ вокругъ нихъ шествіе. Впереди несли обрусъ и на немъ крестъ (это представляло плащаницу). Передъ дверью барака отслужено было „Воскресеніе“, а затѣмъ также утреня. Въ виду того, что у насъ есть все о лишь 3 эпитрахили, такъ въ этихъ баракахъ слѣдовало устроить богослуженіе. Присутствовали на богослуженіи и санитарныя сестры, при сматриваясь нашему обряду

(Особ. записи). Когда перевозили подъ конвоемъ нашихъ узниковъ священниковъ, бывшіе на улицѣ свидѣтелями этого, прохожіе кричали по ихъ адресу: złodzieju porie, moskalofii, oddaj

tubie! Пошла потомъ насмѣшливая поговорка, выражающаяся въ томъ, что при какомъ-нибудь случаѣ одинъ обращается къ другому съ шутивымъ окликомъ: отдай рубли!

4. апр. — Великдень (Пасха). Морозно. Всѣ встали очень рано.

Служеніе въ 5 ч. утра. Свящ. о-ць Іоаннъ Могильницкій вышелъ вмѣстѣ съ другими священниками, стали всѣ обитатели нашего барака — передъ бараккомъ и началось служеніе. На первые звуки пѣсни „Христосъ вокресе“ стали выбѣгать народъ и изъ другихъ бараковъ въ мигъ собралось на дорогѣ между бараками около 2000 человекъ. Многіе тряслись отъ стужи, завернутые въ одѣяла, плакали и отъ стужи дрожащими голосами подпѣвали чудную пасхальную пѣснь: Христосъ воскрес.

Послѣ утрени отслужена была обѣдница. Затѣмъ прошелъ дорогомъ о. Вл. Венгриновичъ съ кропиломъ и поблагословилъ „пасхи“, если вообще это слово позволительно еѣ семъ случаѣ употребить. Горестно и тягостно было смотрѣть, какъ наши бѣдняки-крестьяне понаставляли, кто кусочекъ оставшагося отъ вчера хлѣба „комисняка“, кто нарочно вчера недоѣденнаго кусочка иног хлѣба, махонькую крошку разъ вкусить, и держа его въ пальцахъ, протягивалъ съ нимъ руку, чтобы капля священной воды и на него упала. Въ рѣдкихъ случаяхъ кое кто поставилъ для окропленія яйце.

Такого убогаго и печальнаго Великодня навѣрно никто изъ насъ не видѣлъ. Каждый же въ сію минуту мысленно и духовно переносился на свою родину, а каждый нашъ крестьянинъ припоминалъ себѣ тѣ, такія теперь страшно далекія, кажется, лучшія времена, когда пасху и прочія снѣди къ освященію несли въ церковь и онъ и жена и дѣти... Вотъ намъ Великдень на чужбинѣ, въ неволѣ и тюрьмѣ!

Затѣмъ освятили мы — каждый въ своей кабинетѣ — свои хлѣбы. Покрошили на доньшкѣ 2 яйца и съѣли ихъ, дѣлясь и высказывая другъ другу пожеланія и скорого возвращенія на родину и увидѣнія своихъ родныхъ. Мы ѣли

паланички съ масломъ и сыромъ и кусочекъ ветчины съ горчицей и запили „комиснымъ“ (казеннымъ) кофеемъ. Пошли общія благожеланія между ближе знакомыми. Одни заходили къ другимъ, обнимали и цѣловали другъ друга, а всѣ пожеланія сводились къ одному и звучали одинаково: счастливаго и скорого возврата на родину!

На обѣдъ подали намъ капустнякъ — ужасно кислый! — со свинойю (впервые за все время нашего здѣсь пребыванія).

Послѣ обѣда была отслужена вечерня тоже на дворѣ.

5. апр. — С в ѣ т л ы й п о н е д ѣ л ь н и к ѣ. Утренняя и обѣдница въ 11 ч. утра на дворѣ. Служилъ я съ оо. Яворскимъ и Васильчакомъ.

Въ 3 ч. пополудни пошли мы смотреть на похороны плѣннаго солдата, сошедшаго съ ума и скоропостижно скончавшагося. Его фамилія Архиповъ. Власти не разрѣшили, чтобы священникъ отслужилъ надъ покойникомъ панихиду, такъ приѣхалъ къ намъ одинъ изъ плѣнныхъ и заявилъ, что власти позволили имъ занять парастасникъ и имъ самимъ, т. е. однимъ только плѣннымъ солдатамъ, совершить „панихиду“ (безъ священника). Но вышло иначе. Внесли солдаты покойника въ часовню, одинъ солдатъ принесъ крестъ, а другой увитый изъ вѣтокъ смерчины (пихты) вѣнокъ въ часовню. Тамъ, однако, уже до этого лежало двое нашихъ покойниковъ. Поэтому, о. Вл. Венгриновичъ, подъ предлогомъ, что хочетъ служить надъ униатами, сталъ передъ часовнею и служилъ воскресный парастасъ. Но ему перервали служеніе и сперва взяли солдаты гробъ плѣннаго покойника, а затѣмъ и два другихъ гроба. За рѣшеткой стояла выстроенная вся рота плѣнниковъ и они на команду шапку долой! открыли головы и спѣли хоромъ 3-кратное: Христосъ воскрес, и затѣмъ стали идти за гробомъ колонною. За ними пошла наша „вахта“ въ составѣ свыше десятка австр. солдатъ. Присутствовали также австр. офицеры. Во главѣ шествія одинъ солдатъ несъ крестъ, а за гробомъ несли солдаты на

плечахъ другой большой крестъ съ надписью „Архиповъ“. Такъ какъ много народа приняло участіе въ похоронахъ, медленно продвигаясь впередъ, этотъ крестъ словно плылъ въ воздухѣ.

6. апр. — Плѣнники явились къ рапорту по причинѣ слишкомъ скуднаго харча. Имъ отвѣтилъ п. (олковникъ), что ѣсть нечего. — А какое намъ дѣло, — заявили они, — нашъ государь держитъ австрійскихъ плѣнныхъ и хорошо ихъ кормить!

Въ Талергофѣ нѣтъ праздниковъ. Вблизи бараконъ №№ 29 и 28 паханотъ землю, а нашихъ крестьянъ, между ними и одного гимназиста, запрягли тянуть борону, и такъ они скородили почти весь день.

Вечеромъ, послѣ ходьбы, вынесъ мнѣ Телесницкій кусокъ „бабки“, которую получилъ отъ Билинкевичей. Они же получили „пасху“ изъ вѣны и угостили Телесницкаго. Ходя съ Телесницкимъ, я съѣлъ бабуку и она своимъ вкусомъ припомнила мнѣ нашу бабуку въ Липицѣ.

7. апр. — Благ о в ѣ щ е н і е. Ту-манно и холодно.

Плѣнники отказались идти на работу, заявляя что голодны. Ложились на полъ и лежать. На обѣдъ подали намъ кукурузный чиръ. Весь постъ и даже въ великую седмицу подавали мясо, а днесъ дали постный чиръ.

Изъ земляныхъ бараконъ работниковъ купаютъ и ихъ куда-то уберуть, кажется, но куда, узнать нельзя.

Все еще ожидаютъ появленія какой-то комиссіи, отъ которой будетъ зависѣть отъѣздъ карантинъ.

Янко въ воскресенье простудился и обезпокоился, сталъ дѣлать компрессы и подвергъ себя строгой діетѣ въ теченіе двухъ дней, но днесъ уже чувствуетъ себя лучше. А о. Дуркотъ еще боленъ воспаленіемъ легкихъ.

Днесъ не было ни одного мертвца! У выходящихъ днесъ изъ-подъ карантинъ 36 лицъ, былъ произведенъ строгій обыскъ и отобрали у нихъ одежду и обувь, которыя имъ здѣсь дали. Съ предыдущими транспортами этого не дѣлали.

Богданъ не пишетъ ничего — недоумѣваю.

(Особ. запись.) Тропарь ко Св. Ангелу Хранителю: Ангеле Божій, хранителю мой святой, животь мой соблюди во страсть Христа Бога... (нечет.) утверди во истиннѣмъ пути и ко любви горнѣй уязви душу мою: да тобою направляемъ получу отъ Христа Бога велию милость.

(Особ. запись.) Графъ Герберштейнъ 6го с. апр. спрашивалъ по телефону пребывающую здѣсь г-жу Гошовскую, которая телеграфическимъ путемъ поздравила его съ праздниками Пасхи, получила ли она его письмо. Она отвѣтила, что не получила. Но вдругъ, въ тотъ же день, это письмо было ей вручено. Оно написано было еще 23-го декабря 1914 года и лежало въ здѣшней нашей канцеляріи!

(Особ. запись.) Въ субботу 3-го с. апр. г-жу Левицкую выкупали (она реконвалесцентъ) въ такой горячей водѣ, что съ нею произошелъ нервный ударъ. Вотъ и уходъ за нашими больными!

Въ тотъ же день (3го с. апр.) перенесены тифозно больные изъ II-го двора въ новоустроенный госпиталь. Тамъ порядки, уходъ и харчъ значительно лучше.

Вчера и днесъ еще разъ дезинфицируютъ бараки III-го двора. Крестьянъ выкупали, дали имъ сѣнники и приодѣли. Жаль только, что все это сдѣлано слишкомъ поздно. Если бы это было сдѣлано раньше, не померло бы столь много людей.

Нѣмцы стали теперь обращаться съ нами какъ будто вѣжливей и сами оправдываются, что, молъ, не виноваты въ томъ, что раньше обращались съ нами жестоко: всему тому виновникъ — Шт. и административныя власти въ Галичинѣ, которыя прислали насъ сюда какъ измѣнниковъ и шпионовъ.

8. апр. — Качала написаль, что по наведеннымъ справкамъ М. выясняется, что слѣдствіе противъ меня и Потерейковъ еще не закончено. Удивительно. Юркевичъ писалъ, что Янко еще въ январѣ былъ freigesprochen (оправданъ) — а тутъ вотъ что, другое изданіе!

Сообщеніе это, конечно, не настроило насъ хорошо.

Ходить молва, что кап. Штрикъ уже не вернется съ праздниковъ Пасхи къ намъ.

Рисъ на обѣдъ почти безъ мяса. Въ 3 ч. состоялись похороны о-ца Іоанна Сѣрко изъ (нечет.)...кова, померъ на рака въ желудкѣ.

Всю ночь лилъ дождь, порой съ громами и молніями — впервые въ этомъ году.

Вечеромъ шелъ у насъ разговоръ о предстоящемъ и приближающемся голодѣ. Совѣтовали, не слѣдовало бы ли отправить депутацію къ полковнику Гримму съ представленіемъ ему положенія и просьбой о помощи.

9го апр. — Дождь падать пересталъ, но пасмурно.

Утромъ стали мы въ кабинѣ говорить о томъ, что кому снилось. Мнѣ приснились жена и Соня здоровыми и веселыми, братъ же Іосифъ будто у меня, въ какой-то церкви, исповѣдывался. Впрочемъ здѣсь люди довольны и снами по крайней мѣрѣ. До того ужасно стосковались, что дѣтски радуются, когда по крайней мѣрѣ во снѣ увидятъ дорогія имъ лица, заговорятъ и побудутъ мгновеніе съ ними. Когда же, Господи, умилосердишься и позволишь намъ вновь, на яву и въ дѣйствительности, неразлучно быть съ ними?

Каждый здѣсь проходитъ великую и трудную школу душевнаго обновленія. Здѣшнія длительныя наши размышленія (реколекціи) выйдутъ, думаю, не одному изъ насъ въ пользу въ будущей жизни. Мы здѣсь узнали, что мы потеряли (только на время — полагаемъ и вѣримъ), кто были для насъ дорогая подруга жизни — жена, наши дѣти. Несомнѣнно въ долгихъ и горестныхъ испытаніяхъ скорби, печали и ударовъ судьбы, наши сердца закалялись и воспламенялись сильнѣйшими чувствами привязанности, дружбы и любви къ нашимъ ближайшимъ и дражайшимъ и всѣмъ людямъ. Неся этотъ тяжелый крестъ геройски и со смиреніемъ, мы навѣрно идемъ ко Христу, овѣяны Христовымъ духомъ. Вѣдь и молитва здѣсь стала

истиннымъ кормомъ души и взаправду несокрушимой силой, она несравненно проникновеннѣе и мощнѣй ее теперь очищаетъ, бодритъ и согрѣваетъ, чѣмъ это бывало прежде! Молиться — я это сознаю и чувствую — дѣйствительно стало для меня наслажденіемъ, средствомъ и путемъ увеличенія внутренней духовной силы въ скорбяхъ и бѣдствіяхъ, моего единенія съ Христомъ Богомъ.

Богданъ не пишетъ: Послалъ бы я ему еще какихъ-нибудь кронъ двадцать до его отъѣзда въ полкъ (15 — IV), но не знаю, какъ и чѣмъ объяснить себѣ его молчаніе. Вѣдь же деньги отъ меня онъ получилъ, иначе ихъ бы мнѣ возвратили, отсылая обратно. Почему же онъ не пишетъ? Не боленъ ли онъ опять? Все это такъ меня беспокоитъ... Ожидаю днесь Лайсса, не принесетъ-ли мнѣ письма отъ него.

10. апр. — Отправили насъ въ баню. Заявили, что теперь изъ каждаго барака будутъ ходить разъ въ недѣлю въ баню.

Наша Bewachungskommando ухотить. Также ухотитъ Laiss. Жаль! Всѣ искренно жалѣютъ объ его уходѣ и сохранятъ его пребываніе здѣсь въ доброй памяти, ибо онъ хорошій человекъ. Бехтлофъ (перев.) остается... Приходятъ сюда ополченцы изъ Feldbach.

Отъ Богдана письма нѣтъ! Не понимаю, что это значитъ.

Василь проситъ дать ему займы денегъ. Даль ему 2 кроны — нѣтъ у меня больше. Вчера мы писали прошеніе о выдачѣ намъ депозита.

Наша „вахъ“ (стража) уходитъ 13 с.м. У насъ постановлено купить ларчикъ работы о. Ор. Копыстянскаго и поднести его въ подарокъ отъ барака № 30 Laiss-у.

11. апр. — Недѣля Фомина. Зубъ не болѣлъ и я спалъ хорошо. Дуетъ холодный вѣтеръ.

Унавали мы, что въ Талергофъ переводятъ всѣхъ галицкихъ интернированныхъ изъ угорскихъ мѣстъ заключенія (гарнизоновъ будто бы). Прибудутъ ли также и тѣ, которые находятся въ Терезинѣ, — неизвѣстно. Настанетъ но-

вый фазисъ въ жизни талергофскаго узилища. Прибудутъ новые узники, наши соотечественники, пойдутъ рассказы о томъ, что они видѣли, испытали и переживали, и нѣкоторое время будетъ запрятанъ умъ нашъ ихъ новостями и ихъ положеніемъ.

12. апр. — На дворѣ хорошо. Но тоска и скука все крѣпче овладѣваютъ. Каждый день одинаковъ, все время одно и то же, нѣтъ просвѣта ни видовъ на переимѣну.

Приготовили ларчикъ и красивую палку въ подарокъ Laiss-у и ждемъ его прихода (около 11 ч. онъ обычно приходитъ). Ларчикъ съ надписью: „Талергофъ 1914 — 1915“ и моногр.: „M. L.“ тоже на палкѣ — издѣлія также о. Ор. Копыстянскаго.

Laiss-а днесь не было. Отъ Богдана не получилъ письма.

13. апр. — Туманно и холодно. Днесь уходятъ нѣкоторые карантинники — 28 чел. — завтра же пойдутъ подъ карантинъ другіе.

Говорятъ, что рекрутскій наборъ будетъ произведенъ здѣсь на мѣстѣ.

Ваня и молодцы Ульрихи отставлены подъ конвоемъ въ Грацъ.

Послѣ объѣда ушло опять свѣше ста человекъ.

14. апр. — День хорошій. Ночью былъ порядочный приморозокъ.

Видимъ въ Талергофѣ уже новую Wachkommando. Офицеры и подъ-офицеры ходили и осматривали устройство бараковъ. Есть между ними и славяне. Одинъ оберъ-лейтнантъ говорилъ съ Сколоздрою (казначей податного вѣдомства) по польски.

Трафику отъ Гисовскаго переняли опять швабы, кантину тоже беретъ себѣ нѣмка.

Ждемъ объявленія новой „листы“ и отмѣны карантина.

На 3 ч. назначено оспоприваніе въ нашемъ баракѣ.

Ахъ, почему этотъ Богданъ не пишетъ ничего, ни изъ дома нѣтъ ни одной вѣсточки? Скука убійственная, можно съ ума сойти. нечѣмъ „заняться“. Еще утромъ читаю „Правило“, потомъ веду съ кѣмъ-нибудь о чемъ-нибудь раз-

говору, съѣмъ что-нибудь, прогуливаюсь, затѣмъ обѣдъ, послѣ обѣда вздремлю немного, встаю, не знаю, что съ собой дѣлать, хандра одолѣваетъ... Играемъ въ преферансъ втроемъ (я, Янко, Телесницкій), Вездѣ по кабинамъ играютъ. Въ 8 ч. тушатъ электричество во всѣхъ баракахъ и, вотъ волей-неволей ложись спать. Но до 6 ч. утра есть время выспаться — такъ приходится еще съ часикъ сидѣть въ потемкахъ и только послѣ 9 ч. ложусь спать. Въ коридорѣ другіе развлекаются разговорами, рассказываніемъ анекдотовъ и шутокъ. Особенно подвизаются оо. Кокотайло и Игн. Мохнацкий, хотя и неудачно.

Съ терена военныхъ дѣйствій вѣстей никакихъ. А впрочемъ и получаемымъ вѣстямъ не хочется да и трудно вѣрить. Цѣлые долгіе мѣсяцы идутъ упорные, ожесточенные бои, а результатовъ мало.

Изъ госпитала возвратился 12 апр. о. Д. Кисѣлевскій и обитаетъ въ кабинетъ № 21. Онъ получилъ письмо отъ сѣмьи, датир.: Черновцы 7 апр. Слѣдовательно, тамъ, видно, австрійская почта дѣйствуетъ и навѣрно туда, въ Буковину, вернулись австрійскія власти вообще..

(Особая записка: текстъ сочиненной кѣмъ-то въ Талергофѣ пѣсни п. з. „Узники“) наконецъ-то получилъ письма, ажъ два сразу: отъ Богдана и Иосифа. Богданъ писалъ ко мнѣ — какъ значитъ — два письма, но я получилъ всего только одно, видно другое, не заказное, пропало. Онъ проситъ прислать ему еще 50 кронъ, чтобы могъ уплатить хозяйкѣ, или же по крайней мѣрѣ 20 кронъ выслать ему телеграфически до четверга наипозже.

Laiss — очень обремененный передъ уходомъ работою — не хотѣлъ принять отъ меня депеши. Мы вручили Laiss-у въ подарокъ ларчикъ и палку. Онъ былъ тронутъ словами д-ра Могильницкаго, который, между прочимъ сказалъ: „Когда насъ доставили сюда съ клеймомъ измѣнниковъ и шпионовъ и всѣ отнесли къ намъ какъ таковымъ, Вы одинъ отнесли къ намъ, какъ невиннымъ людямъ, гуманно и вѣжливо. Мы этого не можемъ забыть никогда. И днесь, въ нашихъ тяжелыхъ

условіяхъ (отрѣзанные карантинномъ отъ Граца) желая хоть чѣмъ-нибудь при прощаніи Васъ дать Вамъ доказательства нашего къ Вамъ уваженія и нашей благодарности, просимъ отъ насъ принять какъ скромный подарокъ эти вещицы — издѣлія нашихъ собственныхъ рукъ“. Принимая подарокъ и благодаръ, Laiss отвѣтилъ „Меня прислали сюда не на то, чтобы быть надъ Вами судьей, измѣнники ли Вы или нѣтъ, а на то, чтобы сторожить Васъ, и я эту службу по обязанности,

Сов. суда Антонъ Осиповичъ Гулла.
(Талергофскій снимокъ.)

добросовѣстно исполнять, переходилъ вмѣстѣ съ Вами всѣ тягости и опасности эпидемій и карантинна, видѣлъ Ваши страданія и познакомился съ Вами ближе, и проникся уваженіемъ къ Вамъ и сочувствіемъ. Благодарю Васъ за Ваши добрыя чувства и желаю Вамъ благополучнаго и скорого возвращенія на родину“.

Бывшій въ теченіе 3 мѣсяцевъ своего рода органомъ связи между интернированными и Laiss-омъ о. Феодоръ Крушинскій и ближе съ нимъ сошедшійся и работавшій, подарилъ ему отъ себя но-

жикъ для разрѣзыванія книгъ и прессы-папье.

15. апр. — Рѣшилъ 20 кронъ днесь Богдану не посылать. Все равно это уже было бы слишкомъ поздно. Онъ заявилъ, что посѣтитъ меня по пути въ свой полкъ (55-ый) въ Voitsberg. При свиданіи я ему икъ дамъ или же отошлю уже въ полкъ.

Еще вчера стала на службу здѣсь новая Wache — Вельдбахеры. Они — молодые парни — навѣрно словинцы. У нихъ вмѣсто штыка, только имитация (подобіе) его, сдѣланное изъ бляхи, и опоясаны вмѣсто кожанымъ лишь портяжымъ поясомъ. До чего дошло!

Старый принесъ бохончикъ хлѣба за 44 гел., еще меньше вчерашняго. На базарѣ, въ нормальное время, онъ стоилъ бы 8 гел. „Комиснякъ“ (солдатскій) въ цѣнѣ поднялся еще до 1.20.

Я постановилъ зубъ дать вырвать. Гулла и о. Игн. Мохнацкій пошли днесь подъ карантинъ.

Я таки днесь еще сдалъ 20 кронъ для пересылки Богдану телеграфическимъ путемъ. Обѣщаль мнѣ Laiss отправить ихъ днесь еще до обѣда. Янко составилъ телеграмму Юсифу и сдалъ ее днесь также.

(*Особ. запись*): Больной оспой долженъ находиться въ темной комнатѣ, вечеромъ при лампѣ съ краснымъ абажуромъ (указаніе о. Романовскаго).

Непремѣнно дамъ зубъ вырвать. Попросилъ д-ра Добію и онъ принесетъ изъ амбулаторіи щипчики и вырветъ. Нѣтъ силъ терпѣть дальше.

На 3 ч. назначено оспопрививаніе въ нашемъ баракѣ.

По днесь померло здѣсь въ лагерѣ въ Талергофѣ 1284 чел.!

Днесь ушли подъ карантинъ преимущественно крестьяне.

Оспопривитію подверглись всѣ у насъ.

16. апр. — День хорошій, теплый. Краковская газ. „Nowa Reforma“ писала на-дняхъ, что Краковъ уже эвакуируютъ. Такъ это означало бы, что русскія войска еще продвигаются впередъ!

Днесь послѣ обѣда, пошелъ я къ д-ру Добію и далъ себѣ вырвать зубъ.

Сильной болью для меня сопровожда-лась эта операция: появленіе матеріи съ кровью показало, что у меня воспаление „окостной“, меня болитъ вся сторона лица и горло такъ, что я съ трудомъ только проглатываю жидкую пищу.

Laiss доставилъ много давно уже присланныхъ писемъ. Гнатышакъ получилъ ихъ даже 8 штукъ. Всѣ преимущественно съ 1914 года! Подобно и другія датированы весьма давно. Какъ и чѣмъ объяснить себѣ это? Вѣдь же эти письма лежатъ здѣсь такъ долго и, въ то время, когда мы находились подъ карантинномъ насъ карали еще и тѣмъ, что не давали намъ давно уже полученныхъ писемъ отъ нашихъ родныхъ. Явное и вопіющее издѣвательство. Но была ли это вина самого Laiss-a? Кто знаетъ? Все нынѣ возможно. Сильно возмущаются люди и по другимъ баракамъ.

Посѣтилъ меня Ромко Кобрынский. Онъ здоровъ и доволенъ собою. Я занялъ у него 20 кронъ. Принесъ мнѣ г. Андрей Лакуста крестикъ, на которомъ сдѣлалъ надпись — сдѣлано это очень изящно. Я далъ ему 2 кронъ. У него я заказалъ себѣ „кашкегъ“.

17. апр. — День хороший, ясный. Къ счастью, зубъ пересталъ болѣть.

(*Особ. запись*): Въ Старой Соли ходилъ мѣстный священникъ-мазепа о. Константинъ Грицикевичъ съ жандармами по хатамъ и въ ихъ присутствіи пенялъ отдѣльныхъ крестьянъ русскихъ убѣдений приблизительно такъ: Вотъ видишь, а говорилъ я тебѣ всегда: не будь кацапомъ! не получай книжечекъ. О ва им. М. Качковскаго! не читай газеты „Голосъ Народа“! а ты не хотѣлъ слушать... и т. д. Такимъ образомъ и указывалъ жандармамъ: сего берите! И дѣйствительно жандармы забрали что-то свыше 40 чел., которые и были вывезены въ Талергофъ.

18. апр. — Воскресенье. Я служилъ днесь обѣдницу передъ баракомъ въ сослуженіи оо. Яворскаго и Стрѣльцева.

Днесь удралъ крестьянинъ изъ подъ карантина, не желая попасть „на свободу“, какъ это называется, а въ дѣ-

ствительности въ лагерь usikienier-овъ, и скрылся въ баракъ.

(*Особ. запись*): Посылка писемъ въ Галичину: Bureau de Reinseignement internationaux, 10, rue des Terreaux, Lausanne, Suisse.

Богдана не было. Или нельзя ему было, или же ему не было возможности посѣтить меня. Жаль! Увидѣлъ бы его, а кто вѣдь знаетъ, быть можетъ и не увижу его больше. Я далъ бы ему еще 10 кронъ — больше не могъ бы, ибо у меня нѣтъ, да и эти занялъ я у Ромка. Не знаю, получилъ ли онъ тѣ, посланные ему по телеграфу 20 кронъ. Если эти деньги уже его не за-тали на мѣстѣ въ адрессъ, такъ должны бы мнѣ быть возвращены.

Сынъ Телесницкаго, находящийся теперь гдѣ-то въ Чехіи, писалъ, что о. Давидовичъ въ Радеховѣ померъ и Юліанъ Бачинскій въ Васючинѣ. Не доумѣваю: ея жизнь висѣла на волоскѣ, а тутъ, вдругъ, онъ умираетъ! А быть можетъ, это ошибка, и вмѣсто него она скончалась? Находятъ же такія разныя догадки, а узнать толкомъ ничего невозможно... Быть можетъ, онъ погубъ, подобно многимъ другимъ, въ рукахъ озвѣрѣлыхъ мадьяръ еще лѣтомъ? Вотъ, несчастныя дѣти осиротѣли! Что же имъ дѣлать: нѣтъ отца — нѣтъ хлѣба, нечѣмъ имъ жить. Сердце сжимается на одну мысль о ихъ положеніи. Что только не творится теперь ужаснаго и жестокаго на свѣтѣ. А впрочемъ, развѣ я самъ знаю, застану ли своихъ близкихъ живыми и здоровыми? Мою дорожную, предобрую и трудолюбивую жену? Вѣдь же у ней такое хрупкое здоровье, такое разстройство нервовъ, и какъ вынести все то, что принесла вся эта несчастная война! Живы ли всѣ мои дѣти? Хотъ бы мнѣ получить одну самую краткую, лаконическую вѣсточку о томъ только, что всѣ они живы и здоровы, и мнѣ бы ничего больше не надо было, этого было бы достаточно, чтобы эта тюрьма стала мнѣ сносной и легкой. Не можетъ быть, это совершенно исключено, чтобы они не писали мнѣ ничего такъ долго, чтобы не знали, что я убиваюсь и терзаюсь неизвѣстностью..

Навѣрно тутъ входитъ въ игру какая-то человѣческая злоба, дѣйствуетъ какая-то жестокая рука, котораа недопущеніемъ до меня, даже такой вѣсточкой, мучить, терзаетъ меня!..

Напишу я днесь чрезъ бюро въ Лозаннѣ, но думаю направить письмо во Львовъ, въ адвокатскую контору Добрянскаго и Заяца. *Быть можетъ этимъ путемъ добьюсь и дождусь скорѣе отвѣта

Объявленъ намъ новый порядокъ: вставать ежедневно приказано съ 5—6 час. утра, кушать ранній завтракъ въ 7 ч. у., выходить изъ бараконъ на дворъ 7 ч. 30 м. у. и пр., вечеромъ ложиться спать въ 8 ч. Днесь въ баракахъ окна должны быть все время открыты. Все это — предохранительныя мѣры противъ новой эпидеміи (оспы).

Прививка ярится, свербитъ и жжетъ. Нашъ полковникъ — добрый человекъ.

Врачи, Диреръ и Рейтеръ — хорошие люди. Третьяго не знаю, но не слышу про него ничего худого.

Харчъ сталъ немного лучше, да и хлѣбъ въ цѣнѣ чуть-чуть понизился. Работники получаютъ одинъ хлѣбъ на 3 чел.

Хочу отдать мою блузу портному для починки, очистки и пришитія другого воротника.

Говорятъ о злонамѣреніи Италіи — выступить противъ Австро Венгріи. Вотъ вамъ союзница! Союзъ помаленьку превратился въ нейтралитетъ, а теперь нейтралитетъ переходитъ во вражду и нападеніе. Въ каждый моментъ можетъ наступить объявленіе ео войны Австро-Венгріи. Значить, близкаго конца бойнѣ и рѣзнѣ не предвидится.

А тутъ весна идетъ полнымъ ходомъ, природа ожила, земля покрывается новой пышной зеленью и только ждетъ, чтобы человѣческая рука бросила въ нее зерно, а она умножитъ его десятикратнымъ плодомъ. Но некому сѣять, да и нечего сѣять! Бурьяны и хопты выростутъ замѣсто хлѣба... Жаворонки поютъ — такъ жадно вслушиваемся въ ихъ щебетъ... Но тихую грусть навводитъ онъ на душу, лечу мыслями и

мечтами гень далеко на синіе Карпаты, въ наши галицкія села, въ дорогую Липицу, воображаю себя шагающимъ по своему полю, слѣдящимъ за ходомъ весеннихъ работъ на немъ, при этомъ немолчною щебетъ птицъ, вмѣстѣ и одинаково съ человѣкомъ радующихся воскресенію природы, солнцу, его теплу и свѣту.

Но не такъ и не то теперь и здѣсь.. Подумать только, что и въ эти чудные дни весенняго воскресенія, на полѣ брани, люди, забывая Бога, убиваютъ другъ друга и не думаютъ прекратить массоваго убійства. А вслѣдъ за нимъ пойдутъ эпидеміи, мучительное догораніе жизни изувѣченныхъ, массовая погибель отъ голода и нужды, — за что и зачѣмъ? Помилуй, Господи, насъ грѣшныхъ!

19. апр. — Днесъ съ утра, отправился я за покупками, досталъ хорошей солонинки и, пригласивъ Телесницкаго, сдѣлали мы себѣ „пиръ“. Позавтракали хорошо, выпили сливовицы и погуторили.

Вдругъ явился о. Романъ Копыстянскій и принесъ открытку отъ Никола, написанную 16 го с. апрѣля. Видно, что, стало быть пущенные, было, слухи объ арестованіи его, ложны. Слава Богу!

Снился мнѣ о. Кордуба изъ Бережанъ: (Говорятъ, что его мадьяры убили). Я рассказывалъ ему о нашей ужасной жизни въ Талергофѣ. Вдругъ явилась мнѣ на мигъ и моя Тонця, — и я проснулся.

20. апр. — День облачный. Laiss сказалъ, было, что остается, но уже послѣ обѣда заявилъ, что завтра уходить и сейчасъ же распростился съ нами.

21. апр. — Снилось мнѣ моя дорогая Тонця. Была она въ черномъ платьѣ и сильно поспѣдѣла, что меня очень удивило. Ничего не говорила, но была по-видимому радостна. Я проснулся и всталъ довольный, въ хорошемъ расположеніи духа и объяснялъ себѣ этотъ сонъ такимъ образомъ, что, быть можетъ, жена получила мое письмо. Дай это, Боже!

Въ первомъ дворѣ объявлено, что ратоспособные приглашаются записываться добровольцами въ армію. Такіе должны заявить это своему Zimmerkom-

mendant-у и внести письменное заявленіе на руки официала. Возрастъ опредѣленъ: отъ 18 до 42 лѣтъ. Сю мину ту, когда я это записываю, объявлено уже это и у насъ. Сейчасъ пошли толки, пренія, сенсаци, ходили одни къ другимъ, съ одного двора въ другой, съ распросами, какъ быть. Вышла большая разногласица, смятеніе. Нѣкоторые записались добровольцами, но немногіе. Гсть такіе молодые священники, которые заявили желаніе поступить въ армію Feldsurat-ами (полковыми священниками). Эта мысль приходила въ голову и Янку.

Вечеромъ прибылъ новый транспортъ 30 людей изъ гарнизона въ Грацѣ. Между ними есть Онуфрій Збѣглей. Боленъ бѣдняжка, чтобы только сохрани Господи, не развилась у него чакотка. Рассказывалъ, что въ гарнизонѣ сидитъ также староста изъ Косова, Вичковскій. Попали на слѣдъ, что въ лечебное заведеніе (здравницу) д-ра Тарнавскаго, прѣзжали изъ Россіи шпионы, которые изучали положеніе въ Карпатахъ. Старостѣ будто бы вмѣняють во зло, что онъ былъ мало бдителенъ и усерденъ и не слѣдилъ достаточно зорко за пребывающими въ заведеніи гостями. Священниковъ въ гарнизонѣ допросили, слѣдствіе пріостановили и выслали ихъ на конфинацію, остальныя же выжидаютъ рѣшенія ихъ участи. Судьи-нѣмцы вполнѣ корректно рассматривали обвиненія, напротивъ судьи-евреи придирались. Изъ хода всѣхъ процессовъ можно дать общее хорошее свидѣтельство о веденіи дѣла авдиторамъ нѣмцамъ, (также полякамъ), но не евреямъ и мазепинцамъ.

22. апр. — И въ эту ночь снились мнѣ, дорогая жена, сажала въ огородѣ смородину, но ничего не говорила. Дождь лилъ всю ночь. Въ 10 ч. приказано всѣмъ намъ идти въ баню.

Вчерашнюю „лемѣшку“ пригрѣлъ Янку, принесъ кислое молоска и на второй завтракъ мы втрѣмъ съѣли. Здѣсь это вкусно; а дома?.. Не тѣ времена!

Чувствую себя, слава Богу, здоровымъ, хотя во всѣхъ все еще теряю, а быть можетъ, именно и потому чув-

вую себя здоровымъ и легкимъ. Кое-кому альпійскій воздухъ Талергофа помогъ изжить катаръ груди и одышку, даже нѣкоторые старички, не успѣвшие умереть въ предъидущіе мѣсяцы и вынесшие зиму благополучно, теперь держатся хорошо и чувствуютъ себя ожившими и бодрыми.

Иосифъ писалъ мнѣ вчера, что онъ чрезъ Тенгофа написалъ въ Липицу. Такъ, значитъ, можно надѣяться, что тамъ навѣрно узнаютъ о моемъ благополучіи и мѣстонахожденіи, лишь бы сами переслали отвѣтъ мнѣ, что съ ними. Ахъ эта вѣсть была бы мнѣ и Янку дороже всего на свѣтѣ!

23. апр. — День туманный, солнышка дожидаться годъ (трудно). Также этой ночью снилась мнѣ моя жена: будто мы были въ Потуторахъ и на площади возлѣ церкви встрѣтились. Сонъ не ясный. Утромъ, послѣ прочтенія „Правила“, прошелся „въ долину“, „на гордъ“ — какъ это называется, выпилъ тамъ за 28 гел. кофе, который вкусомъ припомнилъ мнѣ кофе домашній, но безъ хлѣба или булки, ибо въ кантинѣ ихъ не было.

Съ призывомъ „добровольцевъ“ въ армію выходитъ что то неясное: не знаютъ ничего объ этомъ ни Бехтлофъ ни полковой врачъ — говорятъ, что зачинщикомъ всего этого дѣла — Тимчакъ!

Ивануса далъ мнѣ прочесть письмо, полученное имъ отъ Теоф. Петровскаго. Узналъ изъ него, что о. Макарь тяжело боленъ — страшныя страданія причиняетъ ему желчный камень. Въ письмѣ совѣтуетъ намъ подавать вмѣстѣ со свидѣтельствомъ врача прошенія о конфинаціи. Совѣтъ этотъ не новъ и врядъ ли помочь бы что нибудь. Вѣдь же въ свое время я внесъ такое прошеніе со свидѣтельствомъ врача о. Д. Кисѣлевскій, но не добился ничего. Сдѣлалъ это и о. Гелитовичъ, но безуспѣшно. Потребовали предложенія подробныхъ метрическихъ и другихъ документовъ (родословныхъ всякаго рода, удостовѣреній о мѣстожительствѣ и др.). Все это было предложено, но безъ результата.

Дождь лилъ всю ночь.

24. апр. — Пошелъ утромъ снова „на долину“ вдводемъ съ Телесницкимъ, купили немного копченаго окорока и, возвратившись, устроили себѣ опять „пиръ“.

Возвратившись, узнали мы, что между тѣмъ оглашенъ былъ новый списокъ освобожденныхъ, но выслушивая подробности, заключаемъ, что это былъ списокъ не освобожденныхъ, а только, кажется, такихъ, которые еще должны быть допрошены въ Грацѣ. Между прочими въ списокъ значатся и Телесницкій и о. Сенникъ, а меня нѣтъ!

Свящ. о. Александръ Гелитовичъ изъ Косова.
(Снимокъ изъ Талергофа).

Днесъ день хороший, ясный.

Вчера купилъ себѣ Янку у крестьянина изъ Ждыни крошечную часовенку за 8 кронъ. Сдѣлана очень искусно, съ большимъ художественнымъ вкусомъ и чутьемъ. Онъ имѣетъ въ виду подарить ее г. Скржинскому. Я заказалъ себѣ у этого крестьянина также такую махонькую церковку.

(Объз. записи). Наша почта: Открытка Охничя, сланная на почту 5-го янв. 1915 г. въ Грацѣ, съ поздравленіемъ съ праздниками Рождества Христова и ад-

рессованная о. Ст. Яворскому, получена имъ изъ здѣшней канцеляріи 24-го с. апрѣля, т. е. въ 3 недѣли послѣ Пасхи!

Днесь осматриваютъ всѣхъ, чтобы узнать, принялась ли у нихъ прививка оспы. Осмотрѣли и обитателей нашего барака.

Письма приказано передавать Уейскому. Мы этимъ недовольны.

Въ газетахъ напечатано извѣстіе, что русскій царь чрезъ Броды прѣхалъ во Львовъ на нѣсколько дней. Значило бы ли это, что занятіе Галичины русскими войсками прочно?

25. апр. — Мракъ. Послѣ прочтенія „Правилъ“, составляю письмо къ Юсифу.

(*Особ. записъ:*) Бюро Sigurd Hildebrandts Reclamebureau, Nyhavn 38, Kopenhagen.

Einf. Brief — 1 M 20 Pf.

Rekom. „ — 1 „ 60 „

Rückantwort — 1 „ — „

Rekom. — 1 „ 30 „

14 International Scheine

14 Stück

Пребывающій въ баракѣ № 20 агрономъ Стефанъ Боечко вноситъ въ Bewachungskommando прошеніе объ опредѣленіи его куда-нибудь на службу въ большомъ помѣстьи въ Угорщинѣ или въ нѣмецкой провинціи или же въ Чехіи, и клянется Богомъ и даетъ слово чести, что онъ вѣрный и лояльный „австрійскій украинецъ“.

Въ газ. Glatzerblatt читаемъ сообщеніе, что русскій царь посѣтилъ гор. Львовъ 23-го с. апрѣля и съ балкона намѣстническаго дворца обратился къ населенію съ краткой рѣчью, законченной словами: „Да живетъ единая, недѣлимая, могучая Русь!“

(*Особ. записъ:*) Еще одинъ курьеръ: Днесь, т. е. 25-го апрѣля 1915 г., о. Игнатій Мохнацкій получилъ здѣсь письмо отъ страхового О-ва Phoenix, помѣченное 26. XII. 1914 г., въ которомъ это О-во извѣщаетъ о. Мох., что срокъ мораторія для уплаты его преміи истекаетъ 15. I. 1916. Такимъ образомъ, благодаря нашей администраціи, это письмо доставлено ему тремя мѣсяцами позже истечения назначеннаго срока. Изъ

этого инцидента возникнетъ навѣрно процессъ. Свидѣтелями этого факта являются Ант. Телесницкій и о. Ром. Котайло.

Въ нашихъ госпиталяхъ службу Krankenwächter-овъ исполняютъ евреи (нпр. Greif), и выходятъ такія сцены: Больной человекъ (и притомъ священникъ) посылаетъ этого Greif-а къ священнику о. Венгриновичу съ приглашеніемъ, чтобы пришелъ въ госпиталь и его, больного, исповѣдалъ. Такимъ образомъ, даже въ такомъ дѣлѣ еврей является посредникомъ!

Въ кухнѣ еврей присматриваетъ за поварями. Вездѣ и всегда онъ дѣлаетъ свой Geschäft. Пресловутый Deutscher опять вкрутился и получилъ постъ Zimmetkommandant-а въ госпитальномъ баракѣ, гдѣ развернулъ свой мошенническій талантъ во всю!

Я пошелъ днесь въ госпиталь исповѣдать больного о. Іер. Куновскаго, но меня опередилъ уже въ этомъ о. Дуркотъ. Всѣ мы прибывшіе къ нему, затѣмъ (оо Венгриновичъ, Монцѣбовичъ, я) больного соборовали.

26. апр. — Нѣкоторые изъ-подъ карантина освобождаются и уѣзжаютъ. Померъ о. Куновскій. Въ 4 ч. его похороны.

Богданъ опять ничего не пишетъ. А вѣдь же могъ, поступивъ 18-го с. апр. въ полкъ по 26/IV сообщить кое-что о себѣ и своемъ положеніи.

Днесь отправилъ я письмо къ Юсифу.

Маленькій, чисто кукурузный хлѣбъ продаютъ здѣсь по 44 — 46 гел. шт.

Теперешній „комиснякъ“ (казарменный хлѣбъ) тоже кукурузный. Значитъ, и у насъ теперь здукъ весенній „передновокъ“.

День совсѣмъ лѣтній, жарко. Я снялъ съ себя душегрѣйку, хотѣлъ даже башмаки снять, но — надо было починить чулки. Бѣлые чулки поштопалъ я бѣлою ниткою. Вижу, что все нашему брату надо бы умѣть сдѣлать. Очутишься въ такомъ, вотъ положеніи и, придется использовать приобретенное умѣніе, а то иначе совсѣмъ безпомо-

щень. Здѣсь вѣдь и варятъ и шьютъ сами мужчины.

27. апр. — Вчера Уейскій пустилъ въ ходъ вѣсть, что будто всѣ занесенные въ теперешній списокъ, будутъ переведены въ Strafbatacken (карательные бараки) №№ 33 и 34. Заинтересованныхъ это опечалило. Говорятъ, что готовъ уже и другой списокъ и что всѣхъ будетъ около 300 лицъ. Быть можетъ и я между ними долженъ дожидаться допроса. Пусть будетъ что хочеть — если Господь съ нами, никто на ны.

Ожидаемъ прибытія какой-то высокой комиссіи. И это, кажется, вѣрно, ибо по баракамъ пошла основательная лихорадочная чистка и внѣ и внутри. Вотъ какъ дѣйствуютъ комиссіи у военныхъ! Впередъ уже за 2 — 3 недѣли заинтересованные узнаютъ о намѣреніи прѣхать такого-то лица на ревизію, ну, и стараются. И какъ послѣ этого, такому высокому посѣтителю не найти всего въ отличномъ порядкѣ?

Днесь получилъ я съ почты отчасти благоприятную вѣсть: бюро Тенгофъ заявленіемъ отъ 20-го с. апрѣля сообщаетъ, что деньги (10 кронъ) получило и наши письма отправило въ Галичину. Если принять во вниманіе, что письмо изъ Бухареста идетъ 7 дней, то мнѣ можно ожидать только около 10 мая отвѣта изъ Липицы. Все же я доволенъ, зная, что письмо уже отправлено и что — дастъ Господь — оно дойдетъ до рукъ моихъ дорогихъ жены и дѣтей. Воображаю себѣ, какую радость оно въ нихъ вызоветъ.

Старый Лаврышъ сдѣлалъ для Янка красивую крохотную часовенку, но такъ, что мнѣ удобно и надежно можно будетъ скрыть въ ней мои записки. Мы это еще днесь хорошо устроимъ, послѣ чего я облегченно вздохну и успокоюсь.

Съ „добровольцами“ дѣло застряло и ничего больше о немъ не слышно, а занялось очень мало.

Отъ русскихъ военноплѣнныхъ удалось достать балалайку, на которой д-ца Лаврышъ играетъ вчера и днесь (она и г-жа Гмитрыкъ — сосѣдки наши). Вчера

уснулъ я подъ нѣжные тихіе звуки русской балалайки.

Вчера выслали мы письмо Юсифу въ Каміць. Сообщаемъ о себѣ, что мы здоровы, что карантинъ отмѣненъ, и просимъ, чтобы похлопоталъ о нашемъ освобожденіи.

Крестьяне дѣлятся „комиснякомъ“ такимъ образомъ, что сдѣлали себѣ вѣсы и, разрѣзавъ хлѣбъ, отвѣшиваютъ и раздаютъ каждому по четвертинкѣ.

Днесь прѣхалъ сюда ген. Бачинскій. Его обращеніе съ интернирован-

Свящ. Владиміръ Венгриновичъ изъ Лаврикова.

ными, это обращеніе не военнаго начальника, а, можно сказать, отца. Внимательно выслушивалъ каждого, кто къ нему обращался. Въ первомъ дворѣ говорили съ нимъ интеллигенты. Были затронуты жгучіе вопросы: о хлѣбѣ, почтѣ, депозитахъ, злоупотребленіяхъ и притѣсненіяхъ со стороны военныхъ. Говорили съ нимъ много крестьяне, жалующаяся на нехватку хлѣба и вообще на недостатокъ и плохое качество пищи. Его столь вѣжливое и внимательное обращеніе съ нами приводило въ крайнее, съ большимъ трудомъ и еле-еле скры-

ваемое бѣшенство присутствующихъ офицеровъ, которые силились во что бы то ни стало отвлечь его отъ насъ и нашихъ заявленій. Сдѣлалъ выговоръ полковнику, почему интеллигенція лишена возможности читать газеты, вѣдь же наши газеты проходятъ чрезъ цензуру — заявилъ. Мы въ баракѣ № 30 ждали его посѣщенія также съ нетерпѣніемъ, но не дождались. Онъ уѣхалъ въ Грацъ обѣщавъ, однако, вскорѣ пріѣхать сюда снова. Офицерамъ сказалъ рѣзко: О, я знаю ваше хозяйничаніе! Этихъ здѣшнихъ 1300 покойниковъ наилучше о немъ свидѣтельствуютъ!

Въ народѣ всеобщая радость по поводу этого визита. Господь благъ и милостивъ — вчера насъ ободрилъ и днесъ утѣшилъ.

Днесъ освободили изъ подъ ареста 7 юношей (преимущественно студентовъ, въ ихъ числѣ есть и Маркусъ), просидѣвшихъ въ заключеніи 28 дней за то, что будто, согласно доносу Ив—вича на нихъ — адвокатъ д-ръ Крушинскій училъ ихъ пѣть русской національной гимнъ! За это адвокатъ просидѣлъ 21 день, а они 28 дней. Слѣдствіе выяснило, что адвокатъ не знаетъ ни одного изъ нихъ.

Послѣ отъѣзда ген. Бачинскаго — онъ будто долженъ быть назначенъ инспекторомъ всѣхъ лагерей интернированныхъ — во всемъ лагерѣ всѣ говорятъ лишь о немъ, его поведеніи во время обхода бараконъ, его заявленійхъ и отвѣтахъ на жалобы и пр. Всѣ отъ него въ восторгѣ. Особенно большое значеніе придаетъ его заявленію, что объ ужасной Wirtschaft наилучше свидѣтельствуютъ 1300 покойниковъ „подъ соснами“, ибо они показываютъ, что онъ знакомъ съ положеніемъ и знаетъ, что администрація ссзнительно и жестоко своими крутыми и жестокими мѣрами въ теченіе всего нѣсколько мѣсяцевъ изгладила со свѣта столь много людей.

28. апр. — День ясный и теплый. Ожидаемый изъ Theresienstadt-а (Терезина) транспортъ интернированныхъ не прибылъ да и неизвѣстно еще вообще, придеть ли. Нельзя вѣрить никакимъ

сплетнямъ и сенсационнымъ извѣстіямъ, люди, просто отъ нечего дѣлать лгутъ и сплетничаютъ, выдумываютъ и фантазируютъ а многіе болѣе или менѣе по тѣмъ же причинамъ вѣрятъ такимъ сплетнямъ. Все это у нѣкоторыхъ прямо таки манія, болѣзнь.

Богданъ не пишетъ ничего.

Послѣдствія визита генерала и высказанныхъ ему жалобъ уже сказываются: Въ 3-мъ баракѣ „постъ“ поймалъ писаря изъ Галича какъ закуривалъ себѣ трубку и по приказу полковника наказалъ его истязаніемъ Anbinden въ теченіе 2 сутокъ по 2 часа. До сихъ поръ смотрѣли на такое „преступленіе“ чрезъ пальцы и не привлекали за него къ отвѣтственности даже при безпощадномъ режимѣ Штандлера, но теперь не то, такъ какъ изъ III барака вчера особенно многіе выступали передъ генераломъ съ жалобами, то это, повидимому, сзлобило полковника и онъ мститъ. Надо еще замѣтить, что полковника до вчера не было еще ни разу въ баракахъ и онъ только вчера, вмѣстѣ съ ген. Бачинскимъ, вынужденъ былъ впервые пройти по нимъ.

(*Особ. запись*) Крестьянинъ Мартынъ Мазуръ изъ Монастырца очутился въ госпиталѣ. Отобравъ у него и уничтоживъ его собственное бѣлье, его тамъ снабдили другимъ, т. е. дали ему рубаху и подштанники. Но когда послѣдствіи перевели въ баракъ № 16, у него отобрали и это бѣлье и оставили его голымъ совсѣмъ. Въ теченіи 4 сутокъ онъ и днемъ и ночью оставался обернутымъ въ одѣяло. Еще благодареніе Богу, что крестьянинъ послѣ болѣзни все это выдержалъ и не простудился.

29. апр. — Тепло. День ясный. У насъ появилась гитара. Сначала слушалъ игру на ней, а потомъ попросилъ Криницкую позволить и я самъ игралъ немного.

А Богданъ таки не пишетъ. Несправимый мальчишка!

30. апр. — День хороший. Утромъ Заславскій передалъ Янку приказъ, перейти подъ карантинъ. Выяснилось, что Янка отправляютъ въ качествѣ свидѣтеля, не то въ Грацъ, не то въ Вѣну.

Днесъ же послѣ обѣда онъ идетъ въ баню. Мы теряемся въ догадкахъ по какому дѣлу придется ему давать свидѣтельскія показанія.

Снилась мнѣ моя дорогая Тошка, но лишь одинъ мигъ видѣлъ я ее. Она очень исхудала и навѣрно — если жива — ннѣшнія переживанія отразятся фатально на ея здоровьи и организмѣ.

Газеты пишутъ, что будто Италия скончательно и рѣшительно выступаетъ противъ Австро-Венгріи. Что это, какой-то заговоръ со всѣхъ сторонъ? Поживемъ — увидимъ плоды работы макиавельской!

Май 1915 г.

1. мая. — Вчера посѣтили мы Янка подъ карантинномъ — издали, но вести съ нимъ разговоръ можно было. Онъ скучаетъ и тяготится теперешнимъ своимъ обществомъ, состоящимъ почти изъ однихъ мрънячъ.

Днесъ день хороший. Спалъ я хорошо. Снова снилась мнѣ моя дорогая Тошка, въ своемъ будничномъ костюмѣ, хлопочущая но веселая. Расплакалась, но не отъ горя, а отъ радостныхъ волненій. Ахъ, кабы дожидаться вѣсти изъ дому, кабы увидѣть мнѣ ея почеркъ! Я попросилъ, чтобы на письмѣ всѣ подписались собственноручно, но едѣлаютъ ли это?

Я остался теперь вмѣстѣ со „старымъ“ и „хозяйство“ наше будемъ вести вдвоемъ съ нимъ, а въ тѣсномъ помѣщеніи, по уходѣ Янка, стало намъ троимъ немного шире. Старый ходитъ утромъ покупать молока, хлѣба, сыра, пригрѣваетъ около 10 ч. вчерашнюю ѣду (кофе или супъ), около 11 ч. завтракаемъ. Теперь онъ (замѣсто Янка) и постель стелитъ, и такъ будетъ, пока не возьмутъ кого-нибудь изъ насъ (навѣрно Телесницкаго).

Ахъ, какое радостное для меня сегодняшнее 1-ое мая! Я получилъ письмо отъ Богдана. Пишетъ, что находится теперь въ Voitsberg и совершенно здоровъ, что его отпускаютъ изъ арміи и что онъ идетъ на фабрику изготовленія шрапнелей и гранатовъ опять въ томъ же Младомъ Болеславѣ. Слава Тебѣ,

Господи, неисповѣдимы пути Твои. Если бы Богданъ не заболѣлъ осенью, онъ бы не получилъ отсрочки, если бы въ своемъ ученіи не пошелъ по технической части, его бы изъ арміи не отпустили, а такъ имъ нужны работники и приходится ихъ щадить и не отправлять на фронтъ. Пойду и сообщу Янку содержаніе письма. Отвѣчу Богдану завтра, по его прежнему адресу

2. мая. — Жизнь находящихся у насъ русскихъ военноплѣнныхъ: Завтракъ. Плѣнники садятся, вынимаютъ водку и попиваютъ. Они рассказывали Т, что, идя въ атаку, русскіе солдаты уже не кричатъ: урра! ибо австрійцы тоже кричатъ: урра! а стали кричать: Николай! Есть между ними б/б евреевъ. У всѣхъ плѣнниковъ замѣтны единеніе и хорошая товарищеская жизнь. Нѣкоторые изъ нихъ зарабатываютъ, нпр. за мазаніе толя по 5 кр., деньги, которыя сдаются ими, однако, въ общую кассу и затѣмъ раздѣляются по-между всѣми. Они дѣйствительно товарищи другъ другу. Не то у насъ, наши есѣ порознь. Куда намъ къ нимъ! У насъ каждый самъ по себя и для себя, эгоистъ, торгуетъ между своими, чтобы нажитья... Такъ нпр. картинки изъ таллергофской жизни, одинъ священникъ продаетъ по 60 гел. за штуку, между тѣмъ какъ даже въ кантинѣ здѣсь онѣ стоятъ по 20 гел. шт. Таково и дѣло Косимера, купца изъ Граца, въ которомъ посредничаетъ д-ръ Л. А сдѣлки М—нка и Т—на всѣ мы хорошо помнимъ. А въ молочной кантинѣ славная „Зося“ такъ мѣритъ молоко, что каждый покупатель получаетъ вмѣсто 1 литра, только $\frac{1}{4}$ литра, подобный-же обманъ на всѣхъ, при продажѣ масла, сыра и т. д. Всякій промышленяетъ для себя и не содрагается его сердце даже на видъ почернѣвшаго отъ голода лица крестьянина. Позавтракавъ, одинъ изъ плѣнниковъ воскликнулъ: Эхъ, кабы пустили меня теперь, не попался я бы уже ни за что въ другъ и разъ въ плѣнъ! И сказавъ эти слова пустился танцовать гопака (въ присяду), а потомъ на звуки сирены (отъ бани) всѣ пошли къ работѣ.

Днесь день ясный, теплый, весенний. Съ самого утра всѣ одѣты по лѣтнему, женщины въ легкиѣ платьяхъ.

Въ 8 ч. отслужилъ о. Васильчакъ (днесь воскресене) утреню и обѣдно передъ баракомъ.

Пишу Богдану въ Младой Болеславъ письмо.

3. мая. — День хороший, теплый. Ожидаемъ прибытія генерала Бачинскаго. Говорятъ, что прибудетъ днесь вербовочная комиссія и что сначала она будеть брать въ армію „добровольцевъ“, а потомъ и другихъ. Увидимъ, что и какъ будеть.

Ходитъ слухъ, что со слѣдующей недѣли будемъ получать одинъ „комиснякъ“ даже на 8 человекъ. Плохо! Еще меньше ѣсть даватъ будутъ. Масло стоить теперь $\frac{1}{4}$ клгр. 1'60 кр.

Былъ ген. Бачинскій со всѣми офицерами. Идеальный человекъ. Въ теченіе столькихъ мѣсяцевъ швабская рѣчь намъ такъ надоѣла, что когда онъ заговорилъ съ нами по польски, это насъ очень приятно тронуло. Далъ распоряженіе, что ненавистную рѣчь даватъ можно намъ только разъ въ недѣлю, не чаще, что подъ карантинъ можно отпустить по 1000 чел и карантинъ можетъ длиться только 10 дней. Сообщилъ намъ, что прибудетъ политическая комиссія (и днесь явилась) и допроситъ сначала одинокихъ женщинъ и старцевъ (свыше 60 лѣтнихъ), а потомъ также тѣхъ, которые первѣе другихъ были арестованы. Словомъ — за все время нашего пребыванія въ Талергофѣ, ген. Бачинскій первый явился какимъ то нашимъ ангеломъ хранителемъ. Никто еще никогда здѣсь не говорилъ такъ съ нами, какъ онъ, да и говоря съ нимъ, совершенно не чувствуешь, что имѣешь передъ собой австр. генерала.

Въ I дворѣ наши крестьяне плотно обступили генерала и, припадая къ его колѣнямъ, вопили: „смилуйтеся, пане генерале, зайдите до кухни и прикажите, нехай намъ дають одну солену чисту воду, мы влиимъ лишь воду чѣмъ ту прокляту рѣпу!“ Послѣ этого онъ далъ вышеуказанное распоряженіе, что рѣпу можно дать только разъ въ недѣлю.

Адвокатъ д-ръ Крушинскій передалъ генералу свою жалобу на незаконное дѣйствіе лагерной стражи, арестовавшей его и административнымъ путемъ наказавшей его такимъ образомъ, что 24 дня былъ продержанъ въ одиночномъ заключеніи. Жалоба была составлена такъ, что была адресована къ министру-президенту. Генераль взялъ ее съ собою. На вопросъ генерала почему жалобщикъ не заявился къ рапорту, д-ръ Крушинскій отвѣтилъ: „Это трудное и хлопотливое дѣло — надо просить профоса и другихъ господъ отъ полиціи, да и вообще въ такихъ случаяхъ лучше ужъ и не говорить съ ними!“ Заявленіе это подѣйствовало, повидимому, на полицейскаго чинушу удручающимъ образомъ, ибо вечеромъ, навѣрно по его порученію У. спрашивалъ о. Теодора Крушинскаго, не знаетъ ли онъ, что его братъ писалъ въ этомъ письмѣ Тотъ отвѣтилъ, что братъ ему письма не читалъ.

Письмо къ Богдану днесь отправилъ.

На-дняхъ женщины изъ 10-го барака купались въ банѣ. Въ то время когда онѣ были совершенно раздѣты, вдругъ явившійся караульный солдатъ приказалъ имъ всѣмъ голымъ становиться въ рядъ и въ тотъ же мигъ д-ръ Лянкеръ ихъ сфотографировалъ. А теперь эти снимки ходятъ по рукамъ между военными и это вызываетъ всеобщее возмущеніе у всѣхъ интернированныхъ и особенно у женщинъ, павшихъ жертвой этой издѣвательской продѣлки.

4. мая. — Телесницкій. д-ра Дрогомирецкій, Съокало и др. переходятъ въ бараки №№ 33 и 34 (т. наз. карательные — Strafbatacken). Въ четвергъ Телесницкаго должны уже допрашивать аудиторы. Жаль мнѣ Телесницкаго, моего Schließkammerad-a. Такимъ образомъ осталось теперь въ нашей кабинѣ только насъ двое: я и старый свать.

Я отнесъ о. Исайчику крестикъ, прося его начертать на немъ изображеніе распятія Христова. Видѣлъ Ромка и Василя. Видѣлъ также Янка Онъ навѣрно 6 с. м. уѣдетъ — кажется въ Грацъ.

Послѣдствія визитовъ и распоряженій ген. Бачинскаго, уже сказываются. Все теперь въ движеніи. Уже 230 чел. такихъ, противъ которыхъ ведется слѣдствіе, переведены въ особые бараки (№№ 33 и 34). Подъ карантинъ днесь уже прямо гонять, преимущественно крестьянъ, вопреки тому, что генераль совѣтовалъ интеллигенціи отговаривать крестьянъ отъ намѣренія оставлять Талергофъ и переходить въ лагеря бѣженцевъ.

Выплачивали депозиты. Я получилъ всего 80 кронъ. Не хватило даже долги полатить.

Къ вечеру пошелъ дождикъ. (Особ. записъ:) Въ январѣ было заявлено нѣкоей Сусаннѣ Кравецъ, что она свободна. Но не смотря на всѣ тщательные поиски во всѣхъ баракахъ, такой женщины не нашли. Установлено поэтому, что вѣроятно баба удрада изъ Талергофа. Впослѣдствіи, однако, выяснилось, что дѣло касается крестьянина Созонта Кравца. Имя Созонтъ показалось нѣмцамъ столь чуждымъ, что они его превратили въ Сусанну!

Предъувѣдомлено о предстоящемъ пріѣздѣ людей изъ Theresienstadt-a 6 с. м., въ 7 ч. утра. Быть можетъ пріѣдетъ и Дизько. Поживемъ — увидимъ.

Все еще новые бараки строятъ, сажаютъ деревья. Построены и двѣ покойницкія (изъ кирпича). Бабы полютъ что-то въ родѣ шпината и пересаживаютъ на другія грядки. Въ госпиталѣ теперь чистая постель и вообще все въ порядкѣ, но это только нынѣ, когда уже свыше 1300 покойниковъ „подъ со снами“ свидѣтельствуютъ и вызываютъ о мщеніи къ Богу за прежнее хозяйничаніе полк. Штадлера.

5. мая. — Дождь падалъ всю ночь. Снилось мнѣ родина. Я будто очутился у воротъ въ Липицѣ. Вышла моя дорогая Тошка, но не узнала меня, а когда уже поцѣловался съ нею, пала въ обморокъ. Я взялъ ее на руки и отнесъ въ комнату какъ ребенка, очень исхудалую. Тамъ же спало много дѣтей моихъ внучатъ. Нѣкоторыхъ, еще не уснувшихъ, я расцѣловалъ и уложилъ въ постель жону. Не полною, говорила ли мнѣ что

либо. Послѣ этого сна мнѣ днесь невѣсело, находить уныніе, хандра.

Приказано намъ идти въ баню. Betehl!

Все жду я вѣсточки съ родины и трудно дожидаться. Ахъ, если бы я только увѣчалъ навѣрно, что тамъ всѣ они живы и здоровы, какой радостный день былъ бы это для меня, какъ я былъ бы неувреченно счастливъ! Какъ я благодарилъ бы Господа!

На обѣдъ подана морская рыба, т. е. супъ съ рисомъ и плавающими въ немъ кусками рыбы. Наши „кохи“ (повара) не знали, какъ за это дѣло взяться, такъ привезли сюда изъ Граца повара и поварику и стряпали подъ ихъ руководствомъ. Предупреждаютъ насъ теперь, что впредь будутъ насъ кормить рыбою вмѣсто мяса.

6. мая. — Праздникъ св. Георгія. Утромъ прочиталъ акаѳистъ св. Георгію, высказалъ благожеланія „свату“. Позже прочелъ „Правило“, пошелъ посѣтить Янка и поговорить съ нимъ по крайней мѣрѣ на „диштанцѣ“ (разстояніи).

Не днесь, а кажется завтра, долженъ прибыть новый транспортъ интернированныхъ изъ Theresienstadt a.

Пріѣхала „грацкая“ комиссія (политическая). Есть и аудиторы. Телесницкаго призвали днесь къ допросу.

Былъ у меня Ромко. Не доумѣваетъ, зачѣмъ его — именно его одного изъ младшихъ — допрашивала „грацкая“ комиссія. Бойтся, что возьмутъ его на военную службу.

(Особ. записъ:) Желѣзнодорожники обращались повсюду въ Галичкѣ скверно съ нашими транспортами. Когда въ Ряшевѣ остановился поѣздъ и изъ вагона вышелъ на платформу о. Козакъ, сейчасъ подошелъ къ нему одинъ желѣзнодорожный чиновникъ, и не говоря ни слова, далъ ему пощечину. Даже ведущій транспортъ комендантъ былъ пораженъ этимъ инцидентомъ и реагировалъ угрозой, что если кто изъ публики(!) дерзнетъ обижать арестованныхъ, то онъ, комендантъ, употребитъ предоставленныя въ его распоряженіе мѣры.

Днесъ одинъ крестьянинъ вырвался изъ Талергофа и доставшись на железнодорожную станцію Abtissendorf, бросился подъ колеса налетѣвшаго поѣзда и моментально былъ убитъ. Опротивляя жизнь бѣдняжкѣ! А вѣдь же у нашихъ крестьянъ самоубійства случаются такъ рѣдко.

Интернованы въ Талергофѣ по концу войны об. Ясеницкій и Гелитовичъ и г. Лужецкій.

Говорятъ о предстоящемъ визитѣ Generalstabsarzt'a. Къ этому визиту уже дѣлаются приготовления и „порядки“ по баракамъ: открываются окна для чистки воздуха, выметають соръ и т. п., но — быть можетъ и напрасно, быть можетъ Generalstabsarzt'a не увидимъ, это бывало уже не разъ. Впрочемъ и эти визиты отбываются такимъ образомъ, что визитующій еле-еле заглядываетъ въ баракъ, а обычно, почти по правилу, пройдетъ только по двору вдоль бараковъ и — это довлѣетъ.

Днесъ былъ у насъ завтракъ на славу: свать на свои именины купилъ ветчины и угостилъ насъ. Прилично позавтракали. Затѣмъ купилъ еще одну порцію и огнесъ Янку.

Телесницкій доволенъ допросомъ у аудитора Ваничка (чеха). Надѣется на совершенное освобожденіе.

Былъ Generalstabsarzt, въ обществѣ нѣсколькихъ врачей. Вышелъ неприятный инцидентъ: онъ вошелъ въ казину о. Ф. Р., гдѣ сидѣла тогда только одна женщина, именно его, о. Р.—го, жена, которая почему-то, не встала, когда онъ вошелъ. Видя это, онъ спросилъ Zimmerkommandant'a, д-ра Е. Вальницкаго, кто она, и узнавъ ее фамилію, окликнулъ ее строго: „Можетъ быть вы бы встали? это возмутительно!“ — и проходя дальше по корридору, сказалъ: „Вы жалуетесь, что съ вами обращаются строго, а вотъ это показываетъ, что вы этого заслуживаете!“ Вотъ неприятность! Хотя еще неизвѣстно, почему, т. е., по какой причинѣ, она не встала, но въ общемъ находять ее виноватой; что она не встала; и этимъ вольно или невольно дала поводъ къ раздраженію.

Прибыла въ Талергофъ новая партия русскихъ военнопленныхъ въ 130 человекъ.

7. мая. — День хороший, теплый. Встали рано.

Прибылъ транспортъ нашихъ братьевъ-узниковъ изъ Therestienstadt'a около 1000 душъ. Есть, говорятъ, между ними и Дизько изъ Городища, но нельзя ни съ кѣмъ изъ нихъ видѣться, ибо они строго изолированы. Размѣщены во II дворѣ и пока что сносятся съ ними нѣтъ возможности. Я очень хотѣлъ бы узнать что-нибудь отъ Дизька, быть можетъ сообщилъ бы мнѣ кое-что о моей Липицѣ.

На 2 ч. дня, назначено лизолсанье барака. Приказано вынести всѣ вещи во дворъ.

Изъ прибывшихъ оо. Вас, Скобельскій и Н. Дуркотъ и нѣсколько крестьянъ помѣщены на одной половинѣ 34-го барака. При баракѣ, тамъ стоитъ поставленный караулъ, кажется, что они тамъ находятся въ Einzelarrest-ѣ (въ одиночномъ заключеніи). А ни подойти, ни разузнать ничего толкомъ невозможно.

Хотѣлъ я послѣ обѣда увидѣть Дизьку хоть издали, но нельзя. Весь II дворъ окруженъ „постами“, а они какъ бѣсноватые гонять всякаго, кто только издали пробуетъ повести разговоръ съ новоприбывшими.

Мнѣ удалось узнать только Пашкевича изъ Львова и Галушку, но они не узнали меня, а когда затѣмъ узнали меня, то весьма удивились, куда дѣвался мой животъ, да и моя борода совершенно измѣнила черты лица.

Янко подлѣ карантинномъ очень то скуетъ и нудится.

Я и „старый“ навѣрно останемся здѣсь интернированными дальше, а Янка пустятъ на свободу или же конфинуютъ.

Можетъ быть, Дизько имѣетъ какія-нибудь извѣстія изъ Галичины отъ своихъ и передастъ бы мнѣ. Очень радъ бы узнать.

8. мая. — Пойду къ Дизькѣ. Карательные подобрѣли немного и теперь можно будетъ поговорить.

День хороший. На душѣ и тоска и скорбь по родинѣ.

Надъ Дунайцемъ побили русскихъ и они отступили на 30 килом. на востокъ. Взятъ въ плѣнъ будтебы 30.000 человекъ.

Дизька нѣтъ въ Терезинскомъ транспортѣ; нѣтъ и о. Ф. Яворовскаго ни другихъ (ни Кульматицкаго изъ Городища). Слѣдовательно ихъ увезли прямо изъ Львова куда-то въ другія мѣста, навѣрно въ Линць.

Прибылъ ген. Бачинскій. Выжидаемъ его, чтобы затронуть съ нимъ нѣкоторые вопросы. — Пришелъ къ намъ, но уладилъ лишь нѣкоторые личные вопросы (д-ра О. Крушинскаго) и заявилъ, что ему днесъ некогда заниматься личными вопросами. Обѣщавъ прѣхать на слѣдующей недѣлѣ.

Узнали мы, что многіе изъ прибывшихъ еще въ Терезинѣ подписали легитимации, коихъ вопреки ожиданію не отпустили, а привезли сюда, тутъ же они подвергнуты карантину.

Подтверждаются извѣстія, что русскія войска отступили за Рымановъ. Замѣтны опасенія, что Италия выступитъ противъ Австро-Венгрии. Въ сторону Италии уже въ теченіе нѣсколькихъ дней отправляются многіе поѣзда, переполненные войсками. Не видать конца войнѣ!

Теперь обычно послѣ обѣда ложусь и сплю. До сихъ поръ я этого не дѣлалъ, но заставляютъ такъ дѣлать, ужасная скука, томленіе духа, уныніе... Нѣтъ занятія, нѣтъ книгъ, нѣтъ ничего, ничего необходимаго для сносной культурной жизни, такъ доволенъ человекъ, что хоть сномъ убьетъ время. Потому облегченно привѣствуемъ приближающуюся ночь. Ложимся въ 9 час. веч., а просыпаемся въ 5 час. утра.

Судья и офицеръ въ резервѣ Миронъ Мерена палъ на войнѣ.

Безголовые: Узнавъ, что прибывшіе сюда изъ Терезина ок. 700 узниковъ, подписали еще тамъ легитимации, ген. Бачинскій очень удивился, почему ихъ прислали сюда, а не отпустили тамъ еще. Немедленно произведена была ихъ сортировка, путемъ, которой были особо

размѣщены освобожденные, особо конфинированные, а особо интернованные.

Что только не дѣлаютъ съ несчастными людьми! Совсѣмъ здоровыхъ узниковъ, прибывшихъ изъ мѣстностей, гдѣ не было никакихъ эпидемій, помѣстили во II дворѣ, гдѣ были госпитали для тифозно больныхъ и выздоравливающихъ изъ тифа. Какое небрежное отношеніе къ человѣческому здоровью и жизни. Вѣдь же можно быть почти увѣренными, что новоприбывшіе наберутся тамъ тифа, ибо для отвращенія этого не

Свящ. о. Григорій Грыцкѣ, изъ Святого, у. Ярославъ.

предпринята никакія мѣры. И вновь будутъ установлены беззаконные карантинныя, стѣсненія и ограниченія всякаго рода. Доколѣ же, о Господи, всѣ эти мученія, терзанія, издѣвательства!

Остались здѣсь русскіе военнопленные (главнымъ образомъ поляки и евреи) и они (неизвѣстно, по собственнымъ ли побужденіямъ и соображеніямъ или же по наущенію со стороны), вызываютъ нашихъ людей на разговоры о войнѣ, о Россіи, и вообще на политическія темы, а затѣмъ на высказавшихся доносятъ нашимъ властямъ. Такой фактъ

былъ установленъ вчера. По поводу получаемыхъ теперь вѣстей съ фронта о побѣдахъ австрійскихъ войскъ надъ русскими, имѣли нѣкоторые изъ нашихъ людей высказаться сомнительно относительно достоверности этихъ извѣстій передъ военноплѣнными и скорбѣть. Здѣшнимъ нашимъ офицерамъ, какъ только имъ было доложено, это, самопонятно, не могло нравиться, и они доложили объ этомъ даже ген. Бачинскому. Въ виду этого ген. Бачинскій былъ къ намъ расположенъ холодно, тѣмъ болѣе, что былъ взволнованъ всей этой исторіей съ транспортомъ изъ Терезина и размѣщеніемъ его во II дворѣ. Нельзя, впрочемъ, никакъ полагаться на всѣ эти вѣсти и слухи, ибо здѣсь много врутъ, сознательно или несознательно, а есть немало и профессиональныхъ лгуновъ.

9. мая — Съ утра дождикъ. Получилъ отъ Богдана карточку, помѣченную: Грацъ, 6/5. Я ожидалъ, что онъ уже навѣрно находится въ Младомъ Болеславѣ, куда долженъ былъ отправиться уже 28-го апрѣля. Пишетъ, какъ обыкновенно, неясно, такъ что трудно узнать настоящае положеніе вещей. Пишетъ, что онъ комиссіей суперарбитровъ „dauernd-beurlaubt“ (совершенно отпущенъ) и что поѣдетъ въ Чехію, а тамъ прийдя къ силамъ, будетъ работать въ фабрику шрапнелей. Просить о присылкѣ денегъ, такъ какъ его башмаки износились, нужно ему также пальто, а вещи свои оставилъ на Уграхъ въ магазинѣ (вотъ, онъ былъ и въ Венгріи, такимъ образомъ узнаю я) и онъ будетъ возвращенъ только по окончаніи войны. Я недоумѣваю, куда выслать ему деньги, не зная точно его адреса. Въ виду этого, пошлю ихъ его хозяйкѣ Шевчикъ. (Schevčik, Jungbunzlau, Rybnicnagasse 237), съ замѣткой, пусть она заблагоразсудитъ сама или деньги отошлетъ ему въ Грацъ, или же вручитъ ихъ ему, когда къ ней возвратится. Отношенія между этой женщиной и Богданомъ сердечныя очевидно, такъ какъ она кормитъ его безвозмездно и пишетъ къ нему и газеты пересылаетъ въ Voitsberg (онъ самъ упоминаетъ объ этомъ въ письмѣ отъ 26 го апр.) Или быть можетъ, у этой женщины есть дочь

и она имѣетъ въ виду въ лицѣ Богдана приобрести зятя? Я, однако, серьезно беспокоюсь его здоровьемъ. Разъ его освободили отъ военной службы и то въ настоящее время, такъ — съ его катаромъ легкихъ — дѣло не обстоитъ хорошо. Боюсь, чтобы этотъ катаръ не сталъ причиною чахотки у Богдана. На войнѣ простудился и поидетъ преждевременно въ могилу. Если бы былъ дома, такъ можно бы его еще пока есть время, спасти, а разъ дѣло запустится, будетъ плохо. Вотъ и радовался я, что онъ живъ, что освобожденъ отъ военной службы, а эту радость мою закрываетъ туманъ неизвѣстной развязки грозныхъ послѣдствій этого катара. Нѣтъ дня безъ облаковъ, словно nulla dies sine linea. Да будетъ воля Твоя, Господи!

Изъ бюро Тенгофа нѣтъ письма. Тоска. Янко все еще подъ карантинномъ и даже не знаетъ еще, когда уѣзжаетъ.

Противъ Телесницкаго слѣдствие приостановлено и онъ будетъ освобожденъ, но пока выйдетъ изъ Талергофа, ему надо будетъ ждать 3—4 недѣли. Разъ онъ выйдетъ, такъ, быть можетъ похлопоталъ бы въ Грацъ и въ нашемъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе, что онъ лично знакомъ и съ комиссаромъ. Смуклою и съ Ганкевичемъ и, слѣдовательно, могъ бы повліять на благополучное вырѣшеніе нашего дѣла. Рады бы мы перейти на собственный хлѣбъ, но даже относительно того не знаешь, будетъ ли лучше. Взаправду не знаешь, чего желать и просить. Въ нынѣшнихъ условіяхъ жизнь становится съ каждымъ днемъ и повсюду все тяжелѣй, все несноснѣй, невозможно предвидѣть, ни учесть тѣхъ новыхъ осложненій, въ которыхъ можешь очутиться, живя на собственный счетъ. И здѣсь не живешь и тамъ существовать не сможешь. Вотъ и напрашиваются сами собой слова Спасителя: не вѣсте, чего просите!

Составилъ письмо къ г-жѣ Шевчикъ. Послалъ на ея руки 50 кронъ. Написалъ открытку Мирону Заяцу въ Грацъ и спрашивалъ его, не знаетъ ли онъ, что-нибудь о моей семьѣ, и сообщилъ ему, что братъ его Ив. (аня) уже въ Га-

личинѣ. А Богдану не писалъ, такъ какъ не знаю его адреса.

Письмо г-жѣ Шевчикъ, Mladi Boleslav, Rolnicna ulice 237.

Thalerhof, 10/5--1915. — Gnädige Frau! — Von Gottesvorsehung ist es so vorgekommen, dass mein Sohn in Ihrem Hause Obhut gefunden hat. Ich habe von ihm am Thalerhofe 2 Briefe und eine Karte erhalten. Die Briefe waren nicht von ihm eigenhändig geschrieben, und das wundert mich warum? Die Karte hat er selbst eigenhändig geschrieben, aber der Inhalt dieser Briefe ist mir nicht ganz klar. Ich weiss nicht, wie und auf welche Mittel durch die ganze Zeit seines Urlaubes Bohdan gelebt hat. War er vielleicht im Militärhospital gewesen und wo? Jetzt erfahre ich, dass er „dauernd beurlaubt wurde“, das heisst, dass es mit seinem Lungenspitzenkatar schlecht ist, dass er zur vollkommenen Gesundheit nicht zurückkam. Das alles selbstverständlich, quält mein väterliches Herz, umso mehr, dass in jetzigen Verhältnissen unsere Zusammenkunft (wenn ich ihn besuchen wollte) ausgeschlossen ist. Ich ängstige mich wegen seiner Gesundheit, und vom Bohdan kann ich nicht die ganze Wahrheit erfahren. Er ist noch kindisch, schwer zum Schreiben, und schreibt er einmal, so erfahre ich nicht viel davon. Entschuldigen Sie, Gnädige Frau dass ich, obwohl unbekannt, Sie mit meiner Bitte belästige. Ich hoffe, Sie werden meine Bitte nicht abschlagen wollen, die Bitte eines Vaters, dessen Herz wegen der Gesundheit seines Sohnes sorgenvoll ist. Er hat von Graz (den 6/5) geschrieben und mich ihm Geld zu senden gebeten. Er hat aber keine Adresse angegeben, darum sende ich gleichzeitig 50 Kronen auf Ihre Adresse. Bohdan braucht Geld (wie er schreibt), um sich Kleider zu kaufen. Ich ersuche Sie höflichst mir zu schreiben und die ganze Wahrheit zu gestehen. Es ist besser das Wahre zu wissen als sich mit falscher Hoffnung zu täuschen.

Ich bleibe hochachtungsvoll

J. Maszcak.

(Талергофъ, 10/5 — 1915. — Милостивая Государыня! — Божиимъ союз-

воленіемъ сложилось такъ, что мой сынъ нашель въ Вашемъ домѣ приютъ. Я здѣсь получилъ отъ него 2 письма и одну открытку. Письма его не написаны его рукою, и это меня удивляетъ. Открытка, правда, написана имъ, но содержаніе писемъ мнѣ непонятно. Не знаю, какъ и на какія средства жилъ Богданъ все время своего отпуска. Находился-ли, можетъ быть, въ военномъ госпиталѣ и гдѣ? Теперь узнаю, что онъ „отпущенъ совершенно“, значить, слѣдовательно, что съ его катаромъ легкихъ плохо, что онъ не совсѣмъ выздоровѣлъ. Все это,

Свяц о. Корнлій Сеникъ изъ Бережицы кор.

конечно, терзаетъ мое отцовское сердце, тѣмъ паче, что въ нынѣшнихъ условіяхъ наше свиданіе (если бы я желалъ посѣтить его) совершенно исключено. Безпокоюсь о его здоровьѣ, а отъ Богдана я не могу достать полной правды. Онъ еще ребенокъ, къ перепискѣ не охотникъ, да и, разъ напишетъ, много изъ этого не узнаешь. Простите мнѣ Милостивая Государыня, что безпокою Васъ моей просьбой, не будучи знакомъ. Надѣюсь, что Вы не отвергнете прось-

бы отца, сердце которого озабочено состоянием здоровья сына. Онъ писалъ мнѣ изъ Граца 65, прося о присылкѣ денегъ. Но не далъ адреса, и потому посылаю одновременно 50 кронъ по Вашему адресу. Богдану нужно денегъ — какъ писать — на покупку платья. Сообщите мнѣ, пожалуйста, всю правду. Лучше знать всю правду, чѣмъ обманывать себя ложной надеждой. Глубокоуважающій Васъ *И. Мацакъ*.

Lieber Herr Myron (Zajac).

Ich habe von Bohdan erfahren, dass Sie jetzt in Graz im Bewachungsdienst sind. Ich benutze diese Gelegenheit und schreibe Ihnen einige Worte. Ich bin seit 4-IX-1914 in Thalerhof interniert, mit den anderen, deren grosser Theil schon fort ist und in Steiermark hie und da auf eigene Mittel lebt. Haben Sie vielleicht eine Nachricht aus Galizien? Ich weiss gar nicht, was mit den meinigen geschehen ist. Ich habe Dosio und seine Familie in Lipica verlassen, sind sie bis jetzt noch dort, oder leben sie schon in Lemberg, weiss nicht. Ich habe durch Peters Tenhof Bureau in Bucarest am 1-IV geschrieben, aber bis heute keine Antwort erhalten. Mein einziger Wunsch ist zu erfahren, dass meine Familie gesund ist.

Ihr Bruder I. soll sich in Galizien befinden, wissen sie davon? Geben Sie mir eine Antwort.

Ich grüsse Sie herzlich

Johan M.

Дорогой Миронъ!

Узналъ отъ Богдана, что Вы находитесь въ Грацѣ, неся караульную службу. Пользуясь случаемъ, шлю Вамъ нѣсколько словъ. Съ 4|X. — 1914. нахожусь въ Талергофѣ, интернованъ вмѣстѣ съ другими, большая половина которыхъ уже вышла и живетъ въ Стириіи на собственные средства. Есть у Васъ какия-нибудь вѣсти изъ Галичины, быть можетъ? Я совершенно не знаю, что тамъ происходитъ съ моими. Я оставилъ Дозя съ семьей въ Липицѣ, живутъ ли они тамъ до сихъ поръ или уже во

Львовѣ, не знаю. Писалъ я чрезъ бюро П. Тенгофа въ Бухарестѣ 1|IV, но не получилъ отвѣта и по днесь. Мое единственное желаніе — узнать, что моя семья здорова.

Вашъ братъ И. будто находится въ Галичинѣ, знаете ли объ этомъ? Отвѣйте, пожалуйста.

Привѣтствую Васъ сердечно
Іоаннъ М.

Такой случай рассказываетъ о Венгриновичѣ: Исповѣдывая во время эпидеміи больного въ баракѣ № 29, онъ, о. Венгриновичъ, видитъ и слышитъ, какъ вблизи плачетъ мать надъ сыномъ. Подошелъ къ нимъ дежурный солдатъ и записываетъ больного какъ покойника. Видя это, о. Венгриновичъ сказалъ, чтобы лежащаго оставилъ какъ есть, въ покоѣ, ибо быть можетъ, что онъ еще не умеръ. И дѣйствительно, нѣкоторое время спустя, о. Венгриновичъ еще его исповѣдалъ и только послѣ этого, по истеченіи нѣсколькихъ часовъ, больной скончался. Если бы не вмѣшательство о. Венгриновича, такъ навѣрно этого больного, еще живого, немедленно заколотили бы въ гробу!

Съ умершаго о. Апполлинарія Филипповскаго сняли одежду и нагого, какъ многихъ другихъ, кинули въ гробъ и такъ похоронили.

Отмѣтить долженъ, что сестра милосердія Марія, съ кличкой „наша мама“, прекрасная душа, и ухаживаетъ за больными съ материнскою нѣжностью и любовью. Можно сказать, что въ Талергофѣ хорошихъ было трое: сестра Марія, Weiss и Opfermann, фиреръ, командированный на кладбищенскую службу, ведущій списки усопшихъ и занимающійся ихъ погребеніемъ. И капитанъ Strick былъ не плохой, но нервный человекъ, онъ былъ обойденъ при повышеніи и затѣмъ взятъ на фронтъ.

Адресъ Opfermanna: Joseph Opfermann, Wien, XVI Bezirk, Redtenbacher-gasse, № 10, 1. 18.

Посѣщалъ я новоприбывшихъ изъ Терезина. Разговаривалъ съ о. І. Зарицкимъ изъ Козлова. Онъ рассказалъ

мнѣ исторію Дизька Бачинскаго изъ Городища и передалъ адресъ его настоящаго мѣстопребыванія: Weyerburg im Niederoesterreich, L. P. Eggendorf im Thale. Говорилъ, что Дизько никакихъ вѣстей изъ дому отъ родныхъ не получаетъ. Здѣсь находятся и д-ръ Ив. Гриневецкій и д-ръ В. Антонецъ и др. Они въ лучшемъ видѣ чѣмъ мы. И одежда на нихъ лучше и бѣлье чище и юмора у нихъ больше чѣмъ у насъ. Здѣсь о. Зарицкій остается какъ интернированный до конца войны.

Я отправилъ открытку Дизьку и жду его отвѣта.

Мойсей Слободецкій, 33 лѣтъ, изъ Дубковецъ, у. Скалатъ, въ жару выбѣжалъ изъ барака и вѣроятно выбрался за ворота. Постовой окликнулъ его, но онъ не остановился. Раздался выстрѣлъ и поцѣдилъ его въ рамя. На другой день въ Грацѣ скончался несчастный.

Интернаціональное бюро: Dr. Linde in Bukarest, calea Victoriei № 60.

10. мая. — Въ первомъ дворѣ былъ ген. Бачинскій. Дозволено намъ читать газеты, которыя будутъ продаваться въ каantinѣ. Вотъ новое завоеваніе, которымъ мы ему обязаны.

Видно, что многіе будутъ конфинированы, а зачѣмъ, нельзя знать. Я не стараюсь, не хочу дѣлать по своей волѣ, чтобы впослѣдствіи не пенять на себя самого. Пусть они сами дѣлаютъ себѣ со мной, что имъ заблагоразсудится, тогда и приму это какъ рѣшеніе судьбы. Да будетъ воля Твоя, Господи. Я, спокоенъ. Ничего не желаю, лишь Господа ежедневно прошу, чтобы прочее время живота моего мнѣ въ мирѣ провести и въ покаяніи скончати. Читаю Св. Писаніе. Никогда оно еще, кажется, такъ сильно не захватывало меня, какъ теперь здѣсь, никогда имъ такъ глубоко не былъ тронутъ и такъ душевно-радостно не наслаждался, какъ теперь. Оно мнѣ теперь крѣпость, здоровье и побѣда

Составилъ письмо къ адв. д-ру Ив. Добрянскому во Львовѣ и пошлю чрезъ бюро д-ра Линде въ Бухарестѣ. Прилагаю 14 „интернаціональ-шейн“-овъ. Лишь

бы только письмо не пролежало черезъ чуръ долго здѣсь въ конторѣ.

Розошлась вѣсть, что будто 4 человекъ изъ новоприбывшаго Терезинскаго транспорта заболѣли и что ихъ взяли въ изолированные бараки подѣ обсервацію. Вотъ и выходитъ наружу вся бестолковщина относит. постановленія при ихъ приѣмѣ. Новоприбывшихъ помѣстили въ госпитальныхъ баракахъ тифозно больныхъ. Въ баракѣ № 16 перебували до послѣдняго дня реконвалесценты и неизвѣстно, сдѣлана ли была тамъ въ послѣдній день дезинфекція или

Свящ. о.Пантелеймонъ Скоморовичъ изъ Дыніска.
(снимокъ изъ конфинаціи въ Ибельбахъ).

нѣтъ. Былъ генераль-врачъ, но не обратилъ вниманія на то обстоятельство, что новоприбывшихъ здоровыхъ людей помѣстили въ неподходящихъ баракахъ, напротивъ же генер. Бачинскій это замѣтилъ и теперь, чего добраго, вспыхнетъ, не дай Богъ, какая-то эпидемія, пойдетъ опять карантинъ и т. п., и снова жизнь станетъ совершенно невыносимой.

11. мая. — Стужа. Телесницькій вернувся вчера въ нашъ баракъ, и опять мы сидимъ втроемъ. Янко еще находится подь карантиномъ. Всѣ уѣзжающіе обязаны отбыть 10-21-дневный карантинъ, хотя эпидемія и прекратилась.

Вчера явились здѣсь 2 уполномоченныхъ отъ польскихъ легионеровъ въ россійской Польшѣ, чтобы здѣсь между русскими поляками набирать добровольцевъ. Созвали всѣхъ ихъ, т. е. свыше 140 чел., говорили имъ патриотическія рѣчи и въ результатъ заявили 3, но такъ какъ изъ-за оживленныхъ разговоровъ не спохватились записать себѣ ихъ фамилій, то днесъ не могутъ ихъ отыскать. Наконецъ одного изъ нихъ поймали, но допрошенный, онъ днесъ уже отказался.

Должны были быть призваны къ подписыванію своихъ легитимаций наши терезицы, вдругъ, однако, надоспѣла изъ Терезина телеграмма, извѣщающая, что одновременно отсылаютъ 600 людей (подписывающихъ легитимации) въ Талергофъ.

Изъ терезинцевъ 12 чел. днесъ вышли на свободу.

Испортился колодець и потому и баня перестала дѣйствовать, вслѣдствие чего и терезицы ушли, не купавшись.

Газеты пишутъ, что министръ финансовъ во Франціи предложилъ парламенту вотировку военнаго бюджета лишь на 3 мѣсяца. Это знаменательно. Пишутъ также въ газетахъ, что 8-го с. мая русскій царь послалъ верховному главнокомандующему вел. кн. Николаю Николаевичу благодареніе и золотую саблю за военные подвиги и „за взятіе Галичины“. Между тѣмъ та побѣдная и блестящая для австрійскихъ войскъ битва, въ которой русская армія была совершенно разбита и Австро-Венгріи достались огромные трофеи, состоялась 2-го с. мая. И вдругъ послѣ такого страшнаго пораженія русскихъ армій Николаю Николаевичу такія похвалы и отличія. Ну, и разбирайтесь въ такихъ сообщеніяхъ!

Писалъ недавно кто-то изъ Америки, — и у насъ письмо это читали — что долго намъ уже не придется то-

миться, ибо Австрія вынуждена просить мира. И какъ это цензура такое письмо пропустила?

12. мая. — День пасмурный и холодный. Ген. Бачинскій снова въ Талергофѣ. Дозволено намъ читать газеты и вотъ теперь всякій, кто купилъ себѣ въ кантинѣ газету, можетъ ее читать публично, на виду всѣхъ. До сихъ поръ читали мы газеты скрытно. М—къ былъ поставщикомъ грацкихъ газетъ и грабилъ людей ужасно, беря за то, что далъ бараку прочесть одинъ н-рѣ газеты, 40—60 гелл.

Вчера вечеромъ около 200 чел. терезинцевъ отпущены и днесъ отпускаютъ еще другихъ.

Ген. Бачинскій приказалъ, чтобы отпущаемыхъ не передерживать по 20 дней подь карантиномъ, а выпускать ихъ на свободу скорѣе. Благодаря его вмѣшательству, настало замѣтно повсюду большое движеніе.

Цѣна на мясо поднимается вверхъ каждый день на 30 кронъ на метрич. центнарь, до того ужасная дороговизна.

Франко Горянскій пошелъ подь карантинъ. Былъ у меня и просилъ дать ему взаймы денегъ. Далъ 3 кроны.

Читалъ польскую брошюру, розданную здѣшнимъ полякамъ: *Wydawnictwo organizacji narodowej, Nr. 5. „Cokolady polak o terazniejszej wojnie wiedziec ma i co ma czynic?”* Могли бы лучше написать—больше патетически.

Я служилъ вечерню съ литією передъ баракомъ.

13. мая. — Вознесеніе Гѣсподне. Въ арестѣ плотники работаютъ. Тутъ по праздникамъ и воскресеньямъ работаютъ днемъ какъ въ будни, особенно до полудня. Была отслужена утренняя, а затѣмъ литургія. Былъ на разговорѣ съ о. Романомъ Крыжановскимъ (изъ Небылова), потомъ пошелъ къ Янку, который на своемъ карантинѣ ужасно скучаетъ.

Василь Мартынюкъ днесъ распростился, его зовутъ, его погоняютъ подь карантинъ.

Телесницькій узналъ, что онъ отпущенъ на свободу, съ примѣчаніемъ

въ документѣ: *sich fern von dem Operations-terrain halten*. Замѣтка эта озлобила его.

Я увидѣлъ, что въ *Abtissendorf* цвѣтутъ черешни, деревья покрыты густой зеленью, весело, чудно, а въ душахъ и сердцахъ нашихъ тоска, уныніе, боль и печаль. Улетаешь мыслями на родину, припоминаешь себѣ до мелочей свое родное село, свой садочекъ, какъ роскошно онъ расцвѣлъ, и вздыхаешь: Господи, доведется ли намъ еще быть тамъ и въ такую вотъ пору? Блаженни вси уповающіи на Господа.

Гдѣ справедливость? Всѣ освобожденные и конфинированные должны отправляться на мѣста своего будущаго пребыванія на свой собственный счетъ. Значитъ такъ: арестовали и привезли всякаго сюда, доведется ли намъ еще быть въ заключеніи, убѣдились наконецъ въ твоей невинности и говорятъ: убирайся отсюда и плати желѣзнодорожный билетъ себѣ самъ!

На обѣдъ была подана рѣпа. Вотъ и праздникъ Вознесенія ознаменовали рѣпою.

Получилъ письмо отъ Богдана, помѣченное: 12 — V. Такъ разминулись, видно, наши письма — я выслалъ къ г-жѣ Шевчикъ 50 кронъ и письмо 11 — V. Богданъ уже въ Младомъ Болеславѣ. Пишетъ, что въ Грацѣ видѣлъ Качалу и Мирона Заяца. Сообщаетъ, что былъ у врача и онъ посовѣтовалъ ему совершенно воздержаться отъ работы въ фабрикѣ до полнаго выздоровленія легкихъ. Въ виду этого спрашиваетъ, какъ ему теперь быть, откуда достать средства на жизнь, если не сможетъ зарабатывать себѣ на фабрикѣ, значить, смогу ли я ему посылать деньги на содержаніе? Въ прежнее время, конечно, я могъ бы, но въ нынѣшнихъ условіяхъ это почти невозможно. Выдачи части депозита приходится ждать у насъ свыше 2 мѣсяцевъ. Въ настоящее время у меня этотъ депозитъ составляетъ всего 300 кронъ. Конгруи не выплатили еще ва мартъ, апрѣль и май. Потому я желалъ бы выйти отсюда на конфинацію, тогда у меня будутъ деньги въ карманѣ и я буду въ состояніи посылать Богдану правильно по 70—80 кронъ ежемѣсячно,

а въ случаѣ нужды занялъ бы у Янка.

Раздумывая надъ своимъ положеніемъ, я попалъ на мысль дѣйствовать чрезъ судью Величковскаго. Я просилъ Телесницкаго, — онъ съ нимъ знакомъ — чтобы поговорилъ въ моемъ дѣлѣ и попросилъ его помочь. Телесницькій охотно согласился и обѣщаль это сдѣлать.

Былъ днесъ у Янка и сообщилъ о полученіи письма Богдана.

Послѣ обѣда вышелъ я снова, желая явиться передъ комиссіей. Но случилось такъ, что я не пошелъ, но за то познакомился съ д-ромъ Ганкевичемъ. Поговорилъ съ нимъ довольно долго и вынесъ хорошее впечатлѣніе. Онъ посовѣтовалъ мнѣ внести прошеніе объ освобожденіи, приведя всѣ моменты и аргументы, говоряшіе въ мою пользу. Внесу завтра. Помогите, Господи!

Телесницькій пошелъ подь карантинъ и будетъ свободенъ уже черезъ 3 недѣли (но не скорѣе).

14. мая. — День чрезвычайно теплый. „Грацкая“ комиссія все время засѣдаетъ. Послѣ обѣда и я пошелъ туда, но внутрь не заходилъ, за то имѣлъ возможность познакомиться ближе съ д-ромъ Ганкевичемъ, вышедшимъ изъ комнаты на дворъ. Продолжался разговоръ о моемъ положеніи. Онъ сказалъ, что обо мнѣ переговаривалъ съ нимъ и „Янко изъ Ходорова“, но что моя „табуля дуже засмарована“. Въ концѣ разговора совѣтовалъ все таки подать надлежаще мотивированное прошеніе.

Вечеромъ пронеслась надъ Талергофомъ страшная гроза съ громами и молніями. По баракамъ чрезъ бумажныя крыши лилась на насъ вода. Къ намъ пришелъ ночевать о. Теодосій Дуркотъ. Телесницькій подь карантиномъ, такъ снова остались мы вдвоемъ со сватомъ.

15. мая. — И облачно, порой дождь, и холодно. Запрещено, однако, топить въ печкахъ, также курить въ баракахъ (а лишь на дворѣ), во избѣжаніе пожара. Многие священники, особенно лемки, но также изъ жидачевскаго и жолковскаго уѣздовъ, интернованы. Гово-

рятъ, что здѣсь интернованными останутся около 1000 чел.

Я — въ виду того, что желаю посылать Богдану деньги правильно, чтобы онъ не былъ вынужденъ, не оправившись еще отъ болѣзни, работать въ фабрику на свое содержаніе, — хочу выйти на конфинацію, ибо здѣсь не распоряжаю своими деньгами, хранящимися въ депозитѣ въ Грацѣ. Не знаю удастся ли.

Женѣ о. Р. надоѣло, что мы ежедневно служимъ въ корридорѣ акаѣисты или молебны. Еѣ это раздражаетъ, она истеричка. Въ виду этого, ея мужъ придумалъ такой выходъ: предложилъ мнѣ и о. Венгриновичу, чтобы мы служили въ прачешной (въ сѣняхъ). Вотъ іерей достойный своей жены и она достойна его!

Есть священники, поведение которыхъ вызываетъ возмущеніе и соблазнъ. Не участвуютъ въ нашихъ богослуженіяхъ священники, оо. М. М., К., Р. К., А. Б. Производитъ это ихъ поведение, удручающее впечатлѣніе на другихъ священниковъ и на крестьянъ. Чего только мы здѣсь, въ Талергофѣ не насмотрѣлись! Стали печь хлѣбъ въ нашей пекарнѣ. Берутъ лушпу (шелуху) съ картофель, полощутъ, варятъ и добавляют къ хлѣбу. Получается плохой хлѣбъ, несъѣдобный, съ ячменными коллюшками и мякиной.

16. мая. — Праздникъ Θεодосія Печерскаго. Именины двухъ моихъ доро-

гихъ Θεодосіевъ. Мысленно шлю имъ мои самыя горячія благопожеланія. Да подастъ мнѣ Господь милость и радость еще ихъ увидѣть живыми и счастливыми и пожать въ своихъ объятіяхъ.

Получилъ письмо (отъ 15.V) отъ Мирона Заяца изъ Voitsberg. Пишетъ, что вся моя семья въ Липицѣ здорова. Ахъ, и сказать не въ силахъ, какую великую радость принесло мнѣ это письмо. Слава Тебѣ Господи! Сообщаетъ, что у Сони родился сынъ (значитъ, другой внучекъ у меня), что Дозѣо находится въ Липицѣ. Теперь я спокоенъ.

17. мая. — Власти приказали огласить распоряженіе министра вн. дѣлъ о холерѣ. Вотъ и надвигается на наши головы новое бѣдствіе. Опять паника, угроза новой эпидеміи. Только что успокоились, было, немного послѣ прекращенія тифозныхъ заболѣваний, а тутъ, вотъ, подкрадывается куда болѣе страшный врагъ — холера.

Газеты приносятъ вѣсть, что австрійскія войска заняли въ Галичинѣ г. Самборъ.

(На этомъ Дневникъ о. І. Машака прекращается. Авторъ въ концѣ мая 1915 г. былъ переведенъ въ гарнизонную тюрьму въ Вильнѣ и тамъ затѣмъ выступилъ въ т. н. „Вильскомъ процессѣ“, какъ одинъ изъ главныхъ обвиненныхъ. Дальнѣйшія его записки о заключеніи въ гарнизонѣ находятся будто бы у другихъ бывшихъ союзниковъ — поиски за ними въ ходу).

Дополненія, объясненія и поправки къ Дневнику о. І. Машака, получен. уже послѣ отпечатанія отдѣльных листовъ.

Стр. 1, 2-ая строка заголовка и въ др. мѣстахъ Дневника мѣстность „Липица дольная“ должна быть названа каждый разъ: Липица горная, уѣздъ Рогатинъ.

Стр. 5, 1 столбецъ, 6—8 строки снизу: „Разстанусь съ Янкомъ (сыномъ) и незнаю, гдѣ потомъ найду его“ — должны гласить: „Разстанусь съ Янкомъ (зятцемъ) и т. д. о. Іоаннъ Потерейко, настоятель прихода Мельничъ, возлѣ Журавна, зять автора

Дневника, о. Іоанна Машака изъ Липицы горной. Отнести должно это объясненіе и ко всѣмъ другимъ упоминаніямъ въ Дневникѣ о Янкѣ.

Стр. 10, II стол., строка 10 сверху: Алекс. Полянка — должно быть: Алекс. Полянскій.

Стр. 12, I стол., строка 4 снизу: „Ромко за мной ухаживаетъ“ — подразумевается Ромко (Романъ) Кобринскій, нынѣшній почтовый чиновникъ въ Дрогобычѣ.

Стр. 14, I стол., строка 9 сверху: „Днесъ пришелъ Василь“ — подраз. Василь Мартынюкъ, церк. дьякъ изъ Липицы горной. Тамъ же строка 14 снизу: „Вечеромъ Янко и сватъ подогрѣли“ и т. д. Сватъ — это Юрій Потерейко, отецъ Янка, мѣщанинъ изъ Куликова.

Стр. 16, I стол., строка 6 снизу: Илько Гепаль — должно быть: Илько Геналь.

Стр. 22, II стол., строка 2 снизу: „недозрѣваютъ“ — должно быть: позрѣваютъ.

Стр. 23, I стол., упомянутыя лица: Петро К. и др. — крестьяне изъ Липицы горной, именно: Петро К. = Петро Намѣнь Мартынюкъ (не Мартыновъ), Франко Горянский (не Горянка), Илія Геналь (не Топаль), фамилій которыхъ разобрать также въ другихъ мѣстахъ не было возможно.

Стр. 28, I стол., строка 12 сверху: *(одна фамилія нечет.)* — это была фамилія: Н. Красицкій.

Стр. 28, II стол., строка 13 сверху: „жена о. Лесчеты“ — должно быть жена о. Авгеты.

Стр. 30, I стол., строка 23 снизу, изъ-за нечеткости нѣкоторыя фамиліи приведены неточно, итакъ: Доджя — д. б. Дзѣоба, Галаревичъ — д. б. Гиляревичъ.

Стр. 31, II стол., строка 5 снизу: у насъ заболѣлъ Непотъ тифомъ — т. е. Непотъ Дроботъ, православный священникъ изъ Буковины.

Стр. 38, I стол., строка 17: „Красицкій со Славкомъ и.. (нечет.) левичемъ“ — названъ свящ. о. Илевичъ, зять о. Николая Красицкаго.

Стр. 43, I стол., строка 6 снизу: Laiss сказалъ, что... — т. е. Laiss, капитанъ, нѣмецъ, письмоносецъ.

Стр. 47, I стол., строка 21 снизу: „Но съ о. Діонисіемъ“.. — свящ. о. Діонисій Бачинскій, наст. прихода въ Городищѣ в. Золочева.

Стр. 48, II стол., строка 2 сверху: опечатка *equies* — должно быть *equies* (конь).

Стр. 59, I стол., 2-ая строка снизу: „Получилъ письмо отъ Янка Машака“. Братанокъ (сынъ брата) автора Дневника, о. Іоаннъ Машакъ, сынъ о. Іосифа Машака.

Пребываніе въ Талергофѣ В. Р. Ваврика.

О своемъ арестованіи и пребываніи въ Терезинѣ и Талергофѣ

Василій Романовичъ Ваврикъ*) каждый день все выше подымался военный паѣосъ: шли разгульныя, хаотическія манифестаціи и разгромы рус-

*) В. Р. Ваврикъ родился 21-го марта 1889 г. въ селѣ Яснище, нынѣшнѣ аборовскаго уѣзда. Нѣмецкую гимназію окончилъ въ Бродахъ; въ 1912 г. записался на юридическій факультетъ львовскаго университета. Въ 1914 г. былъ арестованъ и вывезенъ въ Терезинъ, черезъ годъ былъ отправленъ въ проклятый Талергофъ. Осенью 1915 г. былъ взятъ въ армію и весной 1916 г. изъ Словакіи пошелъ съ 20-ой маршевой ротой австрійскаго 80-го полка на италянскій фронтъ, въ Альпы, на верхъ Слама, гдѣ лѣтомъ былъ взятъ въ плѣнъ. Весь годъ пробылъ въ разныхъ мѣстностяхъ Італіи. Весной 1917 г., съ помощью русскаго посла Гирса, получилъ свободу, уѣхалъ во Францію и поступилъ добровольцемъ въ русскій корпусъ, сражающійся противъ нѣмцевъ. Черезъ Англію в Ледовитый океанъ переѣхалъ въ Петроградъ въ то время, когда клонилась къ паденію власть Керенскаго. Въ Ростонѣ на Дону поступилъ въ южнорусскую Добровольческую армію, былъ дважды раненъ, произведенъ въ чинъ капитана, и въ 1920 г. изъ Крыма эвакуировался въ Сербію, откуда переѣхалъ въ Закарпатскую Русь и въ Ужгородѣ сталъ редакторомъ „Русскаго Православнаго

скихъ обществъ; по улицамъ проходили группы перевязанныхъ селянъ. Стало жутко и тѣсно; я ухалъ къ матери на село, въ Манаевъ, Зборовскаго уѣда, думая, что у нея, жившей далеко отъ деревни въ лѣсу, найду покой и убѣжище.

Съ большимъ трудомъ, на каждомъ мостикѣ задерживаемый заставляли австрійскихъ солдатъ, я приѣхалъ домой и нашель мать съ тремя невѣстками въ переполохѣ; онѣ плакали, рассказывая мнѣ объ ужасахъ, творимыхъ кругомъ. Я сразу понялъ, что попалъ въ матню, изъ которой могъ меня спасти развѣ налетъ казаковъ; но такого не было, несмотря на то, что селеніе лежало вблизи русской границы.

Затѣмъ въ одинъ критическій день бѣжала вся деревня, я одинъ остался на весь Манаевъ; ни плачь матери, ни увѣщанія невѣстокъ не склонили меня бѣжать въ глубь Австріи, ибо я зналъ, что въ ней не найду пощады. Трое мучительныхъ сутокъ я провелъ въ пустой полосѣ, между двумя арміями.

На четвертый день, среди ошеломляющей тишины полей, я выбрался въ путь къ мѣстечку Залозцамъ, полагая, что оно уже находится въ русскихъ рукахъ. Однако я узналъ отъ скрывшихся

въ ямахъ людей, что русскій форпостъ ночью оставилъ мѣстечко и австрійцы вошли въ него. Я бѣжалъ обратно домой, готовый пасть жертвой на каждомъ шагу.

Подъ вечеръ возвратилась моя мать, такъ какъ австрійцы пустили утку, что ихъ авангардъ вошелъ побѣдоносно въ Кіевъ. На слѣдующій день утромъ въ нашу хату вошли жандармы и староста села, опрокинули всѣ чемоданы и скрыни, забрали всю мою корреспонденцію и рукописи и, не разрѣшивъ переодѣться, посадили на подводу и вывезли въ Зборовъ, гдѣ посадили въ арестантскую конурку, вмѣстѣ со священникомъ Іоной Пелехатымъ изъ Ница. Русскіе наступали. Изъ Зборова всѣхъ, такимъ же образомъ, какъ я, арестованныхъ жандармы, перевязали цѣпями и спѣшно вывели на желѣзнодорожную станцію. Ахъ, какая это была дорога! И плевки, и камни, и самоchinные напады, и издѣвательства, какихъ еще мнѣ не видѣлъ, чередовались съ наглою силой. Во Львовѣ навѣрно не одинъ изъ нашей группы лишился бы жизни, еслибы не собачья будка, куда насъ, сколько влѣзло, вогнали. Въ тюрьмѣ св. Бригиды, когда столица Галицкой Руси переживала агонию послѣднихъ судорогъ, мученія узниковъ лились тяжелымъ, непосильнымъ

Вѣстника". Въ 1921 г. поступилъ въ пражскій университетъ им. Карла, окончилъ философскій факультетъ въ 1925 г. Въ началѣ слѣдующаго года предложилъ ученую диссертацию, за что получилъ дипломъ доктора по славянской филологии. Послѣ этого вернулса во Львовъ; нѣкоторое время былъ редакторомъ „Русскаго Голоса“, а въ настоящее время является редакторомъ „Временника“ Станропигійскаго Института и научно-литер. сборника, „Галицко-русской Матицы“. Изъ литературныхъ его работъ приводимъ лишь тѣ, которыя появились отдѣльными оттисками: *Трембита* (сбор. стиховъ), Ужгородъ, 1921; *Стихотворенія* (сбор. стиховъ), Филадельфія, 1922; *Красная горка* (сбор. стиховъ), Львовъ, 1923; *Карпатороссы въ корниловскомъ погонѣ*, Львовъ, 1923; *Народныя пѣсни о Романи, князѣ галицкомъ*, Львовъ, 1924; *Подъ шумъ Салгира*, Львовъ, 1924; *И. О. Головицкій*, Львовъ, 1925; *Иванъ Наушовичъ, просветитель Галицкой Руси*, Львовъ, 1926; *Калининъ срубъ*, Львовъ, 1926; *Въ водоворотѣ*, Львовъ, 1926; *Литературное творчество Б. А. Дѣдицкаго*, Львовъ, 1927; *Народная пѣсня въ повѣстьяхъ Н. В. Гоголя*, Львовъ, 1928; *Извергъ*, Львовъ, 1928; *Одна невѣста — двухъ женитовъ*, Львовъ, 1928; *Черныя дни Станропигійскаго Института*, Львовъ, 1928; *Икъ Боданъ Черемжа умираетъ за правду*, Львовъ, 1929; *Въ борьбѣ за свободу русскойземли*, Львовъ 1929; *Народная словесность, и селеніе поэты*, Львовъ, 1929; *Основныя черты дѣятельности И. П. Шараневича*, Львовъ, 1929; *Галицкая литература „Слова о полку Игоревѣ“*, Львовъ, 1930; *Справка о русскомъ движеніи въ Галичинѣ*, Львовъ, 1930.

стономъ, а за черными воротами производились смертныя казни на-спѣхъ и на то, чтобы навести ужасъ на всю вязницу.

Власти опасались за себя, и нѣсколько до занятія Львова русскимъ отрядомъ, онѣ вывезли насъ въ закрытыхъ вагонахъ, подъ усиленной стражею въ Терезинъ, что лежитъ на Огрѣ, у Лѣтомѣриць, напротивъ Рудогоръ, въ военную крѣпость (mała twierdza), окруженную рвами и водою. Сквозь рѣшетки вязницъ насъ (выше одной тысячи) встрѣтили чешскіе политическіе узники. Въ одной темницѣ сидѣлъ виновникъ объявленія войны, Гаврило Принципъ, убійца Фердинанда и его жены, 19-лѣтній, смуглый юноша. Не смотря на то, что нечистъ, голодъ, придирательства ключниковъ давили немилосердно, все таки умъ требовалъ пищи. Тяжело было сидѣть безъ занятія; поэтому я сталъ писать рукописные листки п. з. „ТЕРЕЗИНСКАЯ ВОШЬ“ съ рисунками, изображающими наше тюремное житье-бытье. Листки шли изъ рукъ въ руки, вызывали громы смѣха и раздраженія.

Весной 1916 г. отдѣльныхъ узниковъ перебросили въ Талергофъ возлѣ Граца, гдѣ вславился своей тираніей Чировскій, поповичъ и оберлейтенантъ въ резервѣ. И тутъ снова, не теряя времени, я принялся за рукописный журнальчикъ п. з. „ТАЛЕРГОФЪ ВЪ КАРРИКАТУРАХЪ“ что бы какъ говорить латинская пословица, per satyram castigare порядки Талергофа: это были стихи, маленькія пьесы, повѣсти, шутки, анекдоты и жанры изъ жизни лишенныхъ всякаго права. Я увлекся работой до того, что по цѣлымъ днямъ сидѣлъ въ углу барака надъ сбитымъ изъ досочекъ столикомъ. Каррикатуры спѣшно расхватавались, и обходили весь Талергофъ, вызывая численные толки. Теперь только сознаю, какъ страшно рисковалъ, пуская въ курсъ свои сатиры, которыя могли легко попасть въ руки властей, высмѣянныхъ беспощаднымъ образомъ. Кромѣ каррикатуръ, у меня было нѣсколько тетрадокъ записокъ, которыя я передалъ на храненіе кривому студенту Дмитрію

Басевичу изъ Поздьячъ, когда уходилъ въ армію. Все это гдѣ-то затерялось, но я вѣрю, что еще многое изъ моего матеріала сохранилось у многихъ нашихъ людей. Въ настоящее время я прихожу къ убѣжденію, раздумывая о томъ, что было въ Терезинѣ и Талергофѣ, что наибольшими его смѣльчаками были сумасшедшіе, Сильвестръ и Степанъ, которые безъ стѣсненія могли показать

Др. В. Р. Ваврикъ.

языкъ цинику Стадлеру и плюнуть, при взрывѣ смѣха многотысячной толпы, въ слѣдъ безстыжему Чировскому. Теперь только кошмаромъ во снѣ отзываются обѣ вязницы; Терезинъ часто мнѣ снится мертвецкой, наполненной сырмъ. удушливымъ воздухомъ, а Талергофъ является въ видѣ змѣя, который, какъ когда-то Лаокоона съ его дѣтьми, окуталь своимъ упругимъ тѣломъ пропадающую въ мукахъ массу людей.

Львовъ, 25. IX. 1930.

Предательство на два фронта.

(Сообщение свящ. о. Александра Гелитовича из Коссова).

Весной 1915 г. выйдя из Талергофа в тюрьму во Вѣнѣ, бл. п. о. Гавриилъ Гнатышакъ изъ Криницы, собралъ своихъ ближайшихъ друзей и сказалъ такъ:

„Богъ знаетъ, переживу ли я то, что меня ждетъ, потому прошу васъ выслушать терпеливо то, что вамъ расскажу.

Меня арестовали и вывезли въ тюрьму окружного суда въ Краковѣ. Чуть только закрылась за мной дверь тюремной камеры, какъ предо мной явился молодой, незнакомый мнѣ мужчина и прismoтpѣвши мнѣ хорошо, спросилъ:

— Вы о. Гнатышакъ изъ Криницы?

— Такъ, — отвѣчаю — а почему спрашиваете?

— Очень удивляетъ меня то, что вы еще живы, ибо, поскольку себѣ припоминаю, васъ и многихъ другихъ „наша высокая рада“ приговорила къ смертной казни.

Сказавъ это, онъ оборотился и не говорилъ ничего больше.

Я сейчасъ понялъ, кто онъ такой: значитъ „украинскій“ провокаторъ и здѣсь меня преслѣдуетъ!

Отъ времени до времени онъ приходилъ ко мнѣ и очень интересовался, какъ меня арестовали, допрашивали ли и т. д. Самъ же велъ себя такъ, какъ если бы не былъ арестованъ. Вынималъ изъ кармана какія-то записки, что-то писалъ и своимъ поведениемъ такъ мнѣ досадила, что я наконецъ спросилъ его, кто онъ такой.

— Я — отвѣтилъ онъ — называюсь А. Г.—вичъ, адвокатскій конципиентъ изъ города Т. долго я здѣсь пребывать не буду, всего нѣсколько дней, какъ разъ составляю заявление въ команду, чтобы меня сейчасъ освободила, такъ какъ, поपालъ я между васъ по ошибкамъ.

Но прошла одна недѣля, вторая, истекъ даже мѣсяцъ, а его не выпускаютъ. Сталъ унылымъ, задуманнымъ. По цѣлымъ днямъ и ночамъ мѣрилъ тихими шагами комнату туда и назадъ, часто останавливался предо мною съ выражениемъ рѣшительности на лицѣ, какъ будто желая что-то сказать, но сейчасъ отворачивался и молчалъ дальше.

А между тѣмъ пришли вѣсти, что русскія войска приближаются къ Кракову. Извѣстие это сильно его обезпечило. Однажды вечеромъ подходитъ ко мнѣ и говоритъ:

— Отче, вижу, что „москали“ таки возьмутъ Галичину, а намъ, „украинцамъ“, трудно будетъ выдержать. Прошу васъ, если счастливо вернемся, не забудьте меня въ черномъ свѣтѣ передъ „москлями“, а я со своей стороны, если бы судьба захотѣла, чтобы заводила Украина, буду помнить о васъ.

Вотъ какъ! — думаю себѣ — начинается исповѣдь кающагося грѣшника. Стаю ласковымъ и спрашиваю Скажите, пожалуйста, теперь точно, кто же то приговорилъ меня еще до войны къ смертной казни?

Онъ подумалъ немного и затѣмъ сталъ рассказывать такъ: Еще въ 1912 году была созвана „наша рада“ во Львовѣ, въ засѣданіи которой много говорилось о возможности нынѣшней войны и постановлено составить списокъ всѣхъ „москвофиловъ“, чтобы въ подходящий моментъ всѣхъ ихъ арестовать и повѣсить. Поручено это дѣло мнѣ. Я въ качествѣ торговаго агента разъѣзжалъ весь годъ по Галичинѣ, изъ города въ городъ, отъ села къ селу, спрашивалъ нашихъ людей про всѣхъ опасныхъ „москвофиловъ“ и точно записывалъ Такой списокъ въ нѣсколькихъ примѣрникахъ (экземплярахъ) я и предложилъ „нашей

радѣ“. Она разслѣдовала и отмѣтила наиболѣе опасныхъ, приговаривая ихъ тѣмъ самымъ къ смерти. Одинъ примѣрникъ послала военной командѣ, а другой въ св. Юрѣ. — Нынѣ вижу, что Богъ судилъ иначе: не всѣхъ васъ повѣсили, а „москаль“ занялъ „украинску“ часть Галичины.

— Такъ, такъ! — говорю — „не такъ склалось, якъ гадалось“, что же будетъ съ вашей Украиной?

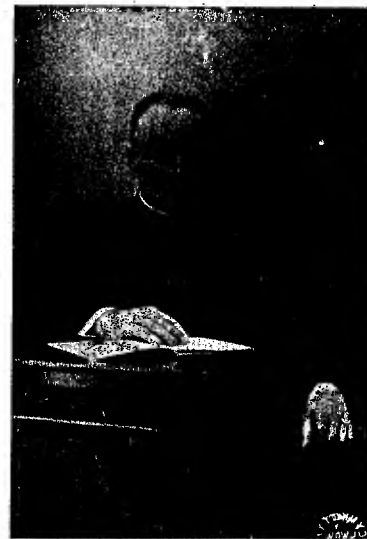
— Отче, этимъ меньше всего мы безпечимся. Подъ Украиной уже есть почва. Мы воспитали нашу молодежь въ украинскомъ духѣ, а наши женщины проникнуты любовью къ Украинѣ. Мы всегда использовали то, что служило нашимъ цѣлямъ и, если Россія нами завладѣетъ, мы станемъ лучшими „москлями, чѣмъ вы. Мы постараемся захватить въ свои руки всѣ общества, всѣ вѣдомства, перейдемъ въ православіе скорѣе васъ, ибо между вами, особенно, среди вашего духовенства есть немало противниковъ православія. Мы представимъ васъ какъ неблагонадежныхъ и пожертвуемъ нашими женщинами, которыя поймутъ свою задачу, проторятъ намъ путь въ средѣ высокыхъ чиновниковъ и привьютъ и имъ идею Украины такъ сильно, что въ благопріятное и подходящее время они сами намъ Украину создадутъ.

Вотъ вамъ его заявленіе. Нѣсколько дней спустя, когда русскія войска стали подходить къ Кракову, всѣхъ насъ погнали на желѣзнодорожную станцію и тутъ я разстался съ тюремнымъ знакомцемъ, кающимся грѣшникомъ.

Богъ вѣдаетъ, вернусь ли я въ мою дорогую русскую, Галичину, такъ

прошу васъ удержите себѣ хорошо въ памяти то, что я вамъ теперь рассказалъ и постарайтесь въ будущемъ использовать“.

Выйдя затѣмъ въ Вѣну, о. Гнатышакъ умеръ въ тамошней тюрьмѣ.

Свящ. о. Гавриилъ Гнатышакъ изъ Криницы.

Слышавшій же этотъ его рассказъ одинъ изъ нашихъ священниковъ, старый ветеранъ-патріотъ, упомянутый выше, написалъ себѣ и передалъ его такъ точно и въ такомъ же видѣ, въ какомъ здѣсь теперь приведенъ нами.

ЗАПИСКИ О ТАЛЕРГОФЪ

свящ. о. Генриха А. Полянского.

(Начало этих записок, именно об арестовании автора и вывезении вместе с другими арестованными в Талергофъ, помщено уже в I томъ Талергофскаго Альманаха, в отдѣлѣ: „Первый періодъ австрійскаго террора въ Галичинѣ — уѣздъ Добромильскій, с. Тарнавка. Изъ записокъ о. Г. А. Полянскаго“, стр. 47—49, продолженіе описанія этого мучительнаго путешествія гласить:)

Всю дорогу мы голодали до крайней потери силъ. Что бы съ нами было, если бы не добродушные солдаты, конвоирующие насъ и не захваченные случайно запасы нѣкоторыхъ узниковъ изъ нашей среды?

Большая бѣда была тоже въ томъ, что нельзя было, какъ слѣдуетъ, сидѣть и спать, и на сторону ходить. Насъ вели какъ не людей а если мы и говорили кому, что бы сжалились надъ нами, какъ надъ людьми, то намъ отвѣчали: „Ihr seid keine Menschen; ihr seid verätherische Hunde“ (вы — не люди, вы — предательскія собаки).

Насъ схватили, насъ не осудили, за нами никакой вины не нашли, а третируютъ насъ какъ не людей.

Когда прибыли мы на станцію Мирщущлягъ, то бросились на нашъ вагонъ какіе то два нѣмца (интеллигенты!) съ крикомъ: „Wo sind denn diese galizischen Russen, diese verfluchten Verräther, welche den Krieg auf unser Reich heraufberufen haben? Zeigen sie uns diese Verräther, wir wollen sie tüchtig durchhauen“. (Гдѣ же то эти галицкіе русскіе, эти проклятые измѣнники, которые накликаютъ войну на нашу державу? Покажите намъ этихъ предателей, мы хотимъ порядочно изрубить ихъ).

Солдаты нѣмцевъ не пускаютъ въ вагонъ, но нѣмцы тиснутъ такъ, что солдаты, не желая употребить оружія, не въ состояніи имъ доступъ къ намъ загородить. Видя угрозу намъ, выступилъ нашъ нотариусъ, г. Телишевскій, и сказалъ нѣмцамъ образумивающее слово: „Geehrte Herren! Was wollen sie von uns? Sie kennen uns nicht. wir kennen euch nicht. Aus welchem Grunde nennen sie uns verrätherische Hunde. Wir sind ja nicht verurtheilt. Wir alle wissen nicht,

warum man uns verhaften hat und ebener hier in Steiermark, wo wir unter den hochkulturellen Deutschen eine ruhige Aufnahme hoffen, will man uns durchhauen. Geehrte Herren! Zeigen sie durch ihr Benehmen, dass hier in Steiermark wirklich ein kulturelles Volk sich befindet“. (Уважаемые господа! Чего вы отъ насъ хотите? Вы насъ не знаете, ни мы васъ. На какомъ основаніи вы прозываете насъ предательскими собаками? Мы не приговорены. Всѣ мы не знаемъ, почему мы арестованы, и какъ разъ здѣсь, въ Сиріи, гдѣ мы ожидали спокойнаго приѣма высококультурными нѣмцами, насъ хотятъ изрубить! Уважаемые господа! Покажите вашимъ поведеніемъ, что здѣсь, въ Сиріи, въ самомъ дѣлѣ живутъ культурные люди).

Выслушавъ это, нѣмцы успокоились, а затѣмъ извинились за свою грубую выходку и оставили насъ въ покоѣ.

Конвоирующему насъ офицеру было именно въ Мирщущлягѣ сообщено изъ Вѣны, что долженъ насъ доставить въ Талергофъ, въ какую-то мѣстность за Грацемъ, — послѣдней же нашей станціей будетъ Абтиссендорфъ.

Мы ѣхали высоко надъ уровнемъ моря; путь нашъ шелъ между высокихъ горъ, — вѣчно зеленыхъ, подъ прекрасными виллами, но и надъ глубокими пропастями, — природа была всюду волшебнo-чудная, но мы, политическіе узники, голодные, изнуренные и ослабленные, въ вагонѣ сбитые въ кучу, прибитые горемъ и тоскою по своимъ, бдущіе на неизвѣстность судьбы, были не въ состояніи любоваться этой величавостью и красотой Альпъ.

Было это двадцатаго сентября. Мы приближались къ Грацу; городъ лежалъ

передъ нами какъ на ладони. Изъ всѣхъ товарныхъ вагоновъ видѣли горожане по четверо солдатъ и вѣроятно думали, что ѣдетъ армія на войну, такъ вотъ, изъ оконъ городскихъ домовъ привѣтствовали насъ платками, но когда прибыли мы на станцію Грацъ, то стали сыпаться на насъ ураганъ прокляновъ прозвищъ, ругни и всякихъ найсквернѣйшихъ словъ, а уже найчаще это

Приблизившись къ мѣсту нашею вынужденнаго пристанища, мы увидѣли нѣсколько десятковъ палатокъ, а передъ ними стоявшихъ нашихъ дорогихъ братьевъ и сестеръ, такихъ же ни въ чемъ неповинныхъ какъ и мы, печально на насъ глядящихъ и ни словечка намъ на привѣтствіе непосылающихъ; изъ боязни передъ туть же около нихъ стоящимъ карауломъ.

Ссылные въ Тешельдорфъ (Каринтія).

1. рядъ: Н. Пашковскій — матуристъ, Н. Н. — почтальонъ, Н. Бэртель — бухгалтеръ, Недропа — учен., Василій Клишко — юристъ, Недропа — учен., Недропа — учен.
2. рядъ: Н. Н. — служ., Андрей Серафинъ — юристъ, о. Коист. Федевъ (+), о. Григорій Максимовичъ, г-жа Зацерковная — жена чинов., под., о. Василій Романовскій, г-жа Чертежнская — жена свящ., о. Юаннъ Демянчикъ, г-жа Недропа и ея дочь — учен.
3. рядъ: Кишка — почт. чин., Чубатый, Жукъ — учит. семин., Н. Когаевичъ — чинов., Н. Фаріонъ — учитель, Марія Недропа — учен., д-ръ Влад. Колпачкевичъ, д-ръ Осипъ Гукевичъ, Серединскій (+), В. Мокнацкій — померъ.

„verätherische Hunde“. Въ Абтиссендорфѣ велѣли намъ высѣсть и ставить въ ряды по четверо. Конвой солдатъ въ 200 человекъ обступилъ насъ и затѣмъ сталъ гнать — въ несчастный Талергофъ. Мы шли пѣшкомъ, съ нашими вещами, кто съ легкими, кто съ тяжелыми, два километра.

Насъ, новыхъ узниковъ, привели передъ длинную палатку и велѣли въ ней размѣститься въ четыре ряда. Въ палаткѣ должно было помѣститься 200 лицъ.

Въ палаткѣ мы застали уже нѣсколько лицъ. Они получили уже по вязанкѣ соломы на свое ложе (на голой землѣ),

насъ же вызвали, чтобы сейчас шли и мы съ солдатомъ за соломою. Одни изъ насъ, разумѣется, пошли за соломою, другіе же остались смотрѣть за вещами.

Поскольку было возможно, размѣщались мы, свои около своихъ, плотно другъ воулъ друга, вообще же все таки нашлись мы въ чрезвычайно смѣшанномъ и неподобранномъ обществѣ, ибо жандармы и войска арестовали людей не по какой либо винѣ, а только по подозрѣнію въ шпіонствѣ и предательствѣ, — всею Австріею овладѣлъ животный ужасъ передъ предательствомъ и шпіонствомъ.

Надъ нами стояли солдаты-нѣмцы, простые и явно и крайне на насъ озлобленные люди, нѣсколько капраловъ и фельдбелей, нѣсколько лейтенантовъ, подпоручиковъ, одинъ рыжебородый капитанъ и одинъ полковникъ, а также нѣсколько врачей. Всѣ они были частью нѣмцы, частью же евреи.

Всѣ эти наши новые владыки боялись насъ также, ибо кто-то имъ крайне неелестно и скверно представилъ и описалъ насъ, а народъ сосѣднихъ селъ и города Граца былъ и по давню на насъ, русскихъ, еще и потому озлобленъ, что именно Грацкій полкъ былъ недавно на фронтѣ русскими войсками въ пухъ и прахъ разбитъ.

Если входилъ къ намъ, въ палатку, офицеръ, кое-что намъ объявлять, то входилъ въ сопровожденіи 6 рядовыхъ, ибо кто-то доложилъ о насъ полковнику, что мы очень несокойный элементъ, самые отчаянные смутьяны, чуть не разбойники. Изъ-за этого держали насъ всѣ солдаты, насъ стерегущіе, очень строго, а отъ капраловъ, офицеровъ, а даже отъ рядовыхъ слышали мы постоянно рѣзкія слова: „ruhig! schweigen! nichts widerreden! wir haben den Befehl für den mindesten Ungehorsam sie niederschossen zu lassen“. (смирно! молчать! не возражать! намъ приказано за малѣйшее ослушаніе васъ расстрѣлять).

Изнеможенные мы четверо сутокъ очень скудно питались, два километра шли обремененные вещами, и были несказанно голодные, а къ вечеру дали

намъ ѣсть — по одной варехѣ тминнаго супа и по куску хлѣба!

Наставала ночь, надо было ложиться спать, и тутъ слѣдовало бы выйти изъ палатки сдѣлать свою неизбѣжную потребность въ нужнику! Какъ же это совершить? Намъ ни одному несвободно и носа показать изъ палатки, а менѣ чѣмъ двадцать лицъ не поведетъ солдатъ къ примитивному импровизованному нужнику, къ длинному рву, надъ которымъ поставлены перила, чтобы на нихъ садились другъ воулъ друга мужчины съ одной стороны, а женщины съ другой. Приличіе не было уважено совершенно, — а необходимость неотвратима. Тяжело было и горько, ничего не подѣлаешь. Терпи и переноси издѣвательства надъ собой!

Если кому, днемъ или ночью, безусловно надо было выходить, то долженъ былъ звать столько другихъ, чтобы ихъ было двадцать, и, разумѣется, жертвовали собой одни для другихъ и шли, чтобы не доводить до скандаловъ.

Для меня была при общемъ бѣдствіи, мучительна еще и возня съ моею больною ногой, — я долженъ былъ по крайней мѣрѣ дважды въ сутки дѣлать перевязки, конечно на глазахъ всѣхъ сосѣдей. Счастье мое, что сжалились всѣ надо мною и по возможности помогали мнѣ.

Слѣдующаго дня послѣ нашего прибытія въ Талергофъ, былъ нашъ русскій праздникъ, Рождество Богородицы, день весьма и всячески печальный, конечно, безъ какого бы ни было богослуженія и еще къ тому дождливый! Правда, дождь сквозь холстъ на насъ не падалъ, но какъ только подулъ вѣтеръ по холсту, то осыпала насъ роса порядочно.

Какъ душно и жарко и смрадно было въ палаткѣ, можно себя представить. Мы набирали смѣлости и жаловались на это обстоятельство приходящимъ офицерамъ. Изъ боязни передъ эпидеміей, больше для себя, чѣмъ ради насъ, повелѣно намъ всѣмъ попарно (zwa - a - zwa — это по стирійски) развѣ днемъ ходить вокругъ наياتки въ продолженіи получаса. Мы, несчастные, рады были и этому.

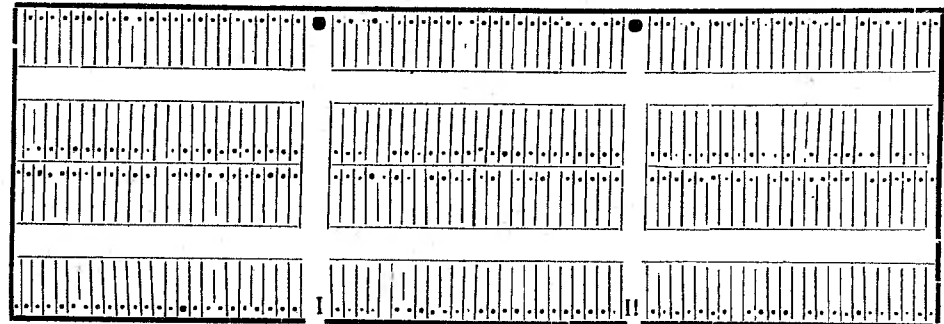
Ночью освѣщала всю палатку крайне нужною одна керосинная лампа (фонарь).

Погода давали намъ ѣсть три раза днемъ; утромъ и къ вечеру, по варехѣ тминнаго супа, къ обѣду мясного супа съ крупой и понемногу фасоли или картошки, а на сутки по половинѣ солдатскаго ржаного хлѣба. Нѣсколько разъ въ недѣлю давали и по куску мяса, иногда въ замѣнъ за тминный супъ давали черный солдатскій кофе, который одни любили, иные пить не могли, ибо вредно вліялъ на почки.

По всѣмъ палаткамъ установили офицеры изъ среди насъ, интернированныхъ, распорядителей-надзирателей (Zim-

Въ палаткахъ, конечно, печей не было, въ баракахъ, построенныхъ изъ досокъ подъ зиму 1914/15 изъ однихъ полудюймовыхъ досокъ, подъ слѣдующія зимы изъ добавочныхъ другихъ стѣнъ, были печки. Напервую зиму по двѣ желѣзные печки на баракъ, въ мѣстахъ, гдѣ начертаны „■“, на вторую же и третью зимы, были даны кирпичныя печки.

Въ мѣстахъ I и II были входы и выходы: всѣ бѣлыя мѣста отъ I и II, это корридоры по голой землѣ между спальными мѣстами. Спальныхъ мѣст на соломѣ, постеленной на голой землѣ, на травнику или на перепаханыхъ „загонахъ“ (полосахъ) было, какъ видно, четыре ряда. Отъ мокрой земли стала

Планъ бараковъ

perkommandant-овъ), которые должны были насъ имѣть въ спискахъ, за наше присутствіе отвѣчать, за хлѣбсмы ходить (съ другими, по очереди) и пищу раздавать.

Странно отбывались наши завтраки, обѣды и ужины! „Садитесь на мѣста!“ — кричалъ распорядитель, а тихонько-спокойно: и держите „шальки“ или „декли“ (т. е. солдатскіе жестяные котелки или только крышки отъ нихъ) или какую-то иную посуду, что кто могъ имѣть и получить. О ложкахъ и вилкахъ, ножахъ, надо было какъ-то самому заботиться. Размѣщеніе наше въ палаткахъ, а позднѣе въ баракахъ покажетъ вышепомѣщенное начертаніе.

солома скоро мокрою. Первой зимой солому съ очень малыми изытіями вовсе не смѣняли, такъ и водворились въ нашей средѣ всякія болѣзни, а прежде всего ревматизмъ и тифъ, а такъ какъ загнились на насъ и въ соломѣ стада вшей, то и одолѣло насъ неслыханное бѣдствіе.

Вездѣ, гдѣ видны на рисункѣ точки, были во время спанья наши головы.

Съ нашими вещами (съ бѣльемъ, платьемъ и съ пищевою посудою, а дальше съ сапогами и башмаками и тоалетными приборами), имѣли мы сначала много хлопотъ, ибо не было ихъ гдѣ положить и сохранить, а между набраннымъ въ неволю народомъ всякаго ро-

да находилось немало случайных и профессиональных воров, а также проститутки (потаскушки).

Мы, т. е. духовная и мирская интеллигенция, мужчины и женщины, жаловались на обращение с нами наравнѣ съ всякаго рода людьми грубаго нрава, но намъ отвѣчали злобно: „Hier giebt es keine Intelligenz; hier sind Internierte, — uns sind hier alle gleich, — wir dürfen auf niemanden Rücksicht nehmen“. (Здѣсь никакой интеллигенціи нѣтъ; здѣсь одни интернованные, — для насъ всѣ здѣсь равны, — никому никакого снисхожденія мы оказывать не смѣемъ).

Нѣсколько мѣсяцевъ терпѣли мы (т. е. вся интеллигенція) еще больше нравственно и духовно чѣмъ физически.

Для тяжелой и грубой работы наби-рала военная старшина изъ среды интернированныхъ нарочно не людей изъ простонародья, къ такой работѣ съ дѣтства втянутыхъ и привычныхъ, но именно лицъ изъ интеллигенціи, особенно священниковъ и дамъ. Моему брату, бл. п. О., уже старому и очень заслуженному душпастьрю, велѣли носить для квкой-то каменщицкой работы воду и гашеную известь, а также приносить и относить туда и сюда (съ другимъ человѣкомъ) очень длинную лѣстницу; инымъ священникамъ (православнымъ изъ Буковины, ходящимъ постоянно въ рясахъ) велѣли ежедневно привозить изъ далекаго колодезя для всѣхъ воды въ большой бочкѣ, прикованной къ телѣгѣ, нѣсколько разъ въ день; младшимъ священникамъ велѣли вмѣстѣ съ мужиками забираться по слѣзавтрака къ шелушенію картошки къ обѣду (въ этой работѣ былъ мой сынъ Б. чѣлую седмицу); инымъ священникамъ велѣно собирать со двора всякій соръ не чѣмъ инымъ, только руками. Одному еврею велѣлъ однажды поестовой солдатъ (надзиратель) набрать въ тачки соръ и отвезти въ яму — всѣ удивились этому приказу, ибо въ общемъ съ евреями обращались не плохо, но сейчасъ выяснилось дѣло: поестовой велѣлъ старшему іерею, о. В. Гр. П. безусловно на соръ на тачкахъ сѣсть, а еврею велѣлъ соръ со священникомъ

отвезти и этотъ же соръ съ іереемъ въ яму выбросить. Приказъ былъ точно исполненъ, если бы не было повиновенія, непременно былъ бы штыкъ въ работѣ, — апелія была только къ Богу.

Однажды вызвалъ солдатъ нѣсколькихъ нашихъ русскихъ дамъ, слабыхъ, интеллигентныхъ и высокообразованныхъ (въ ихъ числѣ и жену врача, д-ра М. изъ Б.), на весь день стирать солдатское грубое и очень грязное бѣлье. Какъ онѣ, рыдая, ни просились, чтобы оставить ихъ въ покоѣ, что для такой работы никакъ не годятся, ничего не помогло, — съ плачемъ какъ могли такъ и стирали цѣлый день. Трудно и перечислить и представить всѣ эти издѣвательства надъ нами.

Всѣ варварства со стороны славянскихъ своимъ „культуртрегерствомъ“ нѣмцевъ, ощущали мы глубоко, но то, что испытали отъ своихъ, отъ лицъ превратившихся, изъ русиновъ въ „украинцевъ“, и отъ прихожанъ-селянъ, то ужъ совсѣмъ подошло подъ припопѣсть (изреченіе), которая говоритъ: „наибольше болитъ человѣка, если укуситъ его своя домашняя собака“.

Всѣ мы, русскіе священники (а было насъ въ Тал. много), настояще дѣлатели въ Христовомъ вероградѣ, жертвовавшіе собой для процвѣтанія Церкви и блага народа, вездѣ самоотверженно старались замѣнить нужденныя, малыя бѣдныя церкви въ большія и каменные и изящныя внутри и навнѣ украшенныя; мы старались всячески поднести славу и велелѣпіе нашего прекраснаго восточнаго обряда, введеніемъ всеобщаго церковнаго, стройнаго пѣнія; мы потрудились вѣрно просвѣтить нашъ народъ проповѣдями и наукою въ церквахъ, въ школахъ и въ читальняхъ; мы старались поднять его нравственно и экономически, путемъ отрезвленія его, основанія народныхъ крамницъ и торговыхъ, и организаціей кредитныхъ Обществъ, а дальше и основаніемъ и содержаніемъ бурсъ и пансіоновъ, народныхъ домовъ и пожарныхъ командъ — мы подняли народъ на значительно высокій культурный уровень, а теперь, когда австрійское бѣснованіе завело насъ, русскую интеллиген-

цію, и наше, будто къ лучшему преобразованное простонародіе, сюда, и мы теперь отъ него должны бы заслужить себѣ вѣрную дружбу въ недолгъ, на то, чтобы совокупно терпѣть, себя взаимно утѣшать и вмѣстѣ геройски выносить всѣ ниспадающія на насъ униженія, поруганія и досажденія, съ изумленіемъ увидѣли мы, что многіе изъ нихъ, враждебно къ намъ относятся и даже досаждаютъ намъ всячески. Только малая лучшая часть нашихъ прихожанъ осталась намъ вѣрною, понимая хорошо, что терпятъ вмѣстѣ съ нами за народъ, за обрядъ, за народную русскую рѣчь, за русскую исторію, за правду, за идею. Мы думали себѣ, что наши селяне и мѣщане дѣйствительно уже просвѣщены, а теперь тутъ оказалось, что въ сердце, въ умъ, въ душу его просвѣщеніе еще не проникло, а когда настало на нихъ гоненіе и бѣдствіе, то они кликнули: „Вотъ куда завели насъ священники! вотъ, что вышло изъ привлеченія насъ въ русскія Общества и къ любви Руси! Не лучше ли было бы намъ быть „украинцами“, поляками или даже жидами? Тогда не томились бы мы по арестамъ и здѣсь въ Талергофѣ, и никто не именовалъ бы насъ „зрадниками“ (предателями).“

Со временемъ, однако, замѣчали и убѣждались такіе безхарактерные селяне и мѣщане, что безмысленно гово-

Свящ. о. Генрихъ Полянскій*) изъ Тарнавы — авторъ записокъ.

рятъ, ибо видѣли, что приводились въ Талергофъ и „украинцы“, и поляки и жида даже, — видя эго, они успокаива-

*) Свящ. о. Генрихъ Аѳанасьевичъ Полянскій, выдающійся галицко-русскій писатель и общественный дѣятель и народный организатор.

Сынъ священника о. Аѳанасія и Меланіи, рожд. Венгрииновичъ, Полянскихъ. Родился въ Лопушанкѣ Лехновской, турчанскаго уѣзда, въ Галичинѣ, 16-го ноября 1847 г. Посѣщалъ народную школу и первые классы гимназіи въ Самборѣ, а высшіе (съ VI кл.) въ Дрогобычѣ, находясь въ первой подѣ сильнымъ вліяніемъ М. А. Качковскаго, а во второй — д-ра Николая Ив. Антоневича.

Выдержавъ экзаменъ зрѣлости въ 1871 г., посѣщалъ богословскій факультетъ во Львовѣ (3 года), а окончилъ его (4-ый г.) въ Перемышлѣ. Послѣ бракосочетанія съ Юанной Калужницкой, сестрой извѣстнаго профессора университета въ Черновцахъ, Емилиана Іероним. Калужницкаго, въ 1875 г., былъ въ томъ же году рукоположенъ въ іереи и исполнялъ душпастьрскія обязанности поочередно въ качествѣ сотрудника, администратора, и, наконецъ, настоятеля прихода въ селахъ Турчанщини, Перемышльщины, Сяночинны и Добромильщини, всегда и повсюду проявляя чрезвычайную энергію и развивая кипучую и успѣшную дѣятельность въ области народнаго просвѣщенія, организаціи читальни О-ва им. М. Качковскаго, крамницы (лавки), сберегательныя кассы (кредитныя О-ва) и драматич. кружки, постройки новыхъ церквей и „Народныхъ Домовъ“.

Писать началъ уже на гимназической скамьѣ (стихотворенія) и сталъ затѣмъ однимъ изъ самыхъ плодovitыхъ писателей Галичнны, подѣ воздѣйствіемъ М. Кач-

вались, но то, что они намь вначалѣ дѣлали, трудно было перенести и за- быть: мы убѣдились, что въ годину та- кихъ испытаній и гоненій далеко не на всю общность народныхъ массъ мож- но надежно полагаться.

Для лучшаго пониманія вышеска- заннаго приведу еще вотъ что: Для всѣхъ насъ интернованныхъ открыла наша команда двѣ кантины, одну для продажи молока, другую для продажи хлѣба. Передъ обѣ кантины (лавочки), ставали каждый день длинные ряды (по два — два а-два), подѣ надзоромъ сол- дата-нѣмца. Долгое время намъ священ- никамъ невозможно было ставать въ эти ряды, — насъ ругали, недопускали или выхивали — свои люди!

И въ тѣхъ случаяхъ, когда велѣла намъ команда ставать въ очередь ут- ромъ, въ полдень и вечеромъ, снова два-а-два, для получения супа или иного кушанья, то не хотѣли намъ крестьяне оказывать ни первенства, ни уваженія!

Къ этой неприязни селянъ и мѣщанъ къ намъ подстрекала ихъ еще и наша команда, ибо когда дерзали мы просить объ отдѣльномъ для насъ помѣщеніи и освобожденіи насъ отъ работъ, намъ безусловно слишкомъ тяжкихъ и непо- сильныхъ, мы вѣдь никогда ихъ не совер- шали да и физически были не въ силахъ совершать, то снова отвѣчала намъ коман- да, что признаетъ никакой интеллиген- ции, ни священниковъ, ни чиновниковъ, ни дамъ, ни барышень, только однихъ ин- тернованныхъ предателей, почему и оди- наково со всѣми обращаться обязана.

Но пришелъ мартъ мѣсяць. Коман- да наша хотѣла употреблять селянъ для работъ въ полѣ и между бараками, ибо надо было садить капусту, бураки, мор- ковь и картошку, а кромѣ того вытрам- бовать хорошія дороги между бараками. Селяне, однако, заупрямились и не хотѣ- ли работать, хотя обѣщали имъ добав- ку хлѣба и по 10 геллеровъ въ день. На- ша команда, посоветовавшись другъ съ другомъ, прислала разъ утромъ къ намъ одного оберлейтнанта. Офицеръ этотъ пригласилъ всѣхъ насъ, священниковъ, во дворъ передъ себя и произнесъ намъ настоящую проповѣдь, не хуже какого нибудь катедральнаго весьма вышколен- наго іезуита-проповѣдника, на тему, что мы, будучи по званію предводителями на- рода, имѣемъ на него вліяніе, такъ зотъ, слѣдуетъ намъ и теперъ употребить все свое вліяніе на образумленіе селянъ въ необходимости заняться этими работа- ми, чтобы приобрѣсти себѣ больше къ пропитанію и чтобы устранить невыно- симую грязь между бараками.

Когда офицеръ свою рѣчь окон- чилъ, взялъ слово старенькій, сѣдогла- вый священникъ, о. А. Юркевичъ, и ска- залъ: „Хорошо промолвили вы, госпо- динъ оберлейтнантъ, къ намъ и мы хо- тѣли бы исполнить ваше желаніе, но пока-что мы этого сдѣлать не можемъ, не по нашей неохотѣ, а только по ви- нѣ самой команды, которая, съ самаго начала нашего здѣсь пребыванія, не только все вліяніе, но и почетъ намъ отобрала и хуже всѣхъ простыхъ лю- дей насъ унизила, и потому именно мы и не беремъ вліять на селянъ, ибо они

ковскаго и Ивана Наумовича. Былъ сотрудникомъ почти всѣхъ русскихъ изданій Га- личины и нѣкоторыхъ изданій въ Закарпатской Русн, написалъ, кромѣ статей, много повѣстей и рассказовъ изъ жизни гал.-рус. народа и интеллигенции.

Былъ арестованъ въ началѣ нойны, 6-го августа 1914 г., австрійскими жан- дармами и солдатами и отвезенъ въ аресты въ Добромилъ, черезъ недѣлю переве- зенъ вмѣстѣ съ другими арестованными русскими священниками, интеллигентами и крестьянами, въ военную тюрьму въ Перемышлѣ, гдѣ томился 5 недѣль въ строжай- шемъ заключеніи. а затѣмъ оттуда вмѣстѣ съ нѣсколькими тысячами другихъ аре- стованныхъ, прибылъ 2-го декабря въ Талергофъ. Пробывъ въ его аду и нообще въ заключеніи 33 мѣсяца, былъ 7 го мая 1917 г. освобожденъ и 10 мая того же года, вернулся въ свою Тврнаву и на свой иъ конецъ опустошенный приходъ. Съ половины 1929 г. живетъ священникомъ эмеритомъ въ г. Самборѣ.

не повиновались бы намъ. Прежде пусть команда привернетъ намъ наше должное уваженіе и наше значеніе, а тогда смо- жемъ мы удовлетворить ваше желаніе“.

Рѣчь о. Юркевича одобрили всѣ мы. Поручикъ, ничего уже больше не сказавъ, ушелъ, но въ послѣдствіи ста-

ли лучше съ нами обращаться, и, хотя мы специально къ селянамъ не обраща- лись съ призывомъ, принялись они за всякую работу между бараками и въ полѣ къ общей пользѣ, ибо видѣли въ этомъ свою выгоду.

Подробности жизни въ Талергофѣ.

Живо-живо, и даже очень спѣшно строились бараки для интернованныхъ, которыхъ прибывало все больше и боль- ше. Бараки строились по плану военна- го инженера, который ходилъ по Та- лергофу, въ мундирѣ лейтнанта, все вре- мя мрачный, понурый, чрезвычайно строгій, намъ очень непріязненный. За нимъ ходилъ всегда большой песь-булдогъ. Офицеръ занимался не только построй- ками, но и всѣми порядками, для рабо- чихъ былъ чрезвычайно строгъ, часто ихъ „швабскимъ“ образомъ бранилъ и клялъ. Многие офицеры изъ команды мѣ- нялись, но онъ пробылъ между нами все время отъ начала до конца. Только въ 1916 году, лѣтомъ не видѣли мы его 4—5 недѣль, ибо однажды впалъ онъ въ такую страшную ярость, что его на мѣстѣ схватилъ параличъ. Всѣ думали, что будетъ уже „по немъ“, но онъ, очень крѣпкая натура, вылизался. Unkraut ver- dierbt nicht.*) (сорная трава не исче- заетъ).

Плана построения Талергофа мы не видѣли, но когда былъ онъ готовъ (ла- геръ), то имѣлъ видъ городишка.

Весь Талергофъ-лагерь имѣлъ вотъ какой видъ: (см. планъ лагеря на стр. 100-ой).

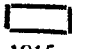
ПОЯСНЕНИЕ: Всѣ бараки начертаны такъ: это жилища насъ интерниро- ванныхъ; ихъ было больше, чѣмъ я на- черталъ, въ каждомъ были по два вхо-

да; — Три барака съ дверьми, преиму- щественно со двора по двумъ сторонамъ противоположнымъ, обозн. II, это бара- ки для лицъ обоого пола числящихся свы- ше лѣтъ 65. Въ баракѣ съ н-ромъ II, оби- талъ я съ марта 1916 года съ о. Волошин- скимъ отъ Городенки, съ о. Руссинякомъ изъ Лемконщины, съ о. Величковскимъ изъ Загоречка и съ о. Петромъ Дурко- томъ изъ Добрусина, а когда оо. Воло- шинскій и Руссинякъ уѣхали, то пришелъ на ихъ мѣсто о. Решетыло изъ Магера- ва и аптекаръ изъ Ублонова Котлярчукъ. Съ тѣми былъ я уже до конца. Бараки начертанные какъ здѣсь, это были бараки для карантинни- ковъ, для лицъ прибывавшихъ или вы- бывавшихъ. Стоящіе бараки имѣли та- кой фронтальной видъ: (см. стр. 101).

Всѣ бараки были крыты папою (то- лемъ) и часто мазаны теромъ.

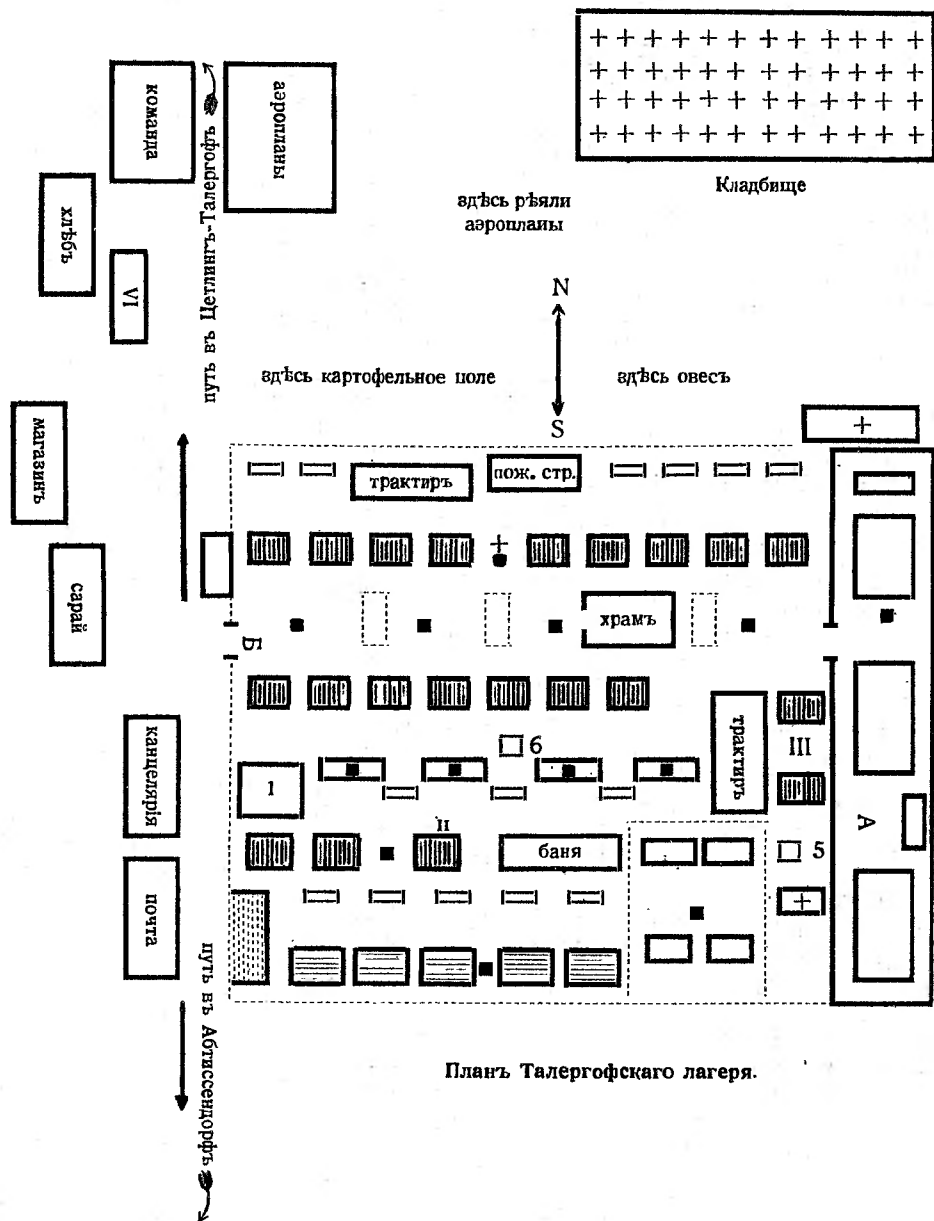
Всѣ меньшія зданія обозна- чены точками, эти были на глав- ной улицѣ, ближайшіе къ кухнѣ, перенесены въ 1915 году за бараки на мѣста обозначены такъ: Кухонь съ временемъ было по- строено большое число.

Гдѣ поставилъ я знаки тамъ вколотены были насосы, — здѣсь были колодези для всѣхъ.

Всѣ мѣста назначенныя: это были подѣ крышами це- ментныя отхожія (съ половины 1915 го- да). Какіе были они сначала, почти цѣ- лый первый годъ, скажу ниже.

Всѣ бараки при н-рѣ III были под- земны (какъ бы сутерыны), крытые зем- лею и папою, — эти были несноснѣй- шіе, и ихъ было большое число.

*) Какъ оправдывается это «реченіе въ жизни людей, покажетъ слѣдующая исторія: Одного лихого человѣка, пьяницу, побили не- щутку въ корчмѣ хлопья, — выливался; позже, въ 1915 году, побили его бабы порядочно, — выливался; въ началѣ 1917 года побили его тя- жело три брата, — выливался; — въ 1918 году покололъ его смертельно быкъ, — выливался!

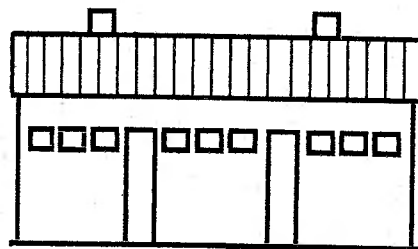
Гдѣ была церковь (собственно костѣль), два трактора, пожарная стража, то позначилъ я словами; зданія позначенныя крестиками — это были покойниція.

Знакъ + указываетъ, гдѣ стояла каланча, на ● ней громадный котель, большой резервоаръ, доставляющій воду въ бараки, но не во всѣ.

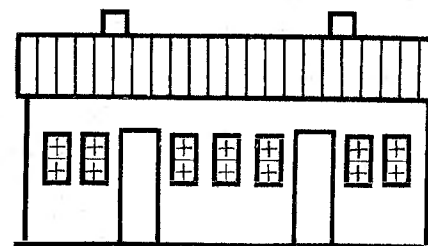
Зданіе это было какой-то магазинъ; зданіе возлѣ числа 5 и 6, были помѣщенія для карауловъ (для „вахы“).

Мѣсто, въ которомъ вписана буква „А“, было плотно огорожено высокими досками; всѣмъ намъ интернованнымъ не было свободно туда ходить, а въ построенныхъ въ немъ трехъ баракахъ и сидѣли тѣ, которые были под-

одноэтажномъ домѣ обиталъ; въ немъ вписалъ я слово „команда“. Зданіе, въ которомъ вписанъ н-ръ VI, это была наша первая кантина, куда первой осенью и зимой, могли мы подъ карауломъ двухъ солдатъ ходить купить себѣ хлѣба, булокъ, чаю, кофе, сахара, шоколада, какао, соли, лука, колбасокъ, колбасъ, ветчины, свинины* (именуемой Kaiserfleisch), чеснока, свѣчъ, спичекъ и табаку. Менѣе чѣмъ 20 лицъ, не могло насъ въ кантину идти, и то должны мы были точно соблюдать военный порядокъ (zwa-a-zwa), а поступать передъ окномъ по одному, по очереди, сохрани Господи, чтобъ кто кого опередилъ. Иногда случалось, что пришли 2—3 и 4 компании интернованныхъ обоюго пола и всякихъ сословій, по 20, 30 и 40 лицъ,

а) бараки интернированныхъ.

в) бараки для карантинныхъ.

вергнуты уголовному слѣдствию, и тѣ, которые, по приговору къ аресту въ Грацъ, еще не могли туда сейчасъ быть переведены.

За воротами „Б“ путь, ведущій къ ближайшей желѣзнодорожной станціи „Абтиссендорфъ“ и къ нашей новой почтѣ „Цетлингъ-Талергофъ“ (Zetling-Thalerhof).

За этимъ путемъ, противъ воротъ „Б“, стояли два барака (гораздо лучше построенные, и на комнаты раздѣленные), въ этихъ зданіяхъ помѣщался почтовый складъ для насъ, канцелярія для военныхъ чиновниковъ (офицеровъ и подофицеровъ), подъ начальствомъ полковника, который съ капитаномъ и офицерами, а также съ парохомъ (о. Карпякомъ) для насъ назначеннымъ, въ этомъ

такъ надо было долго выжидать и тоже нельзя было перебѣгать компании компании.

Купля съ приключеніями.

Мнѣ случилось однажды передъ кантиною такою: Я находился во второй компании, — съ боку стояла третья.

Когда уладила первая компания свою куплю, хотѣла подступить моя (вторая) подъ кантину, но солдатъ отъ третьей велѣлъ своей компании подступить. Я дерзнулъ сказать, что наша компания пришла раньше, и что должны мы теперь приступить къ кантинѣ. На это примѣчаніе крикнулъ солдатъ третьей компании грозно: „Schweig! sonst bekommst du eine Ohrfeige“ (молчи! иначе

получишь пощечину). Я, конечно, умолкь, нашъ солдатъ за наше и свое право не постояль, такъ, что вслѣдствіе этого настоялись мы до изнеможенія.

Кантинярка (нѣмка) смотрѣла на насъ, какъ на предателей, какъ на враговъ державы, а собственно какъ на враговъ нѣмцевъ, и открыто, громко и вызывающе это высказывала.

Кантинярка повышала цѣну на товары ежедневно, а иногда и въ тотъ же самый день. Напримѣръ брала однажды у одной компаніи за головку чеснока по 6 гел., у слѣдующей уже по 10 гел. Кто такъ не платилъ, не получалъ уже ничего больше. Собирала она отъ насъ великіе капиталы и богатѣла очевидно скоро. На это жаловались интернованные много, ибо ужасъ, какъ плохо стояли наши карманы. Черезъ двѣ недѣли остался и я безъ копѣйки. Еще черезъ двѣ недѣли привезли въ Талергофъ и моего сына. За себя я еще до теперъ не уронилъ ни слезы, но увидѣвъ передъ собою сына, іерея и катихита, отца четверыхъ дѣтей, я горько заплакалъ и сказалъ: „Сыну! и ты здѣсь?!“ — „А кто же я? А развѣ я хуже батюшки? Если достойны вы здѣсь быть, то радуюсь, что и я этого удостоился“. О! какъ ободрили меня эти слова! Какъ горячѣй сталъ я сына любить. Послѣ долгой паузы, спросилъ я сына: „Есть ли у тебя какія деньги?“ — „Я взялъ съ собою 180 кор.“ — „Дай же мнѣ въ займы 20 кор.“ — Онъ далъ мнѣ этихъ 20 кор. О какимъ богачомъ я себя чувствовалъ!

Интернованный священникъ изъ Лемковщины, о. Александръ Сѣлецкій, зная, какъ обдираетъ кантинярка всѣхъ, сказалъ разъ объ этомъ капитану, у котораго какъ-то былъ въ милости. Капитанъ вѣроятно сдѣлалъ кантиняркѣ упрекъ. Сейчасъ слѣдующаго дня пришелъ о. С. передъ кантину, а кантинярка знала его уже, ибо часто покупалъ всякое для себя и для другихъ. „Sie bekommen nichts mehr von mir. Sie sind ein Verräther und haben auf mich geklagt!“ (Вы у меня ничего больше не получите. Вы — предатель и жаловались на меня). По-

слѣ этихъ словъ повалился о. А. С. на землю и скончался отъ разрыва сердца..

Вотъ что должны мы были непременно испытывать и переносить!

Гангары какъ жилища.

Передъ домомъ команды стоялъ громаднѣйшій домъ и помещеніе для аэроплановъ (все это именовали гангарами*) Первые транспорты нашихъ интернованныхъ жили именно въ этихъ гангарахъ, а между ними мои братья, мой зять, д-ръ Михаилъ Людкевичъ изъ Перемышля, о. Вл. Волошиновичъ изъ Шавнаго съ сыномъ, о. Игн. Мохнацкій изъ Войтковы и мн. др. По переведеніи всѣхъ изъ гангаровъ въ бараки, стали строить въ гангарахъ аэропланы, и съ того времени видѣли мы ежедневно упражненія летчиковъ на равнинѣ за проволочными оградами и въ воздухѣ надъ ними и нами съ трехъ часовъ утра до поздней ночи. Неприятнѣйшій шумъ и шорохъ и гулъ аэроплановъ слушали мы все время нашего пребыванія. Мы должны были часто видѣть и то, какъ аэропланы падали и разбивались, — иногда побились смертельно или убились и лѣтчики.

Еще примѣчу о „шопѣ“ (сараѣ), въ которой многіе интернованные по 2, 3, 4 и 6 недѣль томились, гдѣ жилъ и я съ сыномъ, съ о. Моншбровичемъ старшимъ, съ о. Кушнѣромъ, который черезъ 2 дня умеръ, съ г. Лукашевичемъ изъ Вышатичъ, который съ трудомъ двигался на костыляхъ и былъ очень боленъ и глухъ (и его привезли сюда!) и тоже черезъ пару недѣль умеръ.

Несмытый срамъ на державу за это интернованье людей ни въ чемъ повинныхъ и за такое звѣрское обращеніе съ ними.

Еще укажу на зданіе „магазинъ“, гдѣ держался для многихъ изъ насъ нужды ради (чтобъ не ходили люди нагіе и босые) складъ бѣлья, платья, обуви

* Собственно именуется „гангардама“ (Hangards) каменные зданія для войскъ въ новопременныхъ крѣпостяхъ.

и покрываль, и о домѣ на хлѣбъ, за которымъ долгое время должны были ходить всѣ по очереди, мужики, бабы, господа и госпожи и нѣжныя барышни, въ хорошее и нехорошее, въ теплое и морозное время.

Кладбище.

А за равниною для разбѣга и размаховъ аэроплановъ назначила команда мѣсто подъ кладбище, на которомъ за 30 мѣсяцевъ похоронено нашихъ братьевъ и сестеръ (ихъ меньше) около 1700 лицъ! Легли тамъ: д-ръ М. Людкевичъ, о. Кушнѣръ, о. Шандровскій, о. Полошиновичъ, о. Малинякъ, о. О. Полянскій, оо. Александръ и Несторъ Полянскіе, о. Николай Гмитрыкъ, о. Іер. Куновскій, д-ръ Дорыкъ, о. Дроботъ, дьякъ Никол. Стыранецъ и мн. др. доблестныхъ нашихъ патриотовъ. Вѣчная имъ память!

Жизнь въ баракахъ.

Со временемъ перевели всѣхъ насъ изъ гангара, изъ палатокъ и изъ „шопы“, въ готовые бараки и, вотъ, началась въ нихъ наша заточническая жизнь, такъ очень далеко отъ своихъ, подъ терроромъ военной команды, при скудныхъ, сумбурныхъ и лживыхъ извѣстіяхъ о войнѣ.

Намъ не было свободно много ходить по двору; намъ нелегко доводилось ходить въ др. бараки къ своимъ знакомымъ, чтобы другъ друга радовать или чтобы другъ другу въ чемъ-нибудь помочь. Насъ всегда подозрѣвали въ злонамѣренности и считали насъ крайне вредными и опасными людьми. А между тѣмъ, всѣ мы, заточники, оказались ввиду всего начальства спокойными и корректными и, кромѣ того, — за малыми исключениями — заключенные были, т. е. оставались и здѣсь людьми набожными и богомольными. Между нами находились и два интеллигентныхъ англичанина. Одинъ изъ нихъ, познакомившись съ нами и присмотрѣвшись намъ, оказывалъ намъ симпатіи и дружбу, жалѣлъ насъ крѣп-

ко и говорилъ: „Вы, русскіе, удивительный народъ. Васъ здѣсь такъ много и всѣ вы такъ ужасно угнетены, загнаны и прижаты, и все же здѣсь — только тихіе богомольцы! Думаете ли вы, что вы себѣ этимъ положеніе и долю поправите? Никогда! На похиле дерево и козы скачутъ!“ — былъ смыслъ его рѣчи. Если бы было здѣсь насъ столько, сколько васъ, мы бы всего этого варварскаго террора и часа нестерпѣли!“

Намъ горько доставались и комомъ въ горлѣ ставали всѣ куски хлѣба, всѣ

Крестьянинъ Меодій Васильевичъ Грнникъ изъ Яблонницы поль.

завтраки обѣды, и ужины. Иногда приказывали намъ сидѣть преспокойно на своихъ логовищахъ съ посудой и ждать въ совершенномъ молчаніи подаенія одной варехи какого-то постнаго, а то и по-истинѣ отвратительнаго кушанья; иной разъ велѣли намъ ставить на дворѣ возлѣ барака, zwa-a-zwa, для полученія кушанья, и сохрани Господь, чтобы кто-нибудь другъ друга опередилъ. Поплатился бы! Все такое обращеніе съ нами было для насъ крайне унижительно и оскорбительно. Но что было дѣлать?

Весьма печально проходили намъ все дольшими стававшіе вечера и ночи, ибо бараки освѣщались скудно, только двумя керосинными лампами, но мы и за это благодарили Бога, ибо въ неосвѣщенныхъ баракахъ было бы гораздо хуже.

Наши ночлеги первой осени и первой зимы были и жалки и опасны, ибо мы спали плотно другъ возлѣ друга, чаще всего не роздѣваясь и обуви не снимая, и при томъ здоровые возлѣ больныхъ, а больныхъ, то червонкою, (поносомъ), то тифомъ, то маляріей, и даже чахоткою, постоянно бывало много. Мы спали — это надо помнить — на одной истертой соломѣ, постеленной на мокрой землѣ!

При всемъ этомъ бѣдствіи всѣхъ насъ обѣла страшная нужда — миллионы вшей. Мы, правда, переводили два раза въ день старательное ихъ гоненіе-избѣженіе, но вся наша борьба съ ними оказывалась безуспѣшной, онѣ удивительно живо вновь появлялись. Онѣ то и разносили заразные болѣзни съ однихъ узниковъ на другихъ, по всѣмъ баракамъ.

Смерть и похороны.

Было первой зимой немало такихъ случаевъ, что изъ интернованныхъ, прожившихся вечеромъ спать, утромъ нѣкоторые уже не просыпались. Если же кто въ баракѣ умеръ, то сейчасъ клали его въ самый примитивный гробъ и выносили на дворъ подъ баракъ, гдѣ покойникъ и лежалъ до похоронъ, которые отбывались скоро, — черезъ 8-10-12 часовъ по смерти.

Только немногимъ удавалось получить изъ Граца лучшіе гробы и быть похороненными торжественно. Изъ упокоившихся въ Талергофѣ священниковъ, на примѣръ, бѣдный и несчастный о. Несторъ Александровичъ Полянскій, умершій въ больницѣ(1) на тифъ, злобно варварски былъ больничнымъ персоналомъ на разсвѣтѣ дня, только въ одномъ бѣльѣ и въ наскоро и грубо сколоченномъ гробѣ, съ иными бѣдными покой-

никами, забранъ и отвезенъ на кладбище и въ отсутствіи кого бы ни было изъ своихъ и безъ похороннаго отпѣванія похороненъ! Въ этомъ виноваты трусливая комаида лагеря и чудовищно трусливые больничные врачи.

Что касается вшей, то были онѣ истреблены только тогда, когда уже была намъ построена баня, а въ ней паровой дезинфекціонный аппаратъ, нагрѣваемый чрезвычайно сильно. Всякое бѣлье, платье и всякія покрывала сдавались въ этотъ аппаратъ и получались обратно уже съ совершенно убитою масою вшей.

Въ началѣ 1915 года, были назначены и передѣланы два барака сначала (№ 14, а позже № 13) въ больницу, но когда лѣтомъ того г. прибыла комиссія изъ Вѣны осмотрѣть Талергофъ, то генералъ, глава комиссіи, сказалъ, что похожи эти больницы скорѣе на нужденный магазинъ, но не на больницу. Послѣ этого были построены значительно лучшія больницы въ мѣстѣ, гдѣ я отмѣтилъ на планѣ.

Изъ-за тифа вышло не лишь то несчастье, что умерло повально столь много людей, но еще и другое, а именно то, что все платье заболѣвшихъ тифомъ крестьянъ, ихъ домашнее льняное или конопляное бѣлье, ихъ сѣраки и кожухи, ихъ обувь, и вообще ихъ вещи, ими самими сдѣланныя, и потому и крѣпкія и драгоцѣнныя, были сожжены, а имъ было взамѣнъ выдано самое дрянное, ничтожное и тандетное (плохого качества). Такъ ограбленные люди остались въ буквальномъ смыслѣ слова нищими!

Не могу обойти молчаніемъ еще и того печальнаго обстоятельства, что больныхъ тифомъ больничная прислуга ловко обкрадывала, особенно крестьянъ, которыхъ не-кому было взять въ защиту и опеку, ибо въ бараки тифозныхъ больныхъ и тифозныхъ больницъ, никому изъ насъ не было позволено ходить.

Жаль было смотрѣть и на реконвалесценто́въ: они ходили около своего барака въ одномъ бѣльѣ, заверну-

тые одѣялами или копами, худые и блѣдые какъ тѣни и голодные до обморочнаго состоянія. Имъ подавали ѣсть только „юшку“ (жидкости). Мало кто изъ реконвалесценто́въ получалъ укрѣдкой по стакану молока или по куску булки.

(„пошелъ вонъ, пошелъ! а то сейчасъ оборвешь по мордѣ!“) Но я не убоялся; я поставился къ караулу остро: „Я не принимаю такихъ словъ; мнѣ нельзя говорить „marsch“, я старый священникъ“. Въ этотъ моментъ прибѣжалъ капралъ и спросилъ, въ чемъ дѣло. Я ему поя-

Группа ссыльныхъ въ Würnsdorf ad Püggstall: о. Григорій Стедевъ изъ Стайковецъ, о. Іоаннъ Саванскій изъ Волощи, о. Іоаннъ Ловинскій въ Горпина и Иванъ Макс. Пашкевичъ изъ Львова (снимокъ сдѣланъ 6-го феар 1916 г.)

меня просилъ однажды мой любимецъ, Стефанъ Фѣрко, чтобы доставить ему стаканчикъ молока и хотьбы одну булку: и этого нашего разговора караульные не замѣтили. Но когда я ему желаемое уже доставилъ, налетѣлъ на меня караульный съ крикомъ: „marsch! marsch! bekommst gleich a Watschl!

снилъ, онъ записалъ мое имя, посмотрилъ пристально и ушелъ, но къ рапорту меня не вызывали.

Удовлетвореніе религіозныхъ нуждъ.

Всѣ наши опасно больные требовали исповѣди, св. причащенія и св.

елеопомазанія; но изъ всего этого получили только исповѣдь, а это потому, что не было у насъ церкви ни требника. У нѣкоторыхъ священниковъ правда, имѣлся свой іерейскій молитвословъ, нѣсколько священниковъ и дьяковъ успѣли привезти съ собою и „изборники“, но только и всего. Знаю случаи, что нѣкоторымъ священникамъ, забравшимъ съ собою, будучи арестованными, молитвословы, выдирали ихъ жандармы изъ рукъ и бросали ихъ въ ровъ. Поименно могу сказать, что жандармъ, который велъ о. Юрчакевича изъ Липы, изъ тюрьмы на вокзалъ, увидѣвъ по пути у него іерейскій молитвословъ, его у него выхватилъ и бросилъ въ ровъ! Вотъ сторожъ закона и благочестія въ архикаатолическомъ госудаствѣ „его апостолическаго величества“ Франца Юсифа! Кромѣ того, что не было для насъ церковныхъ книгъ, не имѣли мы и церковныхъ ризъ. Съ начала нашелся эпитрахиль только у Владиміра Аванасьевича Венгриновича и еще у кого то; ручной крестъ нашелся у о. Феодора Сапруна, а только значительно поздне дали себѣ нашимъ русскимъ дамамъ сшить эптрахили: о. Богданъ Поляскій, о. Юліанъ Гумецкій и о. Василій Курилло.

Самопожертвованіе о Владиміра Венгриновича и врача д-ра Владиміра Могильницкаго.

Духовную помощь оказывали заблѣвшимъ заточникамъ нѣсколько священниковъ, но совсѣмъ отдался имъ къ услугамъ и на всѣ случаи о. Влад. Аѳ. Венгриновичъ. Его и призывали сами солдаты, стоявшіе на „вахвахъ“ подъ бараками съ тифозными больными, къ исповѣдыванію больныхъ. Такъ велось это долго, но наконецъ заболѣлъ и онъ тифомъ и чуть не сошелъ со свѣта. Оправившись отъ тифа, долго хворалъ онъ реконвалесцентомъ. Къ выздоровѣвшему о. Влад. Аѳ. Венгриновичу, многіе шли благодарить его за самоотверженность и поздравить его съ выздоровленіемъ. Нашъ извѣстный стихотворецъ-самоучка Федоричка написалъ и вручилъ ему хорошее благодарственно-привѣтственное стихотвореніе.

Кромѣ о. Влад. Аѳ. Венгриновича, заслужилъ для больныхъ тифомъ приездно и д-ръ Влад. Могильницкій изъ Бучача. Когда свирѣпствовала пошестъ тифа во всю, когда заболѣлъ этой опасной болѣзью и умеръ даже военный врачъ, тогда свершилось для насъ столь опасныхъ для державы заточниковъ великое чудо: австрійскую „ваху“ убрали отъ насъ изъ бараконъ совсѣмъ (караулы остались только внѣ ограды талергофскаго лагеря), а намъ объявили автономію, назначая всѣхъ „циммеркомендантовъ“ нашими, за насъ отвѣтственными настоятелями. Объявляя намъ на 6-8 недѣль автономію, намъ сказали: „Попробуемъ съ вами; хотимъ узнать, какіе вы люди; если поведете себя хорошо и безупречно, будемъ и мы для васъ иными“.

Какой хитрый выкрутъ придумали швабы! Врачамъ, д-ру В. Могильницкому, д-ру Дорыку, д-ру Войтовичу, д-ру Цѣханскому (Тѣханскому), д-ру Прислопскому и д-ру Добю, предоставили полную власть заниматься больными. Д-ръ Дорыкъ, единственный сынъ о. Феодора, за короткое время заразился тифомъ и умеръ, д-ръ В. Могильницкій занялся тифозными такъ усердно, что также заболѣлъ тифомъ и чуть не умеръ, но милосердный Богъ сохранилъ его при жизни; судьба надъ нимъ и нами сложилась, видно, ибо онъ оказался въ Талергофѣ и по выздоровленіи просто незамѣнимымъ до конца. Военные врачи были собственно только чинѣвниками для больныхъ, дѣйствительнымъ же врачомъ для нихъ былъ только д-ръ Могильницкій.

Для иллюстраціи самоотверженности д-ра Могильницкаго, приведу такой случай:

Однажды, когда еще не были построены бани, вышелъ приказъ отъ команды, чтобы шли изъ семейственнаго барака купаться въ пару гдѣ то за гангаромъ (къ моему счастью не былъ я тамъ ни разу) всѣ женщины. Всѣ боялись этого купанья, ибо была эта баня черезчуръ ужъ примитивна и многіе въ ней простуживались, а также нѣкоторые сводили свое платье ни на что, — при-

слуга обращалась съ купающимися безпощадно. Уже вышло изъ барака нѣсколько десятковъ женщинъ изъ интеллигенціи; онѣ ставали возлѣ солдата, который долженъ былъ ихъ конвоировать, zwa-a-zwa, но, по счету солдата, не вышла еще одна барышня. Дамы объясняютъ солдату, что въ этомъ случаѣ эта барышня не можетъ идти купаться, но солдатъ идетъ въ баракъ и выгоняетъ плачущую дѣвицу прикладомъ на дворъ. Всѣ дамы и мы, повиновавшіе изъ бараконъ мужчины, возмущены поведеніемъ солдата, но не можемъ ничего помочь, ибо за неповиновеніе и за вмѣшательство можетъ солдатъ стрѣлять и штыкомъ проколотъ. Но вдругъ является изъ барака поспѣшавшій д-ръ Могильницкій (онъ жилъ въ сем. баракѣ съ женою и сыномъ) и рѣзко говоритъ солдату (по нѣмецки): „Эта г-жа не пойдетъ купаться, ибо я, врачъ, запрещаю ей идти“. Солдатъ знаетъ, что д-ръ Мог. является врачомъ, но повиноваться долженъ онъ быть только полковому врачу, а не интернованому д-ру Могильницкому, услышавъ рѣзкое слово д-ра М-го, всѣ за него безпокоились, думая, что сейчасъ пробьется его солдатъ штыкомъ, но, слава Богу, вышло иначе: солдатъ присмирѣлъ и отпустилъ барышню въ баракъ.

Наше житье-бытье въ Талергофѣ.

Помню, осенью 1914 года приближался день 14-го октября н. ст., день именинъ цѣсаря Франца Юсифа I. Полковникъ пригласилъ нѣсколькихъ „циммеркомендантовъ“, чтобы посовѣтоваться съ ними относительно торжественнаго богослуженія за благоденствіе старика-юбиляра. По всему замѣтно было, что власти очень усердствуютъ, чтобы эти именины были отпразднованы особенно торжественно.

Приглашеніемъ занимался о. Коломыець, рослый мужчина и умѣющій въ обществѣ ловко обращаться. Его избрала себѣ команда посредникомъ между собой и нами. Свою службу исполняли

Разскажу еще и второй случай: По разнымъ причинамъ не было нѣкоторое время дозволено переходить изъ барака въ баракъ. Но въ одномъ баракѣ лежавшій въ высокой горячкѣ мужикъ, сорвавшись, вылетѣлъ изъ барака и спѣшилъ въ сосѣдній баракъ. Видя это, солдатъ кричалъ „halt! halt!“, но когда больной на это не обращалъ вниманія, выстрѣлилъ въ него, однако промахнулся и только прострѣлилъ стѣну въ баракѣ и ранилъ смертельно на колѣняхъ стоящаго иного здороваго мужика. Призвали сейчасъ врача д-ра Могильницкаго. Онъ осмотрѣлъ несчастнаго мужика, но мужикъ два часа спустя скончался. Пулю, которая убила мужика, нашель кто-то по другой сторонѣ барака и далъ ее — говорили — д-ру Могильницкому.

Команда вызывала д-ра Могильницкаго нѣсколько разъ къ протоколамъ, дѣлали даже у него обыскъ, и требовали возвращенія пули, но д-ръ Могильницкій сказавъ, что пулю бросилъ гдѣ-то, держался этого слова до конца и несмотря на всякія угрозы, пули не отдалъ, а можетъ быть, и дѣйствительно бросилъ ее. Что было на самомъ дѣлѣ, я не узналъ.

По выздоровленіи д-ра Могильницкаго отъ тифа, шли къ нему многіе поздравлять и благодарить его.

о. Коломыець вплоть до поступленія подъ карантинъ, чтобы выѣхать куда-то на конфинацію. Но изъ-подъ карантина онъ не только не выѣхалъ на конфинацію, но и остался въ Талергофѣ на всегда, ибо расхаживая со всякими докладами по всѣмъ баракамъ и занимаясь списками всѣхъ интернованныхъ (списками живыхъ и выбывающихъ), онъ заразился тифомъ и умеръ. Тяжело вспоминать... А, впрочемъ, да проститъ милостивый Господь!

Программа была такая: Интернированный о. духовникъ львовской духовной семинари, о. совѣтникъ и папскій

шамбеланъ, 83-лѣтній старикъ, о. Доляницкій, всѣмъ намъ ободритель и обращецъ терпѣнія и постоянного моления, долженъ былъ служить литургію въ со- служеніи нѣсколькихъ священниковъ, добрыхъ пѣвцовъ, о. Тиховичъ долженъ былъ составить пѣвческій хоръ, чтобы пѣли по нотамъ, хотя и безъ нотъ, а долженъ былъ заняться о. Корн. Сеникъ устройствомъ престола, эстрады для пѣвцовъ и распредѣленіемъ мѣстъ стоянія для всѣхъ христіанскихъ интер- нованныхъ, чтобы стояли на своемъ мѣ- стѣ дамы, а иномъ мѣстѣ мужчины ин- теллигенты, а дальше всѣ селяне и се- лянки, а разумѣется гдѣ-то вблизи пре- стола и военные. Признать надо, что о. Сеникъ, бывший сеймовый депутатъ, стройный мужчина и знающій весь оби- ходъ, справился со своею задачей от- лично. Пѣвческій хоръ обратилъ на се- бя общее вниманіе полковника и всей его свиты, ибо набрали въ хоръ такихъ пѣвцовъ, что каждый изъ нихъ, самъ даже бы могъ быть управителемъ хора.

Когда окончилось торжество, въ своемъ словѣ о. Корнилій Сеникъ (на нѣмецкомъ языкѣ) сказалъ во всеуслы- шаніе приблизительно слѣдующее: „Heute ist ein Fest im ganzen Reich zum Namenstag des glorreich regierenden Jubila- ten Kaiser Franz-Josef des I. Alle Völker Österreichs beten inbrünstig für Seine Gesundheit und wünschen ihm vom ganzen Herzen Alles Beste und ein ruhmvolles Beenden des begonnenen Krieges; das- selbe wünschen auch wir, alle hier ver- sammelten, wir, russische und polnische Unterthanen des Jubilaten Franz-Josef des I. Wir alle hier versammelten bitten Euere Exzellenz, Herr Oberst, unsere herzlichsten Wünsche seiner Majestät dem Kaiser gütigst zu Wissen geben“.

(Сегодня, во всемъ государствѣ, торжество тезоименитства славноцарст- вующаго юбиляра Франца Иосифа I. Всѣ народы Австріи молятся набожно за его здравіе и всѣмъ сердцемъ желаютъ ему всего наилучшаго и славнаго окончанія начатой войны. Этого желаемъ также всѣ мы, тутъ собранные, русскіе и поль- скіе подданные юбиляра Франца Иосифа I. Всѣ мы, здѣсь собранные, просимъ ва-

ше превосходительство, господинъ пол- ковникъ, довести милостиво до свѣдѣ- нія его величества наши сердечнѣйшія желанія).

Произнесение этого благожеланія было принято полковникомъ и прочими офицерами безъ всякаго примѣчанія, выразительное названіе „russische Unter- thanen“ не представилось имъ на этотъ разъ чѣмъ-то неумѣстнымъ, но всѣ „украинцы“, услышавъ эти слова, лю- тились несказанно и хотѣли непремѣнно высылать депутацію къ полковнику съ жалобою на о. Сеника. Почему не исполнили мазепы этого своего намѣренія и рѣшенія, не знаю.

Наканунѣ нашего Рождества Хри- стова, въ сочельникъ, послѣ св. ве- чери, служились въ трехъ баракахъ, для нашихъ бѣдныхъ заточниковъ, вечерни, повечерія и всенощныя, а кромѣ этого постарались устроители о соблюденіи предписаній нашего обряда и обычая, также и о „кутѣ“ (пшеницѣ съ макомъ и медомъ), — она лежала на импрови- зованномъ тетраподѣ, а всѣ наши, уча- ствовавшіе въ богослуженіи, шли по о- череди къ блюду и брали ложечкою понемногу куты, чтобы по крайней мѣ- рѣ такимъ образомъ припомнить себѣ нашъ Святъ-Вечеръ. Правда, еще и то долженъ здѣсь отмѣтить, что просфоры были раздроблены и всѣмъ присту- пающимъ къ кутѣ рзданы!

За все время моего пребывания въ Талергофѣ, переселялся я изъ барака въ баракъ по всякимъ поводамъ 17 разъ. Еще когда я жилъ съ сыномъ и о. Ѳ. Сапруномъ въ VIII баракѣ нахо- дился тамъ тоже и о. Решетиловичъ, рьяный мазепа и депутатъ парламента, но не долго: „украинскіе“ депутаты, д-ръ Кость Левицкій и др. походили усердно и живо во Вѣнѣ всюду, куда слѣдовало, ходатайствуя объ освобожденіи и о. Ре- шетиловича, и, конечно, его освободили. Однажды къ вечеру, при тускломъ свѣ- тѣ, висящей лампы, вошелъ къ намъ въ баракъ полковникъ съ нѣсколькими офицерами и спросилъ громко: „Wo ist hier der Reichsrathsabgeordnete, Pawel Reszetylowicz?“ — „Hier bin ich“, отвѣ- тилъ о. депутатъ и представился пол-

ковнику. — „Sie sind ganz frei. Morgen früh reisen sie ab; machen sie sich reisefertig“. Слѣдующаго дня спрашива- шись со всѣми въ баракѣ краткимъ „будьте здоровы“, уѣхалъ о. Решетило- вичъ, давъ всѣмъ „украинцамъ“ обеща- ніе скоро выдobyть всѣхъ ихъ изъ Та- лергофа — или какъ многіе изъ насъ это мѣсто нашего заточенія называли „Teufelhof-a“ (чортовъ дворъ). И нача- лась послѣ этого оживленная работа внутри и внѣ Талергофа, съ цѣлью ос- вобожденія „украинцевъ“. Между нами былъ главнымъ „макеромъ“ въ этомъ дѣлѣ о. Ст. Макарь изъ Новаго Мѣста, а въ Грацѣ нѣкій д-ръ Ганкевичъ, ка- жется зять д-ра К. Левицкаго. Во вре- мя этого движенія стали записываться на „украинскую листу“ у о. Ст. Макара, намъ уже извѣстные мазепы, но также кое-кто изъ нашихъ, селяне и интелли- генты даже, желая, во что бы то ни ста- ло, хоть бы и этимъ путемъ, вырваться и высвободиться изъ Талергофскаго ада, на жизнь въ Гминдѣ, или въ Ст.-Андрѣ, или гдѣ бы то ни было, на конфинацію.

Роль мазепъ.

Когда находился я уже въ IV бара- кѣ, какой-то „украинецъ“ намъ кликнулъ: „Кто изъ панівъ хоче выйти изъ Талер- гофа, най впишется сейчасъ у мене на укр. листу, то вийде“.

Съ возмущеніемъ откликнулся хо- ромъ цѣлый баракъ: „Нѣтъ здѣсь меж- ду нами такихъ, вонъ съ предложені- емъ! Дастъ Богъ, выйдемъ отсюда и безъ вписыванія себя на укр. листу“.

Агитаторъ вышелъ съ длиннымъ но- сомъ.

Передъ праздникомъ св. о. Нико- лая извѣстили всѣхъ насъ, что пріѣдетъ въ этотъ день д-ръ Ганкевичъ въ Та- лергофъ, съ той цѣлью, чтобы пожи- лья лица ему представлялись для осво- божденія себя изъ Талергофа. И дѣй- ствительно пріѣхалъ д-ръ Ганкевичъ съ какимъ-то другимъ господиномъ. Стали всякіе люди тиснуться въ барачокъ, гдѣ освобождающая комиссія начала дѣй- ствовать, о. Макарь отдѣльныхъ лицъ впускалъ и выпускалъ. Увидѣвъ меня,

между стоящими на дворѣ, о. Ст. Макарь былъ настолько внимателенъ и что впу- стилъ меня въ канцелярію и шепнулъ въ ухо: „Впишитесь, отче, на листу д-ра Мих. Короля изъ Жовквы“ (зналъ о. М., что я никакъ на „украинскую листу“ не впишусь). Ставъ передъ комиссію, спро- силъ меня д-ръ Ганкевичъ вопервыхъ, какъ я называюсь, а затѣмъ какой я партіи? Я отвѣтилъ: „Я не есмь цело- вѣкъ какой-то партіи, я членъ галипко- русскаго народа“. — „Такъ?! То иди- те себѣ, идите! Мы знаемъ васъ добре

Свящ. о. Іоаннъ Савчинъ, законо- учитель гимназіи въ Перемышлѣ.

не отъ нынѣ!“ — И я пошелъ, зная уже, что меня не выпустятъ, но радъ все таки, что меня знаютъ не отъ ны- нѣ, хотя и не съ хорошей стороны въ мазепинскомъ смыслѣ, т. е. въ бессмы- сли. Спасибо и за это.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого прочли „циммеркоменданты“ по баракамъ, что въ такой-то день отъѣ- дутъ изъ Талергофа на свободу, такіе-то „украинцы“, — и назвали около 120 фамилій разъ, а затѣмъ вѣскольго разъ еще извѣстное количество ихъ на иные дни.

Стали мазепы въ телячемъ восторгѣ намъ, русскимъ, на досаду собираться къ отъѣзду. И ударилъ часъ отбытія. Нѣкоторые изъ нихъ прашались съ нами даже словами: „дай Богъ и вамъ скоро отсюда выбратися“, но, когда вышли всѣ съ багажемъ за ворота, чтобы пѣшкомъ пойти на станцію Абтиссендорфъ, то и кликнули намъ громко съ дикимъ злорадствомъ: „А бодай-бысьте, москвофилы, всѣ тутъ пропали!“ Послѣ этого заплѣли они свое „Ще не вмерла Україна“...

Всей осенью и зимою, появлялись въ Талергофѣ аудиторы, то на площади посреди бараконъ, то гдѣ-то въ баракѣ, чтобы допрашивать интернованныхъ, за что они въ Талергофѣ попали. Меня не допрашивали тамъ уже ни разу, напротивъ, 15 ноября пришелъ офицеръ Лайсъ (Laiss) на площадь раздавать почту и многихъ о чемъ-то освѣдомлять, онъ и прочиталъ нѣсколькимъ десяткамъ интернованныхъ вѣсть, что военная прокуратура признала ихъ совсемъ невиновными, — между прочими прочитанными фамиліями была и моя. Я весьма обрадовался, ибо думалъ, что наконецъ, выпустятъ меня на свободу, но г. Лайсъ добавилъ въ концѣ сообщенія еще слова: „Aber aus uns unbekanntem Gründen bleiben Alle freigesprochen auf unbegrenzte Zeit hier“. (Но по невѣдомымъ намъ поводамъ, всѣ освобожденные останутся здѣсь на неопредѣленное время). Вотъ, какъ моментально убита была моя радость! Позже узнали мы, что освобождение интернованныхъ изъ талергофскаго заточенія зависитъ не отъ военной прокуратуры, а отъ д-ра Ганкевича и его конторскихъ помощниковъ, стоящихъ подъ командою „украинскихъ“ верховодовъ во Вѣнѣ. — Кромѣ извѣщенія о невиновности, отдалъ мнѣ г-нъ Лайсъ и пакетъ со всѣми бумагами, которыя забралъ мнѣ, было, жандармъ во время обыска и арестованія. Какъ опечатали оба мы, т. е. я и жандармъ, нашими официальными печатами пакетъ тогда, такъ невскрытымъ и непрочитаннымъ отдала мнѣ его прокуратура, ко-

торая, повидимому, этихъ бумагъ не хотѣла видѣть и не видѣла.

Допросы.

Съ нѣкоторыми интернованными производились допросы очень интересно и замѣчательно. Примѣра ради упомяну о нѣкоторыхъ. Одну крестьянку изъ Надворной (а можетъ быть изъ села отъ Н.) спросилъ прокуроръ: „Вы изъ которой партіи?“ — „Я отъ коровъ“ — отвѣтила баба. — „Какъ же отъ коровъ?“ — спросилъ удивленный аудиторъ. — „Ну такъ, прошу пана „сендзюго“: я служу въ дворѣ, то тамъ дѣлимъ всѣхъ слугъ на партіи, одна при коняхъ, друга при волахъ, еще инча при безрогахъ (свиньяхъ), а я при коровахъ и яловнику“. — На такой простой отвѣтъ улыбнулся аудиторъ и отпустилъ бабу.

Иную крестьянку отъ Бродовъ (дѣломъ 1915 года) спросилъ аудиторъ: „На васъ донесено, что вы впустили въ свою хату „москалей“. Почему сдѣлали вы это?“ — Крестьянка съ крайнимъ волненіемъ ему отвѣтила также вопросомъ: „А пощо впустили австрійски вояки „москалей“ до Галичины?“ — Аудиторъ мотнулъ только головой, безпомощно и отпустилъ ее.

Однажды, былъ я допрошенъ по дѣлу обвиненнаго о. Северіана Ильницькаго. При допросѣ помогаль аудитору адвокатскій конципіентъ изъ Дрогобыча. Аудиторъ спросилъ меня: „Что вы скажете о томъ, что о. Ильницькій основалъ въ своемъ приходѣ читальню О-ва им. Мих. Качковскаго?“ — „Скажу только, то, что это хорошо; ничего преступнаго въ этомъ не было, я имѣлъ у себя тоже такую читальню; — ихъ было въ Галичинѣ около тысячи“ — отвѣтилъ я. — „Такъ? И вы говорите это такъ смѣло?“ — „И почему же мнѣ объ этомъ не говорить смѣло? Вѣдь я, о. Ильницькій и всѣ прочіе, мы получили разрѣшеніе на основаніе читаленъ О-ва им. М. Качковскаго, отъ намѣстничества во Львовѣ чрезъ староства, на бумагѣ. Самовольно и тайно мы этого не дѣлали“. — На эти мои слова примѣтилъ адвокат-

скій конципіентъ (офицеръ): „Ja, ja, an Allem ist die Lemberger Statthaltereis schuldig“. (Да, да, во всемъ этомъ виновно львовское намѣстничество).

Чрезвычайно характерны были допросы совѣтника суда Богдана Б. Дѣдицкаго, надсовѣтника суда Влад. Литинскаго и секретаря староства въ Сянокѣ г. Андрея Бугеры.

Первыхъ двухъ, узнавъ, кто они, спросилъ аудиторъ: „Когда были вы именованы совѣтникомъ и надсовѣтникомъ суда? — „Въ іюнѣ 1914 года“. — „И сейчасть по повышеніи въ чинѣ, васъ арестовали? Удивительно! Вѣдь же для повышенія по службѣ, признали васъ совершенно лойяльными. Нѣтъ никакой послѣдовательности въ дѣлопроизводствѣ галицкихъ верховодовъ Идите; вы, господа, черезъ недѣлю будете свободны“. Такъ и вышло.

Между нами въ Талергофѣ было еще одно замѣчательное лицо, славный мужъ, д-ръ Николай Антоневичъ, выслуженный учитель гимназіи, писатель и широкоизвѣстный сеймовый депутатъ. Сколько молодежи воспиталъ онъ! Какимъ славнымъ и любимымъ педагогомъ былъ онъ, и все же очутился въ Талергофѣ и пробывъ тамъ свыше пяти мѣсяцевъ! Насъ, учениковъ его, было много съ нимъ въ Талергофѣ, мы очень жалѣли его. Онъ претерпѣлъ много въ талергофскомъ аду физически и нравственно, пока его освободили. Онъ, правда, не авансовалъ такъ быстро, какъ чиновники суда; его вообще какъ славно-извѣстнаго русскаго патриота политиканы не любили и боялись, хотя и высоко почитали, но все таки ему въ лойяльности безпречному, только законнымъ путемъ шедшему, не должно было случиться такого преслѣдованія, гоненія и униженія, какимъ онъ былъ подвергнутъ. Если бы не Талергофъ, д-ръ Н. Антоневичъ въ 1919 г. еще не умеръ бы; въ Талергофѣ несомнѣнно здоровье его пошатнулось, несмотря на то, что былъ по своей русской природѣ, весьма твердъ и выносливъ. Д-ръ Людкевичъ не смогъ заточенія перенести. Не вы-

несъ униженія, оскорбленія и заточничества и вскорѣ умеръ въ Талергофѣ.

Андрей Бугера предсталъ предъ аудиторомъ въ чиновничьемъ мундирѣ, съ крестомъ заслуги на груди, ибо такъ одѣтымъ арестовали его 2-го августа 1914 г., когда выходилъ въ парадной формѣ изъ церкви.

— Вы кто такой? — спросилъ аудиторъ.

— Я служилъ 12 лѣтъ въ арміи. Въ чинѣ фельдвбеля поступилъ я на службу въ староствѣ, секретаремъ староства служилъ я 28 лѣтъ. Теперь я въ отставкѣ съ пенсией, съ крестомъ заслуги за вѣрную службу, и здѣсь, въ Талергофѣ!

— Удивительно, какъ съ вами поступили. Идите. Постараемся, чтобы вы вышли скоро отсюда.

Черезъ нѣсколько недѣль были всѣ они отпущены на свободу, хотя не въ одно время, ибо и не въ одно время, впрочемъ, ихъ допрашивали.

Патріархъ заключенныхъ о. Дольницкій.

Необыкновенная исторія вышла и съ арестованіемъ о. Дольницкаго, духовника львовской дух. семинаріи и папскаго шамбелана, 83-лѣтняго старика, лойяльнѣйшаго подданнаго, быть можетъ, болѣе чѣмъ министр-президентъ и болѣе папскаго, чѣмъ кардиналъ-примасъ. Его арестовали мадыарскіе солдаты, гдѣ-то недалеко австро-русской границы и вымучивъ его порядочно, посадили на пушку и везли его на ней привязаннаго далеко, въ каку-то команду, которая затѣмъ и доставила его въ Талергофъ.

И была-жъ у какихъ то тамъ верховодовъ совѣсть продержатъ старика-ветерана, столь заслуженнаго и много молодежи къ священническому званію воспитавшаго въ Талергофѣ, до лоловивы зимы! Гдѣ онъ ютился, какъ сидѣлъ и какъ спалъ! Самый видъ и состояніе этого старика выжимали изъ глазъ слезы. Но при всемъ этомъ униженіи какъ бодро, крѣпко, безропотно, примѣрно и назидательно онъ держался! Священники оо. Машакъ изъ Липицы, Петръ Подгорецкій и другіе, ко-

торые наиболее къ о. „патріарху“ помѣщались, читали вмѣстѣ съ нимъ ежедневно громко все Правило, а часто и Параклисъ ко Пресв. Богородицѣ, а какъ только требовалось богослуженія для всѣхъ (вечерни, утрени, литургии и параклиса), то онъ шелъ служить начальствующимъ.

Наконецъ пришло и о. Дольницкому освобожденіе изъ Талергофа. Многие интернованные пришли его прощать къ воротамъ, — всякій радъ былъ ему въ чемъ нибудь прислужиться, а оо. Мащакъ и еще кто-то (и я нѣсколькими словами) произнесли старику трогательныя прашальныя и благодарственныя рѣчи, за чудный примѣръ терпѣнія и неупаданія духомъ.

Паденіе религіозности.

Я замѣтилъ, что многие изъ заточниковъ часто, долго и съ усердіемъ молились, но и немало было такихъ, которые проводили свои дни прямо таки безбожно.

Въ 8-омъ баракѣ помѣщался около меня отецъ съ тремя сыновьями. У нихъ было много денегъ, и вотъ они покупали много всякихъ съѣстныхъ припасовъ, готовили и „смажили“ (жарили), и 6—8 разъ въ день ѣли. Но о молитвѣ они забыли совсѣмъ! Однажды утромъ въ баракѣ было такъ неспокойно, что я и сынъ лишь съ трудомъ могли молиться. Подумавъ, сказалъ я громко: „Братія - заточники! Великое постигло насъ горе, не слѣдуетъ намъ водить ссоръ и браниться, вотъ, лучше всѣ успокойтесь и молитесь Богу о снятіи съ насъ тяжелаго креста“. Послѣ этого утихло въ баракѣ, но отецъ трехъ сыновей сказалъ съ яростью въ голосъ: „Мнѣ и моимъ сыновьямъ не надо молиться. Насъ везли жандармы восемь миль, съ закованными въ кандалы руками, пусть же это униженіе замѣнитъ всѣмъ намъ молитвы на весь годъ“. Отецъ и сыновья — рьяные „украинцы“, рассчитывавшіе, конечно, на созвѣдную участь. Отецъ этотъ, освободившись вмѣстѣ съ сыновьями изъ Талергофа, поселился съ ними во Вѣнѣ. Ма-

зепинскіе верховоды пригласили однажды и этого отца на свои совѣщанія. Когда пришла бывшая на очереди точка совѣщаться о томъ, кого слѣдовало бы освободить изъ Талергофа, предложилъ кто-то изъ менѣ завязтыхъ и враждебныхъ всему, что русское, чтобы освободить всѣхъ Полянскихъ, которые „будь-что-будь, все же оказались самоотверженными дѣячами для народа“. Услышавъ это, отецъ трехъ сыновей, вскочилъ какъ ошпаренный и сталъ уѣзжать на Полянскихъ, какіе-де они опасные, такъ что не лишь упало предложеніе, но и еще было рѣшено придержать ихъ въ Талергофѣ до конца. Такъ Полянскіе и выдержали въ Талергофѣ до конца, до 7-го мая 1917 года! Пусть и радуется этотъ отецъ-„добродій“.

Общія молитвы и богослуженія.

Переселившись изъ 8-го въ 4-ый баракъ, замѣтилъ я, что здѣсь интеллигенція и селяне были почти всѣ наши, русскіе; циммеркомendanтомъ былъ о. Влад. Вахнянинъ. Посовѣтовавшись съ оо. Сапруномъ, Кузькомъ и сыномъ, представилъ я о. Вахнянину, что слѣдовало бы извѣстить всѣхъ товарищей недоли о томъ, что ежедневно и точно въ 6 ч. утра и 9 ч. вечера будетъ кто-то, давъ знакъ рукоплесканіемъ, громко, во всеуслышаніе, молиться, читать молитвы: „Отче нашъ“, „Богородице Дѣво“, „Подъ твою милость“ и „Ослаби, остави“. И о. Вахнянинъ сейчасъ согласился и извѣстилъ о такомъ постановленіи сожителѣй.

Благодаря этому нововведенію, значительно окрѣпъ духъ всѣхъ заточниковъ въ баракѣ. И въ др. баракахъ, узнавъ о нашемъ новомъ порядкѣ, люди ввели себѣ его также. Вообще общія молитва понравилась всѣмъ несказанно, на жаль, однако, видѣли мы и такихъ нашего обряда людей, которые на время молитвы, будто бы неспросываясь, даже головы изъ-подъ одеяла не показывали! А какъ стали мы, т. е. нѣкоторые священники, по баракамъ подъ воскресенье и праздники, т. е. наканунѣ

и въ воскресенье и праздники, служить вечерни, утрени и литургии, а даже акафисты и парастасы, то мы были вынуждены видѣть такихъ бездушниковъ, что, сидя въ баракѣ, не лишь не переставали курить папиросокъ, но и въ карты себѣ дальше играть! А на упреки и увѣщанія изъ-за такого ихъ нелѣпаго поведения, они отвѣчали, что они здѣсь не кто иные, а только — заточники, вотъ все.

Да и не такія еще нелѣпости и дерзости говорили они, но не стану приводить здѣсь всего этого, а укажу только, что доходило до того, что многие даже званіе свое отрицали, но какъ лишь приходилось идти на почту за жалованьемъ, то они сейчасъ къ нему признавались!

Лѣтомъ 1915 года достался я въ 31-ый баракъ. Съ перваго же дня сталъ я утромъ и вечеромъ для всѣхъ громко молиться, но уже на четвертый день я долженъ былъ переселиться въ XIII баракъ, ибо въ этотъ день утромъ, когда я сталъ молиться, меня проклялъ одинъ интеллигентъ(!) во всеуслышаніе: „А шлягъ бы тебе трафивъ за твою молитву!“ Вотъ до чего дошло это паденіе нравовъ. Есть, видно, люди на свѣтѣ, которые ни своего ни чу-

жого горя не ощущаютъ и, отвергая и удаляя отъ себя все выспреннее, духов-

Свящ. о. Олимпій Аваи, Полянскій*).

ное, божественное, служатъ только мамонѣ даже и тогда, когда занимаютъ

*) Свящ. о. Олимпій Ав. Полянскій — родился (сынъ о. Анастасія и Меланія изъ Венгриновичей) въ 1856 г. въ Яблонкѣ нижней, уѣздъ Турка, въ Галичинѣ. Гимназію посѣщаль и окончилъ въ Самборѣ, богословскій факультетъ во Львовѣ и Перемышлѣ. Хиротоизованный въ іереи (послѣ бракосочетанія съ Мальвиною, дочерью о. Іоанна Гамзы) былъ священникомъ сотрудникомъ въ Вислокѣ горномъ, затѣмъ въ Хировѣ; овдовѣвъ рано и замѣнивъ сельское сотрудничество на городское, пробылъ 8 лѣтъ въ Перемышлѣ, гдѣ поработалъ много и успѣшно для русскаго дѣла подъ руководствомъ д-ра Николая Ив. Антоновича. Обладая недюжиннымъ проповѣдническимъ даромъ и умѣиельмъ снискавая себѣ довѣрія и симпатіи народа.

Ставъ наконецъ настоятелемъ прихода въ Юровцахъ, сяиоцкаго уѣзда, о. Олимпій развернулъ энергичную дѣятельность въ Сяиочинѣ, въ контактѣ и согласованно сотрудничая по просвѣщенію и организаціи тамошняго русскаго крестьянства и мѣщанства съ такими видными народными дѣятелями, какъ оо. Генрихъ Полянскій, Ф. Калужияцкій, Осипъ Москаликъ, Свѣржинскій, д-ръ Искрицкій, нотаріусъ Кокуревичъ и др., помогая въ работѣ сяиоцкой филии О-ва им. М. Качковскаго, основаніи кредитн. О-ва „Бескиды“, директоромъ котораго сталъ впоследствии, пріобрѣтени „Народнаго Дома“ въ Сяиокѣ“ и т. д.

При читальнѣ въ Юровцахъ имъ же основанный и руководимый любительскій драматическій кружокъ ставилъ съ большимъ успѣхомъ рядъ пьесъ, въ ихъ чи-

науками или когда извлекают себя пользу из своих наук. Весьма печальное явление.

Постройка церкви.

Отсутствие церкви в лагерь дало нам, вѣрующим и къ Богу стремящимся, особенно больно. Намъ, почему-то не давали возможности устроить в лагерь свою церковную жизнь, какъ слѣдуетъ.

Еще въ ноябрѣ 1914-го года распорядилась наша команда, чтобы былъ построенъ храмъ—собственно костель, ибо безъ царскихъ вратъ, иконостаса и пр.—для вѣрныхъ гр.-кат. обряда, но все-таки католиковъ. Для не католиковъ же, именно для православныхъ, позволилъ полковникъ построить баракъ съ иконостасомъ и однимъ престоломъ въ пресвитеріи, даже съ небольшимъ куполомъ. Костель для насъ уже былъ покрытъ черепицами, но вдругъ была работа приостановлена съ момента, какъ вспыхнула эпидемія тифа. До весны ничего по постройкѣ не дѣлалось,—за это время послужилъ незаконченный костель складомъ домовинъ (гробовъ) съ умершими интернованными. Были такіе дни, что уставлены были по срединѣ храма по 5—8 и 10 гробовъ!

Весною не было уже пощести, и мастера принялись за завершение постройки храма. Въ концѣ мая 1915 г. состоялось торжественное благословение его делегатомъ лат. епископа изъ Граца, весьма пышно, съ участиемъ всей нашей команды и всего насъ стерегущаго войска, и въ присутствіи всѣхъ насъ. На окончаніе торжества пѣлъ нашъ хоръ подъ регентствомъ о. Петра Дуркота, державный гимнъ „Боже буди покровитель“, по нѣмецки и по русски.

сѣ и о. Олимпіемъ написанную и весьма популярную трагедію п. з. „Великомъ ученица Варвара“. Писалъ о. Олимпій много, подписываясь чаще всего псевдонимомъ „Всегорьевъ“, статьи, прессы, стихотворенія, помѣщаемыя въ гал.-рус. изданіяхъ. Состоялъ продолжительное время вице-маршломъ и маршломъ сяноцкой уѣздой земской управы. Несмотря на это, все таки въ августѣ 1914 г., когда вспыхнула война, былъ австрійскими жандармами арестованъ и вывезенъ въ Талергофъ, въ которомъ — какъ извѣстно изъ печатаемыхъ здѣсь записокъ его брата Генриха—и скончался и похороненъ со многими другими на извѣстномъ кладбищѣ „подъ соснами“.

Намъ, несчастнымъ заточникамъ, отдали этотъ костель въ пользование. Хотя зъ немъ многое было далеко не такъ устроено, какъ полагается въ русской церкви, все же мы возрадовались несказанно тѣмъ, что сможемъ служить Литургіи, а по крайней мѣрѣ, что будемъ присутствовать на св. Литургіяхъ, если кто будетъ намъ служить. Самопонятно, что радовались мы и служенію вечерень, утрень, молебновъ, акафистовъ и парастасовъ въ церкви, ибо, хотя служили мы эти богослуженія и по баракамъ, то все таки служеніе ихъ тамъ было далеко не то, что въ церкви.

Настоятель прихода.

Но увя! Какъ же не легко давалось намъ служеніе св. Литургіи! Намъ объявлено, что будетъ служить Литургію и прочія богослуженія только поставленный для насъ „парохъ“, о. Ярославъ Карпякъ, окончившій богословскія науки въ Римѣ и тамъ рукоположенный, прослужившій одинъ годъ миссіонеромъ въ Канадѣ, а попавшій въ Талергофъ на постъ „пароха“, какъ бѣженецъ, съ поста катихизатора при „выдѣловой“ школѣ въ Дрогобычѣ. Несомнѣнно о. Карпякъ, рукоположенный только въ 1906 г., ставъ нашимъ настоятелемъ, получилъ особыя инструкціи, какъ съ нами, столь для державы опасными людьми, поступать. И оказался, о. Ярославъ К. „päpstlicher als der Papst selbst und österreicherischer als Erzösterreicher“. (болѣе папскимъ, чѣмъ самъ папа и болѣе австрійскомъ чѣмъ архиепископъ). Полковникъ постарался достать для насъ, правда, одну чашу съ дискосомъ, звѣздой и ложечкою для причащения вѣрныхъ, фелонъ, эпитрахиль, наравкицы, поясъ, наплечникъ и стихарь принятого въ нашей церкви кроа, но о цер-

ковныхъ книгахъ велѣлъ намъ самимъ заботиться.

Равнодушіе ординаріатовъ.

Всѣ три наши епископскіе Ординаріата забыли о насъ совершенно, имъ даже совѣтъ не было, ни желательно ни интересно, узнать, какъ обстоитъ дѣло съ нашей духовной жизнью въ заточеніи, какъ или кѣмъ удовлетворяются наши религіозныя нужды.

Выходили курьезы. Такъ нпр. о-цъ Ярославъ попросилъ кого-то въ Вѣнѣ о присылкѣ Службника (Литургикона). И, вотъ, прислали друзья нашей Церкви и нашего народа малый Литургиконъ, свѣжо въ Вѣнѣ на малой машинѣ отпечатанный — фонетикою! На самый видъ такого литургикона охватилъ насъ великій жаль и досада на ничѣмъ неоправданную, безпричинную и безсмысленную ненависть нашихъ Австрій и пруссаками испеченныхъ „украинцевъ“, даже къ стариннымъ и полнаго уваженія достойнымъ церковнымъ книгамъ. Къ счастью огорчился этимъ фонетическимъ Литургикономъ и о. Ярославъ, — употребленіе такого Литургикона перешло вѣроятно границы его инструкцій, — и отправленъ былъ этотъ литургиконъ обратно въ Вѣну. Черезъ нѣсколько дней прислалъ намъ прелатъ, о. Дольницкій, изъ Граца, свой малый Литургиконъ и, вотъ, началъ служить Литургію о. Ярославъ по воскресеньямъ и праздникамъ, съ начала только одинъ, а черезъ нѣсколько недѣль съ двумя священниками безбородыми (такіе казались ему все таки подальше право-и-царславя). Въ усердіи и вышюленности о. Ярославу по исполненію душпастьрскихъ обязанностей, согласно римскому воспитанію и полученнымъ инструкціямъ, отказать нельзя было, но голоса къ пѣнію и проповѣдническаго дарованія у него не было. Да у него не было и здоровья, котораго вдобавокъ беречь не умѣлъ. Черный кофе пилъ слишкомъ часто, курилъ слишкомъ много и одѣвался, идя служить зимнею порою, такъ же, какъ и лѣтомъ, по модецки, словомъ, щеголялъ и — умеръ.

Принудительныя моленія.

Послѣ каждой Литургіи и вечерни или молебна велѣлъ о. Карпякъ пѣть „Боже буди покровитель“. И народъ пѣлъ, ибо какъ же было не пѣть. Одни, можетъ быть, пѣли думая, что это поможетъ кое-что къ выходу изъ Талергофа, а иные, просто. „Страха ради іудейска“... Вѣроятно пѣлось это „Боже буди покровитель“ повсюду и денно и ночью и во всей австрійской державѣ, ибо требовала этого державная политика, но къ чему было все это? Въ 1918 году Австрія разсыпалась! Въ польской газетѣ „Depsza Lwowska“ помѣстилъ кто-то къ сообщенію о распаденіи Австріи такія слова: „Австрія велѣла всегда и всюду молиться и служить Литургіи за свою цѣлость и за свое величіе, а что ей помогли эти молитвы и Богослуженія? А неумолимый рокъ готовилъ ей неминуемое распаденіе“. На такія слова не могу не возразить: Молитвы и Литургіи за цѣлость и величіе Австріи были бы ей навѣрно спасительны, если бы совершались онѣ не какъ „за панщину“, не по принужденности, не такъ, чтобы надо было бояться за немоленіе, непѣніе „Боже буди покровитель“ и за неслуженіе предписанныхъ молебновъ о сохраненіи и благополучіи цѣсарскаго дома, не изъ боязни быть обвиненнымъ въ нелояльности, а только если бы возносились и совершались отъ искренняго и благодарнаго сердца всѣхъ гражданъ, за твореніе имъ добра и правды. Но именно этого не испытали, ни чехи, ни словаки, ни хорваты, ни словенцы, ни дальматинцы, ни сербы, ни румыны, ни италіанцы, ни галицко-угорско-буковинскіе русины. Ко всѣмъ этимъ своимъ вѣрноподданнымъ народамъ относилось австрійское правительство крайне враждебно и вообще несправедливо. Въ Австріи добро и правда давались всецѣло только нѣмцамъ, а послѣ нихъ покровительствовало австр. правительство преимущественно евреямъ, дальше благоволило мадярамъ ну и полякамъ.

Бородатые священники стали энергично требовать разрѣшенія служить ли-

тургии и въ концѣ концовъ добились этого права. Но пока это наступило, многие священники шли только къ исповѣди и св. причащенію. Въ томъ же, въ сущности похвальномъ дѣлѣ, поступали одни священники, какъ подобало ихъ достоинству, иные несоотвѣтственно: одни старались приступать къ св. причащенію въ эпитрахили вмѣстѣ со священникомъ, служащимъ Литургію при престолѣ, иные, стоя на колѣняхъ вмѣстѣ съ мірянами.

Богослуженія.

Какъ только допущены были служить Литургію и бородастые иереи, оказалась крайняя необходимость имѣть второй литургиконъ большого формата, чтобы можно было по немъ читать издали (были два служебника жолковского издания, но они изъ-за слишкомъ малыхъ буквъ были очень неудобны), такъ, вотъ, принялись два молодыхъ священника, о. Богданъ и о. Константинъ Пеленскіе, написать печатными большими буквами Литургію Іоанна Златоустаго, и написавъ ее и переплетши, отдали къ общему употребленію. А такъ какъ было очень неудобно служить проскомидію при жертвенникѣ изъ большого и малаго литургикона, то написалъ я печатными буквами „проскомидію“ и умѣстилъ надъ жертвенникомъ. И ставало служить Литургію по троѣ и по пятеро священниковъ одновременно. Фелоны и прочія ризы нашлись скоро, ибо ревностные священники жертвовали охотно на покупку нужныхъ церк. ризъ, а о. Богд. Полянскому, прислалъ шуринокъ его, священникъ изъ Прелука, одинъ фелонъ съ прочими частями.

Со временемъ достались намъ еще два литургикона, одинъ малый болѣе ранняго изданія, и одинъ большой — новѣйшаго Ставропигійскаго изданія. Последній привезъ намъ о. д-ръ Жукъ изъ Вѣны, дѣйствительный нашъ парохъ, ибо о. Карпьякъ, какъ выяснилось, былъ только его замѣстителемъ.

Постепенно налаживалось служеніе Литургии и прочихъ богослуженій, съ помощью ревнителя о. Василія Курилла, совсемъ какъ слѣдуетъ, и могло

происходить съ 5 ч. утра (а въ великіе праздникі даже съ 3 ч. утра) до самого полудня, въ теченіе трехъ четвертей часа и по 8-ми священниковъ вмѣстѣ, если столько ихъ къ служенію записывалось.

Служилось, разумѣется, наибольше „читанныхъ литургій“. По воскресеньямъ и праздникамъ служилась съ 9 ч. утра всегда поемая, соборная литургія. Въ такой поемой литургіи былъ начальствующимъ всегда о. Карпьякъ, по его заболѣнію и смерти, о. Зарыцкій, а по отпущеніи его на конфинацію, о. Курдыдикъ, — всѣ безбородые. Если явился къ намъ о. Жукъ, или присланный имъ о. Лижегубскій, то начальствовали они и проповѣдали. Священникамъ оо. Зарыцкому и Курдыдику не было разрѣшено произносить проповѣди, но о. Курдыдикъ, иногда оповѣщая и объясняя кое-что о праздникахъ или постахъ, дерзавъ, размахнуться на рѣчь характера проповѣди.

Замѣчательный былъ одинъ случай съ фелономъ и эпитрахилью тѣхъ священниковъ, которые пріѣхали къ намъ въ Талергофъ вмѣстѣ со многими мірянами обоюго пола изъ тюрьмы въ Терезіенштадтѣ. Такъ какъ было между всѣми нами, заточниками, и множество православныхъ, — насъ не хотѣли или боялись называть православными — то они постарались о полученіи разрѣшенія на постройку особой, православной часовни. И они построили себѣ, стараніемъ братьевъ Кисѣлевскихъ, Діонисія и Юліана, иерея и мірянина, часовню, а съ помощью большихъ мастеровъ, шпѣрныхъ русскихъ солдатъ, снабдили и украсили они часовню хорошимъ иконостасомъ и престоломъ. Не имѣя съ начала церк. ризъ, брали они секретно наши фелонъ и эпитрахиль, привезенные изъ Терезина: Конечно, о. Карпьякъ не зналъ о томъ, что выдавались иногда фелонъ и эпитрахиль изъ нашей церкви православнымъ оо. Кисилевскому или Гудимѣ къ употребленію въ ихъ часовнѣ. Но однажды встрѣтилъ о. Карпьякъ кого-то несущаго эти ризы въ нашу церковь. „Откуда ты это несешь?“

— спросилъ о. Ярославъ. — „Изъ православной часовни“, — отвѣтилъ несущій. „Какимъ образомъ?“ — „Мы заняли эти ризы къ нашему богослуженію“, — сказалъ несущій, — „Такъ? То отнеси ризы обратно въ часовню; я не позволю ихъ больше употреблять въ нашей церкви“.

Какой фанатизмъ — говорилось въ лагерѣ — уже будто и ризы пропитаны „схизмою“. Удивительное опасеніе, смѣшно даже!...

Буковинскіе православные служили себѣ въ своей миловидной (особенно внутри) часовнѣ всѣ богослуженія, кромѣ св. Литургии, ибо всѣ ихъ старанія получить отъ своего архіерея изъ Черновець все нужное къ служенію св. Литургии, кончились ничѣмъ.

Чтобы могли иногда буковинскіе православные причащаться, привозилъ имъ изъ Граца (кажется изъ сербской церкви о. Преличъ) освященные дары сюда въ Талергофъ и передавалъ ихъ о. Кисѣлевскому, а онъ сохранялъ ихъ въ кивотѣ на престолѣ.

Живописцы и др. художники.

Костель, служившій намъ церковью, умѣло и красиво расписалъ какой-то живописецъ изъ Граца, хорошо же и почти артистически живописали православную часовню два лица, именно: окончившій въ Черновцахъ богословіе г. Васильевичъ, женатый, но еще не рукоположен-

ный, и о. Р. И. При семъ долженъ я замѣтить, что терроръ привелъ въ Талергофъ и нѣскольکو человекъ, настоящихъ художниковъ, изъ которыхъ укажу троихъ, т. е. о. Кулика, извѣстнаго

А. Г. Винничукъ, б. узникъ австрійскихъ военныхъ тюремъ въ Венгріи,*) нынѣ директоръ вѣдательства „Хуторъ“ въ Прагѣ, Чехословакія. выставленными картинами на львовской выставкѣ и двоихъ вышеупомянутыхъ. Въ Талергофѣ о. Куликъ былъ недолго и

*) А. Г. Винничукъ, родился въ с. Кияжѣ, у. Сиятишъ (Покутье).

Въ 1914 г. вышелъ по мобилизаціи на войну въ качествѣ прапорщика запаса и уже 21-го августа 1914 г. былъ арестованъ военными властями въ Мостахъ вел въ штабъ 2-ой кавалерійской дивизіи, по указанію главной ставки австрійской арміи. Основаніемъ для ареста послужилъ доносъ „Комитета украинскихъ офицеровъ“ въ 3-мъ артил. полку въ Перемьшлѣ, во главѣ съ нѣкимъ Мыгаилокомъ, преподавателемъ „украинской“ гимназіи въ Черновцахъ.

Обвиненіе гласило: „государственная измѣна по отношенію Австро-Венгріи и — руссофильство“.

По арестованіи былъ вмѣстѣ съ судьей д-ромъ Вл. Решетиломъ заключенъ въ военную тюрьму въ Львовѣ, а затѣмъ при эвакуаціи Львова вывезенъ военно-полевымъ судомъ въ Венгрію и томился въ тюрьмахъ въ Мукачевѣ, Бестерцахъ, Колошварѣ и Будапештѣ. Военное слѣдствіе противъ него было, въ концѣ концовъ, прекращено, и въ маѣ 1916 г. онъ былъ освобожденъ.

не занимался художественными работами, но о. И. и г. Васильевичъ, были въ заточеніи до конца (до 7-10 1918) и произвели за это время много прекрасныхъ вещей. А о. И. и г. Васильевичъ рѣзали очень много, и то удивительно искусно и красиво; занимались еще этимъ и мн. др., а именно: о. Конст. Полянский, о. Гудима, о. Чертежинскій, о. Копыстанскій, о. Чекалюкъ, одинъ карликъ (былъ!), о. Богданъ Полянский и др. Но живописаніемъ, писаніемъ портретовъ, занялся о. И. на болѣе широкую скалу, а живописаніемъ иконъ для церкви и для частныхъ лицъ потрудились много и успѣшно, именно двое: о. И. и г. Васильевичъ.

Плащаницу для насъ на Великій Пятокъ, плащаницу для православной церкви, и намѣстныя иконы для той же церкви, написалъ о. Р. И. презрительно, а мы, бѣдные заточники, имѣли свое удовольствіе уже въ томъ, что могли обнести плащаницу вокругъ церкви въ Вел. Пятокъ и что могли ею устроить себѣ Божій гробъ.

Вышивальщицы.

Если сказала я выше о произведеніяхъ нашихъ художниковъ-рѣзбяррей и живописцевъ, то было бы несправедливо не высказаться съ признательностью о многихъ нашихъ женщинахъ за то, что принялись съ большимъ усердіемъ многое шить и вышивать, не жалѣя ни прилѣжнаго труда, ни хлопотъ, ни издержекъ. Прекрасныя вещи производили онѣ, дамы и дѣвицы, женщины изъ интеллигенціи, мѣщанства и даже изъ селянства. Замѣчательныя по красотѣ и изящности вещи ѡходили изъ рукъ г-жи Байковой, г-жи и двухъ красавицъ Раставецкихъ, дѣвицъ Куцѣй, Лаврышъ, г-жъ Созанской, Чубатой, нѣсколькихъ дѣвицъ-патріотокъ изъ Галича, дѣвицъ изъ Костеровецъ отъ Сянока и мн. др. Презрительному нашему защитнику, поручику Осташевскому, бѣлому ворону въ средѣ поляковъ, вышили и пожертвовали наши русскія дамы на память большую скатерть, полотенце и салфетки, такъ красиво, художественно, что хоть на вы-

ставку ихъ подавай. Г-жа Байкова сшила намъ при содѣйствіи барышни Лаврышъ и два фелона съ эпитрахильями, воздухомъ и покровцами, а также стихарь.

Подобно уже вышеупомянутымъ потрудились такъ въ Талергофѣ и многія другія, просто, чтобы только время не шло даромъ, и чтобы тоска по своимъ не разрывала сердца.

Пѣвцы и пѣвицы.

Тутъ годится также высказаться о нашихъ пѣвцахъ и пѣвицахъ, относительно нотнаго пѣнія вообще и нашего церковнаго пѣнія въ частности.

Въ Талергофѣ нашлись такіе извѣстные уже пѣвцы и управители хоровъ, какъ студентъ Галушка, Теофилъ Подольскій, оо. Петръ Дуркотъ, Юрій Генсерскій, Іосифъ Тиховичъ, студентъ Левъ Держко, о. Казиміръ Дутковскій, о. Богданъ Полянский, Орестъ и Романъ Копыстанскіе, судья Ивануса, прав. свящ. о. Гудима, студентъ Юрій Вл. Полошиничъ, одинъ слушатель богословія изъ Черновецъ, котораго фамиліи не помню, дѣвицы-пѣвицы изъ Буковины, дѣвица Лаврышъ, д-ца Сушкевичъ изъ Стебника, одна замужняя крестьянка изъ Гуцульщины, дѣвица Ева Соболевская изъ Костеровецъ, съ племянницею Анною Н. (сопранисткою) и мн. др.

Одни изъ нихъ пѣли иногда, во время праздничной литургіи, въ нашей церкви (но не женщины) по нотамъ, иные въ православной часовнѣ—почти всегда.

Пѣнія выходили чудныя по стройности, колоритности и мощности. Одни слышалъ я въ церкви и восхищался, другія на пробахъ (во время репетицій). Къ сожалѣнію, бывали нѣкоторые студенты-пѣвцы въ церкви только тогда, когда пѣлъ хоръ по нотамъ (они любили давать концерты), — впрочемъ же они церкви не знали и въ заточеніи, и въ горѣ.

Нравственная испорченность.

Во всей огромной массѣ интернованныхъ въ Талергофѣ за время 30 мѣсяцевъ, когда бывало насъ иногда по 8, 9 а то и 10 тысячъ, а иногда по мень-

ше, 4, 5, 6, и 7 тысячъ, а въ самое послѣднее время можетъ быть только 3.000 лицъ, какъ же разочаровались мы и стыдились за поведеніе нѣкоторыхъ нашихъ людей! Мы думали, что будутъ всѣ глубоко чувствовать свое арестованіе и заточничество, и что именно и покинуть всякіе свои дурныя привычки и позорныя поступки, но вышло иначе. Того, правда, никто изъ умныхъ и благочестивыхъ людей не желалъ, чтобы ктонибудь упалъ духомъ и предался отчаянію, но и того не надѣялись мы, чтобы кто-нибудь тамъ дальше велъ жизнь свою грѣшно, или чтобы кто-нибудь, кто дома жилъ порядочно, въ Талергофѣ испортился и попалъ на порочный путь. Но увѣ, было немало такихъ, которые продолжали свое пустожитіе и въ Талергофѣ, а нѣкоторые порядочные вдѣсь уже сбились съ праваго пути на безпутство.

Намъ, конечно не казалось страннымъ то, что взяли нѣкоторые учить игръ на цитрѣ, или что арестованная и въ Талергофѣ привезенная барышня изъ Львова, ученица игры на скрипкѣ изъ консерваторіи, содерживавшая себя и въ прежней жизни уроками игры на скрипкѣ, привезла сюда съ собою и скрипки и ноты (съ нею привезли въ Талергофъ и мать ея). все это въ порядкѣ вещей, но чтобы иные, женатые, отцы оставленныхъ въ Галичинѣ дѣтей и бывшіе тамъ на важныхъ постахъ, тутъ покупали себѣ скрипки, флейты, виолончели, и чтобы, составивъ себѣ оркестръ, играли (хотя бы и трудныя и хорошія аріи) вблизи самой церкви, и именно въ то время, когда въ церкви служились вечера или молебень, это уже представлялось намъ не только безтактнымъ, но и соблазнительнымъ и оскорбляющимъ всякое приличіе и религіозныя чувства.

Такого рода развлеченія нельзя было называть иначе, какъ только „Galgenhumor“-омъ, но на людей религіозныхъ и хорошей нравственности, благовоспитанныхъ и образованныхъ, такой Galgenhumor производилъ крайне тягостное впечатлѣніе.

„Ни ѣвши, ни пивши, скачи, дурно, ошалѣвши“, — музыковавшіе плохо живились и плохо лежали-спали, и проказничали, просто, съ дури и убійственной скуки.

Когда 5 мая 1917 г. извѣщено насъ о томъ, что поѣдемъ всѣ изъ Талергофа, увидѣлъ я, что кто-то, мужчина хорошаго общественнаго положенія, отецъ дѣтей, которыхъ можно бы ставить хоть бы и сейчасъ подъ вѣнецъ, громко пѣлъ и мальчишески плясалъ.

Я говорю ему: „Что дѣлаешь, человѣче? Не шалѣй!“

— „Не шалѣю, — говоритъ, — но радуюсь, ибо, вотъ, даютъ свободу“, и дальше подпрыгиваетъ.

Я говорю ему, что всѣ рады тому, что выйдутъ наконецъ изъ неволи, но никто не поетъ и не пляшетъ, вѣдь же и тамъ, въ Галичинѣ, будто на свободѣ, но не гараздъ, не рай, только нужда и горе, а кромѣ того и нѣтъ дома своихъ — они Богъ вѣсть гдѣ.

Въ моментъ когда сіе пишу, у меня есть вѣдомость, что пѣвицѣй и плясавшій тогда въ Талергофѣ за свободу, въ большой нуждѣ съ семьей живетъ теперь. Сегодня, вотъ, уже 24 н. ст. января 1919 г., а свободы въ Галичинѣ ни мира ни благополучія нѣтъ, — только домашняя война, идутъ грабежи и убійства, всюду голодъ, плачъ и рыданіе. Стало быть, уронившій тогда свое достоинство и безумно плясавшій, засталъ на родинѣ иную пляску...

Въ одномъ баракѣ жили между прочими, одинъ священникъ съ женою и дѣтьми. Жена и дочь этого священника своимъ поведеніемъ все время заточенія ставили своего мужа, респ. отца, священника, взаправду въ неловкое положеніе: онѣ не были въ состояніи между собою и къ своему мужу (отцу) священнику, говорить иначе какъ только, по польски. Онѣ не являлись ни разу на богослуженіяхъ, служимыхъ по баракамъ, а также ни разу въ церкви. Мнѣ пришлось однажды заговорить съ ними серьезно по этому поводу. Спросивъ ихъ, почему онѣ, русскія по происхожденію, дочери русскихъ священни-

ковъ, вскормленныя и содерживающіяся русскимъ хлѣбомъ, живя на приходствѣ въ русской громадѣ, говорятъ всегда лишь по польски, такъ онѣ отвѣтили: „Мы такъ привыкли говорить славна, и отвыкнуть отъ этого не можемъ (вѣрнѣе не стараемся, не хотимъ), но несмотря на то, мы, може, лучшія русинки чѣмъ тѣ, кто говорятъ по русски“.

Я говорю имъ, что онѣ,—дочь и жена русскаго священника—онѣ все таки даже не читаютъ и не пишутъ по русски, и что это весьма печально, а одна изъ нихъ отвѣтила: „Въ этомъ мнѣ не было и нѣтъ никакой надобности!“

Затѣмъ съ удивленіемъ я просилъ мать и дочку, почему онѣ, въ неволѣ, на богослуженіяхъ никогда не бываютъ, а онѣ отвѣчаютъ: „Мы и дома никогда въ церкви не бывали“.

— „Что говорите? Возможно ли это? Я знаю, что церковь ваша близехонько приходскаго дома“.

— „Да, это вѣрно, но мы не носимъ запаха церковныхъ свѣчъ и кадила“, сказали онѣ.

— „Но вѣдь же часто въ церкви свѣтитъ немного свѣчей и не часто кадятъ“.

— „Можетъ быть, что такъ оно и бываетъ, но мы этимъ не интересовались“.

Я былъ пораженъ открытіемъ такой картины, изъ нашихъ приходоу, въ какомъ-то медвѣжьемъ углу.

По прибытіи заточниковъ изъ Терезиенштадта.

Еще въ мартѣ 1915 года до насъ доходили слухи, что будутъ привезены къ намъ въ Талергофъ заточники изъ Терезиенштадта (Терезина). И дѣйствительно прибыли они къ намъ весною, въ количествѣ около 400 лицъ. Ихъ не помѣстили въ карантинныхъ баракахъ, ибо было ихъ слишкомъ много, но имъ предоставила команда нѣсколько нашихъ бараконъ между церковью и баней. Разумѣется, что бараки съ терезинцами обвели кордономъ (провоолокой и солдатами), а намъ нельзя было съ ними даже издали разговаривать, но мы все

таки разговаривали съ ними и подавали имъ даже съѣстные припасы — это зависѣло отъ расположенія духа и бдительности карауловъ: между ними находились иногда хорошіе люди, особенно чехи.

Братское отношеніе чеховъ.

Когда пришлось мнѣ забирать еще зимою изъ карантина моего двоюроднаго брата, іерея Александра, умершаго отъ желтухи, чтобы заняться его похоронами, сказалъ мнѣ караульный (чехъ): „Почему вы, батюшка здѣсь?“

— Потому, что я заявлялся русскимъ, — отвѣтилъ я.

— „Знаю объ этомъ и объ этомъ не спрашиваю, но почему дали вы себя арестовать и сюда привезти; вы должны были заблаговременно бѣжать и скрыться“, — сказалъ онъ. На это его простодушіе, тронувшее меня до глубины души, въ отвѣтъ пояснилъ я ему, что арестовали меня такъ скоро по объявленіи мобилизации, что не было времени и подумать о бѣгствѣ, а впрочемъ, я, какъ душпастырь, и притомъ не чувствовавшій за собой никакой вины, и не бѣжалъ бы, все равно — пастырю нельзя оставлять свою паству, — такъ пристойнѣе мнѣ, что меня силою взяли.

Въ сентябрѣ 1915 года поѣхалъ я съ др. интернованными въ Граць, въ судъ, въ качествѣ свидѣтеля, для подачи показаній по завѣщанію двоюроднаго брата Александра. Къ 8 лицамъ представили двухъ солдатъ конвойныхъ, капрала (чеха) и рядового (словенца). Какимъ-же вѣжливымъ конвойнымъ оказался для насъ капраль-чехъ! Какъ онъ понималъ насъ! По сложениіи свидѣтельства, а было уже около 12 ч. дня, просили мы капрала, чтобы завелъ насъ въ хорошій ресторанъ обѣдать. — „Конечно, — сказалъ онъ, — я поведу васъ въ хорошо мнѣ извѣстный ресторанъ, гдѣ хозяинъ и хозяйка — чехи, они будутъ вамъ очень рады, когда я имъ скажу, кто вы“, — сказалъ братъ чехъ и повелъ насъ. Хозяева приняли насъ дѣйствительно очень сердечно. Мы заказали хорошій обѣдъ для себя и для конвой-

ныхъ, а послѣ обѣда сказалъ я шепотомъ капралу: Оставьте здѣсь словенца съ моими товарищами и будьте столь добры со мною пройти по Грацу за покупками. — „Хорошо; я радъ послужить вамъ, отче; я пойду съ вами безъ „гвѣра“ (ружья). Черезъ три часа отходитъ нашъ поѣздъ въ Талергофъ, два часа, значить, можемъ ходить по городу“, — сказалъ братъ-чехъ.

И мы пошли оба, — я видѣлъ всю среднюю часть города и купилъ кое-что для себя и для другихъ.

Но возвращусь къ терезинцамъ. Наконецъ-то выпустили ихъ изъ подъ карантинъ, или лучше сказать — сняли съ нихъ карантинъ, и, вотъ, пошли мы къ нимъ, а они къ намъ. И кого только не нашли мы между ними! Моего брата, виднаго народнаго дѣятеля въ Туркѣ и въ турчанскомъ уѣздѣ и о. Мих. Петровскаго, вице-маршала турчанск. земской уѣздной управы, и о. Романа Чайковскаго, замѣстителя депутата въ вѣнскомъ парламентѣ, и г. Курыловича, и ред. Прикарпатской Руси“ д-ра Ивана Льв. Гриневецкаго, и врача д-ра Влад. Антоневича и д-ра Цюка, д-ра Винницкаго, г-жу Матковскую, г-жу Ольгу Байко и многихъ мн. др., самыхъ видныхъ и славныхъ нашихъ патріотовъ, интеллигенцію и селянъ (обоюго пола), а между ними и о. Василія Ив. Скобельскаго и о. Киричинскаго, и мн. др.—и не перечестъ всѣхъ.

И что мы отъ нихъ узнали! Чего только они не пережили и не перенесли также!

Въ Терезинѣ (въ давней крѣпости) говорили имъ, что выйдутъ оттуда, но куда, того не сказано имъ даже тогда, когда, разставшись съ крѣпостью, вошли уже въ вагоны. Только вѣдучи уже въ южномъ направленіи, сказали имъ конвоирующіе ихъ солдаты, что пришелъ приказъ отставить ихъ въ Талергофъ (vulgo въ „Тайфельгофъ“). Услышавъ это, опечалились наши терезинцы ужасно, ибо слышали о нашемъ здѣсь пребываніи много нехорошаго. Во всей державѣ и внѣ ея предѣловъ уже пошла нехорошая слава о Талергофѣ. Какъ ни

старалась наша команда скрыть передъ міромъ свою надъ нами безчеловѣчность, всеже распространилась вѣсть объ этомъ адѣ кромѣшнемъ всякими околными путями въ свѣтѣ далеко и широко, даже во Франціи, Англии, Россіи и Италіи. За границами Австріи, читая въ газетахъ о Талергофѣ, люди думали себѣ, что описанія о безчеловѣчномъ обращеніи съ нами преувеличены, но я только могу и долженъ здѣсь сказать одно: что всѣ бѣдствія наши въ Талергофѣ не только не даются представить преувеличенно, но всѣ описанія выходятъ крайне недостаточными и слабыми въ смыслѣ яркости и полноты. И я не въ состояніи нарисовать даже приблизительно той кошмарной картины, которую представлялъ собой проклятый Талергофъ.

Кто-то изъ нашей команды представилъ въ министерствѣ войны въ Вѣнѣ устройство Талергофскаго лагеря и порядки въ немъ такъ привлекательно, что пріѣхала въ Талергофъ коммисія съ цѣлью его осмотра и поселенія въ немъ инвалидовъ. Какъ же ужасно разочаровалась коммисія! Она не только не признала Талергофа подходящимъ мѣстомъ для инвалидовъ, но высказалась, что оно не могло бы служить даже помѣщеніемъ для собакъ.

И въ этотъ Талергофскій лагерь попали наши терезинцы, которымъ братья-чехи старались сдѣлать ихъ пребываніе въ крѣпости по возможности сноснымъ, несмотря на предписанную строгую дисциплину и суровѣйшій тюремный режимъ.

Когда выходили наши терезинцы еще въ Терезинѣ на прогулку, то встрѣчавшіе ихъ чехи сердечно ихъ приветствовали, восклицая: „На-здаръ, братья-русове!“

Терезинская команда помнила симпатично о нашихъ заточенцахъ въ праздники Рожд. Христова, Богоявленія и въ свѣтлые дни Пасхи, и всячески облегчала имъ удовлетвореніе своихъ религиозныхъ нуждъ и соблюденіе родныхъ обычаевъ. Не удивительно, поэтому, что,

блуди въ Талергофъ, многіе жалѣли, что Терезинъ оставили.

Въ многомъ измѣнилась наша жизнь въ Талергофѣ съ прибытіемъ такого множества новыхъ нашихъ узниковъ. Они казались болѣе бодрыми и крѣпкими духомъ и подняли у многихъ изъ насъ упавшій, было, духъ, хотя и терезинцы поняли, что всѣмъ русскимъ нечего надѣяться. Война сложилась тогда для Антанты плохо, но и центральнымъ державамъ появилась новая угроза: Италия объявила имъ войну.

Генералъ Бачинскій.

Еще пока расскажу о событіяхъ въ Талергофѣ по прибытіи терезинцевъ, долженъ упомянуть о благоволившемъ къ намъ генералѣ Б а ч и н с к о м ъ, котораго назначило министерство смотрѣть за нами, заточниками, въ Талергофѣ.

Зима 1914-15 г. была намъ страшна, но и вмѣстѣ съ тѣмъ очень нудна, ибо карали насъ не только за табачное куреніе, но и за чтеніе газетъ и книгъ. Запрещеніе курить было совершенно справедливо, ибо мы жили въ тонкихъ деревянкахъ, на соломѣ (до Пасхи 1915 г.); если бы вспыхнулъ пожаръ, пошли бы всѣ бараки съ дымомъ въ теченіи часа, а тогда съ нами что было бы?

Но страстные курильщики, не только мужчины, интеллигенты и мужики, но и дамы, всячески тайно доставали себѣ табакъ, платили дорого и курили скрытно, даже въ своихъ логовищахъ, подъ одѣялами! О хлѣбѣ-кушаньѣ такъ не спрашивали, какъ о табакѣ! Кого поймали караулы на табачномъ куреніи, забирала все и доносили на кару, въ видѣ ареста, привязыванія на улицѣ къ столбу, или заковыванія въ кандалы. Несмотря на все это, люди тратились, выносили всѣ кары, и все-таки курили. Я видѣлъ однажды, какъ поймалъ караульный сѣдоглаваго интеллигента какъ дѣлалъ себѣ въ „капшуку“ (кисетѣ) изъ турецкаго табака папиросу. Караульный хотѣлъ капшукъ съ табакомъ отобрать, интеллигентъ не давалъ, тогда солдатъ побилъ прикладомъ старика по рукамъ такъ сильно, что 8—10 дней бы-

ли руки опухлыя. Черезъ нѣсколько дней—смотри, старикъ, скрывшись, курить,—неисправимый!

Въ томъ, однако, что нельзя было намъ подѣ карою ареста или кандаловъ читать, дѣлалась намъ самая большая обида.

Но явился въ мартѣ 1915 г. на смотръ лагеря генер. Бачинскій. Шелъ онъ въ сопровожденіи полковника и офицеровъ главной улицы, всѣ мы должны были стоять передъ бараками. Кто-то изъ нашихъ интеллигентовъ хотѣлъ приблизиться къ генералу.

Одинъ офицеръ крикнулъ: Zurück! zurück! Nicht gestattet!* (Назадъ! назадъ! не дозволено!)

На это генералъ: „Warum nicht gestattet? Darum bin ich ja hier, damit die Internierten in ihren Bedürfnissen sich an mich wenden. Kommen Sie, mein Herr, näher, und sagen Sie gerade heraus, was Ihnen am Herzen liegt.“ (Почему не дозволено? Я же на то и здѣсь, чтобы интеллигенты ко мнѣ обращались. Пожалуйста, господинъ, сюда ближе и скажите просто, что вамъ на сердцѣ.)

Тогда подошелъ Н.Н. и пожаловался на запрещеніе чтенія книгъ и газетъ.

— ist es wahr, Herr Oberst, dass man hier nicht lesen darf? (Правда - ли, господинъ полковникъ, что здѣсь нельзя читать?)

— Ja, sie sind ja verdächtige Leute. (Да, они вѣдь подозрительные люди).

— Aber was wenn auch verdächtige Leute, aber immer Leute, und dazumal intelligente. Von heute an, wer nur will, darf alles lesen, was in der Zensur war. (Такъ что изъ того, что подозрительные люди, но все же — люди, и притомъ интеллигентные. Отъ сегодня, кто только хочетъ, можетъ читать все, что лишь прошло чрезъ цензуру).

Насъ озарила радость: мы доставали множество книгъ и всякія газеты. Я прочелъ отъ того дня по 7½ 1917 г. очень много и написалъ 10 повѣстей и 10 новеллъ. Даромъ время не прошло.

Терезинцы привезли съ собою много книгъ и мы у нихъ брали ихъ для

прочтенія. Многіе покупали себѣ учебники французскаго и англійскаго языковъ, грамматики и словари, русскіе и иные, и учились прилежно; время сходило легче. Гимназисты покупали себѣ школьныя книги и стали приготавливаться къ экзаменамъ.

Изъ терезинцевъ прибыли уже нѣкоторые въ Талергофѣ съ такими приписками въ документахъ тамошней команды, что могли выйти на конфинацію, и дѣйствительно затѣмъ вышли.

До прибытія нашихъ терезинцевъ вышли изъ Талергофа уже многіе изъ узниковъ, интеллигентовъ и крестьянъ, первые куда-то на конфинацію (въ Турахъ, Вольфсбергъ, Гроссъ - Флоріанъ, Гнасъ и инья мѣста), вторые куда-то на работы или въ Гминденъ. На ихъ мѣсто привезено множество лицъ изъ Галичины, русскихъ, поляковъ и евреевъ, за то, что во время русской оккупации жили по человѣчески съ русскими. Вотъ вамъ и преступленіе!

Терезинцы иначе относились къ нашей командѣ чѣмъ мы, значительно смѣлѣе, а подражая имъ, осмѣливались и мы.

Издѣвательства Чировскаго.

Но дали намъ новаго настоятеля, поручика, д-ра Чировскаго, изъ Бродовъ, рыснаго мазепу, съ виду только гладкаго и „масненькаго“. Охъ, онъ зналъ ужъ какъ за насъ братья — хуже чѣмъ въ солдатнѣ!

Утромъ въ 6 ч. должны были безусловно всѣ вставать, въ 9 ч. вечера ложиться спать. Сколько разъ прищелъ Чировскій на осмотръ утромъ или вечеромъ, а засталъ кого подъ одѣяломъ (особенно женщинъ), то срывалъ одѣяло, грубо выкрикивая, и поднимались крики и плачъ, ибо часто матери съ маленькими дѣтьми, которая ночью не давали имъ спать, засыпали утромъ, а это, ужасъ, какъ раздражало Чировскаго. Пошла жалоба отъ женщинъ къ полковнику, ну, и позже уже одѣялъ не срывалъ.

Какъ то въ іюнѣ 1915 г. пришелъ приказъ, чтобы всѣ мужчины въ такомъ

и такомъ возрастѣ предстали передъ военной комиссіей къ набору. Всѣ удивились: Verräther озы будутъ брать въ солдаты! Но что дѣлать! Приказъ, такъ приказъ. Начался наборъ рекрутъ, наборъ очень твердый и энергичный; брали молодыхъ и старшихъ, годныхъ и негодныхъ, ибо оказалась большая нужда въ солдатахъ для отправки на новый фронтъ,—италіанскій, а въ дальнѣйшей перспективѣ еще и румынскій! Правда, русская армія оставила Галичину и Буковину и Варшаву, но она не была уничтожена, она все-таки осталась и то нѣсколько миллионная...

Рекрутскій наборъ и слово „russisch“.

Пришла очередь набора солдатъ и изъ интеллигенціи, молодежи и старшевозрастныхъ. И что тутъ оказалось? Почти вся къ набору вызванная интеллигенція записывалась при перекличкѣ какъ русская (russische Nationalität); между набранными были доктора правъ, тѣ оправдывались тѣмъ, что у нихъ въ докторскихъ дипломахъ вписано: „Nationalität: russische“. Вотъ и возникъ сейчасъ конфликтъ: команда приговорила всѣхъ, которые записывали себя русскими, къ 21-дневному аресту, а затѣмъ и къ „anbinden“ по два часа!

И пошли наши за это въ арестантскіе бараки. Одинъ сѣдоглавый священникъ, двухъ сыновей котораго посадили за „russisch“ подѣ арестъ, просилъ полковника о разрѣшеніи подавать имъ нѣсколько лучшей пищу. Полковникъ сказалъ: „Für diese Bitte haben auch Sie drei Tage Arrest“. (За такую просьбу и Вамъ три дня ареста).

И бѣдный старикъ дѣйствительно просидѣлъ три дня въ заключеніи.

Обо всемъ этомъ происшествіи какъ-то узналъ генер. Бачинскій. Явился онъ снова въ Талергофъ. Ровно въ полдень идетъ онъ вмѣстѣ съ полковникомъ и офицерами главной улицы вдоль бараконъ и встрѣчаетъ случайно большую массу крестьянъ-рабочихъ, идущихъ съ поля въ бараки къ обѣду. Вѣроятно у генерала былъ разговоръ съ офицерами о словѣ „russisch“, ибо вне-

запно остановился и велѣлъ остановить всю массу рабочихъ. Одного мужика въ одномъ изъ первыхъ рядовъ спросилъ генералъ: „Ты изъ Галичины?“

— Изъ Галичины.

— Ты полякъ?

— Нѣтъ, я—русинъ.

Какъ того мужика, такъ, проходя вдоль рядовъ рабочихъ, онъ спрашивалъ еще нѣсколькихъ человѣкъ, и всѣ они отвѣчали: я—русинъ.

Наконецъ обратился генералъ къ офицерамъ и сказалъ: „Da sehen Sie, meine Herren, die rechte Wahrheit; alle diese aus Galizien pennen sich „r u s i n i“, Russen, deswegen hat sich so auch die as-sentierete Intelligenz schreiben lassen“. (Такъ видите, господа, сущую правду: всѣ изъ Галичины называютъ себя „русинами“, русскими, потому и взятая въ армію интеллигенція такъ себя велѣла записать).

Такъ понималъ дѣло генералъ, но мазепа Чировскій, не признавая этого все бѣсновался.

Что дальше говорилъ генералъ объ этомъ, мнѣ неизвѣстно.

И много нашихъ неустрашимыхъ патриотовъ попало въ строгую тюрьму за это слово „tussisch“, и почти всѣ затѣмъ были поочередно привязываемы къ столбамъ, и подвѣшиваемы на нихъ, почти половина изъ всѣхъ нихъ не выдерживала наказанія: падали въ обморокъ.

А что было съ ними въ полкахъ! Марка „aus Thalerhof“ была для нихъ осужденіемъ къ преслѣдованіямъ. Имъ прикрѣплялись позорные значки на шапкахъ или на рукавахъ, повышений никакихъ не получали, въ боевой огонь должны были идти первыми, если же не пошли бы, то отъ стоявшей сзади за ними команды имъ пуля въ спину!

Большимъ счастьемъ было для насъ то, что только въ одной части бараковъ велѣъ надзоръ г. Чировскій. Но онъ, хотя рьяный мазепа и большой врагъ интернованныхъ, за хорошія деньги былъ — заочно усерднымъ помощникомъ нѣкоторымъ интернованнымъ въ ихъ стараніяхъ освободиться изъ Га-

лергофа, и въ такихъ случаяхъ уже безъ различія ихъ національности или политическихъ убѣждений. Кто далъ ему секретно 200, 400, 600 и 1000 кронъ (а то и выше), того онъ съ помощью „украинской комисси“ въ Грацѣ вырываетъ изъ Талергофскаго ада. Долгое время ему это удавалось, но, наконецъ, все таки ножка поскользнулась и онъ завершилъ свое талергофское поприще коллоссальнымъ скандаломъ. Его арестовали, посадили въ Грацѣ въ тюрьму и отдали подъ судъ. За его нечестное, неофицерское дѣло, за взяточничество и за освобожденіе тѣхъ, которыхъ онъ прежде ухитрился и успѣвалъ сажать въ тюрьму и подвергать наказаніямъ и оскорбленіямъ, его осудили на degradaciю въ рядовые и на служеніе въ арміи въ первыхъ рядахъ италянскаго фронта, а быть онъ женатъ и у него были дѣти.

Носилъ волкъ, понесли и волка.

Если въ этой главѣ говорилъ я о нашей радости по поводу разрѣшенія читать книги и газеты, то съ прискорбіемъ долженъ я высказать и ту горькую правду, что именно въ Талергофѣ имѣли мы случай познать, какъ нѣкоторые нѣкогда въ гимназій и въ университетѣ учились, для просвѣщенія ли себя и для общаго блага, или же только для хлѣба. Немало мы тамъ узнали такихъ, которые недолго въ школахъ учились, не окончили гимназій и университетовъ, а все же любили книги доставать и читать; иные же съ университетскимъ образованіемъ прямо отворачивались отъ всякаго чтенія. И не то еще: они послѣ сдачи университетскихъ экзаменовъ, такъ таки дальше ничего никогда не читая, въ научныхъ спорахъ, будучи невѣждами, не только не давали себя разубѣдить, но на приведеніе документальныхъ данныхъ еще и гнѣвались.

Зашелъ, было, однажды въ одной кабинѣ споръ о томъ, который городъ больше, Станиславовъ ли, или Коломыя. Одинъ, окончившій университетъ, утверждалъ, что рѣшительно по всѣмъ признакамъ Коломыя больше Станиславова. Я былъ противоположнаго мнѣнія, но меня закричали, и я умолкъ, но пошелъ

принести Бедекера, принесъ и показалъ всѣмъ имъ документъ, что Станиславовъ значительно больше. И что же изъ этого получилось? Еще больше теперь на меня стали кричать, говоря: „Ты очень невѣжливъ; ты все на своемъ хочешь поставить; Бедекеръ—это не документъ; мы стоимъ при своемъ мнѣніи: Коломыя больше“. Такъ какъ всѣ въ заключеніи лишены возможности и средствъ къ переведенію доказательствъ въ аргументаціи, то можно себѣ представить, до какихъ курьезовъ такіе споры иногда доходили.

Всякія напасти и неприятели.

За все время нашего пребыванія въ Талергофѣ сколько напастей и неприятностей испытали мы!

Въ первомъ году, отъ сентября 1914 г. до сентября 1915 г., считала насъ поставленная надъ нами команда послѣдними людьми на свѣтѣ, бродягами, и ни въ чемъ намъ не довѣряла.

Однажды полковникъ приказалъ произвести обыскъ во всѣхъ баракахъ и у всѣхъ за деньгами, за большими суммами, не отданными въ депозитъ командѣ. На обыскъ шелъ капитанъ, оберлейтенантъ и лейтенантъ, въ обществѣ рядовыхъ съ заряженными ружьями. Мы всѣ должны были стоять, не шевелясь, возлѣ своихъ логовищъ (кроватями въ дѣ мѣста нашихъ помѣщеній никакъ назвать нельзя и „берлога“ названіе еще слишкомъ деликатное; наши мѣста для лежанія, и сидѣнія и спанья были хуже тѣхъ, что для собакъ*)—и никуда не выходя. И мы были вынуждены отдавать въ депозитъ всѣ наши запасы денегъ (кромѣ какихънибудь 10—20—50 кр.). А затѣмъ были мы вынуждены черезъ нашихъ комнатныхъ настоятелей ежемѣсячно по 20—50—100 кр. выпрашивать (выклянчивать).

*) Впослѣдствіи отъ Пасхи 1915 г., стали намъ по баракамъ выдѣлывать и ставить „причи“ (нары) и давали намъ на эти нары соломенника (тофьяки); потому мы съ того времени уже не лежали такъ плотно другъ возлѣ друга, какъ прежде.

Иной разъ было приказано снова быть каждому на своемъ мѣстѣ, ибо будутъ поиски за какими-то уворованными деньгами, кольцами, серьгами, бѣльемъ и платьемъ.

Еще иной разъ данъ былъ приказъ находиться на своихъ берлогахъ, ибо будетъ ревизія за скрытыми револьверами, браунингами, пулями, порохомъ, — совѣсть у команды была нечистая, такъ боялась и того, чего не было и быть не могло.

Ревизіи бывали, но никогда ничего не нашли, кромѣ нашихъ собственныхъ денегъ.

Еще бывалъ терроръ и ревизіи за переметными письмами и за табакомъ, а иногда и за укрытымъ топливомъ (необходимо нужнымъ для семействъ, для пригрѣтія молока, чайку, кофе), и за самоварами и примусами!

Было очень много неприятностей и скандаловъ изъ-за воровъ и проституттокъ, помѣщенныхъ очевидно, нарочно въ баракахъ, и изъ-за спанья. Женщины старались отдѣлаться отъ другихъ капами, пледами, но что иногда творилось — ужасъ!

Одинъ еврей (ахъ, эти евреи! никто на насъ такъ усердно жандармамъ и полицейскимъ не указывалъ, какъ евреи; никто насъ везомыхъ въ тюрьмы и въ мѣста заточеній такъ не оплевывалъ, и насъ такъ не безчестилъ, какъ евреи; они были на насъ по-истинѣ дьявольскими доносчиками) выпросилъ себѣ комнатку-сепаратку. И зачѣмъ? А, вотъ сталъ онъ въ лагерѣ посредникомъ по профессіи между проститутками и требующими ихъ! Такимъ парамъ отступалъ онъ свою сепаратку. Команда этого будто и не видѣла.

Въ первомъ году выходили странная исторія съ провизорическими иужниками. Выкапывали длинные рвы, давали вдоль рвовъ круглыя перила, чтобы на нихъ садились узники и эти рвы съ перилами возлѣ всѣхъ бараковъ безъ всякаго прикрытія и служили отхожими для лицъ обоего пола, для интеллигенціи и простонародья.

Рвы эти засыпывали рабочіе часто землю, доколь рвы не закрылись совсѣмъ; послѣ этого копали новые рвы.

Однажды вывелъ караулъ 20 лицъ садиться на перила надъ рвомъ. Они сѣли и—о горе! перила перегнулись въ сторону рва, и всѣ 20 лицъ очутились въ мерзкой грязи! Ужасъ. Плакать хотѣлось надъ бѣдняками.

Но солдаты, которые возлѣ палатки на главной улицѣ все время просиживали, чтобы смѣнять караулы, узнавъ о „прыжкѣ“ несчастныхъ въ ровъ, цѣлую недѣлю смѣялись надъ „событіемъ“, показывали подобными вывертасами на своей скамьѣ, какъ интернованные падали въ грязь и безъ удержу радовались. Вотъ люди! Подъ конецъ 1915-го года построены были порядочныя цементныя отхожія.

Еще слѣдовало бы мнѣ описать здѣсь въ одной главѣ множество горькихъ и странныхъ исторій, которыя я узнавалъ отъ товарищей по недолгъ (обо его пола), исторій ихъ арестованія, заключенія по арестамъ и тасканія ихъ въ товарныхъ вагонахъ или на платформахъ въ мѣста заточенія, но этому посвящу, если Богъ позволитъ, особый трудъ.

Дамокловъ мечъ и надъ „освобожденными“.

Выше уже было сказано о томъ, что и интернованнымъ кое-кому изъ нашей партіи удавалось какъ-то выходить изъ Талергофа еще зимою и лѣтомъ 1915-го года, а позже также. Многимъ изъ нашихъ, которымъ судилось выйти изъ Талергофа въ Гминденъ, не повелось тамъ хорошо; ихъ узнавали какъ членовъ О-ва им. М. Качковскаго, ихъ всячески тамъ бранили, а многихъ, на которыхъ были сдѣланы доносы (своими на своихъ!) возвращали снова въ Талергофъ. Смотрите, какихъ имѣли мы опекуновъ! Одинъ интеллигентъ, освободившись изъ Талергофа сталъ жить въ Вѣнѣ (О.С.), но не долго онъ тамъ жилъ; такъ злобно надоѣдали ему тамъ знакомые „украинцы“, что онъ по нуждѣ переселился куда-то въ Моравію,— Проф. Труша изъ Ст. взяли какъ офи-

цера въ армію, въ Грацъ; тамъ доносъ сдѣлалъ на него жидъ, и отдали его обратно въ Талергофъ, гдѣ пробылъ до мая 1917 г.

Злоупотребленія на почтѣ.

Всѣ мы, талергофцы, терпѣли много весь первый годъ изъ-за бѣды, вызываемой задержкой посылокъ. Не знаемъ, кто, собственно,—виновникъ этихъ почтовыхъ безпорядковъ, наше ли ближайшее начальство, или же почтовые чиновники.

Всѣ интернованные хотѣли, разумѣется, къ своимъ писать часто и отъ нихъ часто получать извѣстія, но увы, наши письма и письма къ намъ гдѣ-то совсѣмъ пропадали. Но когда въ мартѣ 1915 г. довелось нашимъ свыше 150 чел. поступить подъ карантинъ, чтобы вырваться изъ Талергофа, то случилось карантинникамъ что-то невѣроятное: многимъ изъ нихъ вручено всякихъ писемъ (открытокъ и др.) по 15—20 штукъ. Вотъ и выяснилась злоба нашего начальства. Наша канцелярія всю переписку задерживала, а теперь—не стыдились всю ее выдать. Когда вышли одни, освободившіяся изъ-подъ карантина, на свободу, а пришли многіе другіе, то и имъ давали корреспонденцію, собранную за всю зиму. Какая безчеловѣчность!

Лѣтомъ 1915 года принялся было, на нѣкоторое время за продажу всякихъ товаровъ одинъ инженеръ, полякъ, очень милый и вѣжливый человекъ. Черезъ пару недѣль закрыли канину, почему? Пошелъ инженеръ и др. подъ арестъ. За что? За то, что передалъ онъ и др. черезъ гостей, посѣщающихъ насъ изъ Граца или изъ иныхъ мѣстностей, письма на Грацкую почту. Слѣдовали допросы. Инженеръ, допрошенный, почему дерзнулъ подать письмо не черезъ почту „Цеттлингъ-Талергофъ“, отвѣтилъ: „Я писалъ уже много писемъ къ женѣ правильно, но отвѣта не получалъ, такъ, вотъ, и выслать я инымъ путемъ письмо. Прошу этому не удивляться; къ женѣ я всякія дороги буду искать, чтобы только съ ней переписаться. Если считаете это преступлені-

емъ, я кару приму, но писать къ женѣ буду такъ снова, какъ мнѣ удастся“.

Инженера и др. за почту арестованныхъ, выпустили и не карали. Въ 1916—17 году шли письма, денежные посылки и пакеты живѣе и правильнѣе, но съ посылками съѣстныхъ припасовъ отъ родныхъ къ намъ, вышла новая и пренепріятная бѣда, вызванная дороговизною и голодомъ: на почтѣ стали изъ пакетовъ выбирать сыръ, масло, солонину, колбасы, ветчину, хлѣбъ, крупу, сушеные фрукты и иное. — или все или до половины. Мы тамъ въ Талергофѣ голодали, наши тянулись съ послѣдняго, чтобы намъ кое-что послать, а незванные благодѣтели безнаказанно наше добро похищали!

Наша команда часто списывала наши потери изъ посылокъ, но пользы отъ этого не было.

Голодъ.

Посылки съѣстныхъ припасовъ въ 16 и 17 г. были намъ несказанно желанны, ибо тогда канины хлѣба уже не продавали, а казарменнаго хлѣба давали намъ очень мало и то недоброкачественнаго кукурузно-ржаного, или ржано-ячменнаго, или ржаного съ примѣсью меленаго тополя или иного какого-то дерева.

Въ трактирахъ тотъ, у кого были деньги, могъ до половины 16-го года покупать съѣстные припасы всякіе и кусокъ хлѣба, но съ половины 16-го года

и въ трактирахъ давали къ мясу только картошку, капусту или фасоль, хлѣба

Владиміръ Яковлевичъ Трушъ, б. преподаватель и впоследствии директоръ гимназій въ Станиславовѣ, галицко-русскій общественный дѣятель и народный организаторъ, талергофецъ, (упоминаемый въ дневникѣ о. І. Мацага и Запискахъ о. Г. Полянскаго *)

же не давали. Торты подавались всегда послѣ оубда какъ пирожное, а хлѣба не было!

*) Владимиръ Яковлевичъ Трушъ родился 21-го апрѣля 1869 г. въ Золочевѣ, тамъ окончилъ начальную школу и гимназію.

Будучи студентомъ философскаго факультета львовскаго университета, отстаивалъ въ университетѣ права русскаго литер. языка, состоялъ въ 1890 г. секретаремъ, а затѣмъ нѣскольколѣтнимъ предсѣдателемъ студенч. О-ва „Академическій Кружокъ“ и принадлежалъ къ партіи такихъ рѣшительныхъ и неустрашимыхъ борцовъ и пионеровъ въ дѣлѣ полнаго приобщенія Галицкой Руси къ общерусской культурѣ, какъ О. А. Моичаловскій, В. О. Дудыкевичъ, Ю. А. Яворскій и др. Принималъ всегда живое участіе въ общественно-народныхъ дѣлахъ и, пользуясь уваженіемъ и симпатіями въ кругахъ молодежи, съ успѣхомъ воспитывалъ ее въ русскомъ духѣ.

Въ началѣ войны (авг. 1914 г.) былъ австр. жандармами арестованъ и пробылъ долгое время въ Талергофскомъ узилищѣ, только въ маѣ 1917 г. изъ него освобожденный, даже во время конфинаціи претерпѣлъ много изъ-за доносовъ на него. Оказался послѣ войны однимъ изъ первыхъ будителей павшаго, было, народнаго духа

Съ осени 1916 по 7.5 1917 насталь въ Талергофѣ безденежныхъ грозный голодъ. Потому и писали всѣ къ своимъ: „присылайте, Христа ради, что ѣсть“, свои присылали, а посылки не доходили!

На Пасху 1916 г. прислала мнѣ жена окорокъ въ 5 кг., но я его не видѣлъ! О. Ковалю прислалъ кто-то 2 кг. сушеныхъ бѣлыхъ грибовъ, но въ посылкѣ ихъ не было!

Отъ голода померло въ послѣднемъ году много нашего селянства; команда питала ихъ самими юшками (похлебками), мы не могли имъ дать ѣсть, ибо сами еле-еле жили, а своихъ такихъ у насъ не было, чтобы можно было отъ нихъ что-то получить, ибо большая часть Галичины и вся Буковина были снова русскими войсками заняты. Голодающие собирали всякіе кухонные отбросы на дворѣ и съѣдали ихъ жадно!

Большіе праздники и похороны.

Во всемъ свѣтѣ, кажется, не умѣютъ святковать (праздновать) Рождество Христово и Пасху такъ величаво, какъ на Руси, а также и похороны въ восточно-греческомъ обрядѣ гораздо величественнѣе похоронъ у другихъ христіанъ.

Когда приходилось намъ святковать наши годовые великіе праздники въ Талергофѣ, то невзирая на всякіе недостатки и трудности, мы старались все-таки соблюсти многое самое существенное въ нашихъ обычаяхъ обрядахъ по елику возможно, конечно.

Рождественскій праздникъ въ первомъ году былъ убогъ, но хлѣба и бульокъ и мяса еще можно было достать, ну и торты были еще дешевы, то по возможности всѣ старались запастись ими, чтобы съ своими подѣлиться и порадовать другъ друга, но праздникъ Пас-

хи вышелъ несказанно скуднымъ и печальнымъ; для большинства было утѣшеніемъ одно Божіе слово по баракамъ и пѣніе „Христосъ воскрес!“

Мнѣ пришлось служить пасхальную утреню и обѣдню въ пяти баракахъ и благословить тамъ пасхальныя брашна. Но увы! когда посмотрѣлъ я на кровати мужиковъ, гдѣ они положили свои пасхальныя яства, то невольно заплакалъ. У всѣхъ почти не было къ благословленію ничего больше какъ только кусокъ хлѣба и одно яйцо!

О, какъ жаль было мнѣ нашего крестьянства, мужчинъ и женщинъ, и у нѣкоторыхъ и ихъ дѣтей! Но какой крѣпкій духъ былъ у нихъ! Они въ заключеніе неповинно взятыя перенесли геройски все это горе.

Но въ 1916 на 1917 годахъ видѣлъ я уже гораздо большее обиліе пасхальныхъ яствъ; кому то пописывали кое-что лучшее родные, иные, получивъ значительныя деньги за воловъ, коровъ и лошадей, взятыхъ у нихъ для войска, кое-чего купили себѣ, и, вотъ, было всѣмъ отраднѣе.

Въ 16 и 17 гг. вышли наши праздники почти величаво, ибо была уже церковь, а она была нашими не только по воскресеньямъ и праздникамъ, но и въ будни, утромъ и вечеромъ, по берега и за стѣнами, наполнена: въ богослуженіи и въ Божьемъ словѣ находили многіе отраду и утѣшеніе. Но были и такіе, которые не умѣли вести себя достойно, а лишь о томъ помышляли, чтобы ѣсть, пить, курить, въ карты играть, и безобразничать.

О, Господи! Горбатовъ не выпрямитъ и могила, грѣшниковъ не исправятъ ни тюрьма, ни заточеніе, ни далекая чужбина, ни разлука со своими.

Особенно горестно было намъ

въ краѣ и принялся въ 1922 и въ 1923 гг. за восстановление русской политической организаціи въ Галичинѣ и сталъ первымъ предсѣдателемъ Русской Народной Организаціи (РНО).

Особенно многимъ обязана ему Станиславщина, въ которой неуныпно и энергично трудился съ 1899 г. въ теченіе свыше 30-ти лѣтъ, какъ попечитель двухъ русскихъ ученическихъ бурсъ, предсѣдатель „Русскаго Народнаго Дома“, директоръ банка „Самопомощь“ и др. О-въ и организацій. Умеръ 6-го июня 1931 г. въ Станиславѣ.

всѣмъ видѣтъ тамъ совершеніе похоронъ. Бѣдные безусловно были наши всѣ тѣ, которые шли въ могилы гдѣ-то на далекихъ фронтахъ, не вѣсть для кого и за что, но такихъ смерть косила въ теченіе многихъ тысячъ лѣтъ, смерть же заточниковъ, взятыхъ изъ дому, похищенныхъ отъ семействъ ни за что и вывезенныхъ такъ далеко, на чужбину, — большое горе и тяжелая печаль.

Облегчало сердечную боль осиротѣлыхъ родныхъ развѣ лишь то, что иногда оказывалось возможнымъ похоронить покойниковъ своими священниками, при полномъ отпѣваніи въ церкви и съ похороннымъ шествіемъ.

Что до умершихъ тамъ священниковъ и болѣе видныхъ лицъ изъ нашей интеллигенціи, надо сказать, что выхоронили ихъ похороны не такъ ужъ примитивно. Правда, невозможно было укладывать ѣреевъ въ гробы въ церковныхъ ризахъ и нельзя было держать ихъ хоть бы одну ночь въ церкви, но за то дозволено было хоронить ихъ въ порядочныхъ гробахъ и перевозить ихъ на кладбище даже въ сопровожденіи стройнаго хорового пѣнія. На такіе похороны являлись иногда гости даже изъ Граца, и они высказывались о нашихъ пѣвцахъ весьма признательно.

Освобожденіе изъ Талергофа.

Насталь 1917 годъ. Печали, оскорбленій, обидъ и униженій испытали мы немало. Много-премного насъ перебивало, одни прибывали, другіе выбывали, наконецъ осталось насъ тамъ еще около 3.000 чел., особенно стойкихъ русскихъ, нѣсколько сотъ поляковъ, столько же, кажется, румынъ и евреевъ. Изъ этихъ 3.000 была тамъ большая половина съ самого начала.

Во время всего нашего тамъ пребыванія произошли въ мірѣ великія перемѣны: папа одинъ умеръ, новый насталь; нашъ епископъ Константинъ въ Перемышлѣ упокоился, новаго еще не назначили; нашего митрополита Андрея вывезли на сѣверъ, а епископъ Григорій то управлялъ своею епархіею, то оставлялъ ее; нашъ цѣсарь Францъ-Иосифъ I

умеръ, и сейчасъ же сталъ править новый императоръ Карлъ I, а война между тѣмъ охватила всю Европу и распространилась на Малую Азію, и лилась человѣческая кровь неповинно струями, рѣками, на сушѣ и на морѣ, оказалась вынужденною вмѣшаться въ войну и Америка, — она рѣшила за всякую цѣну подавить войну, и обо всемъ этомъ узнавали мы въ Талергофѣ только случайно и съ опозданіемъ изъ газетъ, а какая была въ нихъ правда, извѣстно было всякому.

Свящ. о. Евгенийъ Инаиновичъ Сѣигалевичъ изъ Белелуи, снятинскаго уѣзда, род. 1881 г. рукоположенъ 1905 г., жен., умеръ въ Талергофѣ.

Однако, что узнали мы какъ правдивый и ужасный фактъ, это то, что судили нашихъ наилучшихъ патриотовъ два раза военные суды за шпионство, за измѣну цѣсарю, и приговорили ихъ къ смерти!

Зимой 1917 г., явился къ намъ талергофскимъ священникамъ, делегатъ изъ Вѣны, митратъ. Собравъ насъ въ церкви, сказалъ намъ: „Можетъ быть и выйдете отсюда, но такими, какъ васъ вижу, нѣтъ. По какому праву отрасли-

ли вы себѣ бороды и усы? Послѣ того, какъ ихъ сбреете, будутъ власти васъ иначе судить“.

На это сказалъ о. Р. Ч.: „Всѣ мы были безбородые, а насъ повезли сюда. Если мы отпустили здѣсь бороды, то не потому, чтобы уподобляться священникамъ въ Россіи, только нужды ради: насъ ведутъ караулы часто передъ судъ, для составленія всякихъ протоколовъ, такъ вотъ, мы съ бородами и въ штатскомъ платьѣ, чтобы не знала публика, кого солдаты ведутъ. Такого принятія мѣръ никто во зло вмѣнять намъ не можетъ“.

Я сказалъ делегату: „Кто васъ къ намъ послалъ, не интересовался нашею и всѣхъ нашихъ вѣрныхъ долею, ни нашими душевными нуждами. Какія перемены произошли въ епархіяхъ, объ этомъ насъ никто не повѣдомилъ. О смерти еп. Константина консисторія намъ тоже не сообщила“.

Делегатъ перерываетъ: „Объ этомъ могли вы узнать изъ газетъ“.

Я: На газеты полагаться нельзя. Больше года газеты читать намъ было запрещено, а недавно принесли газеты, что митрополитъ умеръ. Опроверженія же въ нихъ не было. Должны мы вѣрить, что митрополитъ умеръ? Почему духовная власть оставила насъ на произволъ судьбы? А изъ-за такой мелочи, какъ бороды, васъ къ намъ посылаютъ! Если борода что-то страшное, то почему митрополитъ ходитъ съ бородою и такимъ вездѣ на портретахъ мы его видимъ?

Послѣ этого делегатъ ушелъ.

И такъ томились мы дальше въ заточеніи, нашими духовными властями какъ-бы совсѣмъ забытые.

Но пошла молва, что молодой цѣсарь Карлъ хочетъ умилосердиться надъ нами.

Но что значитъ молва!
Spes alit, но spes и falit.

Около праздниковъ Пасхи сталъ бывать въ Талергофѣ чиновникъ, баронъ Райнлендеръ; онъ сказалъ, что дѣйствительно мы выйдемъ изъ Талергофа,

ибо дана почти всѣмъ амнистія, но не смогутъ поѣхать въ Галичину, ибо не всѣ уѣзды освобождены отъ непріятели, и проходить еще чрезъ нѣкоторые уѣзды боевая линія. Вотъ, для насъ радостная вѣсть. Мы стали ходить всѣ къ барону, чтобы узнать о своей судьбѣ. Я пошелъ тоже и уладилъ дѣло за себя, за сына и за двухъ братьевъ.

Свщ. о. Теофилъ Романовичъ Петровскій изъ Рыкова, талергофеецъ, род. 1853 г., рукоп. 1879 г., жен.

Черезъ нѣсколько дней велѣли намъ приходиться за маршрутами и легитимациями, а на 7-ое мая назначень былъ выѣздъ.

Всѣ мы интернованные зашевелились и радовались, что, наконецъ, оставлемъ мѣсто нашего заточенія. Но не всѣ радовались, ибо и не всѣ ѣхали въ Галичину, а многіе изъ тѣхъ нашихъ которые ѣхали въ Галичину, знали, что не найдутъ своей семьи, ибо семьи ихъ бѣженцами жили еще гдѣ-то въ Росто-

въ на Дону или въ др. городахъ Россіи. Я и мой сынъ, мы радовались полнотою, ибо мы ѣхали къ своимъ женамъ и дѣтямъ.

И 10-го мая были мы уже на мѣстѣ у своихъ. Слава Богу! „Кто терпѣть, той спасенъ!“ Мы вытерпѣли съ Божьей

помощью всю горечь гоненія и интернованія, и вышли изъ Талергофа, не переписываясь въ „украинцы“.

Генрихъ Полянскій.

(См. также: „Автобіографія о. Г. А. Поляискаго“ въ жур. „Наука“ за II. и III. кварт. 1931 г.)

Талергофская кантина подъ судомъ.

Описанныя въ Дневникахъ Куриллы (въ III вып. Талергофскаго Аль-ха) и оо. Машака и Полянскаго въ этомъ выпускѣ злоупотребленія въ кантинѣ Талергофскаго лагеря завершились интереснымъ эпилогомъ въ уголовномъ судѣ въ Грацѣ. Ходъ и результаты относит. судебныхъ разбирательствъ представлены были въ грацкихъ нѣмецкихъ газетахъ.

Одинъ изъ б. талергофцевъ, бывший управитель народной школы въ Раковцѣ, нынѣ въ отставкѣ, Матвей Теоодоровичъ Квасникъ, прислалъ намъ любезно для использованія вырѣзку одного такого газетнаго сообщенія изъ залы суда въ Грацѣ, именно изъ газ. Gratzter Tagblatt, кот. здѣсь и приводимъ:

Gerichtssaal, Graz, am 17 Juli 1916.
Ausbeutung in einer Interniertenkantine!

Richter: Umso trauriger, wenn sie die Not der Internierten so ausnützten.

Im Interniertenlager Thalerhof, wurden in letzter Zeit die Insassen in der Kantine schandvoll ausgebeutet. Beim Rapport beklagten sie sich über die ungebührlich hohen Preise. So wurden für ein Kilogramm Kartoffeln 36 Hel., für Äpfel 1 Krone, für Mehl 1 K 80 h. für Zucker 1 K 80 h, für Butter, die im Einkaufe 8 K 80 h kostete— 12 K verlangt.

Auch der Angeklagte Maier antwortete auf die Frage ob es wahr sei, daß er für einen Laib Brot zwei Kronen verlangte. Ja — die Internierten waren froh, wenn man ihnen welches verkaufte. Richter: Wer die Notlage armer Menschen so ausnützt, gehört wirklich an den nächsten Baum geknüpft zu werden.

Angeklagt sind die Kantinepächterin Julie v. Duval, die Unterpächterin: Veronika de Thoma, ihr Geschäftsführer Franz Maier, ferner die Bäuerin Paula Kragl. Diese wurde aber freigesprochen, weil sich die Angabe, sie hätte Kartoffeln zu unzulässig hohen Preisen geliefert, als ungerechtfertigt erwies. Die de Thoma entschuldigte sich damit, daß sie an die Duval einen hohen Pacht zahlen mußte und die Zufuhrkosten hoch waren. Auf den Vorhalt des Richters Landesgerichtsrates Dr. Plankensteiner, daß sie trotzdem nicht sounverschämt hohe Preise verlangen durfte, erklärte sie daß ihr die Weiber für jedes Kilogramm Kartoffeln, die Hand geküßt hätten.

Das Brot war um 80 h eingekauft worden. Maier kaufte ferner Rum um 1 K 80 h für den Litr und verkaufte ihn im kleinen um 12 K 80 h weiter, obwohl der Ausschank verboten war.

Der Richter erkennt bei Duval und Maier auf zu drei Wochen strengen Arrest, verschärft mit einem Fasttage in jeder Woche, gegen de Thoma auf 14 Tage strengen Arrest und 500 K Geldstrafe.

In der Urtheilsbegründung hob er hervor, daß die Angeklagten einträchtig zusammengehalten haben, um die schamlose Ausbeutung der Internierten zu betreiben. Ein Preis von 2 K für den Laib Brot steht bisher einzig da. Deshalb mußte eine strenge Strafe verhängt werden.

Въ переводѣ:

Изъ залы суда.

Грацъ, 17-го іюля 1916 г.

Грабительство въ кантинѣ лагеря для интернованныхъ.

Въ послѣднее время интернованные обитатели лагеря въ Талергофѣ обираются скандальнымъ образомъ. Въ рапортахъ жаловались они на непомѣрно высокія цѣны. Итакъ: взиались за клгр. картошки 36 гел., яблокъ 1 кр., муки 1 кр. 80 гел., сахаръ 1 кр. 80 гел., ма-сла, покупаемаго по 8 кр. 80 гел., даже 12 кр.

Въ качествѣ обвиненныхъ выступаютъ: нанимательница кантины Юлія фонъ-Дуваль, подъ-нанимательница Вероника фонъ-Тома, ея приказчикъ Францъ Майеръ, а затѣмъ крестьянка Павлина Крагль. Послѣдняя была освобождена, ибо донесеніе, что будто она доставляла картошку по не допустимо высокимъ цѣнамъ, не подтвердилось. Обвиненная фонъ-Тома опраздывалась тѣмъ, что она вынуждена была платить слишкомъ высокою наемную плату г-жѣ Дуваль да и подвозъ продуктовъ обходился дорого.

На замѣчаніе судьи, созѣтника суда д-ра Планкенштейнера, что все таки она не должна была требовать столь безстыдно высокіхъ цѣнъ, она заявила, что женщины за каждый килограмъ картошки цѣловали бы ее въ ручку.

Судья: Тѣмъ печальнѣе что вы, пользуясь бѣдственнымъ положеніемъ

интернованныхъ, такъ ихъ эксплуатировали.

Также обвиненный Майеръ, на вопросъ, правда-ли, что требовалъ за хлѣбецъ 2 кроны, отвѣтилъ: Да, интернованные радовались, когда вообще какой-нибудь имъ продавался.

Судья: Кто такъ используетъ бѣдственное положеніе несчастныхъ людей, дѣйствительно долженъ бы быть повѣщенъ на любомъ деревѣ.

Этотъ хлѣбъ покупался по 80 гел. за штуку.

Затѣмъ Майеръ покупалъ румъ по 1 кр. 80 гел. литръ, а продавалъ его по 12 кр. 80 гел., хотя продажа на выносъ была запрещена.

Судья приговорилъ фонъ Дуваль и Майера къ 3-недѣльному строгому заключенію, обостренному однодневнымъ постомъ каждую недѣлю, а фонъ-Тома къ 14-дневному строгому аресту и пенѣ въ 500 кронъ.

Въ обоснованіи приговора подчеркнуто, что обвиненные дѣйствовали по сговору: чтобы сообща грабить интернованныхъ безстыднымъ образомъ. Цѣна 2 кроны за хлѣбецъ — это что то доселѣ небывалое. Потому и приговоръ долженъ быть болѣе строгимъ.

О степени этой строгости въ данномъ случаѣ можно судить различно, но что эта строгость весьма и весьма запоздала, это ясно. Почти два года продолжалось это — какъ судья самъ называетъ — безстыдное обирание интернованныхъ арендаторами кантины съ дворянскими фамиліями (де, фонъ), пока австрійскія власти додумались привлечь ихъ къ этой „строгой“ отвѣтственности.

Отношеніе къ талергофцамъ высшихъ австр. властей и гнусная роль „украинск.“ партіи.

Въ Дневникѣ о. І. Мащака особенно полностью и ярко представлены хлопоты, старанія, ходатайства и безпокойство талергофскихъ узниковъ, все время добивающихся у властей всевозможными путями и способами освобожденія изъ лагернаго ада, или по крайней мѣрѣ разслѣдованія и разбора ихъ (мнимаго) „дѣла“. Но всѣ ихъ ходатайства, жалобы, прошенія, протесты и мольбы были напрасны и не удаивались даже отвѣта. Въ полной неизвѣстности относительно своей дальнѣйшей судьбы, заключенные томилась долгіе мѣсяцы и годы и бились и терзались догадками, чѣмъ все это и — что самое главное — когда кончится.

Между тѣмъ тифъ и другія заразительныя болѣзни косили заключенныхъ десятками, сотнями и тысячами, а несмотря на все это, количество узниковъ въ Талергофѣ отнюдь не уменьшалось, но, напротивъ, все увеличивалось, ибо, по распоряженію властей, постоянно прибывали все новыя и новыя ихъ партіи (транспорты). Талергофскій лагерь сталъ, такимъ образомъ, какимъ-то не то пропускнымъ, не то сортировочнымъ пунктомъ по отправкѣ несчастныхъ, сгоняемыхъ со всего Прикарпатія русскихъ людей (за исключеніемъ немногихъ освобождаемыхъ или отправляемыхъ на конфинацію), преимущественно, въ гарнизонныя и другія тюрьмы и чаще всего на другой свѣтъ, на вѣчное упокоеніе „подъ соснами“.

Сознавая свою правоту и все еще уповая и рассчитывая на справедливость австр. властей, русскіе узники все время обманывали сами себя предположеніемъ, что высшія власти плохо освѣдомлены о положеніи вещей въ Талергофѣ и о массовыхъ арестованіяхъ невинныхъ

людей и что, слѣдовательно, если бы только удалось поставить ихъ обо всемъ этомъ въ извѣстность, всѣ эти пытки распоряженіемъ свыше прекратились бы.

А между тѣмъ, по распоряженію этихъ самыхъ высшихъ властей въ Талергофѣ принимались столь крутыя мѣры по отношенію заключенныхъ и происходили столь прискорбныя явленія, что, повидимому, это мѣсто ставало пунктомъ истребленія русскаго народа, а этотъ „долинный дворъ“ — Юсафатовой долиной русской интеллигенціи и русскаго простонародья. Властями были они обречены на погибель отъ эпидемическихъ болѣзней, голода, холода, насѣкомыхъ, антисанитаріи и грязи, дикаго произвола и жестокой расправы съ ними со стороны лагернаго начальства.

Прибывшая въ Талергофъ „украинская коммиссія“ д-ра Ганкевича освобождала „украинцевъ“, находящихся въ ея партійномъ спискѣ, или же тѣхъ, кто рѣшился бы у ней записаться „украинцемъ“. Кто не рѣшился отречься отъ своего русскаго имени и русской національности, остался въ Талергофскомъ аду до конца, т. е. до роспуска этого лагеря весной 1917 г. Видно это особенно ясно изъ записокъ о. Генриха Полянскаго, который, вмѣстѣ со многими другими русскими узниками, оставался въ Талергофѣ по 7-ое мая 1917 г.

Чѣмъ руководились и что замыслили сдѣлать съ талергофцами высшія австр. рѣшающія сферы, оставалось для отрѣзанныхъ отъ внѣшняго міра нашихъ братьевъ и сестеръ страдальцевъ непроницаемой и мучительной тайной до конца ихъ заключенія. Нынѣ, однако, въ нашемъ распоряженіи находится подлинникъ одного такого тогдашняго офиціального австрійскаго документа, который

эту тайну разоблачает совершенно. В этом документѣ, дѣйствительно какъ въ зеркалѣ, вѣрно отображается отношеніе австрійскихъ бюрократическихъ высотъ къ талергофскимъ мученикамъ и къ массовымъ арестованіямъ и расправамъ полиціи и солдатни съ невинными жертвами во всемъ Прикарпатьи.

Документъ этотъ тѣмъ паче важенъ и замѣчателенъ, что изданъ былъ тѣми самыми высокими властями, отъ которыхъ всѣ эти безчеловѣчныя мѣрпріятія исходили, и притомъ былъ

изданъ уже послѣ широчайшаго размаха ихъ палаческой дѣятельности, именно въ началѣ ноября 1914 г., т. е. когда и вдоволь насытились и полюбовались разстрѣлами и висѣлицами въ Галичинѣ, Буковинѣ и Угорской Руси, и въ тоже время заняты были вопросомъ, что дѣлать со многими тысячами арестованныхъ и интернованныхъ, для которыхъ — какъ видно и изъ этого документа — рѣшительно не хватаетъ въ тюрьмахъ и лагеряхъ мѣста.

Приводимъ его здѣсь полностью и на нѣмецкомъ языкѣ и въ переводѣ:

K. und k. Kriegsüberwachungsamt
K. Ü. A. 8896

Verschluss

An
die k. k. Statthaltereien
in

Wien, am 9. November 1914.

G r a z.

Aus verschiedenen Klagen und Beschwerden, namentlich aus Eingaben des Präsidiums des Ruthenenklubs ist zu schließen, daß sich unter den aus Anlaß der militärischen Operationen in Galizien und in der Bukowina wegen politischer Bedenklichkeit in Gewahrsam genommenen und nach dem Hinterlande zur Internierung gebrachten Personen („Russophilen“) — da bei der Dringlichkeit der Maßnahmen weitgehende Erhebungen gewöhnlich nicht durchführbar waren — auch solche befinden, die nur infolge Mißverständnisse oder falscher Denunziationen mitbetroffen wurden.

Um nun die letzterwähnten Personen aus den Internierungsorten auszuscheiden, ist die sofortige Einleitung einer entsprechenden Aktion notwendig.

Dermalen befinden sich — soviel h. o. bekannt — internierte „Russophile“

Am Thalerhofe bei Graz	ca. 5.700,
Theresienstadt in Böhmen	ca. 890,
Schwaz in Tirol	ca. 40,
Kufstein in Tirol	ca. 50,
Niederösterreich und Oberösterreich	ca. 20,

Außerdem sollen auch noch bei einzelnen Landwehrgerichten — namentlich in Ungarn — angebliche „Russophile“ interniert sein, gegen die das ge-

richtliche Verfahren bereits eingestellt wurde, beziehungsweise mangels eines positiven Tatbestandes überhaupt nicht geführt wird und die nur wegen Zweifels bezüglich ihrer politischen Bedenklichkeit bisher weiter in Gewahrsam gehalten wurden, sonach gleichfalls in die Kategorie der vorerwähnten politischen Haeflinge gehören.

Da sich die meisten angeblichen Russophilen am Thalerhof befinden und auch die Abtransportierung der in anderen Internierungsorten befindlichen „Russophilen“ nach diesem Orte in Aussicht genommen ist, wird eine Untersuchungskommission eingesetzt, deren Aufgabe es ist, in raschster und verlässlichster Weise festzustellen, welche von den aus Galizien, bezw. der Bukowina nach anderen Orten behufs Internierung unter dem Verdachte der *russophilen* Gesinnung gebrachten Personen aus der politischen Haft zu entlassen wären.

Über die Entlassung selbst entscheidet die k. k. Statthaltereien in Graz, an welche die Kommission ihre Anträge zu leiten hätte und an welche auch die Korrespondenz in dieser Angelegenheit zu richten wäre.

Die Kommission hätte zu bestehen: Aus einem älteren Beamten der Statthaltereien in Graz als Leiter, ferner aus dem militärischen Kommandanten des Internierungslagers am Thalerhof und einem vom Militärkommando in Graz zu bestimmenden Offizier für den Justizdienst, dann aus zwei politischen, beziehungsweise Polizeibeamten der galizischen Statthaltereien, die mit den Agenden der russophilen Bewegung vertraut sind. Der Kommission wird ein verlässlicher Vertrauensmann der ukrainischen Partei beigegeben, der die Kommission mit seiner Personalkennntnis zu unterstützen, eventuell auch wegen der weiteren Behandlung und Unterbringung der Freigelassenen vermitteln soll.

Die nötigen, die Zivilfunktionäre betreffenden Personalverfügungen werden vom k. k. Ministerium des Innern getroffen.

Die Grundlage für die Amtshandlungen der Kommission sollen insbesondere bilden:

- 1.) Die vom Präsidium der ukrainischen Partei vorgelegten Listen der verlässlichen Anhänger dieser Partei;
- 2.) die Feststellung, ob gegen die betreffenden Personen nicht noch eine gerichtliche Untersuchung im Zuge ist;
- 3.) die Feststellung, ob sie nicht in den Vormerkungen der Behörden als russophile Parteigaenger verzeichnet sind;
- 4.) die Feststellung, ob sie nicht während ihrer Internierung zu mißliebigen Wahrnehmungen in politischer Beziehung Anlaß gegeben haben;
- 5.) eventuelle weitere Erhebungen, namentlich dann, wenn es sich um Personen handelt, die nicht ausgesprochene Anhänger der ukrainischen Partei sind, daher in den vorerwähnten Listen nicht vorkommen.

Wenn die sub 2, 3 und 4 erwähnten Voraussetzungen nicht zutreffen, und wenn sonst keine begründete Zweifel vorliegen, so wird der Nachweis der Nichtzugehörigkeit zur russophilen Partei dann als erbracht anzusehen

sein, wenn der betreffende Internierte in den erwähnten Listen des Präsidiums der ukrainischen Partei angeführt ist.

Aber auch bezüglich der übrigen nicht in diesen Listen angeführten Internierten hätte die Kommission auf Grund der vorzunehmenden Perlustrierung und namentlich auf Grund der einlangenden Gesuche und Beschwerden zu prüfen, ob eine weitere Internierung dermalen noch notwendig erscheint und eine Entlassung ohne Gefährdung der militärischen und gesamtstaatlichen Interessen erfolgen kann.

Die etwa nötigen Erhebungen werden durch direkten Verkehr der Kommission bzw. der Statthalterei in Graz mit in Betracht kommenden politischen bzw. Polizeibehörden, eventuell militärischen Stellen, auf kürzestem Wege zu pflegen sein. Die befragten Stellen haben die Antwort ungesäumt in der Regel telegraphisch zu erteilen, damit die etwa unschuldig betroffenen Personen nicht länger in Haft gehalten werden.

Was die an anderen Orten — nicht bei Landwehrgerichten — internierten, in die Kategorie der politisch verdächtigen Inländer gehörigen russophilen Ruthenen anbelangt, so sind zunächst die ohnedies wohl vorhandenen Listen dieser politischen Häftlinge unverzüglich der Statthalterei in Graz zu übermitteln (должно быть: übermitteln), welche, soweit als möglich, die weitere Amtshandlung durch die Kommission veranlassen und die Entscheidung treffen wird, als wie wenn sich diese Personen am Thalerhof befinden würden. Die etwaige Abtransportierung nach Thalerhof, soweit nicht schon früher die Freilassung verfügt wurde, erfolgt erst über besondere h. o. Weisung.

Bezüglich der bei den Landwehrgerichten noch in Gewahrsam befindlichen politisch Verdächtigen hat inzwischen das k. k. Ministerium für Landesverteidigung den abschriftlich mitfolgenden Erlaß vom 3. November 1914, Zl. 9651-V an die Landwehrgerichte gerichtet.

Da jedoch einzelne der dort genannten Gerichte in Ungarn aufgestellt sind, wird es manchmal zweifelhaft sein, welcher österreichischen politischen Behörde die aus gerichtlicher Haft entlassenen Personen zu überstellen sind.

Für diesen Fall wird verfügt, daß — insoweit es sich um „Russophile“ aus Galizien handelt — zunächst Listen der betreffenden gerichtlich nicht, bzw. nicht mehr verfolgten Personen samt den etwa vorhandenen Strafakten der Statthalterei in Graz übersendet und jene Personen, die von den Gerichten nicht ohnedies direkt auf freien Fuß gesetzt werden, vorläufig auf kurze Zeit zurückzuhalten wären, bis die Statthalterei in Graz, welche in dieser Beziehung mit der größtmöglichen Beschleunigung vorgehen hat, auf Grund der Feststellung der Thalerhofer Untersuchungskommission den bezüglichen Landwehrgerichten die Verstaendigung zukommen läßt, ob die Freilassung auch aus der politischen Haft erfolgen kann oder nicht.

Diejenigen Individuen, die für weitere politische Internierung bestimmt erscheinen, sind dann nach Thalerhof zu instradieren; ihr Abtransport ist

rechtzeitig der Statthalterei in Graz zu avisieren und Transporte über 30 Mann auch der Zentraltransportleitung in Wien anzumelden.

Bezüglich der etwa bei der Landwehrgerichts-Expositur Besztercze in Gewahrsam befindlichen Russophilen aus der Bukowina hätte sich diese Expositur mit der k. k. Landesregierung in der Bukowina in das Einvernehmen zu setzen.

Den auf freien Fuß gesetzten Personen ist in allen Fällen von jener Behörde, in der die Internierung stattgefunden hat, eine Legitimation auszustellen, welche nebst der genauen Personsbeschreibung sowie die Unterschrift des Entlassenen die Bestätigung enthalten soll, daß der Betreffende als politisch unbedenklich aus der politischen, bzw. gerichtlichen Haft entlassen wird. Diese Legitimationen, welche in deutscher Sprache nebst einer polnischen und ruthenischen Übersetzung zu verfassen waeren, haben den Zweck, den Freigelassenen vor etwaigen neuerlichen Maßregelungen aus dem gleichen Anlasse, der zur ursprünglichen Internierung Anlaß gab, zu schützen.

Die Freigelassenen werden stets nach den gleichen Grundsätzen wie die Flüchtlinge aus Galizien und der Bukowina zu behandeln sein.

Die in Oesterreich entlassenen unbemittelten Ruthenen würden sonach — soweit eine anderweitige Versorgung untunlich und soweit auch eine Unterbringung in Wolfsberg in Kaernten nicht mehr erfolgen kann — nach Bruck a. d. Leitha kommen.

Das kgl. ung. Ministerium des Innern wird zugleich um die Zustimmung (очевидно: Zustimmung) ersucht, daß die in Ungarn von den Landwehrgerichten auf freien Fuß gesetzten Personen auch dort nach den gleichen Grundsätzen wie die sonstigen Flüchtlinge aus Galizien oder der Bukowina behandelt werden.

Zugleich werden der k. k. Statthalterei die vom Praesidium des Ruthenenklubs h. o. vorgelegten Listen der internierten ukrainischen Parteigaenger, für deren politische Verlaesslichkeit das genannte Praesidium die vollste Garantie übernimmt, zur weiteren Veranlassung übermittelt.

Ergeht an die k.k. Statthalterei in Graz, abschriftlich zur Kenntnissnahme an die Statthalterei in Wien, Linz und Biala, an die Landesregierung in Dorna Watra, an die Bezirkshauptmannschaften in Leitmeritz, Kufstein und Schwaz, an das k.k. Gericht des Militaercommandos in Munkacs, an die k.k. Landwehrgerichte, Expositur Iglo, in Marmaros-Szigez (очевидно: Sziget) und Besztercze, an die Militaercommanden in Graz, Leitmeritz, Munkacs, Pozsony 2 und Krakau, an das k.k. Ministerium des Innern, an das k.k. Ministerium für Landesverteidigung, an das k.k. Ministerratspraesidium und an den kgl. ung. Minister des Innern.

S c h l e y e r m. p. Fmlt.

Praesidium der k. k. steierm. Statthalterei
eingelangt am 10. November 1914, Pr. 2616/11.

Въ переводѣ:

Имп. и кор. военно-охранное вѣдомство.
№ 8896.

Довѣрительно.

**Въ Имп. кор. Намѣстничество
въ Грацѣ.**

Вѣна, 9-го ноября 1914 г.

Изъ разныхъ жалобъ и протестовъ, въ частности же изъ заявленій президіума рутенскаго клуба явствуетъ, что между лицами, арестованными изъ-за военныхъ дѣйствій въ Галичинѣ и Буковинѣ и эвакуированными для интернированія въ тылъ („руссофилами“) — въ виду того, что по спѣшности мѣропріятій надлежащаго разслѣдованія производить было некогда — находятся и такія личности, кои попались только по недоразумѣнію или же ложнымъ доносамъ.

Съ цѣлью выдѣленія таковыхъ изъ мѣстъ заключенія необходимо начать соотвѣтствующія дѣйствія немедленно.

Въ настоящее время находятся — поскольку здѣсь извѣстно — интернированные „руссофилы“:

въ Талергофѣ возлѣ Граца	ок. 5.700 чел.
„ Терезинѣ, въ Чехіи	„ 890 „
„ Швацѣ, въ Тиролѣ	„ 40 „
„ Куфштейнѣ, въ „	„ 50 „
„ Нижней и Верхней Австріи	„ 20 „

Кромѣ этихъ, кажется, находятся еще въ заключеніи также при отдѣльныхъ военно-ополченскихъ судахъ — въ частности венгерскихъ — такіе мнимые „руссофилы“, противъ которыхъ судебное слѣдствіе уже пріостановлено или же за неимѣніемъ никакихъ положительныхъ данныхъ вообще не ведется и которые содержатся до сихъ поръ дальше въ заключеніи только по сомнительнымъ соображеніямъ относительно ихъ политическаго образа мыслей и, слѣдовательно, такъ же точно принадлежать къ той же категоріи политическихъ узниковъ.

Такъ какъ наибольшее число предполагаемыхъ руссофиловъ находится въ Талергофѣ и имѣется въ виду также перевезеніе туда же и „руссофиловъ“, интернированныхъ въ другихъ мѣстахъ, то назначается особая слѣдственная комиссія, заданіемъ которой будетъ установить скорѣйшимъ и надежнѣйшимъ образомъ, кого изъ лицъ, вывезенныхъ изъ Галичины и Буковины въ другія мѣста для интернированія по подозрѣнію въ *руссофильскомъ* образѣ мыслей, слѣдовало бы освободить изъ политическаго ареста.

О самомъ освобожденіи рѣшало бы имп.кор.намѣстничество въ Грацѣ, къ которому комиссія должна бы направлять свои предложенія и къ которому должна бы также адресоваться вся переписка по этому дѣлу.

Комиссія должна бы состоять изъ: старшаго чиновника грацкаго намѣстничества какъ руководителя (предсѣдательствующаго), затѣмъ изъ военныхъ комендантовъ Талергофскаго лагеря интернированныхъ и одного офицера-судьи (авдитора), котораго назначить военная команда въ Грацѣ, затѣмъ изъ двухъ политическихъ, респ. же полицейскихъ чиновниковъ галиційскаго намѣстничества, свѣдущихъ въ проявленіяхъ руссофильскаго движенія. Къ комиссії присоединяется надежное и довѣренное лицо (конфидентъ) украинской партіи, которое будетъ помогать комиссії своими личными свѣдѣніями и оказывать свои посредническія услуги также въ дѣлѣ и на случай дальнѣйшаго поступленія и обращенія съ лицами уже освобожденными.

Надлежащія, гражданскихъ чиновъ и личнаго состава касающіяся распоряженія издаетъ имп. кор. министерство внутреннихъ дѣлъ.

Основаніемъ для исполнительныхъ дѣйствій комиссії должны служить въ частности:

- 1) Президіумомъ украинской партіи предложенные списки надежныхъ сторонниковъ этой партіи;
- 2) выясненіе вопроса, не ведется ли еще судебное слѣдствіе противъ отнес. лицъ;
- 3) выясненіе, не представлены ли (аттестованы ли) эти лица въ актахъ (записяхъ) властей какъ сторонники руссофильской партіи;
- 4) выясненіе, не дали ли эти лица какого-нибудь повода къ отрицательнымъ замѣчаніямъ въ политическомъ отношеніи во время ихъ интернированія;
- 5) возможные дальнѣйшія разслѣдованія, въ частности въ такихъ случаяхъ, когда дѣло будетъ касаться лицъ, которыя не являются открытыми сторонниками украинской партіи и потому въ вышеуказанныхъ спискахъ не значатся.

Если подъ 2) 3) и 4) приведенныя предпосылки не находятъ примѣненія и если, впрочемъ, никакихъ обоснованныхъ сомнѣній нѣтъ, можно непринадлежность къ руссофильской партіи считать доказанной, если относительный интернированный находится въ означенныхъ спискахъ украинской партіи.

Но также относительно прочихъ, въ этихъ спискахъ не названныхъ интернированныхъ должна бы комиссія на основаніи производимой проверки и въ частности на основаніи поступающихъ прошеній и жалобъ установить, является ли нынѣ дальнѣйшая ихъ интернація нужной и можетъ ли наступить ихъ освобожденіе безъ ущерба для военныхъ и вообщегосударственныхъ интересовъ.

Такъ или иначе нужныя разслѣдованія комиссія или же грацкое намѣстничество должны производить путемъ прямого сношенія съ отно-

Сительными политическими или полицейскими властями и незамедлительно. Опрошенные вѣдомства должны немедленно и по правилу давать отвѣты по телеграфу, дабы сколько-нибудь невинно пострадавшія лица не содержались дальше въ заключеніи.

Что же касается интернованныхъ въ другихъ мѣстахъ, — не при военно-ополченскихъ судахъ — включенныхъ въ категорію политически подозрительныхъ руссофиловъ-русинъ, то прежде всего слѣдуетъ и по-давно имѣющіеся подъ рукой ихъ списки безотлагательно переслать въ намѣстничество въ Грацъ, которое, поскольку это возможно, распорядитъ дальнѣйшее дѣлопроизводство черезъ комиссію или же вынесетъ постановленіе такъ точно, какъ если бы такія лица находились въ Талергофѣ. Перевезеніе ихъ въ Талергофъ въ случаѣ, если ихъ освобожденіе не было уже раньше распоряджено, можетъ наступить только по особому указанію отсюда.

Относительно заключенныхъ при военно-ополченскихъ судахъ политически заподозрѣнныхъ имп. кор. министерство ополченія обратилось отношеніемъ отъ 3 ноября 1914 г. за № 9651 — V къ военноополченскимъ судамъ.

Въ виду того, однако, что таковыя отдѣльные суды установлены въ Венгрии, иногда окажется сомнительнымъ, которой именно австрійской политической власти слѣдуетъ передать освобожденныхъ изъ судебного заключенія арестантовъ.

На такой случай дается распоряженіе, чтобы — поскольку дѣло въ галиційскихъ „руссофилахъ“ — списки такихъ изъ нихъ, которые ни судебнымъ порядкомъ, ни вообще никакъ не преслѣдуются, были пересланы вмѣстѣ съ возможно имѣющимися слѣдственными актами намѣстничеству въ Грацъ, а лица, которыхъ эти суды все таки не выпустили на свободу, были покамѣстъ на короткое время задержаны, пока грацкое намѣстничество, которое въ этомъ отношеніи должно дѣйствовать возможно наиспѣшнѣе, не сообщитъ относ. военно-ополченскимъ судамъ на основаніи разслѣдованій талергофской слѣдственной комиссіи, могутъ ли эти лица быть освобождены также изъ-подъ политическаго ареста или нѣтъ.

Тѣ арестанты, которые кажутся подходящими для дальнѣйшей политической интернировки, должны быть доставлены въ Талергофъ. О ихъ предстоящемъ перевезеніи должно быть заблаговременно предъупреждено грацкое намѣстничество, а о транспортѣ партій по свыше 30 человекъ слѣдуетъ докладывать также центральному эвакуаціонному вѣдомству во Вѣнѣ.

Относительно находящихся въ заключеніи при военной судебно-ополченской экспозитурѣ въ Бестерчѣ буковинскихъ руссофиловъ должна эта экспозитура войти въ сношенія съ политическими властями въ Буковинѣ.

Для лицъ выпускаемыхъ на свободу во всѣхъ случаяхъ та власть, при которой они были интернированы, должна выготовить легитимациі, въ которыхъ, кромѣ точнаго описанія личности и подписи освобождаемаго, должно заключаться подтвержденіе, что относительное лицо политически не заподозрѣно и изъ политическаго или судебного ареста освобождается. Эти легитимациі, которыя должны быть составлены на нѣмецкомъ языкѣ при польскомъ и малорусскомъ переводахъ, имѣютъ своей цѣлью защиту уже освобожденныхъ отъ возможныхъ новыхъ преслѣдованій по тому же поводу, по которому первоначально уже были арестованы.

Съ освобожденными слѣдуетъ всегда обращаться такъ точно, какъ съ бѣженцами изъ Галичины и Буковины.

Въ австрійской половинѣ освобожденные и неимущіе русины должны затѣмъ — поскольку поселеніе и устроеніе ихъ такъ или иначе въ Вольфсбергѣ въ Каринтіи уже невозможно — направляться въ Брукъ на р. Лейтѣ.

Одновременно у венгерскаго кор. министерства внутреннихъ дѣлъ испрашивается согласіе на подобное же третированіе освобожденныхъ венгерскими ополченскими судами лицъ какъ и другихъ бѣженцевъ изъ Галичины и Буковины.

Одновременно имп. кор. намѣстничеству препровождаются предложенныя здѣшнимъ президіумомъ рутенскаго клуба списки интернованныхъ сторонниковъ украинской партіи, за политическую благонадежность которыхъ названный президіумъ совершенно ручается, на дальнѣйшее распоряженіе.

Отправляется имп. кор. намѣстничеству въ Грацъ, въ копіяхъ для свѣдѣнія намѣстничествамъ во Вѣнѣ, Линцѣ и Бялой, краевому (буковинскому) правительству въ Дорнѣ Ватрѣ, старостамъ въ Литмерицѣ, Куфштейнѣ и Швацѣ, имп. кор. военному суду въ Мункачѣ, имп. кор. ополченскимъ судамъ и ихъ экспозитурамъ въ Иглѣ, Мармарошъ-Сиготѣ и Бестерчѣ, военнымъ командамъ въ Грацѣ, Литмерицѣ, Мункачѣ, Пошоны 2 и Краковѣ, имп. кор. министерству внутр. дѣлъ, имп. кор. ополченскому мин-ву, ц. к. президіуму совѣта министровъ и венгерскому кор. министерству внутр. дѣлъ.

Ш л е й е р ъ, соб. р., фельдмаршаллейтнантъ.

Президіумъ имп. кор. Стирійскаго намѣстничества,

вошло 10-го ноября 1914 г., Пр. 2616|11.

Комментарии излишни. Критика и объяснение этого документа, впрочем, принадлежат истории. Здесь же теперь остается только указать на вытекавшие из него неизбежно и обусловленные им факты. Итак:

Во вступлении признается факт, что арестованы были и содержатся в заключении многие „руссофилы“ только „по недоразумению или же ложным доносам“.

Замечательно употребление терминов: „руссофилы“ и „украинцы“ (или „украинская партия“ и ее президиум). Первый из них („руссофилы“) значить, как видим, то же самое, что преступники, изменники, и потому обреченные на осуждение, содержание в заключении и гибель, — второй („украинцы“), это все равно что синонимы: люди благонадежные, заслуживающие безусловно полного доверия, а потому имевшие право и подлежащие немедленному освобождению, если по ошибке или недосмотру были арестованы, и должны играть доверительную и полномочную роль в деле рещения дальнейшей судьбы настоящих и мнимых „руссофилов“. Здесь впервые в австр. официальном документе употребляются термины „украинцы“ и „украинский“ в национальном смысле. Только во время войны Австро-Венгрия ршила на это нововведение и ршила самой себя на горе, от этого ей не поздоровилось. Но видно еще нкоторое колебание в этом отношении: упоминается еще парламентский „рутенский клуб“, фактически, как известно, „украинский“. За то совсем не определена национальность ненавистных „руссофилов“. Было бы ошибкой предполагать, что отсутствует это определение потому, что преступниками — „руссофилами“ были люди разных национальностей. Отнюдь нтъ. Хотя в талергофском лагере и содержалось известное (сравнит. небольшое) количество интернованных поляков, евреев и др., но в документе под „руссофилами“ подразумеваются люди русской национальности из Галичины, Буковины и

Угорской Руси. Что это несомненно так, явствует из сл. „русины“ дальше и из др. соврем. австр. офиц. документов: в частности, нпр., в обвинительных актах и приговорах I и II вискских полит. процессов означены „руссофилами“ все обвиненные, исключительно одни только русские галичане. Объясняется здесь эта странность тмъ, что хотя, ввиду признания особой „украинской“ национальности, тмъ самым требовалось признание русской национальности (термин „рутены“ не мог вдь идти в расчет, ибо относился и к русским и к „украинцам“), все же Австро-Венгрия, с ослиным упрямством, так и до послдняго своего издыхания не признавала наличия русской нации в Прикарпатьи. В этой разительной непослдовательности и нелогичности австро-венгерская бюрократия руководилась прямыми указаниями наших „украинцев“, которые тогда уже да и нынъ, сами отрекшись от русского имени, желают и селятся, во чтобы то ни стало, лишить его и русских, и потому называют их москвофилами, москалями, кацапами и др. под прозвищами, только не русскими, в печати и всяких заявлениях, с таким же ослиным упрямством. Как панически трепетала Австро-Венгрия пред русским именем до самой своей постыдной кончины, можно судить по той жестокой расправе с галицко-русскими студентами, которая была описана в Дневникъ Куриллы и записках К. Чижа в III вып. Талергофского Альманаха, гдъ 48 чел. были наказаны подвешиванием к столбу за то, что при рекрутском наборе в талергофском лагере назвали свою национальность русской („russisch“).

В комиссии, заданием которой будут постановления об освобождении или дальнейшем содержании в заключении отдельных „руссофилов“, должно служить своими личными свдниями, надежное и доверенное лицо (конфидентъ) украинской партии. О везенных же из Галичины и Буковины узниках выразительно сказано, что

арестованы и интернованы они „по подозрению в руссофильском образе мыслей“.

Пункты 1—5 документа показывают, что немедленно освобождались из заключения сторонники „украинской“ партии, фигурирующие в списках, предложенных президиумом этой партии, но что безусловно содержались дальше в тюрьмах и лагерях заключенные сторонники „руссофильской“ партии.

Названные „украинские“ конфиденнты оказывают свои услуги, как видим, также „в деле и на случай дальнйшаго поступления и обращения с лицами уже освобожденными“ (и находящимися уже на конфинации — добавим на основании данных материала). И действительно они, эти конфиденнты, слдили и доносили и на конфинированных и освобожденных русских.

Из документа видно, что то „безголовье“, которое царит все время в талергофском лагере из-за все прибывающих новых транспортов, для которых там не было ни мста, ни барраков, ни одежды, ни пищи, выходило из относительных распоряжений высших властей.

Если сообразить, с каким удивением подчеркивалась в этом распоряжении высших австр. властей „украинская“ благонадежность и какое важное значение придавалось „партийным украинским“ спискам, то становится уже до нкоторой степени по-

нятым то издательское нахальство, то хамство, с которым отдельные „украинские“ конфиденты приставали к русским узникам с предложением записаться у них в „украинцы“ и добиться таким путем освобождения. Вместо с тмъ, с истинным удовлетворением приходится отметить, что крайне мало нашлось таких русских узников, которые поддались этому соблазну. Огромное их большинство, почти все, гнали этих нахалов вон, неустрашимо исповдуя свою принадлежность к Руси, и, держа в тюрьме, даже на процессах, перед вислицей и разстрелом, русское национальное знамя высоко, героически перенесли все тяжкия испытания, все страдания, до конца. За то, с другой стороны, если учесть и взвесить все довоенные преследования русских и покровительство и поддержание „украинцев“ со стороны властей, а затмъ военной террор по отношению первых и безпредельное доверие и благоговение ко вторым, то какой безстыдной ложью и каким дьявольским цинизмом были все эти „украинские“ заявления, в печати, парламент, на вечах и собраниях в крае и в разных передних границей, о том, что к „украинской“ партии присоединяются многие из-за „живучести, правды и чистоты украинской sprawy“ и вообще из идейных побуждений!

Краткія записки изъ воспоминаній отдельных узниковъ.

Бережанскій уездъ.

(Сообщение свящ. о. Гр. Качалы)*

Наше путешествие в Талергофъ длилось с понедельника до пятницы вечеромъ.

*) Начало см. Тал. Альм., I. вып., стр. 33.

Посл оставления вагоновъ пошли мы ускореннымъ шагомъ на талергофскую равнину. Многие изъ насъ падали отъ усталости а задние ряды проходили по упавшимъ, ибо никому не разршалось посторониться изъ колонны. В какую кто былъ определенъ. В случаъ несоблюдения этого приказа ударъ прикладомъ шибалъ нарушителя этого порядка

съ ногъ и провинившійся попадалъ подъ ноги слѣдовавшихъ за нимъ. Подобный случай произошелъ со свящ. Чубатымъ изъ Жукова.

Двое сутокъ провели мы подъ голымъ небомъ. Не разрѣшалось разговаривать, ни двигаться съ мѣста. Люди лишились чувствъ, и падали отъ голода и жажды. Я лично какъ то голода совершенно не ощущалъ, не смотря на то, что ничего не ѣлъ, я забылъ о голодѣ, но

Свящ. о. Романъ Васильевичъ Кокотайло, с. Туринка, жолковского уѣзда, талергофецъ, род. 1875 г., рукоп. 1901 г., жен.

страшно томился жаждой, такъ что предполагалъ уже близкую смерть.

Тутъ былъ я свидѣтелемъ, какъ конвойные убили скованнаго въ цѣпи церковнаго старшаго брата изъ села Болотны. Фамилии его не помню*).

Нѣкоторое время спустя я былъ посланъ за водой вмѣстѣ со свящ. о. Хилякомъ, кажется лемкомъ по происхожденію. Онъ то и дѣло съ непонятнымъ

*) См. «Временникъ» на 1925 г. «Звонарь Матвій»!

для меня упорствомъ доказывалъ солдату, что мы невинные. Однако солдаты съ не меньшимъ упорствомъ подгоняли насъ прикладомъ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, выкрикивая: „Roscha“ (gascher-скорѣе).

Воду носили мы въ ушатѣ. Мой коллега былъ высокаго роста, я низкаго, вслѣдствіе чего ушатъ постоянно накренивался въ сторону и вода выливалась черезъ край. Это приводило въ ярость сопровождавшаго насъ солдата и онъ за убытокъ воды поминутно потчивалъ насъ прикладомъ винтовки.

Не помню сколько разъ мы обернули съ этой водой; вконцѣ концовъ я отъ изнеможенія упалъ на лѣстницѣ. Тутъ нашъ конвоиръ понялъ несуразность своего усердія и уволилъ насъ отъ дальнѣйшаго водоношенія.

Однажды были вызваны 195 чело-вѣкъ и отправлены въ Градецъ на допросъ и судъ. Тамъ былъ я посаженъ въ камеру вмѣстѣ съ священниками: старенькимъ Билинкевичемъ, изъ Бурштинскаго района, Чубатымъ изъ Жукова, Томовичемъ, Пилипцемъ, двумя молодыми Дуркотами и двумя словинскими священниками — всего 18 чело-вѣкъ. Только 27-го октября я былъ оправданъ (freigesprochen, aber nich freigelassen — оправданъ, но не освобожденъ), и переданъ подъ надзоръ гражданскихъ властей, но фактически былъ я обратно водворенъ въ Талергофъ, въ баракъ №-6, гдѣ я прожилъ до весны 1915 года.

Дальше жилъ я три года въ Градцѣ, а весной 1918 года благолучно вернулся домой.

Свящ. Григорій Качала.

Самборскій уѣздъ.

I.

(Сообщеніе свящ. Іоанна Шемердяна*).

Послѣ мытарствъ въ галицкихъ тюрмахъ, мы очутились въ Талергофѣ.

На второй или третій день послѣ прѣзда дали мнѣ и свящ. о. І. Ольшан-

*) Другія сообщенія объ арестованіяхъ и пр. см. Талергоф. Альм. I. вып. стр. 125-131.

II.

(Сообщеніе Антона Бачинскаго*.)

Послѣ четырехнедѣльнаго каранти-на мой отецъ, Іосифъ Бачинскій, былъ помѣщенъ въ Талергофскихъ баракахъ. Тамъ встрѣтился онъ съ г-жей Байко, д-ромъ Цюкомъ, г. Мудрѣмъ — всѣ

скому изъ Хирова работу: велѣли чистить лопатами отхожіе мѣста, устроенныя на ладъ походныхъ военныхъ отхожихъ.

Жизнь въ палаткахъ и ангарахъ, надѣюсь, опишутъ другіе, я вспомню лишь нѣсколькими словами о своихъ родныхъ и близкихъ.

Вмѣстѣ со мной арестовали въ Гуменцѣ моего шурина Оому Петр. Витошинскаго, старшаго жел.-дор. ревизора въ Станиславовѣ. Изъ Гуменца былъ онъ вывезенъ въ станиславовскій острогъ Дуброву, а оттуда доставленъ въ Талергофъ раньше меня, и былъ назначенъ надсмотрщикомъ въ 4 омъ баракѣ. Затѣмъ оклеветанный однимъ полякомъ, былъ посаженъ полковникомъ Штадлеромъ въ одиночную камеру на недѣлю.

Не знаю, много ли найдется такихъ семействъ, которыя пострадали бы столько во время всемірной войны сколько мы. Въ Талергофѣ было насъ четыре брата: Іоаннъ Шемердякъ изъ Гуменца, Василій изъ Стараго Самбора, Ѳеодоръ Шемердякъ, съ двумя сыновьями, и Петръ Шемердякъ, съ сыновьями, Григоріемъ и Львомъ, и отчимомъ, Дмитріемъ Волчи-комъ изъ Стараго Самбора.

Ѳеодоръ Шемердякъ и Дм. Волчикъ умерли въ Талергофѣ. Семья Василія Шемердяка, состоявшая изъ четырехъ лицъ, опасаясь участи постигшей ихъ отца, отступила съ русскими войсками и пропала безъ вѣсти, а сынъ его Владиміръ, погибъ добровольцемъ въ арміи Колчака. Самъ отецъ Василій, вернувшись прибитый горемъ изъ Талергофа, умеръ въ 1919 году.

Пятый братъ, Андрей Шемердякъ, вернувшійся изъ Киева, былъ посаженъ мѣстными мазепинцами въ Перемышльскую тюрьму.

Когда я вернулся изъ Талергофа, не засталъ дома никого изъ своихъ родныхъ. Мои также бѣжали въ Россію, откуда вернулись въ 1918 году, за исклеченіемъ двухъ сыновей, студентовъ Осипа и Евгенія. Первый погибъ въ арміи Врангеля, второй въ арміи Колчака.

И. Ш.

Свящ. о. Петръ Яневъ, наст. прихода въ Гнилой, пч. Борыня, у. Турка на Стрыѣ, талергофецъ, род. 1869 г., рукопол 1896 г., жен. Снимокъ сдѣланъ сейчасъ послѣ освобожденія изъ Талергофа, 14 февраля 1917 г., и перехода на конфинацію. Арестованъ былъ въ началѣ войны, до мая 1915 г. пробылъ въ Тереванѣ, въ Чехіи, отъ мая 1915 г. до февраля 1917г., въ талергофскомъ лагерѣ. Отъ 14. февраля 1917 г. по 29 сентября 1917 г. былъ на конфинаціи въ Passau bei Weitz. Когда съ конфинаціи вернулся на родину, то со своей роскошной бородой ходилъ въ с. Гнилой ровно только 21 день, ибо на эту бороду былъ сдѣланъ доносъ въ старство и по его приказу она „лягла головою“.

изъ Самбора — и съ свящ. о. Куцѣмъ изъ Лѣнины.

Пока были деньги, отцу жилось сносно. Позже его положеніе сильно ослабло. Харчи ухудшились качественно и количественно, а съ сокраще-

*) См. объ арестованіяхъ Талергоф. Альм. I. вып. стр. 129-131.

ніемъ до минимума казеннаго продовольственнаго пайка, пришлось посылать ему изъ дому посылки.

Въ Талергофѣ промучился отецъ два года. Стараніями родныхъ былъ онъ освобожденъ 27 апрѣля 1917 года.

Отецъ вернулся домой совершенно больной. Перенесенныя имъ физическія и моральныя страданія свели его въ могилу 7 апрѣля 1919 года,

А. Б.

III.

С. Ленина, Самборскаго уѣзда.

(Сообщенію свящ. Даніила Куцѣя*)

8 сентября, остановился нашъ эшелонъ въ Вадовицахъ. Изъ поѣзда, привѣтствуемые яростными криками мѣстныхъ жителей, собравшихся на вокзалѣ, подъ тучей бросаемыхъ на насъ камней, мы были отправлены въ вадовицкую тюрьму. При входѣ въ нее тюремный сторожъ, стоя въ дверяхъ, билъ каждаго интернированнаго, входящаго въ тюрьму, по головѣ. Въ тюрьмѣ построили всѣхъ въ коридорѣ и подали воду.

Вдругъ выступаетъ передъ нами фельдфебель-украинофилъ съ назидательной рѣчью и, ругая насъ измѣнниками и виновниками войны, указываетъ на кучу патроновъ, лежавшихъ въ коридорѣ, которые по его словамъ были назначены для нашего разстрѣла. Онъ обратилъ съ призывомъ къ находившимся съ нами крестьянамъ, рассказать во время слѣдствія все, о чемъ говорили имъ въ церкви бунтовщики священники.

Только 12 сентября эшелонъ выѣхалъ изъ Вадовицъ и направился на западъ.

Было насъ всего четыреста человекъ, по большей части изъ Сяноцкаго, Стрыйскаго и Дрогобычскаго уѣздовъ.

*) Начало описанія арестованія и путешествія см. Талергоф. Альм. I. вып., стр. 127-8.

Везли насъ двумя поѣздами, изъ которыхъ одинъ направился въ Вольфсбергъ, въ Каринтію. Тутъ мы простояли двое сутокъ въ какомъ-то старинномъ зданіи, по слухамъ, бывшемъ иезуитскомъ монастырѣ, а оттуда мы были отосланы въ Талергофъ.

Я ѣхалъ все время со своимъ сыномъ Николаемъ. Въ Талергофъ прѣехали мы вечеромъ 17 сентября. Намъ на встрѣчу вышелъ отрядъ солдатъ съ зажженными факелами. Мы выгрузились и, построившись въ два ряда, пустились въ извѣстный потомъ адъ. Нѣмецкому „rij“ не было конца, а „храброе австрійское воинство“ весь путь подгоняло насъ прикладами.

Въ Талергофѣ были мы размѣщены въ палаткахъ по 30 человекъ въ каждой.

По истеченіи мѣсяца прибыла въ Талергофъ свѣжая партія арестованныхъ изъ Старосамборскаго и Турчанскаго уѣздовъ, а среди нихъ моя жена, дочь Ярослава и второй сынъ, Левъ. Они были арестованы по доносу войта с. Веллѣнины, Андрея Бучковича, и писаря-украинофила Ивана Герича; остальные мои дѣти, одно 8-ми, другое 10-ти лѣтъ, были оставлены дома на произволь судьбы.

Всѣ мы переболѣли въ Талергофѣ, гдѣ младшій сынъ, Левъ, умеръ и тамъ же похороненъ.

С. Залуче, Снятинскаго уѣзда.

(Сообщеніе Залучанъ*)

Въ Талергофѣ жили мы не лучше и не хуже другихъ русскихъ галичанъ. Перенесли тотъ же голодъ и холодъ и тифъ, тѣ же солдаты и офицеры издѣвались надъ нами, и были мы свидѣтелями общаго горя и недоли нашихъ земляковъ.

Уѣзжая изъ Талергофа, мы оставили изъ нашихъ односельчанъ подъ талергофскими „соснами“: Костика Соло-

*) Объ арестованіяхъ и пр. см. Талергоф. Альм. I. вып., стр. 138-40.

вана, его сына Ивана, Юрія Вирстюка, Никиту Нагорняка, Прокофія Ерійчука, Николая Болетинюка, М. Гуньку, Григорія и Николая Кобевокъ.

Всѣ умерли отъ тифа.

Двумя словами слѣдовало бы вспомнить и о нашихъ предателяхъ, которые дали первый толчокъ къ арестамъ залучанъ. Жандармъ Пушкарь понесъ жестокую смерть изъ рукъ петлюровцевъ, а Димитрій Гоянь кончилъ на висѣлицѣ.

С. Курыповъ, Станиславовскаго уѣз.

(Сообщеніе свящ. Луки Корвацкаго*)

Мы прибыли въ Вѣну въ товарныхъ вагонахъ, а затѣмъ были отправлены въ пассажирскомъ поѣздѣ на станцію Herzogenburg, возлѣ St. Pölten. Послѣ сортировки молодые были помѣщены въ Walpersdorf, а старики и женщины въ Willensthal.

Двадцать пять дней ждали мы дальнѣйшей отправки, а въ Талергофѣ очутились мы 2-го октября.

Тяжело приходилось мнѣ въ Талергофѣ съ четырьмя дѣтьми, въ лѣтней одеждѣ, безъ гроша въ карманѣ.

Трудно было дожидаться разслѣдованія дѣла и суда, ибо въ первую очередь пропускались украинофилы, по ошибкѣ заподозрѣнные въ русскости, а также тѣ, кто страха ради отеклись отъ своихъ убѣжденій и вписались на мазепинскую листу. Меня съ дѣтьми заподозрили въ шпіонствѣ, доказательствомъ сего должны были быть частыя посѣщенія дѣтьми Галича.

Послѣ разслѣдованія дѣла и доказанной невинности мнѣ предложена была конфинація, отъ которой я по скудности матеріальныхъ средствъ отказался и только послѣ взятія на военную службу старшихъ сыновей Александра и

*) Начало сообщенія см. Талергоф. Альм. I. вып., стр. 147-8.

Ярослава, я выѣхалъ съ младшимъ сыномъ и дочерью въ St. Peter am Ottarbach, гдѣ, къ моему счастью, встрѣтился съ зятемъ, Эммануиломъ Подлѣсецкимъ, настоятелемъ прихода изъ Утѣховичъ, возлѣ Перемышлянъ.

Тамъ прожилъ я съ дѣтьми, въ семьѣ зятя до осени 1917 года, а по полученіи разрѣшенія, вернулся въ Галичину.

Л. К.

С. Лядское Шлях., Толмачскаго уѣз.

(Сообщеніе свящ. о. Іосифа Кустыновича*)

Въ Талергофѣ прибылъ я изъ Терезина 7-го мая 1915 года.

Тутъ жизнь моя перемѣнилась къ лучшему, по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, что я очутился среди своихъ людей, подъ опекой сына и друзей. Но увы! Здоровье моего сына Юліана, подорванное непосильными лишениями, свело его въ могилу октября 13-го дня 1915 г. Похороненъ мой сынъ „подъ соснами“, въ могилѣ №-1421. Тяжелой была наша разлука.

Въ Талергофѣ узналъ я впервые о принудительномъ введеніи Грегорианскаго календаря въ Станиславовской епархіи.

Вспомню еще о другомъ сынѣ, Амвросіи Іос. Кустыновичѣ, нынѣ желѣзнодорожномъ контролерѣ въ Kíralyháza, въ Чехословакіи. Въ 1915 году былъ онъ арестованъ и посаженъ въ Teufelsturm во Вѣнѣ, какъ заподозрѣнный въ шпіонствѣ. Послѣ оправданія, былъ онъ отправленъ на русскій фронтъ и тамъ вскорѣ тяжело раненъ. Затѣмъ, послѣ излеченія, побывалъ на италянскомъ фронтѣ, откуда благополучно вернулся домой.

*) Начало см. Талергоф. Альм. I. вып., стр. 152.

С. Комарники, Турчанскаго уѣзда.

(Сообщеніи Теодора Комарницкаго-Павликовича*).

Путешествіе изъ Ужгорода (Унгвара) въ Талергофъ продолжалось цѣлую недѣлю.

Въ первый день получили мы на обѣдъ по одному яичку, на второй день по два яичка, а пять сутокъ ѣхали безъ пищи и воды. Въ вагонахъ ѣхали стоя, въ убійственномъ воздухѣ и смертельномъ изнеможеніи.

Въ Талергофъ прибыли мы ночью. Когда высѣли изъ вагоновъ, окружили насъ солдаты съ фонариками и, построивъ въ четверки, погнали въ талергофскіе бараки.

Какой-то интернированный старикъ послѣ двухъ шаговъ упалъ замертво на дорогѣ. Прискочившій солдатъ толкнулъ его ногою, приказывая встать и идти съ другими, но разглядѣвъ бездыханный, холодѣющій трупъ, выкрикивая проклятія, отступилъ отъ поксѣйника.

Утромъ получили мы котелки, кофе и хлѣбъ, въ полдень обѣдъ, а вечеромъ кофе безъ хлѣба. Такъ жилось два съ половиной мѣсяца.

Днемъ и ночью лежали мы въ страшной грязи на стертой соломѣ. Въ баракахъ, въ которыхъ мы размѣстились, хранились раньше аэропланы.

Въ новыхъ баракахъ, куда мы были переведены уже зимой, было хуже. Вѣтеръ и дождь проникали сквозь щели въ помѣщеніе, замораживая узниковъ, одѣтыхъ по большей части въ лѣтнюю одежду. Въ баракахъ развелось такое множество насѣкомыхъ, что лагерь былъ похожъ на большой муравейникъ. Одного большого нашли однажды подъ утробой мертвого. Его обѣли вши сплошной массой, даже ротъ былъ полонъ насѣкомыхъ.

Массовыя заболѣванія тифомъ уно-

* Начало сообщенія, именно съ арестованія и путешествія въ Унгварь см. Талергоф. Альм. I. выпл., стр. 154-5.

Талергофенъ, о. Василій Стрѣльцевъ, настоятель прихода въ с. Вербовцѣ, у. Тересовля, род. въ 1877 г., рукопол. въ 1904 г.

сили ежедневно по нѣсколько десятковъ жертвъ, которыя отвозились интернированными на кладбище „подъ соснами“.

Начиная съ марта мѣсяца, ухудшилась пища, за то санитарныя условія перемѣнились къ лучшему. Были получены бѣлье и верхняя одежда. Одежда отдавалась еженедѣльно къ дезинфекціи и мы сами купались въ банѣ. Каждую недѣлю замѣтно уменьшалось количество паразитовъ, а тѣмъ самымъ и узники чувствовали себя лучше. Подъ конецъ выдавался хлѣбъ съ отрубями. Такъ прожили мы въ нуждѣ до конца августа.

Въ августѣ былъ я отправленъ въ Гминдъ. Изъ Гминда однихъ пускали на свободу, другихъ высылали обратно въ Талергофъ.

Я прожилъ въ Гминдѣ еще три съ половиной мѣсяца, а затѣмъ благополучно вернулся домой

О. К

Подлинникъ и форма распоряженія.

Снимки документа, помѣщенного на стр. 134—137 сего выпуска.

Означенное распоряженіе военно-охраннаго вѣдомства написано принятымъ тогдашнимъ (1914 года) австрійскимъ канцелярскимъ машиннымъ письмомъ на обыкновенной, вдвое сложенной бѣлой писчей бумагѣ, въ размѣрѣ 34×21 см., т. е. на 1 1/2 лл. Текстъ написанъ на 1—5 (пагин.) страницахъ, послѣдняя (6-ая) пуста.

Повидимому, это одинъ изъ экземпляровъ, тогда строго секретно разосланныхъ имп. и кор. военно-охраннымъ вѣдомствомъ всѣмъ подлежащимъ и въ концѣ текста означеннымъ властямъ.

Въ значительно уменьшенномъ видѣ тутъ помѣщено клише съ 3 частями документа, именно: противъ I. начало его (1-ая стр.), закон. сл.... „Russophile“; противъ II. съ 3-ей стр. 5. пунктъ инструкціи комиссіи и законч. сл.... nicht in diesen Listen ange-;— и противъ III. конецъ текста со словъ: zugleich werden... до конца.

I. *aus dem k. k. Statthalteramt...* *Veranschlagt...*
 E. U. A. 8896

An
 die k. k. Statthalterei
 in
 Wien, am 9. November 1914. *G r a z*

Aus verschiedenen Klagen und Beschwerden, namentlich aus Eingaben des Präsidiums des Ruthenenklubs ist zu schließen, daß sich unter den aus Anlaß der militärischen Operationen in Galizien und in der Bukowina wegen politischer Bedenklichkeit in Gewahrsam genommen und nach dem Hinterlande zur Internierung gebrachten Personen („Russophilen“) — da bei der Dringlichkeit der Maßnahmen weitgehende Erhebungen gewöhnlich nicht durchführbar wären — auch solche befinden, die nur infolge Mißverständnisse oder falscher Denunziationen mitbetroffen wurden.

Um nun die letztgenannten Personen aus den Internierungsorten auszuschleusen, ist die sofortige Einleitung einer entsprechenden Aktion notwendig.

Dermalen befinden sich — soweit h. o. bekannt — internierte „Russophile“

II. 5.) eventuelle weitere Erhebungen, namentlich dann, wenn es sich um Personen handelt, die nicht ausgesprochene Anhänger der ukrainischen Partei sind, daher in den vorerwähnten Listen nicht vorkommen. Wenn die sub 2, 3 und 4 erwähnten Voraussetzungen nicht zutreffen, und wenn sonst keine begründete Zweifel vorliegen, so wird der Nachweis der Nichtzugehörigkeit zur russophilen Partei dann als erbracht anzusehen sein, wenn der betreffende Internierte in den erwähnten Listen des Präsidiums der ukrainischen Partei angeführt ist.

III. Aber auch bezüglich der übrigen nicht in diesen Listen ange-

Zugleich werden der k. k. Statthalterei die vom Präsidium des Ruthenenklubs h. o. vorgelegten Listen der internierten ukrainischen Parteigänger, für deren politische Verlässlichkeit das genannte Präsidium die vollste Garantie übernimmt, zur weiteren Veranlassung übermittelt.

Ergeht an die k. k. Statthalterei in Graz, abgeschrieben zur Kenntnissnahme an die Statthalterei in Wien, Linnz und Biala, an die Landesregierung in Dorne Watra, an die Bezirkshauptmannschaften in Leitmeritz, Kupstewin und Schwarz, an das k. k. Gericht des Militärkommandos in Munkacs, an die k. k. Landwehrgerichte, Expositur Iglt, in Maribor-Szigeo und Bosztorozo, an die Militärkommandos in Graz, Leitmeritz, Munkacs, Pozsony 2 und Krnkou, an das k. k. Ministerium des Innern, an das k. k. Ministerium für Landesverteidigung, an das k. k. Ministerpräsidentium und an den kgl. ung. Minister des Innern.

S c h l e s e r m. p. Palt.

Präsidium der k. k. Statthalterei
 eingelangt am 10. November 1914, Pr. 2616/71

Одинъ изъ священниковъ, неволенныхъ въ Талергофскомъ лагерѣ къ непосильной физической работѣ.

(Душпастырь-просвѣтитель о. Теофилъ Соневицкій).

Свящ. о. Теофилъ Ив. Соневицкій, настоятель прихода въ Тудоровѣ, уѣздъ Копычинцы. (Снимокъ сдѣланъ въ 1915 году въ Вѣнѣ, послѣ освобожденія изъ Талергофа).

о. Теофилъ Ив. Соневицкій, с. Тудоровъ, у. Копычинцы.

Родился 10-го августа 1857 г. въ селѣ Пасѣчной, возлѣ Станиславова.

Происходя изъ извѣстной русской и патриотической священнической семьи Соневицкихъ, образованный и воспитанный въ русскомъ духѣ, долгое время до войны трудился успѣшно какъ просвѣтитель и воспитатель прежде всего и особенно своихъ прихожанъ въ епархіи Станиславовской епархіи.

Арестованъ былъ австр. жандармами на приходствѣ 21-го августа 1914 г., по доносу мѣстнаго „украинца“ Ивана Ганчарика, перевезенъ въ Станиславовъ и посаженъ тамъ подѣ арестъ въ гарнизонномъ арестномъ домѣ, въ которомъ просидѣлъ 10 дней.

Страшнѣйшими и опаснѣйшими особенно были переходы арестованныхъ партіями, подѣ конвоемъ, въ тюрьму и изъ тюрьмы на желѣзнодорожную станцію, ибо одичалая толпа бросалась на арестованныхъ, метала въ нихъ камнями и чѣмъ попало, все порываясь всѣхъ ихъ убить, а желѣзнодорожники, какъ послѣдніе уличники, крича, ругали ихъ всевозможными непечатными прозвищами и бранью.

Вмѣстѣ съ другими узниками былъ вывезенъ 1-го сентября 1914 г. въ Талергофъ. Первые 4 сутокъ пробылъ тамъ подѣ открытымъ небомъ, на голой землѣ, перенося днемъ жару, ночью холодъ, жажду и голодъ и сплошныя надругательства и насильства стражи. Потомъ былъ помѣщенъ въ пустомъ, т. е. лишенномъ какой бы то ни было домашней утвари, гангарѣ, въ которомъ находился до конца октября, сидя или лежа на истертой и протухлой соломѣ.

Затѣмъ о. Ѳ. Соневицкій очутился въ почти такомъ же пустомъ IV баракѣ и оставался въ немъ уже долго, заставленный исполнять ежедневно тяжелую и непосильную физическую работу: носить въ кухню мѣшки съ картошкой, вѣсомъ въ 50 килогр. и больше и др. съѣстные припасы, набирать изъ глубокаго колодезя и носить воду, возить въ тачкахъ камни и т. п. Лагерная стража обращалась съ нимъ грубо и немилосердно. Однажды солдатъ-нѣмецъ ударилъ его сильно прикладомъ

штыка и отъ этого удара старикъ-священникъ долго не могъ оправиться.

Только въ концѣ февраля 1915 г. былъ освобожденъ изъ Талергофа и 1 марта переѣхалъ въ Вѣну, гдѣ и жилъ дальше подѣ полицейскимъ надзоромъ.

Послѣ войны вернулся на свой при-

ходъ въ Тудоровъ, гдѣ душпастырствуетъ и нынѣ.

(Объ арестованіи его старшаго брата, также священника, настоятеля прихода въ Скоповѣкѣ, толмачскаго уѣзда, см. Талергофскій Альманахъ I. выпускъ, стр. 151).

Изъ дневника свящ. д-ра о. Тита Мышковскаго,

профессора львовск. университета, имѣ писаннаго со дня его арестованія.*)

Луги, 10. февраль (ст. ст.) 1915, вторникъ.

Въ полдень снова пріѣхалъ сводъ гусарь, въ видѣ патруля, и многіе изъ нихъ ночевали, грѣлись и нагрѣвали консервы въ нашей комнатѣ. То же поднятое настроеніе духа по причинѣ

удачъ австрійскихъ войскъ. Одинъ бодрый капралъ рассказывалъ, между прочимъ, какъ около Перегинска отличались храбростію особенно боснійцы, а также венгерскіе кроаты, что боснійцы

*) Военная разруха застала о. д-ра Мышковскаго въ горахъ долинскаго повѣта, въ деревнѣ Луги, гдѣ онъ пребывалъ на каникулахъ. Тамъ прожилъ онъ безъ особенныхъ потрясеній періоды съ начала австрійскаго, а затѣмъ и русскаго владѣній. Но когда австрійцы снова заняли эту мѣстность 8. (21.) февраля 1915 г., сейчасъ въ тотъ же день арестовали его, и наконецъ послѣ 20-дневнаго походнаго ареста конфинировали его, съ начала въ Ягрии (Eger, Erlau) на Угорщинѣ, а затѣмъ въ селѣ Файстену въ горахъ Сальцбурга. По рекламациі львовскаго университета вѣнское центральное вѣдомство по военному порядку (Kriegsüberwachungsamt) въ мартѣ 1916 г. отменило его конфинацію и разрѣшило ему возвратиться во Львовъ, къ большому недоумѣнію и смущенію т. ав. украинцевъ.

Тогда для полученія разрѣшенія возвратиться въ Галичину нужно было прежде всего получить отъ министерства внутреннихъ дѣлъ свидѣтельство о благонадежности (Loyalitätszeugniss), а таковое жителямъ русокой народности министерство давало только съ согласія и по порученію „Украинской Народной Рады“, шатавшейся тогда въ Вѣнѣ. Но въ семь случаевъ центральныя власти какъ-то о.

д-ру Мышковскому дали разрѣшеніе на возвращеніе въ Галичину не только безъ согласія, но даже безъ вѣдома „украинцевъ“. Не мало они были озадачены, увидѣвъ его въ Свѣтлое Воскресеніе въ церкви св. Варвары въ Вѣнѣ, гдѣ онъ провѣдомъ задержался на Паску. Сейчасъ послали на него въ гостиницу полицейскую ревизію, чтобы провѣрить, есть-ли у него въ порядкѣ его личныя грамоты, по предписаніямъ военнаго положенія, а затѣмъ предполагалось недопустить его во Львовъ къ занятію своей должности въ университетѣ. Дѣйствіе готовили устроить „снизу“. Слушатели-студенты богословія должны были „не принять“ его въ университетѣ. Только рѣшительное заявленіе директора полиціи, Райнлендера, что на военномъ положеніи безусловно недопустимы никакія публичныя буйства, и что всякая демонстрація, устроенная въ университетѣ студентами-богословами, сейчасъ повлекла бы за собою лишеніе демонстрантовъ льготъ духовнаго положенія (Klerikaiverband), и что они безотлагательно были бы привлечены къ военной службѣ и отправлены на фронтъ, — удержало зазнавшихся. Проф. д-ръ Мышковскій не встрѣтилъ въ университетѣ никакихъ препятствій

отлично храбрый и бойкий народъ, но притомъ и заѣлый: когда однажды были взяты въ полонъ около 300 человекъ русскихъ, боснійцы хотѣли всѣхъ переколоть, и перекололи бы, если бы имъ не было запрещено.

Другой разъ вели плѣнныхъ, около 20 человекъ, и встрѣтились съ боснійцами. Боснійцы, чѣмъ кто могъ, ударили плѣнныхъ и каждому изъ нихъ досталось порядочно. Когда босниецъ идетъ на штыки, а если проколетъ неприятеля, то сейчасъ забло и распоретъ его штыкомъ, помянувъ извѣстною славянскою грубо неприличною фразою его „русскую майку“ (мать). Какъ жутко было слышать такую вещь! О, дѣти Славы, дѣти Славы, — думалъ я, — подлые Sklavы, что будетъ о васъ говорить исторія, особенно славянская!

Тотъ же капраль рассказывалъ, что осенью ихъ полкъ былъ въ окрестности Турки, что тамъ по сторонѣ нашихъ людей оказалось много измѣны, отъ которой много страдала австрійскія войска, вслѣдствіе чего пришлось весьма многихъ (riesig viele) перевѣшать. Въ особенности рассказавъ о какомъ-то мельникѣ, который вечеромъ зажегъ лампу въ верхней части своего дома и тѣмъ же далъ знакъ неприятелю, который сейчасъ и началъ пальбу въ ту сторону. Мельникъ — говорилъ онъ — съ приторнымъ страхомъ прибѣжалъ къ нашимъ войскамъ, крича, что стрѣляетъ неприятель на его мельницу; но наши повнались на его предательской затѣѣ, и уже на слѣдующій день утромъ онъ былъ повѣшенъ.

Много досадовалъ онъ (капраль) на италианцевъ (тогда еще не было войны съ Италіей). Утверждалъ, что какъ только окончится эта война, австрійцы тотчасъ справятся съ Италіей.

Мармарошъ-Сигетъ, 21. февраля (6 марта) 1915, суббота.

Въ арестѣ пограничной стражи.

Намъ сказали, что обратились въ министерство съ запросомъ, куда насъ отправить, и мы должны ждать до получения отвѣта.

Около полудня пришелъ къ нашему фельдвелю тотъ детективъ, который днемъ раньше осматривалъ мой молитвословъ, а оттуда зашелъ ко мнѣ. Рассказывалъ мнѣ, какъ много у насъ оказалось измѣнниковъ, священниковъ, адвокатовъ, судейскихъ чиновниковъ, что многихъ пришлось казнить, что въ одной деревнѣ недалеко (названія не помню) повѣсили священника, начальника громады и писаря его *) (сколько я понималъ, откуда-то изъ Галичины), что черезъ Мармарошъ-Сигетъ вели одного священника, скованнаго вмѣстѣ съ палачомъ.

Въ Керешъ-Мезе — говорилъ — повѣсили мы пятерыхъ. Рассказывалъ, что одинъ Геровскій теперь состоитъ управителемъ Галичины, а другой состоитъ полномочникомъ при генералѣ. На его вопросъ, какъ вели себя казаки въ Галичинѣ, я отвѣтилъ, что такъ, какъ вездѣ, что были они и въ Мармарошъ-Сигетѣ, и навѣрно онъ ихъ видѣлъ. На это онъ сказалъ, что тогда его не было въ Мармарошъ-Сигетѣ, ибо русскіе наложили на его голову 20.000 кор. такъ какъ это онъ далъ починъ къ процессу Геровскихъ. Пришло мнѣ на умъ, не Дулишковичъ ли это (извѣстный изъ процесса Бендасюка и тов. во Львовѣ), однако его интеллигенція не показывала этого, ни его наружность. Дулишковичъ былъ красивъ и щеголь, какъ я слышалъ отъ видѣвшихъ его во Львовѣ.

Свящ. д-ръ Т. Мышковскій

Примѣчанія:

Къ стр. 57 I. тома Талергоф. Альманаха.

Между дѣлами жолковскаго уѣзда читаемъ тамъ, что въ с. Липовицъ жандармъ застрѣлилъ крестьянина. Это случилось въ 1914 г. въ с. Липовицъ долины.

*) Пок. о. Корнилій Гумецкій, парохъ Спаса, Долинскаго повѣта, читавшій дневникъ о. д-ра Мышковскаго, приписалъ тутъ на полѣ листа: Я видѣлъ фотографію этихъ трехъ лицъ въ Пильзанѣ, у респіциента финансовъ.

скаго уѣзда, а не жолковскаго. Убитый крестьянинъ назывался Степанъ Сенева, жандармъ называется Григорій Лаецкъ и живетъ какъ пенсіонистъ въ Долинѣ.

Къ стр. 141 II. тома Талергоф. Альманаха.

Внизу вмѣсто с. Петрова Воля должно быть: с. Петруша Воля. о. Т. М.

Изъ записокъ о. Александра Гелитовича, настоятеля прихода г. Косова*)

Предлежащей запискѣ о Талергофѣ не лишнимъ будетъ, быть можетъ, предпослать краткую замѣтку о моихъ переживаніяхъ и положеніи до арестованія меня въ началѣ войны въ 1914 г.

Въ 1894 г. сталъ я настоятелемъ прихода въ г. Косовѣ (на Покутьѣ), гдѣ и засталъ еще въ 80-ые годы радикалами посябанный и сильныя корни уже впустившій бурьянъ безбожія, особенно въ средѣ мѣщанства.

Пришлось съ этимъ зломъ энергично бороться и, конечно, подвергаться злостнымъ и оскорбительнымъ нападкамъ со стороны агитаторовъ-радикаловъ. На почвѣ этой борьбы въ мѣщанствѣ возникли два враждебныхъ другъ другу стана: одинъ продолжавшій стоять за церковь, Русь, завѣты предковъ и историческія традиціи, другой — за безбожіе, „украину безъ хлѣпа, попа и пана“, безсовѣстную демагогію и игру на низменныхъ инстинктахъ. Первый сосредоточивался съ 900-хъ гг. въ основанныхъ мною и адвокатомъ бл. п. д-ромъ Романомъ Юліанъ Алексевичемъ русскихъ организаціяхъ: читальнѣ О-ва им. М. Качковскаго и кредитномъ О-вѣ, другой — въ мѣстномъ „Народномъ Домѣ“ и „Бесидѣ“.

Корыстолюбивые и слабохарактерные мѣщане поддались радикально-самостійнической агитаціи и желали выжить изъ города и священника и адвоката. Замѣчательно при этомъ и то, что, несмотря на свое серьезное обезпеченіе наступательнымъ разлагательнымъ радикальнымъ движеніемъ, австрійскія административныя власти все же предпочли стать на его сторону противъ русскаго, лойяльнаго и мирно-консерва-

тивнаго, столь силенъ былъ животный испугъ передъ Русью въ предсмертной части у обреченной уже тогда на гибель Австро-Венгрии. Видно это было, между прочимъ, и изъ позиціи, занятой жандармскимъ комендантомъ В. Тк., съ момента занятія имъ своего поста въ Косовѣ за 2—3 года до войны. Этотъ дѣйствительно неожиданный новый партисанъ „украинскаго“ радикализма, въ своей фанатической ненависти къ русскимъ и въ борьбѣ съ ними, нисколько не стѣснялся ни своимъ жандармскимъ мундиромъ, ни требованіями такта или простого приличія. Приблизительно за годъ до войны, по всѣмъ воскресеньямъ и праздникамъ, онъ, вмѣстѣ съ семейю, ходилъ въ русскую церковь, по тогдашнему нахальному обычаю входилъ въ алтарь, садился тамъ на стулъ и не спускалъ глазъ съ совершающаго богослуженіе священника, неморгающимъ василискомъ слѣдилъ за каждымъ его движеніемъ, словомъ, шагомъ и жестомъ, а когда священникъ, стоя въ царскихъ вратахъ, произносилъ проповѣдь, онъ, жандармъ, поднимался со стула, ставалъ тутъ-же за царскими вратами, возлѣ священника, чтобы не пропустить незамѣченными ни одного сказаннаго въ ней словечка, чтобы все слышать, удерживать въ памяти и донести начальству!

*) Свящ. о. Александръ Гелитовичъ (см. портретъ на стр. 71 сего выпуска), заслуженный галицко-русскій народный дѣятель, дѣятельный членъ многихъ галицко-рус. О-въ и организацій и ревностный организаторъ Коломыйщины и Косовщины, родился въ 1852 г., рукоположенъ въ іерей въ 1876 г.

Когда же въ июль 1914 г. была объявлена мобилизация и пошли одновременно массовыя арестованія русскихъ, этотъ жандармскій комендантъ хвастливо увѣрялъ своихъ единомышленниковъ-радикаловъ: „Ажъ теперь попа побудетесь. Долго я слушалъ его наставленія, иногда и полчаса длившіяся, а теперь я ему скажу всего только три слова: православіе, царствіе и москалефильство, и — будетъ по немъ“.

И когда затѣмъ въ августѣ почти всѣ въ косовскомъ уѣздѣ русскіе были арестованы, въ ихъ числѣ и сыновья и зятья священника, этотъ комендантъ обратился къ старостѣ уѣзда съ просьбой о разрѣшеніи арестовать и священника. Но староста г. Вичковскій, знавшій ближе священника, не нашелъ возможнымъ и не видѣлъ никакой причины для арестованія и разрѣшенія на него не далъ. Въ концѣ августа, однако, комендантъ выступилъ со своимъ наглѣмъ домогательствомъ снова и закончилъ такой угрозой: *Jeśli pan starosta nie każe księdza aresztować, to ja go aresztuję na swoją odpowiedzialność, a pana starostę przedstawię przed komendą jako obrońcę moskalofilia*. (Если вы, г. староста, не прикажете священника арестовать, то я арестую его на мою отвѣтственность, а васъ представлю командѣ, какъ защитника москвофила). Староста сдался, согласился и — я былъ арестованъ.

Но староста не скрывалъ того, что никакой вины за мной нѣтъ, что арестованъ я безпричинно, и что въ этомъ противозаконномъ актѣ онъ уступилъ подъ давлениемъ и угрозой коменданта. Вышедши изъ канцеляріи староства и встрѣтивъ меня, староста пригласилъ меня къ себѣ и сказалъ:

— *Niech ksiądz będzie gotów, bo będzie aresztowany, na naleganie komendanta żandarmerji, który mi powiedział... (какъ выше) i zagrożił... a podziękować za to ma ksiądz swoim ludziom, ukraińskim radykałom, którzy przez tego komendanta nieustannie się tego domagali* (Приготовьтесь, батюшка, ибо будете арестованы по настоянію жандармскаго коменданта, который сказалъ мнѣ... и при-

грозилъ... а поблагодарите за это, батюшка, таки своихъ людей (прихожанъ), украинскихъ радикаловъ, которые чрезъ этого коменданта безостановочно этого добивались).

Арестованъ былъ я 1-го сентября, раннимъ утромъ. По распоряженію старосты извощикъ заѣхалъ передъ мой домъ въ 4 ч. утра. Одинъ старшій, коректный жандармъ разбудилъ меня, велѣлъ мнѣ одѣться и сейчасъ же садиться съ нимъ на извощика, чтобы выѣхать изъ Косова, пока еще люди спятъ, и такимъ образомъ не дать одичалой черни случая и возможности проявить свои хулиганскія выходки. Я былъ доставленъ въ тюрьму въ Коломыжѣ, гдѣ засталъ уже арестованными очень много русскихкихъ людей изъ всего округа. Нѣсколько дней спустя мы были вывезены въ Угорщину, въ Шатмаръ-Немети, позже въ Мискольчъ, въ военную тюрьму, а въ первые дни ноября въ Талергофъ.

Въ талергофскомъ лагерѣ особенно зимой съ 1914 на 1916 г., наша жизнь была до послѣдней крайности невыносима и опасна.

Однажды вечеромъ шелъ я спокойно по срединѣ дороги между нашими бараками. Расхаживавшій тамъ, до зубовъ вооруженный постовой солдатъ вдругъ крикнулъ: стой! — и въ тотъ же моментъ съ протянутымъ штыкомъ бросился на меня, намѣриваясь проколоть меня. Я инстинктивно отскочилъ въ сторону и только благодаря этому прыжку спасъ себя отъ изувѣченія или отъ смерти — солдатъ штыкомъ не досталъ меня.

Случай этотъ наглядно показавшій, какъ ни во что ставится лагерной стражей человѣческая жизнь узниковъ, особенно глубоко и на всю жизнь врѣзался мнѣ въ память.

Не менѣе разительнымъ и незабвеннымъ воспоминаніемъ на всегда въ моей жизни осталось жестокое наказаніе въ Талергофѣ нашихъ студентовъ (ок. 50 чел.) за то, что при рекрутскомъ наборѣ, лѣтомъ 1915 г., на вопросъ комиссіи, какой они національности, отвѣтили правдиво, что русской — Russe

или russische Nationalität. По наущенію офицера-мазепинца Чировскаго, лагерныя власти наказали всѣхъ этихъ студентовъ истязаніемъ т. наз. *apbinden*, т. е. подвѣшиваніемъ на столбу до обморочнаго состоянія. Въ числѣ такъ тамъ наказанныхъ былъ и мой сынъ Ярославъ, тогда уже адвокатскій конципентъ. Не могу передать, что я пережилъ тогда... Послѣ отбытія этого наказанія онъ вмѣстѣ съ другими галицко-русскими студентами былъ включенъ въ такъ зов. *Strafkompagnie* (караемую компанію) и отправленъ на италянскій фронтъ. Раненый тамъ во время боя шрапнелью, онъ скончался отъ ранъ въ военномъ госпиталѣ 10-го марта 1916 г.

Посбывшись изъ лагеря нашихъ студентовъ, тотъ же Чировскій принялся освобождать старшевозрастныхъ узниковъ — за взятки. Говорилъ имъ, что отъ него зависятъ освобожденіе изъ Талергофа и переведеніе ихъ на положеніе конфинированныхъ, но каждый желающій добиться этого, долженъ дать ему, Чировскому, не меньше 50—100 кронъ и выше. Потребовалъ высшей платы и отъ меня, но, когда я ему ска-

залъ, что у меня больше нѣтъ, потороговавшись немного, удовлетворился и суммой 50 кронъ. Я ему ее уплатилъ и въ результатѣ перешелъ на положеніе конфинированнаго и въ качествѣ такового поселился въ м. Пассайль за Грацемъ (въ Сірії).

Тамъ пребывалъ я круглый годъ и затѣмъ вернулся въ Косовъ, на свой приходъ.

Въ Косовѣ за время войны многое измѣнилось. Также измѣнилось, и къ лучшему, отношеніе прихожанъ ко мнѣ. Многие изъ нихъ, бывшихъ солдатъ австрійской арміи, попали въ плѣнъ въ Россію, пожили въ ней и поѣздили продолжительное время, ознакомились ближе съ жизнью, бытомъ, обычаями русскаго народа, въ результатѣ этого ознакомленія измѣнили свои прежніе руссофдныя взгляды и убѣжденія и вернулись на родину другими, болѣе культурными людьми. Немало нашлось между ними и такихъ, которые не только навсегда разстались съ „украинскимъ“ радикализмомъ, но и стали убѣжденными, искренними русскими патриотами.

Свѣц. Александръ Гелитовичъ.

Сообщеніе чуть ли не похороненнаго ЖИВЫМЪ.

Талергофецъ, крестьянинъ Иванъ Михайловичъ Боднаръ изъ с. Ольшаницы, Толмачскаго у., изъ своихъ воспоминаній о Талергофѣ *) сообщаетъ слѣдующее:

Недостатокъ пропитанія и невозможныя санитарныя условія были причиной почти поголовнаго заболѣванія тифомъ интернированныхъ талергофцевъ.

Австрійскія власти злонамѣренно предоставили насъ въ Талергофѣ самимъ себѣ, позаботившись единственно объ

огражденіи сильной охраной внѣшнихъ заграждений Талергофскаго лагеря. Десятки ежедневныхъ смертныхъ случаевъ были обычнымъ явленіемъ въ лагерѣ.

И я заболѣлъ тифомъ. Теченія своей болѣзни я не помню, а изъ разсказовъ знакомыхъ я узналъ, что я былъ уже положенъ могильщиками въ гробъ для отправки на кладбище, и только слѣпой случай спасъ меня отъ погребенія за живо. Могильщикамъ хотѣлось воспользоваться моею жилеткой. Снимая съ меня такую, одинъ изъ могильщиковъ сильно рванулъ жилеткою и отъ толчка я пробудился отъ омертвенія и открылъ одинъ глазъ. Счастье хотѣло, что возлѣ

*) Его сообщеніе объ арестованіи его и др. изъ Толмаччины см. „Талергофскій Альманахъ“, II. вып., стр. 30.

гроба стояли мои знакомые; увидѣвъ, что я еще живъ, знакомые подняли крикъ, а сконфуженные могильщики не замедлили отнести меня въ жилеткѣ обратно

въ лагерь, воспользовавшись только нѣсколькими сотнями коронъ, припрятанными въ карманѣ жилетки.

Крестъ. Иванъ Мих. Боднаръ.

Краткая записка б. приговореннаго къ смертной казни.

Въ виду того, что полученныхъ отъ Луки Константиновича Старица*) подробныхъ записокъ использовать уже для этого выпуска не удалось, приходится его ограничить пока мѣстѣ помѣщеніемъ его слѣдующей краткой записки:

Вспоминая незабываемый Талергофъ, не стану описывать ни тѣхъ лишений, которыя пришлось претерпѣть въ продолженіи долгихъ дней моего заключенія, ни надругательствъ уличной толпы и власть имущихъ надъ беззащитными. Вкратцѣ только упомяну имена тѣхъ товарищей недоли, съ которыми вмѣстѣ страдалъ. Я ободрялъ себя тѣмъ, что наше несчастье будетъ искуплено радостью оставшихся дома родныхъ, радостью освобожденія русскаго Прикарпатя уже наступавшей арміею Державной Руси.

Въ послѣднихъ дняхъ августа отправлены были мы изъ Львовской тюрьмы въ Талергофъ, но уже черезъ десять дней перевели меня съ партіей въ 200 человѣкъ въ военную тюрьму въ Градцъ. Послѣ 6-ти мѣсячнаго заключенія отставили меня въ Вѣну, гдѣ уже сидѣли г.г. Марковъ, Буликъ, Черлончакевичъ, Куриловичъ, свящ. Винницкій. Поименованныя лица сидѣли въ такъ зв. дьявольской башнѣ, гдѣ и я былъ помѣ-

*) Объ арестованіи его и др. изъ Знесенья возлѣ Львова см. Талергофскій Альманахъ, вып. I., стр. 85—86.

щенъ, какъ разбойникъ, въ темной и холодной камерѣ. Здѣсь провель я другихъ пять мѣсяцевъ.

Въ первыхъ числахъ іюля 1915 г. перевели меня въ общую камеру, между воровъ и дезертировъ, гдѣ просидѣлъ круглый годъ, а послѣ, по настойчивой просьбѣ земляковъ, перешель съ разрѣшенія начальства, по полученіи обвинительнаго акта, въ общую камеру во второмъ этажѣ.

Здѣсь встрѣтился я съ д-ромъ Буликомъ, Цуркановичемъ, священниками Богатырцемъ, Мащаконъ, Станчакомъ, Раставецкимъ, Дуркотомъ, Гнатишакомъ, Сеникомъ, Винницкимъ и г. г. Мохнацкимъ, Трохановскимъ, Громосякомъ, Миляничемъ, Вислоцкимъ, Андрейкомъ, д-рами Гасаемъ, Сѣкаломъ, Цюкомъ, свящ. о. о. Прислопскимъ и Гадюкомъ.

Разбирательство наше началось 4. сентября 1916 г. и длилось до 3. февраля 1917 г., а закончилось моднымъ тогда приговоромъ къ смертной казни 17-ти человѣкъ.

Послѣдовавшая вскорѣ послѣ приговора амнистія освободила насъ отъ страшнаго, незаслуженнаго наказанія, и мы были отправлены на итальянскій фронтъ защищать австрійскихъ палачей.

Послѣ полуторалтняго пребывания на фронтѣ я вернулся счастливо къ своей семьѣ, въ Знесенью, возлѣ Львова.

Л. К. Старицкій.

Свидѣтельство одного изъ священниковъ, сравнительно рано освобожденныхъ.

(Сообщеніе о. Теодора Мерены изъ с. Рѣпника, Кроснянскаго уѣзда).

Мы пріѣхали въ Вѣну вечеромъ 26 сентября 1914 г. *)

Персональ питательнаго пункта Краснаго Креста на вокзалѣ встрѣтилъ насъ горячимъ чаемъ и кофе въ предположеніи, что нашъ эшелонъ прибылъ съ фронта. Но послѣ краткой замѣшки, узнавъ отъ вагоновожатыхъ и конвоя, кто мы такіе, отказалъ намъ затѣмъ даже въ холодной водѣ. Поѣздъ нашъ былъ оцѣпленъ войскомъ, занавѣси на окнахъ были спущены и намъ строжайше приказано не выглядывать изъ вагоновъ, такъ какъ: „Wer nur wagt hinaus zu schauen, wird auf der Stelle erschossen werden“ (кто только осмѣлится выглянуть, будетъ застрѣленъ на мѣстѣ).

Въ такомъ положеніи находились мы, безъ пищи и воды, въ теченіи 22 часовъ и только 27 сентября, въ 5 час. пополудни, нашъ поѣздъ двинулся дальше, а 28 сентября, въ 7 часовъ утра, мы очутились въ Талергофѣ.

По пути изъ Кросна, въ Галичинѣ, и до Талергофа, въ Штирїи, встрѣчавшее насъ населеніе было къ намъ враждебно настроено. Только въ Силезїи и Моравїи населеніе охотно продавало намъ съѣстные продукты. Крестьяне, какъ болѣе практичныя, сумѣли припрятать часть своихъ денегъ во время арестованія, потому и сейчасъ могли воспользоваться продаваемымъ продовольствиемъ, интеллигенція же, вполнѣ довѣряя тюремной администраціи, сдала всѣ свои наличныя таковой на храненіе и въ результатѣ осталась безъ гроша въ карманѣ и, конечно, потеряла возможность запастись пищей по пути слѣдованія.

*) Сообщеніе автора объ арестованіи его и др. въ кроснянскомъ уѣздѣ см. Талергоф. Альм. вып. I., стр. 37—38.

Въ Талергофѣ бѣли мы размѣщены по большимъ ангарамъ. Казенная пища, въ началѣ весьма непривлекательная и въ недостаточномъ количествѣ, пополнялась нами позже покупками на собственный счетъ. Именно деньги, отобранныя у насъ въ моментъ арестованія, были намъ тутъ возвращены.

На другой день послѣ пріѣзда въ Талергофъ скончался въ сосѣднемъ отдѣленіи за стѣной благопринный о. Куширъ. Онъ былъ первымъ, котораго хоронили въ деревянномъ гробѣ, сколоченномъ на скорую руку изъ тонкихъ досокъ.

На тяжелыя физическія работы наряжались въ первую очередь священники. Конвойные узнавали ихъ по бритымъ бородамъ, потому каждый изъ насъ для предохраненія отращивалъ усы и бороду.

Свѣжіе эшелоны прибывали въ Талергофъ почти ежедневно. Нашъ транспортъ нашелся уже въ болѣе благоприятныхъ условіяхъ. Къ моменту его прибытія была уже построена часть бараконъ; прибывавшіе раньше нашего были принуждены по нѣсколько сутокъ ночевать на дворѣ въ слякоти и холодѣ, не смѣя переступить обставленную штыками границу.

Изъ ангаровъ были мы переведены въ палатки, а послѣ дезинфекціи, въ новыя бараки. Тутъ было просторнѣе, поудобнѣе, хотя морозъ доходилъ порой до 28 градусонъ. Бараки были длинной въ 50, а шириной въ 12 шаговъ, а помѣщалось въ нихъ по двѣ съ половиной сотни жильцовъ. Во время переменъ температуры вода лилась изъ потолка на наши головы, въ результатѣ чего весь баракъ покрывался плѣсенью, а подстилочная солома совершенно прогнила. Были случаи, что во время морозовъ

волосы интернированных примерзали къ стѣнѣ. Подобныя происшествія случились съ г-жей Дьяковой и священникомъ Федьевымъ изъ Мшанца. Въ иѣломѣ Талергофѣ не было въ баракахъ для интернированныхъ ни одного стула, ни одной скамейки.

Интернированные были совершенно изолированы отъ внѣшняго міра. Г-жѣ Прислопской, нарочно приѣхавшей изъ Галичины, не было разрѣшено повидасться съ отцомъ, г-жѣ Шандровской не разрѣшено принять участіе въ похоронахъ мужа. Письма изъ лагеря не высылались, присылаемыя въ лагерь не доручались. Мое заказное письмо, сданное въ лагерномъ почтовомъ отдѣленіи, было мною обратно получено по истеченіи 7 недѣль съ примѣчаніемъ: wegen Kriegslage unbestellbar, zurück. (По обстоятельствамъ военного времени недоступно — обратно).

Въ Талергофѣ находились люди разныхъ сословій и возрастовъ. Были тамъ священники, пралаты, адвокаты, судьи, доктора, преподаватели, частные и государственные чиновники, учителя, крестьяне, мѣщане, псаломщики, писатели, студенты, актеры, военные судьи, военные священники — всѣ рускіе галичане, за исключеніемъ незначительнаго процента румынъ, цыганъ, евреевъ, поляковъ, мазепинцевъ и 3 блудницъ изъ Перемышля. Не было польскихъ ксендзовъ. Впрочемъ уже 10 декабря явился одинъ въ Талергофъ; это былъ російско-подданный графъ, ксендзъ Замойскій.

По возрасту Талергофская публика была также весьма разнообразна, начиная почти столѣтними стариками (пралатъ Дольницкій 94 л.) и кончая грудными младенцами.

Въ отхожіе мѣста интернированные сопровождались конвоемъ. Не было

тутъ различія между мужчинами и женщинами. Естественныя потребности управлялись по командѣ, а не успѣвавшихъ справляться прокалывали штычками. Такимъ образомъ были заклоты 2 человекъ, а 17 ранены, между ними одинъ адвокатъ. Интернированные украинифилы находились подъ опекой адвоката Ганкевича, зятя извѣстнаго доврѣннаго австрійскаго правительства, Костя Левицкаго. И дѣйствительно скоро они были освобождены и оставили лагерь.

Не предвидя конца страданій, нѣсколько человекъ изъ нашей среды рѣшили подать прошеніе папскому нунцію въ Вѣнѣ и имп. Францу Іосифу о нашемъ положеніи и объ ускореніи разсмотрѣнія дѣла талергофцевъ. Отъ папскаго нунція не послѣдовало никакихъ надеждъ относительно нашего освобожденія. Тамъ были заняты въ то время (пишу на основаніи тогдашнихъ слуховъ) пропажей важныхъ римскихъ документовъ по установленію въ г. Луцкѣ уніатскаго епископства.

Бумага посланная нами въ надворную канцелярію, возмѣла нѣкоторое дѣйствіе. Администрація прекратила издѣвательства, а полковникъ Стадлеръ вызывалъ даже къ себѣ на аудіенцію подписавшихъ бумагу.

На 12 декабря былъ назначенъ допросъ всѣхъ, кто былъ старше 60 лѣтъ, а 14 декабря я былъ признанъ невиновнымъ. Получивъ 17 декабря паспортъ съ отмѣткой „von Galizien und Bukowina fernzuhalten“ (держатъ подальше отъ Галичины и Буковины) я былъ окончательно освобожденъ и поселился на жительство въ Градецѣ, а домой вернулся въ маѣ мѣсяцѣ 1917 г.

Селц. Феодоръ Мерена.

Сел. ІВАН ТЕРНОПОЛЬСКІЙ.

Від Бродщини до Карпат.

(В дваццату річницю мук Галицкої Руси.)

Ген далеко — на край світа
Думками сягаю
В дваццатіі роковини
Мук рідного краю.
І своїми думоньками
Стрілою літаю
Над тобою мій ти любий,
Дорогий мій раю.

I.

Наче в вирій відлетіли,
Так крильцями злоротіли
Мої думи-ластівки.
Й через время дваццятьлітне
Пролетіли гей би вітер
Крізь осикові листки.

І пропали як дим в полю,
Як човен у чорнім морю,
В моїй любій вітчизні
І в грізних війни об'ятях,
В крові, в слезах і в ироклятах,
Страшних, як Антихрист в сні.

Думки вперед, я за ними
Пориваюсь й — мов дитина
На відпусті — одурів;
Бо ногою нігде стати,
Всюду трупів, кров, гранати —
Брат на брата озвірів.

Від Бродщини по Карпати
Гук армат і взрив гранатів
І свист куль і бряск штиків, —

Руска земля дροжит-стогне,
Сотні тисяч трупів горне —
Своїх синів й ворогів.

Колиж я глип, — а за фронтом
Женут товпу під екскуртов —
Стариків, дітей, жінок.
Женут, мов несамовитих,
Окровавлених, побитих —
В мені дух вмер і замовк.

Дивлюсь, а ім з очей сльози,
З побоїв кров по дорозі
Тече цюрком. Боже мій!
Що за люди? Що зробили,
Що так страшно їх побили,
За який злочин-розбій?

Ідуть діди, сини, внуки,
Шнури в'їлись всім у руки,
А матерям із дітьми
Руки мляють, ноги хлянуть,
Ледви лізуть, гей би п'яні,
Обливаючись слізми.

Священники і студенти,
Селяне, інтелігенти,
Женщина і мущина, —
Всі повязані, закуті,
З горя до землі пригнуті,
Мов підкошена трава.

В гущу товпи я поглянув —
Йдуть і наші пониквяне:
Сохор Степан, Батенчук
Максим й Прокіп Андрусишин
— Старесенький похилившись —
І Кирило Горпинюк.

Всі, як та мала дитина,
Хиба Богу духа винні,
Більш нікому ні на крок.
„Боже, буди покровитель“
Співав гречкосій-кормитель,
Тепер ведуть на шнурок.

II.

Проїшла товпа, аж курява
Дорогою стала.
А по боках жалом змія
Ескорта сичала.

Австріяцкі жандарми,
Запінені німці
Мадяри і яничари —
Брати-перекінці.

„Распи, распи! То шпіони!
Зрадники держави!
Они рублі, телефони
Московскі мали!“

„То зрадники-москвофіли.
Австрію продали.“
Й з звірским реготом на гилі
Вербів підтягали

Галицкого селянина,
Політика-шпіона,
Що й не знав, що то за рчі
Рублі, телефони.

Він знав тільки, що він Русин
Й за Русь-свою маму
Збитий, з ровью об'юшений
Для себе рив яму.

Хто щасливий був у долі,
Ставили до гліду —
Від сальв кінчив без мук болів
Годину послідну.

Закипіла й брнзула кров
З мужика-шпіона
На австрійску подлу фану,
Безчесну корону.

Свідком смерти лишилася
Могила і верба,
Душа-ж Русина безсмертна
Взлетіла до неба.

А багнети, кольби, шнури,
Муки, кров, і слези

В оден вічний слави вінец
На Русь святу сплелись.

III.

Від Бродщини по Карпати
Понад гук страшних гранатів,
Шрапнель йойкіт, пожар хат,
Скрежет зубів, зойк ранених,
„Ура“ борців закалених,
Понад рев в огню звірят

Чий то голос і плач чути?
Так печальний і так смутний,
А все пекло то глушит.
То Мати Русь свята плаче
По могилоньках дитячих,
В судорогах вся дрожит.

Поранена і без сили
Від могили до могили
Потік сліз гірких пливе.
Із розпуки ломит руки:
„За що мучили звірюки
Дитя мое дороге?“

В Талергофі під соснами
Крестом встала над синами
Плакала в день і в ночі.
І так жалібно ридала,
Що із могил повставали
Єї синів тисячі.

„Чого плачеш, рідна Мамо.
Тут над нами, над вмерцями,
В чужині, в краю проклять?
Іди Русе-Мать єдина,
Роди нові покоління
Від Бродщини до Карпат!“

Пониква, 10 липня 1934 р.